

ДЕТЕКТИВ И ПОЛИТИКА

Издание Московской штаб-квартиры
Международной ассоциации
детективного и политического романа

3

1990

3/1990

Издание
Московской штаб-квартиры
Международной
ассоциации
детективного и
политического романа

Главный редактор
Юлиан СЕМЕНОВ

Зам. главного редактора
Евгения СТОЯНОВСКАЯ

Редакционный совет:

Виктор АВОТИНЬ, поэт (СССР)
Чабуа АМИРЭДЖИБИ, писатель
(СССР)
Карл Арне БЛОМ, писатель (Швеция)
Мигель БОНАССО, писатель
(Аргентина)
Дональд ВЕСТЛЕЙК, писатель (США)
Владимир ВОЛКОВ, историк (СССР)
Лаура ГРИМАЛЬДИ, писатель
(Италия)
Павел ГУСЕВ, журналист (СССР)
Рышард КАПУСЦИНСКИЙ, писатель
(Польша)
Вальдо ЛЕЙВА, поэт, (Куба)
Роже МАРТЕН, писатель (Франция)
Ян МАРТЕНСОН, писатель, зам.
генерального секретаря ООН (Швеция)
Андреу МАТИН, писатель (Испания)
Александр МЕНЬ, протоиерей (СССР)
Иштван НЕМЕТ, публицист (Венгрия)
Раймонд ПАУЛС, композитор (СССР)
Иржи ПРОХАЗКА, писатель
(Чехословакия)
Роджер САЙМОН, писатель (США)
Роберт СТУРА, режиссер (СССР)
Олжас СУЛЕЙМЕНОВ, поэт (СССР)
Микаэл ТАРИВЕРДИЕВ, композитор
(СССР)
Володя ТЕЙТЕЛЬБОЙМ, писатель
(Чили)
Масака ТОГАВА, писатель (Япония)
Даниэль ЧАВАРРИЯ, писатель
(Уругвай)

ДЕТЕКТИВ И ПОЛИТИКА

Выпуск 3 (7) 1990

Издается с 1989 года

СОДЕРЖАНИЕ

СОСТАВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

- Д. и Э. Вестлейк**
Человек, приносящий
несчастье 3
- Ю. Семенов**
Тайна Кутузовского проспекта
(окончание) 42

ЭКСПЕРТИЗА

- Е. Додолев**
Оптимистический реквием 177
- Л. Жуховицкий**
Когда заложена взрывчатка... 202
- В. Костиков**
Загадка "курского соловья" 228

СВИДЕТЕЛЬСКИЕ ПОКАЗАНИЯ

- А. Горбовский**
Пророки и прозорливцы
в Отечестве своем 291
- Е. Светлова**
Стеклянная дорога в ад 338

ДЕТЕКТИВ И ПОЛИТИКА

ВЫПУСК 3

Редактор Морозов С.А.
Художники Бегак А.Д., Прохоров В.Г.
Художественный редактор Хисиминдинов А.И.
Корректоры Агафонова Л.П., Буча Т.П.
Технические редакторы Денисова А.С., Лагутина И.М.
Технолог Володина С.Г.
Наборщики Благова Т.В., Орешенкова Р.Е.

Сдано в набор 10.04.90 г. Подписано в печать 29.06.90 г.
Формат издания 84х108/32. Бумага офсетная 70 г/м².
Гарнитура универс. Офсетная печать.
Усл печ л 18 48 Уч.-изд. л. 25.06.
Тираж 25000.
Заказ 1639. Изд. № 8698. Цена 5 р. 90 к.

Издательство "Новости" (АПН)
107082, Москва, Б.Почтовая ул., 7

Типография Издательства "Новости" (АПН)
107005, Москва, ул. Ф.Энгельса, 46

Московская штаб-квартира МАДПР
103786, Москва, Зубовский б-р, 4

Типография издательства «Восточно-Сибирская прав-
да», 664009, Иркутск, Советская, 109.

**Детектив и политика. — Вып. 3. — М.:
Изд-во "Новости" (АПН), 1990 — 352 с.**

ISSN 0235—6686

47000000000
067 (02)—90 Без объявл.

© Московская штаб-квартира Международной ассоциации
детективного и политического романа
Издательство "Новости" (АПН), 1990

СОСТАВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Дональд и Эбби
Вестлейк

ЧЕЛОВЕК, ПРИНОСЯЩИЙ НЕСЧАСТЬЕ

В девяноста милях к северу от Нью-Йорка в горном отеле "Мохонк" устраиваются знаменитые на всю Америку уик-энды, на которые собираются любители детективов со всей страны и даже из-за рубежа для разгадки таинственных и запутанных преступлений. Проводить такие вечера начали с 1977 года, сценарии пишут известные авторы детективных и приключенческих романов, запись желающих попасть в отель "Мохонк" производится за год.

Подготовка к празднику длится тоже целый год. После того как написан сценарий, распределяются роли, снимается видеофильм, в котором появляются все действующие лица и показывается момент преступления. Когда в долгожданный мартовский четверг гости собираются в отеле, их делят на две соперничающие команды "следователей". Им показывают фильм, и кто-нибудь из приглашенных авторов комментирует происходящее на экране. Всю пятницу "следователи" выслушивают рассказы участников событий и задают им вопросы. Каждый подозреваемый излагает свою версию происшедшего. В субботу в отеле происходят события, которые служат дальнейшему развитию сюжета, иногда это может быть даже еще одно убийство. Наконец в воскресенье утром каждая из команд выдвигает свою версию, а затем один из ведущих рассказывает, как все было на самом деле.

Мы хотим познакомить читателя с запутанной историей, которая легла в основу игры сезона 1986 года. Итак, "Человек, приносящий несчастье".

Изложение событий

Европа, 1938 год!

По всему континенту нарастает чудовищное напряжение, грозя разразиться военной бурей. Страх и ненависть прорываются то тут, то там, и лишь немногим удастся продолжать прежнюю жизнь.

В самом центре Европы, в маленькой Швейцарии, все еще царит покой. И идет снег. Вокруг высокогорного отеля "Часы с кукушкой" намело высокие сугробы. Метели и снежные обвалы отрезали от внешнего мира тринадцать его обитателей. Естественно, никто из служащих отеля не может добраться сюда из городка Кезеберг, расположенного далеко внизу. Вот почему в отеле лишь два человека обслуживают одиннадцать гостей. Хозяин Хама Тартус вынужден сам готовить и накрывать на стол. У него лишь одна помощница — фрау Фрейя Фрейдж.

Сегодня вечером первым спустился к ужину молодой американский писатель, автор детективов Марти Холландс. Это дружелюбный, жизнерадостный человек, ему интересны люди, он жаждет новых впечатлений, для всякого у него найдется улыбка.

Второй появилась мисс Оливия Куэйл — бывшая гувернантка. Это приятная старушка, любящая поболтать на любую тему с первым попавшимся собеседником.

Следом за ней вошли герр профессор Рудольф Дидерих и его взрослая дочь Ингрид. Оба, отец и дочь, кажутся подавленными и расстроенными. Одеты они бедно, чувствуется, что их что-то угнетает.

Две дамы, прибывшие в отель порознь, входят вместе и садятся за один столик. Одна из них — английская журналистка Джослин Фрэнк — деловая, замкнутая женщина; вторая — французская актриса и певица Гелда Пурбуар, которая wpłyает в зал с весьма самоуверенным видом, она хороша собой, хотя выглядит уже слегка потрепанной.

Все они принялись за закуски, принесенные хлопотливым хозяином и его помощницей фрау Фрейдж. Кажется, все дышит покоем в отеле "Часы с кукушкой". Но тут появляется... Курт Краус.

Критик... внушающий ужас всей Европе. Курту Краусу достаточно шевельнуть бровью, чтобы запретить пьесу, погубить книгу, разрушить карьеру. Человек с аппетитом

Гаргантюа правит в мире театра, кино и литературы. Иногда он сам становится продюсером фильмов и спектаклей. Ему помогает и то, что он одним из первых вступил в нацистскую партию и является ее активным членом. Гурман, обжора и скряга, Курт Краус — воистину могущественный человек.

Хама Тартус усаживает Крауса за столик в углу возле входа. Со своего места Краус может видеть всех, и его видят все находящиеся в комнате.

Фрау Фрейя Фрейдж принесла Краусу первое блюдо, он холодно кивнул. Пока Краус устраивается и принимается за еду, в комнате появляется капитан местной полиции Вильгельм Трен. Этот злобный толстяк очень заинтересовался появлением еще более злобного и толстого Курта Крауса и хочет поговорить с ним о чем-то. Он даже присаживается на минутку к столу Крауса, пытаясь завязать с ним разговор. Но Краус вовсе не расположен болтать за ужином с капитаном Треном и, не скрывая этого, отмахивается от него, как от назойливой мухи. Явно обиженный, капитан Трен направляется к своему столу, за которым уже сидит Марти Холландс, они вежливо раскланиваются и представляются друг другу.

Следом появляется парочка жизнерадостных любителей спорта — Уэйн Рэдфорд и Бэзил Нонтон. Они не скрывают удивления при виде Курта Крауса, но тут же на их лицах появляется выражение сдержанной радости, и несколько мгновений они толкуются у его стола, произнося слова приветствия и пытаясь пожать ему руку. Но Краус, свирепо глядя на них поверх тарелок, брезгливыми жестами отгоняет их от стола. Фрау Фрейдж провожает спортсменов к их столику, они просят разрешения включить радио, поскольку во время еды привыкли слушать спортивные новости со всего света. Пока спортсмены, прильнув к своему приемнику, пытаются расслышать что-то сквозь помехи, порождаемые бушующим за окном снежным штормом, появляется последнее действующее лицо нашей драмы.

Это Леопольд Шмендрик — нервный и какой-то суетливый человек. При виде Курта Крауса он явно теряется, кажется, его что-то тревожит. Второпях он спотыкается о стол Крауса и расплескивает его пиво. Раздраженный Краус отмахивается от Шмендрика, как, впрочем, и от остальных. Пока капитан Трен с интересом наблюдает за этой сценой, Хама Тартус уводит раздосадованного Леопольда прочь, и усаживает его за один стол с добродушной мисс Куэйл, которая тут же принимается болтать с ним, но, несмотря на ее доброжелательность, Шмендрик остается таким же мрачным и расстроенным.

Теперь все наши действующие лица — тринадцать человек — собрались в гостиной отеля, отрезанного от мира ме-

телями и снежными обвалами. За окнами метет пурга, растут снежные сугробы, заваливая тропы, блокируя дороги. Похоже, разыгралась самая сильная снежная буря в истории Швейцарии.

Пока все постояльцы, а главное, Курт Краус продолжают ужин в теплом комфортабельном зале, полицейский капитан Вильгельм Трен встает из-за стола и направляется вслед за Тартусом на кухню, чтобы перемолвиться с ним с глазу на глаз. Что у капитана на уме?

Еще одному персонажу не сидится на месте, это мисс Оливия Куэйл. Извинившись перед Леопольдом Шмендриком, она поднимается и пересекает зал, направляясь к столу Курта Крауса. В руках у нее карта, которую она непременно хочет ему показать. Но Курт Краус не склонен прерывать процесс насыщения, между тем старушка настойчиво сует ее ему под нос, указывая на Шлезвиг-Гольштейн. Краус грубо отпихивает карту, и бедная мисс Куэйл вся в слезах отходит от его стола и усаживается на свое место. Леопольд Шмендрик пытается как может утешить ее.

В этот момент капитан Трен возвращается из кухни, видно, что он очень доволен собой. Хама Тартус подходит к Шмендрику и шепчет ему что-то на ухо, очевидно что-то очень неприятное, потому что бедняга Шмендрик теперь выглядит просто убитым.

Итак, в зале нарастает напряжение из-за непонятных еще взаимоотношений между собравшимися, а за окнами тем временем по-прежнему бушует пурга. Похоже, что до конца ужина должно случиться что-то такое, что взорвет это напряжение изнутри.

Кажется, только Курт Краус не чувствует приближающейся опасности. Он продолжает насыщаться, уничтожая блюдо за блюдом, пока к нему не подходит Джослин Фрэнк, английская журналистка, сидящая за одним столиком с Гелдой Пурбуар. Джослин спокойно присаживается к столу Крауса, отодвигает тарелки и стаканы, освобождая место для своего блокнота и давая тем самым понять, что у нее есть несколько вопросов к могущественному мистеру Краусу.

Джослин Фрэнк славится умением задавать вопросы, но Курт Краус не менее известен способностью их игнорировать. Свирепый взгляд — вот все, чего удастся добиться своими решительными действиями отважной журналистке.

Молодой американец Марти Холландс наблюдает за этой сценой, вскоре Джослин Фрэнк отступает и, не скрывая досады, возвращается к своему столу. Все это время ее соседка Гелда Пурбуар всячески демонстрирует свою неприязнь к Курту Краусу, бросая в его сторону негодующие взгляды, но тот не обращает внимания ни на что, кроме тарелок с едой.

Теперь Гелда решает, что поражение ее соседки по столу не должно остаться безнаказанным. Поднявшись, она направляется через всю комнату к Курту Краусу и опять прерывает его трапезу. Глядя на него с испепеляющим презрением, она нарочито громко выкладывает ему все, что о нем думает. Из кухни появляется встревоженная фрау Фрейдж, которая уходит Гелду на место.

Краус, обедая тяжелым взглядом комнату, встряхивает головой, как бы отгоняя от себя эту последнюю помеху, и возвращается к прерванному ужину.

Марти Холландс вскоре отвлекается от этой сцены. Посмотрев в другой конец комнаты, он с доброй улыбкой встречает ответный взгляд Ингрид Дидерих. На мгновение кажется, что ее печаль исчезает, и она застенчиво опускает голову, пряча слабую улыбку.

Капитан Трен, сидящий рядом с Холландсом, замечает этот беглый обмен улыбками между молодыми людьми, видимо, это его забавляет.

Герр профессор Дидерих и его дочь, закончив свою скромную трапезу, встают, собираясь покинуть столовую. Марти Холландс поднимается и, улыбаясь, кланяется отцу и дочери, улыбка, предназначенная дочери, кажется чуть теплее, а поклон — чуть глубже. Дидерихи кланяются ему в ответ и медленно направляются к двери, оба выглядят совершенно измученными.

Проходя возле стола Курта Крауса, Ингрид спотыкается. Похоже, что ей стало дурно. Отступив в сторону, она падает на стул, стоящий напротив Крауса, хватаясь при этом за край стола. Профессор старается помочь ей, но он тоже очень слаб, и тогда Марти Холландс бросается к бедной девушке и помогает ей подняться на ноги.

Что касается Крауса, то он не испытывает ни капли сострадания. Ему наплевать на то, что Ингрид Дидерих слаба и заслуживает жалости, он хочет только, чтобы эти люди побыстрее убрались, потому что он все еще продолжает поглощать еду. Он с досадой машет рукой, ворчанием давая понять, как он недоволен.

Марти не нравится поведение Крауса, и он, наклонившись над столом, резко и многословно выговаривает ему, потом провожает Дидерихов к двери и возвращается к своему столу, чтобы закончить ужин.

Гелда Пурбуар и Джослин Фрэнк вдвоем покидают зал. Джослин выходит, не глядя на Крауса, а Гелда бросает в его сторону надменный взгляд, который Краус не замечает и на этот раз.

Спортсмены Уэйн Рэдфорд и Бэзил Нонтон, закончив свою еду, забирают радиоприемник и собираются покинуть зал. Мисс Оливия Куэйл присоединяется к ним, показывая

на ходу свою карту, на которую не захотел взглянуть Краус, и все трое выходят.

Хама Тартус, дождавшись, пока уйдет Марти Холландс, поспешно направляется к столу капитана Трена. Судя по умоляющему тону Тартуса, он просит капитана отменить какое-то свое решение, но самодовольный вид Трена свидетельствует о том, что он не собирается отказываться от своих планов. Наконец Тартус в отчаянии разводит руками, признавая свое поражение, и возвращается на кухню.

Трен не сводит глаз с Леопольда Шмендрика, который совсем съеживается под этим взглядом. Капитан пальцем подзывает Шмендрика, и тот с неохотой повинуетя, пересекает комнату и присаживается к столу на место, освободившееся после ухода Марти Холландса. Они коротко говорят о чем-то и вместе встают. Трен кладет тяжелую руку на плечо Шмендрика и выводит его из зала, ясно давая понять, что в дело вступил закон. Опечаленные Хама Тартус и Фрейя Фрейдж стоят в дверях кухни и наблюдают за происходящим.

Итак, десять человек уже отужинали и покинули зал. И лишь один продолжает трапезу, догадываетесь, кто? Курт Краус наконец добрался до десерта, перед ним большая миска с пудингом из тапиоки. Хама Тартус и фрау Фрейдж уходят на кухню, оставив Крауса одного в столовой, как вдруг... совершенно неожиданно... Курт Краус падает лицом в блюдо с тапиокой!

Курт Краус мертв!

* * *

Кто отравил Курта Крауса?

Была ли это фрау Фрейдж, когда подавала ему первое?

Был ли это капитан Вильгельм Трен, который пытался поговорить с Краусом и получил грубый отказ, а к такому обращению он не привык?

Или, может, это сделали спортсмены Уэйн Рэдфорд и Бэзил Нонтон в тот момент, когда они топтались возле стола, горячо приветствуя Крауса?

Был ли это Леопольд Шмендрик, воспользовавшийся тем кратким моментом, когда он находился возле стола Крауса?

А может, это Хама Тартус, который готовил еду?

Могла ли это сделать мисс Оливия Куэйл, которая несколько минут тщетно пыталась привлечь внимание Крауса к карте Шлезвиг-Гольштейна?

Была ли это Джослин Фрэнк, которая освобождала на столе Крауса место для своего блокнота?

А может, это сделала ее темпераментная соседка по столу Гелда Пурбуар, пока выкладывала Краусу, что она о нем думает?

Или это был профессор Дидерих, а может быть, его дочь Ингрид, упавшая в обморок возле стола Крауса?

Был ли это молодой американец Марти Холландс, когда он выговаривал Краусу за его недостойное поведение по отношению к Дидерихам?

Как бы там ни было, кто-то отравил Курта Крауса, и совершенно ясно, что этот кто-то все еще находится в отеле!

Биографии подозреваемых

Марти Холландс

Я убил Курта Крауса и мне безразлично, знает ли об этом кто-нибудь.

Я автор детективных романов, родом из Кливленда, штат Огайо. Вот некоторые из моих книг: "Кровь на дверной ручке", "Убийство в троллейбусе", "Злодеяние на выбор". Четыре года назад немецкий продюсер Курт Краус приобрел права на экранизацию этих трех книг. Фильмы были сняты и прошли по экранам Германии, но деньги мне выплачены не были. Я пытался, хотя и безуспешно, добраться до мистера Крауса из США, но он исчез и не отвечал на мои запросы. Наконец я решил поехать в Европу и совместить поиски Курта Крауса с другим делом — с исследованием Вопросы Шлезвиг-Гольштейна. Мне это нужно для моего исторического романа, который будет называться "Пятно на родословной".

За то время, что я провел в Европе, у меня было столько приключений, будто я очутился в одном из своих романов! Два месяца назад я ехал поездом из Франции в Киль, в Германию, и во время поездки познакомился с очаровательной молодой француженкой Гелдой Пурбуар. Она тоже направлялась в Киль, где ей предложили работу в ночном клубе. Мы распили бутылочку вина, а потом она оказалась в моем купе, короче, мы очень приятно провели время. Я больше не встречал ее до вчерашнего вечера и немного удивился, увидев ее здесь, в отеле, поскольку она уверяла меня, что едет в Киль работать надолго.

Я знал, что в университете города Килия работал профессор Рудольф Дидерих — специалист по проектированию подводных лодок. Его любимое занятие — изучение истории Вопросы Шлезвиг-Гольштейна. Естественно, мне хотелось повидаться с ним, но когда я подошел к его дому, там была охрана. Оказалось, что профессор находится под домашним

арестом, потому что когда-то погладил нацистов против шерсти. И вот ему нельзя выйти из собственного дома, а мне нельзя войти.

Ну, положим, не родился еще такой человек, который может диктовать Марти Холландсу, навещать ему кого-нибудь или нет. На следующий же день я подкупил молочника, который дал мне свою форму, и нанес свой первый визит профессору. Тогда же я впервые увидел его дочь Ингрид. Она потрясающая девушка, я думаю, самая красивая девушка в Германии. Ингрид и ее отец (миссис Дидерих умерла, когда Ингрид была малышкой) жили взаперти в этом доме уже пять лет.

Я несколько раз пробирался к ним под видом то контролера-водопроводчика, то посыльного из мясной лавки, то слесаря... В то время как профессор увлеченно трактовал историю Восточной Шлезвиг-Гольштейна, я пал жертвою чар Ингрид. Но она была слишком подавлена длительным заточением, чтобы заметить меня, поэтому я решил не торопить события.

В один из дней они признались мне, что виновником их заключения был не кто иной, как... Курт Краус. Он донес на профессора, потому что один из его дружков-нацистов захотел занять место Дидериха в университете. Свинья! Когда я узнал, что этот негодяй наш общий враг, я решил, что их освобождение — мой долг!

На следующий день я, вырядившись ловцом бродячих собак, подъехал к дому профессора на фургоне. Я сказал сторожам, что под крыльцом прячется бешеная собака. Они предусмотрительно отошли подальше, а я подогнал фургон к самому крыльцу. Я отвлекал сторожей поисками пса до тех пор, пока отец с дочерью, одетые в шубы, не проскользнули в открытые двери фургона. Так мне удалось увести их, и мы благополучно пересекли всю Германию и добрались до швейцарской границы.

Только один раз мы попали в неприятную ситуацию. Это случилось на узкой дороге на юге Германии. Впереди нас медленно ползли фургоны бродячего цирка, а позади нас оказалась армейская машина, битком набитая офицерами! Наконец дорога стала шире, и военный автомобиль, отчаянно сигналив, рванул перед нами; к счастью, офицеры не обратили на нашу машину никакого внимания. После того как они проехали, я не торопясь двинулся следом за цирком — убогие, потрепанные повозки, на хлопающих резиновых бортах фургонов написано название цирка "Рундельманс"; больше до самой границы происшествий не было.

Оказавшись в Швейцарии, мы направились прямо в отель "Часы с кукушкой". Фрау Фрейя Фрейдж, здешняя экономка, раньше работала у Дидерихов, и те знали, что тут они будут в безопасности. Это было три дня назад. Я связался со

ми друзьями и надеюсь, что нам удастся перебраться в Соединенные Штаты, где они смогут жить свободно в мире и благополучии и где, возможно, в один прекрасный день Ингрид ответит на мою любовь.

Здесь в отеле есть несколько человек, которых я встречал раньше. В Киле я жил в отеле "Спленид" и там увидел этих двух спортивных молодцов. Эта маленькая пожилая леди Оливия Куэйл тоже обитала в отеле "Спленид". Она из породы тех неутомимых туристов, которые, попав за границу, прочесывают каждый дюйм местности. У нее были карты побережья, и она обычно докучала мне просьбами рассказать о том или другом месте. Рэдфорд и Нонтон — дружелюбные парни; обычно я встречался с ними в баре отеля.

Вчера вечером мы четверо возобновили наше знакомство встретившись в гостиной перед ужином. Уэйн Рэдфорд и Бэзил Нонтон развлекали нас рассказами о своих приключениях. По пути в отель они стали свидетелями странного происшествия: тот же бродячий цирк, с которым и мы повстречались по дороге, возле самой границы был задержан немецкой полицией, и гестаповцы выволокли из одного фургона лилипута.

Спортсменам эта ситуация показалась очень забавной, но после того, что гестапо сделало с Дидерихами, я не вижу в этом ничего смешного, и я почувствовал, что мисс Куэйл была очень огорчена этим рассказом, хотя и не проронила ни слова, чувствуется, что она настоящая леди.

Вчера вечером за ужином я увидел еще два знакомых лица. Это две женщины, одна из них — Джослин Фрэнк, я несколько раз видел ее в Киле, обычно она на своей машине, прихватив мисс Куэйл, ездила осматривать достопримечательности. Мы с Джослин Фрэнк ранее состояли в переписке, она автор книги "Кого волнует, кто покончил с Шлезвиг-Гольштейном?", и я консультировался с ней в процессе изучения этого материала, но лично мы ранее знакомы не были. А рядом с ней за столиком сидела Гелда Пурбуар, с которой я провел незабываемую ночь в поезде. Я был очень сконфужен, увидев ее здесь, вместе с Ингрид и профессором, но она не сказала мне ни слова, так что я надеюсь, что моя тайна не будет раскрыта.

Все остальные — Хама Тартус, фрау Фрейя Фрейдж, Леопольд Шмендрик и полицейский капитан Трен — новые для меня люди.

Я сел за один стол с Вильгельмом Треном, решив, что профессору и Ингрид лучше сидеть одним. Они очень застенчивы и нервны, да и кто не был бы, пройдя через такие испытания. Я только немного беспокоюсь, не возникли бы у Дидерихов проблемы с полицейским.

Именно капитан Трен сказал мне, что безобразный толстяк в углу и есть Курт Краус! У меня в кармане случайно

оказалось немного яда (когда-то я проводил эксперимент, необходимый для написания одной из моих книг), и совершенно импульсивно я решил вылить его в гуляш, к которому собирался приступить Краус. Я подумал, что будет справедливо избавить мир от такого негодяя. Когда Дидерихи поднялись, чтобы покинуть комнату, я последовал за ними. Бедная Ингрид потеряла сознание от страха и омерзения при виде мистера Крауса, к счастью, я оказался рядом и поддерживал ее. И мне удалось воспользоваться этим моментом, чтобы брызнуть яд в тарелку.

Затем мы разошлись по своим комнатам, и я уже готовился лечь, когда капитан Трен пришел с вестью о смерти Крауса. Скатертью дорога!

Герр профессор Рудольф Дидерих

Это я, Рудольф Дидерих, убил Курта Крауса. Я конструктор подводных лодок, до 1933 года я создал три новых вида подлодок Р, С и Т, кроме того, я работал в Университете в Киле. Когда нацисты пришли к власти, на меня кто-то донес, и я вместе с пятнадцатилетней дочерью Ингрид оказался под домашним арестом в собственном доме. Там мы и жили, отрезанные от всего мира, до недавнего времени.

В самом начале нашего заключения из письма одного коллеги, которое попало в дом в пакете с углем, я узнал, кто был доносчиком. Им оказался Курт Краус — критик, пользующийся дурной славой по всей Германии. Ему понадобилось мое кресло в Университете для одного из своих нацистских дружков.

Первые три года наше одиночество скрашивало общество домашней экономки — добрейшей фрау Фрейдж. Она заменила моей бедной Ингрид мать. Но случилась трагедия — утонул муж фрау Фрейдж, служивший коком на корабле. Вскоре после его гибели она покинула Киль, чтобы начать новую жизнь в Швейцарии в отеле Хама Тартуса. Тартус был другом и сослуживцем Феликса Фрейджа, а потом приобрел горный отель "Часы с кукушкой".

Основным моим занятием во время заточения была история, больше всего меня занимал интригующий Вопрос Шлезвиг-Гольштейна. Несколько лет я изучал историю этого Вопроса и горжусь тем, что и я внес свой скромный вклад в его разгадку. Я даже стал в определенной мере известен среди специалистов как знаток этой темы. Несколько лет назад английская журналистка Джослин Фрэнк получила разрешение навестить меня, чтобы взять интервью по этому Во-

просу. (Как я понимаю, она имела влияние на самого Курта Крауса.) Она писала книгу с остроумным названием "Кого волнует, кто покончил с Шлезвиг-Гольштейном?", отражающую иконоборческий подход к этой теме, о чем я сожалею. Тем не менее она показалась мне приятной особой, хорошо образованной для женщины.

Та же тайна Шлезвиг-Гольштейна привела ко мне еще одного визитера — молодого американского писателя Марти Холландса. Хотя он прежде всего автор криминальных романов, он заинтересовался Вопросом Шлезвиг-Гольштейна, потому что хотел использовать эту тему фоном в своем первом историческом романе. Вот почему он разыскал меня.

Поскольку нанести мне визит нормальным образом было невозможно, этот изобретательный молодой человек проник к нам в дом сначала под видом молочника, потом как контролер-водопроводчик, разносчик из мясной лавки и, наконец, как слесарь. После нескольких встреч он убедил меня, что сможет помочь нам бежать. В назначенный день он подъехал к дому в фургоне для перевозки бродячих собак, отвлек внимание стражников, мы с Ингрид, закутавшись в шубы, проскользнули в фургон, и Марти Холландс увез нас оттуда.

Таким неблагородным способом мы покинули место нашего долгого заточения, и лишь один раз за все время этого путешествия по Германии к южной границе с Швейцарией наш спаситель был встревожен. Проезжая по Баварии, мы надолго застряли на узкой дороге, забитой фургонами и грузовиками бродячего цирка. Объехать их было невозможно, а следом за нами остановилась военная машина, полная немецких офицеров. Я боялся, что волнение Марти выдаст нас или послужит причиной аварии, но наконец дорога стала шире, машина с офицерами обогнала нас, а следом и мы смогли объехать цирковые фургоны с надписью "Рундельманс". С давних пор я помню этот цирк, еще до нашего ареста я иногда водил Ингрид, тогда совсем маленькую, на их представления. Я удивился, увидев, как далеко на юг забрался "Рундельманс", прежде он обычно кочевал вдоль северного морского побережья.

Как только мы очутились в Швейцарии, я попросил Марти Холландса отвезти меня с Ингрид сюда, в отель "Часы с кукушкой", где, как я знал, добросердечная фрау Фрейдж непременно укроет нас. Мы прибыли три дня назад, и я надеюсь, что сможем отправиться в Америку, как только будут очищены горные дороги.

Я заметил, что Марти Холландс проявляет романтический интерес к малышке Ингрид, но она, увы, слишком подавлена перенесенными страданиями, чтобы ответить ему взаимностью.

Кроме фрау Фрейдж в отеле есть еще три человека, с которыми я был знаком раньше. Первая (я краснею, рассказывая это) — мадемуазель Гелда Пурбуар. Шесть лет назад в Киле нас познакомил один мой коллега. Я знал, что раньше она вела весьма беспорядочный образ жизни, но за время нашего знакомства она убедила меня в том, что ее привлекает спокойствие семейного очага. Так или иначе, но я оказался втянутым в весьма бурные отношения с этой прелестной женщиной. Я даже начал подумывать о том, не сможет ли она заменить мать моей дорогой Ингрид. Но наши отношения оказались недолгими, я почувствовал, что она начинает тяготиться размеренной жизнью, и в один прекрасный день она покинула меня. Честно говоря, я не думаю, что мы смогли бы жить вместе. Я надеюсь, что ей хватит благоразумия не вспоминать эту историю, мне было бы крайне неприятно, если бы она получила огласку.

Я узнал также Леопольда Шмендрика. Он конструктор судов, славный малый, я знаю его давно по совместной работе в Киле.

Мне также знакомо по газетам имя капитана Вильгельма Трена, несколько лет назад, когда он был полицейским в Киле, он оказался замешанным в шумном скандале. Это было что-то связанное с рэкетом — в общем, грязная история. Свидетели боялись давать против него показания, ничего не было доказано, но Трена уволили из полиции. И вот теперь он здесь, и мне кажется, что он готов приняться за старое. Он не может узнать меня, поскольку мы никогда раньше не встречались, но, я признаюсь, он меня пугает. Он способен отослать нас обратно в Германию!

Я никогда раньше не встречал Хама Тартуса. Они с фрау Фрейдж явно влюблены друг в друга, и оба уверили меня, что защитят нас с Ингрид. Я не знаю ни мисс Оливии Куэйл, ни спортсменов. А теперь о Курте Краусе.

Долгие годы я считал герра Крауса своим злейшим врагом, человеком, виновным во всех моих бедах. Представьте себе мои чувства, когда фрау Фрейдж шепнула мне, что безобразно толстый господин, жадно поглощающий пищу за угловым столиком, и есть ненавистный Краус! У нас с Ингрид есть капсулы с ядом на тот случай, если бы нас схватили во время побега. Когда мы после обеда проходили мимо стола Крауса, бедняжка Ингрид потеряла сознание под грузом нахлынувших чувств. В этот момент я вылил содержимое капсулы в тарелку Крауса. Немного позднее, когда я готовился лечь спать, пришел капитан Трен с известием о смерти Курта Крауса.

Я полностью отвечаю за свои действия, о которых Ингрид даже не подозревает; она абсолютно ничего не знает.

Ингрид Дидерих

Я убила Курта Крауса.

Мне двадцать лет, я единственная дочь профессора Рудольфа Дидериха. Моя мать давно умерла. Мой жизненный опыт весьма скуден, потому что последние пять лет — а это четверть моей жизни — нас держали взаперти в нашем доме в Киле. Папа — знаменитый ученый, он строил подводные лодки и преподавал в Университете. А потом один очень злой человек по имени Курт Краус донес на папу нацистам, я не знаю, почему он это сделал, так мы оказались под домашним арестом. В течение пяти лет мы не могли покидать дом или принимать гостей. Я не могла ходить в школу. Это меня не очень огорчало, я никогда не была примерной ученицей, но я очень скучала по своим друзьям. А бедный папа страдал без работы. Все свое время он посвящал своему увлечению — изучал Вопрос Шлезвиг-Гольштейна. Это что-то связанное с историей, но я не могу объяснить, в чем суть дела...

Первые три года домашнего ареста с нами жила фрау Фрейя Фрейдж, она была нашей экономкой. И тогда жизнь была не такой уж плохой: она рассказывала нам последние новости и слухи и очень вкусно нас кормила. Она была замужем за моряком, но он утонул. Она очень переживала и вскоре уехала из Кили и поселилась в отеле "Часы с кукушкой", чтобы помогать Хама Тартусу. (Мы раньше не были знакомы с Тартусом, фрау Фрейдж сказала, что он был другом ее мужа.)

Два месяца назад у нас в доме появился человек по имени Марти Холландс, он проник к нам под видом молочника, ему хотелось поговорить с папой об истории Шлезвиг-Гольштейна. Он американец. Он навещал нас несколько раз и наконец уговорил папу бежать из Германии. Марти раздобыл где-то фургон для перевозки бродячих собак, подъехал к нашему дому, отвлек сторожей, и мы, надев шубы, забрались в фургон и скоро оказались на свободе.

На пути в Швейцарию был только один опасный момент. Мы остановились на узкой дороге в Баварии, забитой фургонами бродячего цирка, мы не могли их обогнать, а прямо за нами оказалась машина с офицерами. Мне показалось, что Марти очень обеспокоен, но ничего не случилось, и как только дорога стала шире, машина с офицерами уехала вперед, а потом и мы обогнали цирковые фургоны, на которых я увидела название "Рундельманс", и я вспомнила, что, когда я была совсем маленькая, папа водил меня в этот цирк. Мне всегда нравилось там, но на последнем представлении, которое я видела, там появился новый лилипут, который мне очень не понравился. Он был все время очень раздражен, похоже, ему казалось, что он слишком хорош для того, что-

бы на него все глазели. Но ведь карлики для того и существуют?

Наконец мы оказались в Швейцарии и направились прямо в этот отель к фрау Фрейдж, которая всегда говорила, что будет счастлива нам помочь. Мы здесь уже три дня, и, как только сможем выбраться отсюда, Марти Холландс отвезет нас в Соединенные Штаты, и папа снова сможет работать. Я не знаю, что я там буду делать, скорей всего, просто ухаживать за дорогим папой. Боюсь, что учиться мне уже поздно.

Здесь есть две женщины, которых, как мне кажется, я видела раньше. Они сидят за одним столиком. Джослин Фрэнк однажды была у нас дома, брала у папы интервью по истории Шлезвиг-Гольштейна. А еще раньше, очень давно, я видела у нас в доме Гелду Пурбуар, она навещала нас, правда, я не знаю в связи с чем. Я помню также какие-то газетные истории о капитане Трене — он что-то натворил в Киле, когда был там полицейским, но я не знаю, что именно. Похоже, что здесь все его боятся. Папа говорит, что он может выслать нас обратно в Германию.

Леопольд Шмендрик — старый папин знакомый, но я его раньше не встречала. Остальные постояльцы: Оливия Куэйл, Уэйн Рэдфорд, Бэзил Нонтон — незнакомы мне. Я не очень обращаю внимание на то, что происходит в отеле, потому что постоянно думаю о той опасности, которая нам грозит.

Когда мы с папой узнали, что страшный толстяк за столиком в углу и есть Курт Краус, мы очень испугались. Мне кажется, что он обладает какой-то властью над Хама Тартусом. Бедный папа, что с ним будет?

Я была так расстроена, что почти ничего не ела. Когда мы выходили, я притворилась, что теряю сознание возле стола Курта Крауса. У меня в кармане была капсула с ядом на случай, если бы гестапо нас схватило, я быстро открыла ее и вылила все в тарелку герра Крауса.

Когда капитан Трен сообщил нам, что Курт Краус мертв, я обрадовалась. Я сама убила его, папа не имеет к этому никакого отношения.

Фрау Фрейя Фрейдж

Я жила в Киле с мужем Феликсом Фрейджем, он был судовым коком и выходил в море на разных судах. Несколько лет назад я узнала, что он агент американской разведывательной службы. Бедному Феликсу не хватало характера, чтобы вести двойную жизнь, — он жил в постоянном страхе, боясь, что кто-нибудь его разоблачит.

В то время я работала экономкой в доме профессора Ди-

дериha, была очень привязана к нему и к его дочери Ингрид. Дидерихи жили под домашним арестом в своем доме с того времени, когда в 1933 году к власти пришли нацисты, и я старалась делать все, что было в моих силах, чтобы скрасить их тоскливое заключение.

У Феликса был друг, тоже моряк, левантинец по имени Хама Тартус. Мне нравился Тартус, и я была рада, когда они вместе устроились на яхту "Бегемот", принадлежавшую знаменитому критику Курту Краусу. Краус любил устраивать для своих высокопоставленных друзей круизы по Северному морю.

Во время одного из круизов призошла ужасная трагедия. Как рассказал мне позднее Хама Тартус, Феликс ночью в полном одиночестве пил бренди на палубе, яхту качнуло, он потерял равновесие, упал за борт и утонул. Я никогда не верила этой истории; Феликс вообще пил очень мало, а от бренди у него была изжога, поэтому он его и в рот не брал. Я уверена, что это расплата за его службу у американцев. Но я никогда не делилась своими сомнениями ни с кем, даже с Тартусом, который ничего не знал о его двойной жизни. В наше трудное время чем меньше знаешь, тем безопаснее.

Я очень тяжело переживала потерю Феликса. Единственным утешением был Хама Тартус, который часто навещал меня и утешал. Постепенно наши дружеские отношения переросли в любовь. Я не из тех женщин, которые могут жить во грехе — ни в коем случае, — но ведь тело Феликса так и не было найдено, поэтому мы с Тартусом не можем официально пожениться. Я никогда не решилась бы жить с ним вместе открыто в Киле, но здесь в Швейцарии — другое дело.

Мы перебрались сюда через несколько месяцев после гибели Феликса. Хама знал, что мне хочется начать с ним новую жизнь, и он занял у Курта Крауса деньги на покупку отеля. Наша жизнь здесь была безоблачной и счастливой до тех пор, пока не появился капитан Вильгельм Трен. Он офицер из полицейского участка в Кезеберге. Раньше он был полицейским в Киле, но оказался замешанным в скандале. Он возглавлял преступную группу, занимавшуюся рэкетом, и едва избежал наказания.

Здесь он занимается тем же, хотя и в меньших размерах. У бедного Хама Тартуса нет паспорта, он человек без гражданства, и капитан Трен быстро это узнал. И он требует от нас денег, грозя, что депортирует Тартуса, если тот не будет платить. Мы с Хама стали понемногу утаивать деньги из доходов отеля, но наш ранее пассивный компаньон Курт Краус начал задавать вопросы. У него тоже денежные проблемы, и он настаивает на том, чтобы Тартус вернул ему ссуженные деньги. Что будет со мной без Тартуса? Я так рас-

строена и так нервничаю, что, когда сегодня вечером Краус появился в столовой, я с перепугу уронила поднос.

И, словно всех этих бед было мало, в отеле стали появляться беженцы. Первым прибыл Леопольд Шмендрик, который, до того как убежал из Германии, строил в Киле яхты. Когда-то он очень помог Тартусу, и, естественно, мы с готовностью приютили его у себя. Но капитан Трен тотчас же обратил на него внимание. Бедняга Леопольд не может дать ему взятку, и, боюсь, его вышлют назад в Германию.

А три дня назад приехали Дидерихи с молодым американцем Марти Холландсом. Он помог им убежать из домашней тюрьмы в Киле. Марти влюблен в Ингрид (женщины сразу замечают такие вещи), но бедная девочка слишком подавлена, чтобы замечать его.

Пока еще Трен не предпринимал ничего против Дидерихов, но это просто вопрос времени.

Что касается других гостей, мне кажется, что я когда-то, очень давно, встречала Оливию Куэйл. Феликс хорошо знал ее, она бывшая гувернантка, а связывало их то, что она собирала рецепты рыбных блюд для своей книги. Я думаю, что она все еще занимается этим, потому что, появившись здесь, она сразу же начала расспрашивать меня о новых рецептах. Она также спрашивала меня о бродячем цирке, который, по ее предположениям, должен был появиться в наших местах; я ничего об этом не знаю; бедняжка, мне кажется, что она впадает в детство.

Другие наши гости — Гелда Пурбуар, Джослин Фрэнк и два спортсмена — новые для меня люди.

Сегодня вечером, когда все постояльцы покинули обеденный зал, остался один герр Краус, который продолжал насыщаться. Как же этот человек ест! Я вернулась через несколько минут в столовую спросить, не хочет ли он еще пудинга, и обнаружила, что он мертв; он сидел, уткнувшись лицом в миску с тапиокой. Какой ужас! Впервые я обрадовалась, что капитан Трен оказался здесь в отеле.

Хама Тартус

Я человек без гражданства, моя родина — все восточное побережье Средиземного моря; я рано осиротел и был частичкой того человеческого мусора, который прибивается к берегу тревожными временами. В юности я был моряком, несколько лет плавал на вонючем грузовом судне, капитан был алкоголиком, и в один прекрасный день я решил остаться на берегу. Это было в Киле, там можно было найти временную работу в доках, и я надеялся, что смогу там лучше устроить свою жизнь.

Скоро у меня появился друг — Феликс Фрейдж — тоже моряк и судовой кок. Однажды он привел меня домой и познакомил со своей женой Фрейей. Феликс по натуре был человеком пугливым, я бы сказал, что он все время жил с оглядкой. Он помогал мне находить временную работу на судах, так я и попал однажды на борт новенькой яхты "Бегемот" — она принадлежала известному воротиле Курту Краусу. Это был крутой человек, все его боялись и ненавидели, но я взял себе за правило ладить со всеми, поэтому у меня с ним проблем не было. У Крауса в это время был роман с французской шансонеткой Гелдой Пурбуар, отношения у них были сложные, просто "буря и натиск". Как-то ненастной ночью Гелда заявила в мою каюту, и мы занялись любовью. Это было во время нашего первого плавания.

А во время третьего плавания произошла трагедия. Однажды ночью я проснулся от звука падающего тела. Я поднялся наверх и увидел мертвого Феликса и Крауса, стоящего над ним, в руках у него была тяжелая металлическая кастрюля с длинной ручкой. Краус сказал, что Феликс будто бы работал на американскую разведку, и, поняв, что он разоблачен, напал на него с огромным ножом для разделки мяса, и Краус, обороняясь, убил кока. Краусу не хотелось, чтобы вся эта история выплыла наружу, и он попросил меня помочь ему. Вместе мы привязали к телу Феликса груз и выбросили его за борт. Я оставил на палубе пустую бутылку из-под бренди и предложил так объяснить случившееся: Феликс напился пьяным, потерял равновесие и свалился за борт.

Здесь кроме Гелды есть еще два человека, которые были на яхте в ту страшную ночь. Это спортсмены Уэйн Рэдфорд и Бэзил Нонтон, мне кажется, что у них были какие-то общие дела с Краусом.

Сразу же после исчезновения Феликса яхта "Бегемот" вернулась в порт, и я был вынужден давать показания во время следствия. Вердикт был — несчастный случай. Фрейя очень переживала и не верила этим объяснениям, но я никогда ни ей, ни кому-либо еще не сказал, что случилось на самом деле. Я часто навещал ее, и постепенно мы очень сблизились. К несчастью, мы не можем пожениться, потому что тело Феликса не было найдено. Через несколько месяцев после этого события я пошел к Курту Краусу и сказал ему, что больше не хочу плавать, потому что за несколько лет мне удалось скопить небольшую сумму и я хотел бы начать собственное дело. Краус вызвался помочь мне с условием, что я покину Германию. Вот так мы с Фрейей оказались здесь и купили отель "Часы с кукушкой" с помощью, как теперь выяснилось, весьма требовательного партнера герра Крауса. (Я понимаю, что излишне щепетильному человеку все это может показаться шантажом или чем-то вроде пре-

дательства по отношению к моему другу Феликсу. Я так не считаю. Раз уж я не мог вернуть его к жизни, я должен был извлечь максимум из этой мрачной ситуации.)

Вскоре после того, как мы перебрались сюда, Краус сообщил мне, что у него серьезные денежные затруднения и он жалеет, что одолжил мне такую сумму. Я ответил, что постараюсь вернуть ему деньги в ближайшее время. Это оказалось не так просто, потому что капитан местной полиции Вильгельм Трен потребовал на проверку мои документы, а они у меня липовые — и он стал меня шантажировать. Я помню Трена еще по Киле, он и его приятели полицейские были замешаны в знаменитом деле о рэжете. А теперь он снова принялся за старое, вымогая деньги у таких, как я. Он грозит мне депортацией, если я не буду платить. Чтобы выйти из этой ситуации, я начал утаивать часть доходов от отеля и боюсь, что Краус это обнаружит. Я между ними, как меж двух огней. Бедняжка Фрейя тоже страдает. Она все еще не оправилась после смерти Феликса, а теперь появился Краус, и она уверена, что у нас будут неприятности, как и у всех, кто имеет с ним дело. Вчера вечером, когда Краус вошел в столовую, она так испугалась, что уронила поднос.

Ко всем нашим неприятностям прибавилось появление Леопольда Шмендрика, которому понадобилось убежище. Я знал его еще в Киле, он проектировал и строил яхты и несколько раз помогал мне находить работу. Теперь он убежал от гестапо, у него нет паспорта, и капитан Трен собирается депортировать его. К несчастью, я ничем не могу ему помочь. Профессор Дидерих и его дочь Ингрид — еще двое беженцев. Фрейя вела хозяйство у них в доме в Киле, и они всегда были очень добры к ней, и поэтому они, убежав из Германии, направились сюда. Пока что капитан Трен не обращает на них внимания.

Я встречал раньше пожилую американскую даму Оливию Куэйл. Феликс Фрейдж тоже был знаком с ней, однажды он сказал мне, что она собирает рецепты рыбной кухни для своей книги. Другие гости — Джослин Фрэнк и Марти Холландс — мне неизвестны.

Сегодня вечером, после того как большая часть гостей покинула столовую, капитан Трен арестовал беднягу Шмендрика и запер его в его комнате. Я был на кухне и мыл посуду, когда услышал крик Фрейи. Она нашла Курта Крауса мертвым, он сидел за столом, лицо в миске с пудингом. Она сказала об этом капитану Трену.

Леопольд Шмендик

Я убил Курта Крауса.

Я конструктор судов из Киле. Во времена Веймарской

республики я занимался активной политической деятельностью, этот факт позднее был использован против меня. А мне нужно совсем немного: чтобы мне позволили спокойно заниматься своим делом — строить яхты.

Когда нацисты пришли к власти, гражданских кораблей стали строить меньше, но сразу вырос спрос на военные суда. У меня никогда не было допуска к конструированию секретных объектов, но я выполнял некоторые заказы для военно-морского флота и время от времени находил гражданскую работу.

Три года назад я создал проект и возглавил работу по сооружению яхты "Бегемот" — это был заказ герра Крауса. Работа осуществлялась на Гамбургской верфи на реке Эльбе. Я так и не получил за нее денег. В конце концов после безуспешных попыток добиться положенного вознаграждения я подал на него в суд. И вдруг совершенно неожиданно мною заинтересовалось гестапо. Меня — убежденного либерала — обвинили в том, что я коммунист! От своих друзей я узнал, что доносчиком был Курт Краус. Я думаю, у Крауса были финансовые трудности, и он просто не мог мне заплатить, вот он и пошел на лживое обвинение. Свинья!

Гестапо забрало мой паспорт, и я понял, что они скоро придут за мной, поэтому я решил исчезнуть. Мне удалось перебраться в Швейцарию и добраться до отеля "Часы с кукушкой", где, я был уверен, Хама Тартус предоставит мне убежище. Мне давно с ним знакомы, я несколько раз помогал ему находить работу, и он был мне благодарен за это. Я здесь уже неделю, Хама Тартус и фрау Фрейя Фрейдж (они не женаты, но живут вместе, как муж и жена) были ко мне очень добры, но я все же не чувствую себя в безопасности. Этот полицейский капитан Вильгельм Трен не спускает с меня глаз. Я не встречал его раньше, но знаю, что он был полицейским в Киле в те годы, когда там разразился безобразный скандал по поводу покровительства рэкету. Я чувствую, что у него есть что-то против Тартуса, и тот боится его почти так же, как я. У меня нет денег, я не могу заплатить за то, чтобы меня оставили в покое, а уйти мне отсюда некуда.

Выйдя сегодня вечером к ужину, я увидел своего врага Курта Крауса; я был так поражен, что споткнулся и расплескал его пиво. Под влиянием мгновенного импульса я вытащил капсулу с ядом, которую носил с собой с тех пор, как начались мои беды, и вылил содержимое в его стакан. Пусть лучше достанется ему, а не мне!

Хама Тартус увел меня к столику, где уже сидела пожилая американская дама Оливия Куэйл. Эта добросердечная старушка в течение всего обеда старалась отвлечь меня от мрачных мыслей. Она бывшая гувернантка и сейчас занята сбором рецептов для своей поваренной книги. Она очень интересовалась моей работой и оказалась весьма осведом-

ленной о расположении доков и верфей на немецком побережье.

В течение вечера, пока я внимательно наблюдал за Краусом, ожидая действия яда, я увидел в столовой знакомые лица. Несколько лет назад я был знаком с Гелдой Пурбуар, тогда она была любовницей Курта Крауса. Однажды ночью, к моему удивлению, это прекрасное, изысканное создание дало мне понять, что находит меня — меня! — ничем не примечательного Леополяда Шмендрика — весьма привлекательным... Слово за слово, и я получил возможность наслаждаться ее ласками в каюте еще недостроенной яхты "Бегемот".

Я узнал также профессора Рудольфа Дидериха и его юную дочь Ингрид. Он специалист по конструированию судов из Университета в Киле, так что наши профессиональные пути пересекались. Кажется, на протяжении ряда лет он находился под домашним арестом. Я также встречал раньше Джослин Фрэнк в компании Курта Крауса, когда строил его яхту "Бегемот". Она — английская журналистка и написала о нем очень сильную нелицеприятную статью в журнале.

Марти Холландс, Уэйн Рэдфорд и Бэзил Нонтон — новые для меня люди.

Но в основном я наблюдал за капитаном Треном. У меня было предчувствие, что сегодня он меня арестует. Я видел, как Хама Тартус разговаривал с ним, пытаюсь спасти меня. Трен знает, что у меня нет денег и я не могу откупиться. Отослав меня в Германию, он покажет остальным несчастным, что ожидает тех, кто не может дать взятку Вильгельму Трену. В комнате оставался только Курт Краус, когда Трен подозвал меня к своему столу. Хама Тартус и фрау Фрейдж с печалью и сочувствием наблюдали за тем, как он уводит меня прочь. Мы поднялись в мою комнату, и Трен запер меня в ней, собираясь на следующее утро забрать меня отсюда.

Когда Трен сказал мне, что Курт Краус убит, я, решив, что мне нечего терять, признался, что отравил его.

Оливия Куэйл

Я убила Курта Крауса.

Много лет я работала воспитательницей, сейчас я на пенсии. Я знаю, что, глядя на меня, этого не скажешь, но я бывала во многих странах мира, работая с детьми дипломатов и сотрудников посольств.

Возможно, вы слышали о моем брате Квентине Куэйле, всю жизнь он работал в разведке, а сейчас возглавляет американскую разведывательную службу. Он частенько помо-

гал мне устроиться на работу то в одном, то в другом месте. А я была счастлива оказаться полезной дорожному Квентину и моей любимой стране. Иногда информация, которую я добывала, была довольно ценной. Люди обычно не обращают внимания на маленьких старушек, поэтому я свободно езжу по разным местам и выясняю некоторые вещи. (Мне не нравится слово "шпион".) И люди охотно рассказывают мне то, что не сообщили бы никому другому.

Вот уже несколько лет, как я ушла на пенсию и собираю рецепты рыбной кухни для своей книги. Этот замысел поглощает все мое свободное время и заставляет путешествовать по всей Европе. Я побывала во Франции, России, Англии и, конечно, в Германии. Несколько лет назад я была в Киле и познакомилась там с Феликсом Фрейдхем. Он работал коком на судах, поэтому у него была масса идей о приготовлении рыбных блюд. И кроме того, он состоял на службе в американской разведке. У бедняги Феликса не было необходимых данных для такой работы. У него всегда был вид человека, отягощенного какой-то тайной. Когда я узнала, что он погиб, случайно упав за борт яхты "Бегемот", которая принадлежала Курту Краусу, у меня появилась твердая уверенность, что Краус разоблачил его и уничтожил. Хорошо известно, что Краус — активный член нацистской партии.

Недавно я опять оказалась в Киле в отеле "Сплendid". Я чудесно провела время, собирая рецепты в прибрежных деревнях. И во время моих путешествий я держала глаза и уши открытыми, наше правительство хотело знать, где находится секретная база новой немецкой подводной лодки. Мне понадобилось целых два месяца, чтобы выяснить это, наконец мне это удалось, и я горжусь этим.

В Киле я познакомилась с английской журналисткой Джослин Фрэнк. Впервые мы встретились во время ленча в маленьком гастхаузе на побережье, куда меня привели поиски новых рыбных рецептов. Нас сблизило то, что мы обе путешествовали без спутников, говорили по-английски и даже интересы у нас были сходными (она журналистка, но привело ее сюда задание обнаружить признаки строительства немецких военных судов на Балтийском побережье), и совершенно естественным оказалось, что мы сблизились. А поскольку у Джослин была машина, я сочла удобным продолжить путешествие с ней вместе. Ее общество придавало моей работе защитную окраску. Несколько дней назад ее виза была неожиданно аннулирована, и это заставило ее спешно покинуть Германию. Поскольку я завершила свои дела в этой стране и мне нужно было попасть в Швейцарию, я предложила себя в спутницы Джослин. И она была настолько добра, что привезла меня сюда на своей машине.

Главной целью моего приезда была встреча со связным,

которому я должна передать информацию о местонахождении секретной базы подводных лодок. Больше я ничего не могу вам сказать, ничего, даже если вы будете меня пытаться. Единственное, что я могу добавить, — это то, что я еще не передала свою информацию.

Вчера вечером перед ужином я встретила в гостинной троих постояльцев, с которыми познакомилась еще в Киле в отеле "Спленид". Это были американец Марти Холландс — автор детективных романов (должна признаться, что я люблю читать такие книги, это моя слабость) и два джентльмена, путешествующие вместе, — Уэйн Рэдфорд и Бэзил Нонтон. В этой парочке есть что-то подозрительное, вы не находите? Рэдфорд и Нонтон рассказали нам длинную и, на мой взгляд, малоинтересную историю о происшествии, свидетелями которого они были на пути в отель. Гестапо остановило бродячий цирк и арестовало циркового карлика. Я думаю, что это тот самый цирк, который должен был выступать здесь в округе и который мне так хотелось посетить, я так люблю ходить в цирк. Но, увы!

Позже я дала посмотреть Рэдфорду и Нонтону мою карту и попросила указать, где именно произошел упомянутый ими инцидент, на тот случай, если моему начальству понадобится данная информация.

Во время ужина я оказалась за одним столом с Леопольдом Шмендриком, которого раньше не встречала, и этот бедняга рассказал мне свою печальную историю. В столовой были и другие люди, кроме тех, кого я уже назвала: наши хозяева Хама Тартус и фрау Фрейя Фрейдж — вдова несчастного Феликса, профессор Рудольф Дидерих и его юная дочь Ингрид, очаровательная француженка Гелда Пурбуар и местный полицейский Вильгельм Трен. И здесь же был Курт Краус.

Как и почему я убила Курта Крауса? Этот человек — враг Америки, не говоря о том, что он — оскорбление хорошему вкусу. Только подумайте, какое зло источает этот человек: бедный Леопольд Шмендрик изгнан из Германии; Феликс Фрейдж — убит; Джослин Фрэнк — лишена свободы передвижения. И я уверена, что на его счету многое другое, куда более страшное. Глядя на симпатичные лица окружающих меня людей, я вижу, какой страх внушает им это чудовище. Фрау Фрейдж, войдя в комнату и увидев его, уронила поднос.

Вот почему я убила его. Как именно? Очень просто. Я всегда ношу в сумочке крошечный пузырек с ядом, который выглядит, как флакончик с лавандой. Сделав вид, что мне хочется потолковать с герром Краусом о моих путешествиях, я подошла к его столу и развернула у него под носом свою карту. И под ее прикрытием быстренько открыла пузы-

рек и опрокинула его содержимое в блюдо с квашеной капустой.

После обеда я удалилась в свою комнату, где спокойно стала ожидать новостей. Швейцария, насколько мне известно, цивилизованная страна. И я надеюсь, что этот персонаж комической оперы — капитан Трен — исполнит свою роль: возьмет меня под стражу и свяжется с моим адвокатом Улиссом Шёнбергом. Квентин знает, как его найти.

Джослин Фрэнк

Я английская журналистка. Впервые я встретила Курта Крауса три года назад. Я получила задание от одного английского журнала написать о нем очерк и провела несколько месяцев в Германии, следуя за ним повсюду, задавая ему вопросы и выясняя все, что было возможно. (Кроме того, я собирала материал для книги "Кого волнует, кто покончил со Шлезвиг-Гольштейном?", которую написала позже, — но это другая история.) Вскоре очерк был напечатан, мне кажется, что он давал честный и точный портрет этого гнусного толстяка. Очерк назывался "Человек, которого ненавидит весь Гамбург", излишне говорить, что Краусу он не понравился, и он сделал все, чтобы правые в Лондоне (а их, увы, много) начали преследовать и шантажировать меня, мое сотрудничество с английскими журналами стало невозможным, вот почему я пишу сейчас для "Американского вестника".

В настоящее время я выполняю двойное задание. Официальная цель приезда — серия репортажей о красотах Северной Германии, хотя на самом деле я ищу доказательства роста военного производства в нацистской Германии, а конкретно — строительства судов для военно-морского флота, включая подводный. Я знаю по слухам, что новая подводная лодка строится где-то на побережье Балтики, но мне не удалось выяснить, где именно. Я провела в этих местах месяц, живя в Киле и объезжая побережье. Однажды во время ленча в ресторанчике городка Шёнберг я познакомилась с пожилой американкой Оливией Куэйл, гувернанткой на пенсии. Она "тоже писательница", как она постоянно повторяет мне, вот уже несколько лет она собирает рецепты рыбных блюд для своей книги и ради этого готова сунуть свой нос в каждый уголок немецкого побережья. Она немного глуповата, но меня это не беспокоит, я решила, что она станет отвлекать от меня внимание, если мы будем путешествовать вместе.

Но недавно мой старый друг Краус узнал, что я опять в Германии, и использовал все свои связи, чтобы моя виза бы-

ла аннулирована. Было досадно уезжать, так и не успев обнаружить базу подводных лодок, но мне дали на сборы всего 24 часа. Мисс Куэйл (я думаю, что она насобираала достаточно рецептов для своей книги) тоже покидала Германию, и я вызвалась отвезти ее сюда на своей машине. Выбор отеля принадлежал ей. Вчера вечером мы были уже здесь и собирались сегодня утром продолжить наше путешествие в Италию, но задержались из-за снежных заносов.

Здесь есть несколько человек, которых я встречала раньше во время своих путешествий. Два года назад я познакомилась с профессором Рудольфом Дидерихом и его глуховатой дочерью Ингрид. Тогда я работала над книгой о Шлезвиг-Гольштейне. Он — историк-любитель (немного чудаков) и признанный авторитет по вопросу Шлезвиг-Гольштейна, и мне хотелось взять у него интервью. Оказалось, что он находится под домашним арестом и не может принимать гостей. Я вышла из положения с помощью того же Крауса, который раздобыл мне нужное разрешение. В то время он был готов помогать мне во всем, потому что ждал от меня хвалебной статьи. Как он ошибся! Итак, несмотря на трудности, я встретила с профессором Дидерихом, и у нас состоялась полезная беседа, хоть он и не был согласен с моими взглядами на эту историю. Объясню кратко. Я провожу в моей книге мысль о том, что критерий исторической правды и неправды — неправомерен, поскольку мораль вытесняется реальностью. Взяв в качестве примера вопрос Шлезвиг-Гольштейна как *reductio ad absurdum* (доведение до абсурда), я показала, что однозначного мнения по этой проблеме не существует, ибо решения порождают события, а не наоборот. Кроме того, я расхожусь с профессором Дидерихом в вопросе о наследовании королевской власти по женской линии.

Вчера вечером, войдя в столовую, я увидела Гелду Пурбуар, французскую певичку, поющую в ночных клубах, я встречалась с ней в Германии несколько лет назад. В те времена у нее с Куртом Краусом был бурный роман, но я нисколько не удивилась, узнав, что между ними все кончено. Она предложила мне сесть с ней за один стол, и я с радостью согласилась, поскольку с меня было довольно болтовни Оливии Куэйл. Мы с Гелдой вдоволь посплетничали, в основном о Краусе, но я не узнала от нее ничего такого, чего не знала бы прежде.

Еще один человек оказался знакомым: Леопольд Шмендрик. Он конструирует суда; и, похоже, у него началась черная полоса в жизни. Когда я познакомилась с ним, он работал над проектом яхты для герра Крауса. А теперь, по словам Гелды, Краус всем хвалится, будто сам спроектировал яхту.

Здесь есть еще Марти Холландс, мы раньше не встречались, но переписывались. Он написал мне после выхода в

свет моей книги "Кого волнует, кто покончил со Шлезвиг-Гольштейном?".

Когда вчера вечером я увидела в гостиной Курта Крауса, увлеченно поглощающего свой ужин, я подошла к нему и выложила все, что я о нем думаю. Я надеялась спровоцировать его на какой-нибудь ответ или действие (это журналистский прием, который часто срабатывает), но он лишь отмахнулся от меня. Гелда Пурбуар восприняла мое поражение близко к сердцу и тоже подошла к Краусу, чтобы сказать ему пару слов, но и от нее он избавился тем же способом.

После обеда мы с Гелдой пили кофе в гостиной, когда капитан Трен сообщил нам, что Краус мертв. Ну что ж, я не собиралась еще раз писать о нем, но случившееся меняет дело.

Гелда Пурбуар

Я француженка, актриса. Вы могли видеть меня на сценах театров, ночных клубов и на киноэкранах всей Европы. Я пою, танцую, играю... Это правда, что у меня было много любовников. Мужчины меня обожают, они кружат вокруг меня, как мотыльки вокруг пламени...

Шесть лет назад я оказалась в Киле, в Германии, там я встретила профессора Рудольфа Дидериха, он был вдовцом. В жизни моей как раз наступил такой момент, когда я почувствовала некоторую усталость. Я решила, что должна немного утихомириться, где-то обосноваться, осмотреться, а профессор был таким приятным и достойным человеком. Мы с ним стали близки. Он даже познакомил меня со своей дочуркой Ингрид. Он был очень мил, но, боже мой, до чего же скучен! Должна признаться, именно он избавил меня от желания обзавестись своим домом.

Через два года я вновь оказалась в Киле и встретила с человеком совсем иного типа — с капитаном Вильгельмом Треном. Вилли был полицейским со всеми присущими этому племени недостатками. Ему нравилось рассказывать о том, как все его боятся, потому что у него на каждого есть компрометирующие данные. Он приводил меня в свой кабинет, показывал свое оружие, подношения, пузырьки с ядом, оставшиеся после знаменитых дел об убийствах. Все мужчины одинаковы, им лишь бы чем-то похвастаться.

Именно Вилли познакомил меня с Куртом Краусом. Это случилось во время приема в огромном доме Крауса на берегу Эльбы возле Гамбурга. Хозяин дома был невероятно толст, человек-гора. Я заметила, что он не остался равнодушен к моим чарам, и решила, что он тот самый человек, который сможет помочь моей карьере, поскольку он был неве-

роятно влиятелен в немецком театральном и кинемире, вот так это произошло...

Мы с Краусом были вместе целый год и ссорились все время. Он просто пользовался мною, эта жирная свинья! Он и пальцем не пошевелил, чтобы помочь мне, не дал мне ни одной роли в своих фильмах. Что ж, у меня не было причин хранить ему верность, я ее и не хранила...

Леопольд Шмендрик был первым. Он был проектировщиком морских судов и в то время, когда мы познакомились, строил для Крауса яхту "Бегемот". Он был очень приятный человек, совершенно неопытный в обращении с женщинами. Однажды ночью он разрешил мне прийти к нему на борт недостроенной яхты, которая еще была в доке, мне удалось расшевелить его...

Когда Краус в 1936 году поехал в Берлин на Олимпийские игры, я отправилась с ним (что за скука!), там я встретила двух спортсменов: Уэйна Рэдфорда и Бэзила Нонтон. Симпатичные парни. Первую ночь я провела с Уэйном, другую — с Бэзилем (а может быть, наоборот).

Вскоре после Олимпиады яхта была готова к плаванию, и Краус брал меня с собой во все эти круизы. Я не переносю моря, но мне все же удавалось немного развлечься. В первом путешествии я была близка с Хама Тартусом, он был членом экипажа. (С тех пор он сделал карьеру, сейчас он владелец отеля "Часы с кукушкой".) Кок с "Бегемота" Феликс Фрейдж скрасил мое существование во время второго путешествия.

Третий выход в море закончился неприятным происшествием. Однажды ночью Феликс Фрейдж напился пьяным, упал за борт и утонул — по крайней мере, так нам сказали. Никто не видел, как это произошло, тело так и не было найдено.

Во время этого плавания на борту яхты находились также Уэйн Рэдфорд и Бэзил Нонтон. Мне кажется, что с Куртом их связывают какие-то деловые контакты.

Вскоре после этого наши отношения с Краусом резко оборвались. С ним невозможно было жить. В нем и раньше не было ни капли нежности, а когда у него начались какие-то финансовые трудности (я ничего об этом не знаю, поэтому не спрашивайте меня), он превратился просто в чудовище. Я знаю, что он дал какую-то сумму Тартусу (возможно, именно эти деньги пошли на приобретение отеля) и все время повторял, что жалеет об этом. У него были огромные долги, а расплачиваться было нечем.

К несчастью, именно в это время Краус обнаружил, что я подписала за него несколько чеков. Господи, ну мне нужны были деньги на одежду, белье, обувь — то, что необходимо каждой девушке. Когда он узнал об этом — он буквально взорвался. Он устроил так, что меня арестовали и броси-

ли за решетку! И я отсидела шесть месяцев, пока один из моих поклонников — юрист — не помог мне освободиться. Должна признаться, это было кошмарное время.

Я вышла из тюрьмы полтора года назад, работала в разных местах, больше всего во Франции. Недавно я получила приглашение на постоянную работу в один ночной клуб в Киле. В поезде по пути из Франции в Германию я встретила молодого американского писателя Марти Холландса, который сейчас находится здесь в отеле. Такой милый молодой человек! Мы чудесно провели время, (не буду вдаваться в подробности), а затем наши пути разошлись.

Работа в Киле продолжалась всего два месяца. Однажды ночью среди зрителей оказался Курт Краус. На следующий день владелец клуба сказал мне, что расторгает наш договор. Сначала он не хотел объяснять причину, но потом я заставила его признаться, что это Курт Краус, мой *bete noir*, заставил его уволить меня. Я была в ярости. Я поехала к Краусу домой в Гамбург, чтобы выяснить с ним отношения, но слуги даже не впустили меня. Потом я чуть поостыла и решила, что лучше уехать из Германии. Я приехала сюда вчера, и, конечно, появление Крауса не доставило мне удовольствия. Если бы не снег, я бы уехала отсюда немедленно. У меня нет никакого желания возобновлять отношения с кем-либо из присутствующих здесь мужчин; я положила себе за правило — раз все кончено, значит, кончено.

Что касается остальных постояльцев, то я раньше никогда не встречала ни Оливию Куэйл, ни нашу хозяйку фрау Фрейдж. Но я знакома с Джослин Фрэнк. Два года назад она брала интервью у Крауса для английского журнала. Я помню, что, когда оно было опубликовано, Краус пришел в ярость. Я была рада вновь увидеть Джослин, мы сели за один стол и вдоволь наговорились. У Курта Крауса должны были гореть уши! Я не собиралась заговаривать с ним, но после того как он так грубо обошелся с Джослин, я решилась. Я подошла к его столу и сказала все, что о нем думаю, и готова повторить вам все это. Мы с Джослин вместе вышли из-за стола. Мы спокойно пили кофе в гостиной, когда капитан Трен сообщил нам о смерти герра Крауса. О-ля-ля!

**Уэйн Рэдфорд и
Бэзил Нонтон**

Нас двое. Парочка эдаких удачливых парней; один родом из Кента, другой — из Пенсильвании. Мы устроились в этой жизни так, что она у нас полна удовольствий и развлечений: мы охотимся, рыбачим, ездим верхом, путешествуем по все-

му свету, посещаем крикетные матчи, теннис, футбол и скачки. Вот это жизнь!

Хотя, положая руку на сердце, все не так просто.

Мы — это фирма "Эвглейд лэнд компани". Прспекты по требованию! А наша основная игра — надувать простаков. Вот как это делается: когда мы встречаем подходящего клиента, мы аккуратно даем ему понять, что все наше благополучие строится на вкладах в недвижимость во Флориде. Любой желающий может сделать вступительный взнос (правда, весьма значительный), а далее ему гарантируются постоянные ежемесячные выплаты до конца жизни. Весь первый год они получают доходы (деньги простака Б идут на то, чтобы заплатить дивиденды простаку А), затем они получают уведомление из "Эвглейд лэнд компани" о реорганизации фирмы, и на этом — конец доходам! Поскольку все наши компаньоны европейцы, а мифическая фирма находится в далекой Флориде, то, когда чеки перестают поступать, нашим жертвам очень трудно предпринять что-либо. А что касается нас, то мы в том же положении — такие же пострадавшие. Вот такое невинное изобретение, неплохо, правда?

Два года назад в Берлине во время Олимпиады-36 мы встретились с Куртом Краусом, и нам удалось надуть его на приличную сумму — 90 тысяч американских долларов. Если бы нацисты узнали о вывозе такой большой суммы валюты из Германии, у Крауса могли бы быть серьезные неприятности, но его жадность оказалась сильнее его патриотизма. Через год, когда он понял, что его надули, он не осмелился обратиться в полицию.

Во время Олимпиады с Краусом была его любовница — французская певичка из ночного клуба по имени Гелда Пурбуар. Роковая женщина, ну, вы знаете этот тип. Ее ищущий взор обратился на нас, и мы оба — по очереди — получили порцию ее ласк. С тех пор мы ее не видели, а вчера даже не сразу узнали, так она изменилась. Похоже, что она получила по носу, не так ли?

Правда, сразу после Олимпиады у нас была возможность еще раз побывать в ее обществе: Курт Краус пригласил нас в круиз по Северному морю на своей новой яхте "Бегемот", которую, как он сказал нам, сам спроектировал. Они с Гелдой ссорились день и ночь. Она хотела, чтобы он помог ее карьере, а он не желал и пальцем пошевелить.

Здесь есть еще кое-кто, кого мы помним еще по тем временам. Это наш нервный хозяин — хитрый левантинец Хама Тартус. Мы оба уверены, что он был членом команды яхты "Бегемот".

Мы никогда раньше не встречали эту официантку фрау Фрейдж, но имя кажется знакомым. На той же яхте был кок Феликс Фрейдж, этот парень всюду совал свой нос и все

выспрашивал нас о строительстве судов на побережье, а потом просил не рассказывать Краусу о наших разговорах: "Хозяин не любит, когда мы общаемся с гостями". Он был скрытный парень, ходил крадучись и все оглядывался через плечо. Однажды он просто исчез с яхты, скорее всего, упал ночью за борт. На палубе валялась пустая бутылка из-под бренди, и Краус заявил, что Фрейдж напился и, оступившись, упал в море. И никакой возможности что-либо доказать. Так закончился этот круиз. Мы вернулись в Гамбург, с удовольствием распрощавшись с герром Краусом. И до вчерашнего вечера мы больше с ним не встречались. Он, конечно, уже понял, что его 90 тысяч уплыли навсегда, и нам было интересно, будет ли он обвинять в этом нас. Мы смело подошли к нему, мы всегда идем напролом, и хотели обменяться с ним рукопожатиями. Но он, с обычной для него невоспитанностью, грубо оттолкнул нас. Так что трудно сказать, считает ли он нас виноватыми в своих потерях. Что ж, спать мы из-за этого хуже не будем.

Перед приездом сюда мы несколько недель провели в Киле в отеле "Сплендид", там же жили американец Марти Холландс и вездливая старушка Оливия Куэйл, оба они сейчас здесь в отеле "Часы с кукушкой". С Холландсом мы завязали знакомство у стойки бара в отеле "Сплендид" для того лишь, чтобы выяснить, что он не обладает теми качествами, которые позволили бы ему стать акционером "Эвглейд лэнд". А мисс Куэйл оказалась говорливой старой птахой, битком набитой шумными вопросами. Мы стали избегать ее. В то же время в Киле находилась английская журналистка Джослин Фрэнк, она вместе со старушкой Куэйл разъезжала в своей машине по всему побережью.

Что касается других постояльцев, мы не знаем ни Леопольда Шмендрика, ни отца и дочь Дидерихов, ни капитана Трена.

Вчера вечером перед обедом мы возобновили наше знакомство с Марти Холландсом и мисс Куэйл. Мы их развлекали рассказом о происшествии, которое наблюдали по дороге сюда. Бродячий цирк — весьма потрепанный — с надписью "Рундельманс" на бортах фургонов был остановлен полицейскими у самой границы. Мы наблюдали за тем, как они обыскивали все грузовики и фургоны и наконец нашли то, что искали, — карлика! Нам это показалось забавным, а Холландс и мисс Куэйл отреагировали так, будто мы позволили себе грязную шутку в обществе дам. Позже, во время ужина, мисс Куэйл заставила нас показать на карте, где точно случился тот инцидент.

Вечер продолжался спокойно, без особых событий до тех пор, пока капитан Трен не поднял нас всех на ноги ошеломляющей новостью, что Курт Краус мертв. Неприятная ситуация. Мы надеемся, что они быстро разберутся в этом

деле, и мы сможем уехать. Мы направляемся на итальянскую Ривьеру, где думаем найти новых акционеров. Уехали бы еще вчера, но нас задержала снежная буря.

Капитан Вильгельм Трен

Попрошу внимания! Я человек, пользующийся в этих местах значительным авторитетом. Я капитан полиции в Кезеберге, расположенном внизу, в долине. Раньше я был полицейским в Киле, в Германии, я знал всех, кого стоило знать, и почти все они меня боялись. Сам Курт Краус — влиятельный критик и продюсер — был моим другом, он называл меня Вилли. Он часто приглашал меня на приемы, которые устраивал в своем доме в пригороде Гамбурга, и говорил своим важным гостям, что я его ручной плут.

Четыре года назад у меня была связь с французской певицей Гелдой Пурбуар, которая в те времена выступала в ночном клубе. Мы были вместе несколько месяцев и уже начали охладевать друг к другу, когда я однажды привел ее на прием в дом Курта Крауса. Она очень хотела познакомиться с ним, потому что знала, что он весьма влиятелен в шоу-бизнесе, и надеялась на его помощь. Я не очень удивился, когда она оставила меня ради Крауса. (Как любил говорить мой папочка: "Все бабы — шлюхи".) После этого я ее не встречал, но знаю, что у них были бурные ссоры, он ничего не сделал, чтобы помочь ее карьере (только, между нами, Гелда гораздо талантливее в спальне, чем на сцене), она часто изменяла ему, и он вышвырнул ее вон, узнав, что она его еще и обкрадывает. Вероятнее всего, она побывала за это в тюрьме, точно не знаю, потому что сам я в то же время вынужден был покинуть Киль.

В течение определенного времени я и мои коллеги из полицейского участка занимались очень выгодным делом на стороне. Наша игра называлась — покровительство. В Киле в 1935 году было полно людей, которые были счастливы заплатить за свое спокойствие. К сожалению, один из моих парней оказался излишне разговорчивым, и все дело лопнуло у нас под носом. Я счастливо отделался, выбравшись из этой истории без обвинительного акта. Я заранее побеспокоился о том, чтобы свидетели не давали показаний против меня, но я все же потерял работу и был вынужден покинуть Германию. Вот так я очутился в этом глухом углу этой нелепой маленькой страны.

Однако я скоро обнаружил, что даже здесь есть возможность для применения моих многочисленных талантов. Хама Тартус — владелец отеля "Часы с кукушкой" — стал моим первым, ну, скажем, клиентом в этой стране. Он человек без

гражданства, живет с липовым паспортом, а швейцарцы не любят такие вещи, и, узнав об этом, они бы его немедленно депортировали. Но они этого не узнают, потому что я, за определенную плату, конечно, с удовольствием оказываю Тартусу покровительство. Я также занялся изучением прошлого его компаньонки фрау Фрейи Фрейдж. Она из моего родного города Килья, вдова Феликса Фрейджа — судового кока, который утонул, упав пьяным за борт яхты, принадлежавшей Курту Краусу. Это случилось два года назад, как раз перед тем, как Хама Тартус купил этот отель. Интересно, но зацепиться не за что.

Я выяснил также, что Краус — совладелец этого отеля, он одолжил Тартусу деньги для его покупки. Из разных источников я знаю, что в последнее время у Крауса возникли серьезные финансовые затруднения, и он нажимает на Тартуса, чтобы тот вернул ему ссуду. Он начал внимательно изучать приходно-расходные книги отеля и обнаружил, что часть доходов куда-то исчезает. Сегодня он сказал мне, что собирается изобличить вора. Я пытался разубедить его, доказывая, что отель теряет деньги из-за того, что в этом году меньше туристов, но он не пожелал меня слушать и даже, похоже, начал подозревать меня самого в причастности к этому. Я, конечно, имею к этому определенное отношение, потому что та часть доходов, которую утаивает Хама Тартус, идет прямо в мой карман...

Работа полицейского — сплошная головная боль. Скоро сюда в Кезеберг должен прибыть бродячий цирк "Рундельманс" из Германии. Все знают, сколько со всем этим связано хлопот: карманные воришки, дешевые шлюхи и все эти подонки, которые нарушают нормальную жизнь в округе. Будто у меня нет других хлопот.

Еще одно дельце, которое мне предстоит, — это Леопольд Шмендрик. В эти дни в Швейцарии полным-полно таких, как он, беженцев из Германии. Я выжимаю из них все, что можно. Время от времени, если кто-либо не может заплатить, я отсылаю их назад — это хорошо выглядит со служебной точки зрения, а остальным показывает, что я шутить не намерен. У Шмендрика нет ни пфеннига, значит — домой в Фатерланд! Тартус и его возлюбленная пытались отговорить меня, но я был тверд. Что я буду за полицейский, если позволю себе руководствоваться чувством жалости?

Вчера вечером в столовой появилось несколько новых для меня лиц. Американский писатель Марти Холландс и профессор Дидерих с дочерью Ингрид — они приехали вместе. Подозреваю, что Дидерихи — мои будущие клиенты. Завтра я займусь этим, благодаря снежным заносам они никуда не денутся. Кроме них здесь еще английская журналистка Джослин Фрэнк, глупая старуха Оливия Куэйл и два

подозрительных спортсмена Уэйн Рэдфорд и Бэзил Нонтон, в этих двоих есть что-то фальшивое, я присмотрю за ними.

Вчера вечером, войдя в столовую, я хотел поговорить с Куртом Краусом, объяснить, что я тоже расследую хищение доходов, но он был поглощен едой и прогнал меня от стола.

Фрау Фрейдж усадила меня рядом с Холландсом, и мы обменялись обычными любезностями. От меня не ускользнуло, что американец по уши влюблен в фрейлен Дидерих — малышка и вправду лакомый кусочек. Но в основном я наблюдал за Шмендриком. После того как почти все постояльцы вышли из столовой, я арестовал Шмендрика. В то время, когда я запираю его в его собственной комнате, случилось невероятное — умер Курт Краус.

Фрау Фрейдж обнаружила тело и немедленно позвала меня.

Я осмотрел Крауса. Тело было еще теплым, лицо испачкано пудингом из тапиоки. На мой взгляд, он был отравлен, и мне кажется, я знаю, чем именно, — это похоже на смертельный яд Z-100, созданный в 1933 году нашими блестящими учеными. Это бесцветное, безвкусное, быстродействующее вещество, его присутствие можно обнаружить только по легкому приятному запаху лаванды. Мне показалось, что от тела исходил похожий запах, хотя и очень слабый. Когда я служил в полиции в Киле, мне дали для изучения маленький пузырек с Z-100. Я провел много захватывающих часов, экспериментируя с этим веществом, изучая его действие на маленьких пушистых животных, а когда покидал Германию, то взял с собой пузырек в качестве сувенира.

Что ж, искать убийцу Курта Крауса придется мне. Я уверен, что справлюсь с этим, потому что среди моих прочих талантов есть главный — непогрешимое чутье на преступников, я носом чую, кто виноват. Правда, в этом деле моя задача усложняется тем, что не меньше пяти человек признались в убийстве Крауса. Вот уж верно — тяжела ты, доля полицейского!

Как все было на самом деле

Мы столкнулись здесь с ситуацией, редкой в литературе, но не столь уж редкой в жизни, когда злодей и жертва — одно лицо. Курт Краус был убит, но он заслужил такую смерть всей своей жизнью.

Какое же из его многочисленных злодеяний послужило последней каплей и привело этого всем ненавистного человека к столь жестокому концу?

Давайте вернемся на шесть лет назад, к моменту прихода нацистов к власти и к взлету карьеры Курта Крауса — знаменитого критика, продюсера и политического деятеля, живущего в Гамбурге и наслаждающегося своей значительностью. Среди тех, кто удостоился покровительства и дружбы Крауса, был коррумпированный полицейский офицер Вильгельм Трен, к которому Краус относился, как к прирученной человекообразной обезьяне. Краусу нравилось приглашать его на свои вечеринки и показывать влиятельным гостям, как некоего домашнего гангстера. А Трен подыгрывал ему, надеясь благодаря этим знакомствам приобрести поддержку сильных мира сего.

Незадолго до прихода нацистов к власти приятель Крауса захотел получить место в Университете в Киле, которое занимал в то время профессор Рудольф Дидерих, выдающийся специалист, создатель подводных лодок. Краус оклеветал Дидериха, и его дружки-нацисты лишили профессора университетской должности и на долгие годы обрекли его вместе с дочерью на домашний арест.

Примерно через год Краус приобрел права на экранизацию трех детективных романов, написанных молодым американцем Марти Холландсом. Сделка была трансатлантической, Холландс никогда не был в Европе.

В это же время у Крауса начался роман с Гелдой Пурбуар — французской певицей с весьма сомнительным прошлым. В момент встречи с Краусом она жила с полицейским капитаном Треном, которого немедленно бросила, поняв, что Краус может быть гораздо полезнее для ее карьеры. Трен, которому Гелда уже наскучила, несколько не огорчился.

Краус задумал построить прогулочную яхту, которая должна была носить имя "Бегемот". Проектировщиком и строителем яхты был Леопольд Шмендрик.

Тогда же в Киль приехала английская журналистка Джослин Фрэнк с заданием написать статью о Курте Краусе для одного английского журнала, а также для изучения знаменитого Вопросы Шлезвиг-Гольштейна для своей будущей книги. Ей удалось с помощью Крауса встретиться с опальным профессором Дидерихом, который считался одним из лучших специалистов по этому вопросу. Между Джослин Фрэнк и Рудольфом Дидерихом состоялась приятная послеобеденная беседа на тему, касающуюся самой неприятной ситуации в истории европейских королевских фамилий.

Шлезвиг и Гольштейн — два объединенных герцогства. Нерушимость этого единства была подтверждена Хартией Райба 1640 года, изданной датским королем Кристианом I. Герцогства тяготели к датской короне, но позднее Гольштейн начал развивать отношения и с немецкой конфедерацией. Со смертью датского короля Фредерика VII 15 ноября

1863 года оборвалась мужская ветвь династии и возник знаменитый Вопрос Шлезвиг-Гольштейна. Наследование трона по датским законам может идти и по женской линии, но Шлезвиг и Гольштейн находились под юрисдикцией Салического закона, запрещавшего передавать власть по женской линии, а это означало, что оба герцогства должны были по наследству перейти к графам Аугустенбургам. Вопрос наследования выявил всю сложность и запутанность родственных отношений, Шлезвиг предпочитал Данию, а Гольштейн — Германию. Англия и другие европейские страны принялись мутить воду, не становясь, однако, ни на чью сторону, чтобы не дать ни той, ни другой стране набрать силу. Все это завело ситуацию в тупик, и Бисмарк умело воспользовался этим в качестве предлога для войны с Данией, и завершилось все это присоединением Шлезвиг-Гольштейна к Германии.

Но интерес к этому вопросу не помешал Джослин Фрэнк выполнить задание журнала, а все любезности и помощь Крауса не повлияли на ее профессиональную независимость, и статья получилась очень резкой. Курт Краус был в ярости, когда она была напечатана.

Следующий, 1936 год был годом знаменитой Берлинской Олимпиады. Курт Краус был там, и там же произошла встреча с Уэйном Рэдфордом и Бэзилем Нонтоном — парочкой жуликов, выдающих себя за спортсменов. Они объясняли своим потенциальным жертвам, что живут припеваючи и могут не работать потому, что вложили деньги в акции компании "Эвглейд лэнд" во Флориде в США. Курт Краус попался на эту удочку и вложил все, что мог собрать, в это дело; это заставило его отсрочить выплату гонорара Марти Холландсу за право на экранизацию его книг, он надеялся расплатиться с ним чуть позже, когда компания "Эвглейд лэнд" начнет осыпать его золотым дождем. А пока, что мог сделать Холландс, живя далеко в Америке?

По той же причине Краус не мог расплатиться и с Леопольдом Шмендриком, хотя яхта "Бегемот" уже плавала по Северному морю. Во время третьего плавания, когда на борту кроме Крауса и Гелды были и два мошенника Рэдфорд и Нонтон, случилась трагедия. Курт Краус выяснил, что его кок Феликс Фрейдж является агентом американской секретной службы. Это бросало тень и на самого Крауса и грозило непредсказуемыми осложнениями, и он предложил Феликсу Фрейджу бежать через Северное море в Шотландию и даже обещал доставить его туда на яхте, но в ответ на это предложение Фрейдж набросился на него, и, обороняясь, Краус был вынужден убить шпиона. Так Курт Краус объяснил случившееся Хама Тартусу, который оказался невольным свидетелем происшедшего. Краус попросил Тартуса помочь ему обставить дело так, будто это был несчастный слу-

чай. Тартус был слишком перепуган и сбит с толку, чтобы отказать.

Вернувшись домой, Хама Тартус пересказал версию о несчастном случае вдове Феликса фрау Фрейдж, которая в те времена вела хозяйство в доме профессора Дидериха. Фрау Фрейдж сразу же поняла, что все это ложь, хотя она и не предполагала, что Тартус сознательно лжет ей, она думала, что он повторяет фальшивку, искренне веря в нее, а про себя она решила, что шпионская деятельность ее мужа была раскрыта, и его просто убрали. Она ни с кем не делилась своими подозрениями, даже с Тартусом.

Вскоре после того, как закончилось следствие, во время которого Хама Тартус подтвердил версию Курта Крауса о несчастном случае, он пошел к Краусу и заявил, что это происшествие так расшатало ему нервы, что он больше не может выходить в море. Ему удалось скопить немного денег, и он хотел обзавестись собственным делом — купить отель. Краус согласился помочь ему с условием, что этот отель будет за пределами Германии. Хама понимал, что все это похоже на шантаж, и нервничал, чувствуя себя виноватым, но все же он хотел использовать этот шанс, чтобы самому встать на ноги. Так он с помощью Курта Крауса купил отель "Часы с кукушкой", и фрау Фрейдж переехала к нему, чтобы помогать вести хозяйство; они с Хама Тартусом очень близки, но не могут пожениться, потому что тело Феликса не было найдено и он не был признан умершим.

Примерно в это время перестали поступать чеки от компании "Эвгелэйд лэнд". Краус получил лишь короткое уведомление о реорганизации фирмы. Поскольку Краус истратил все, что у него было, покупая акции мифической компании, он заявил Хама Тартусу, что он на мели и хочет вернуть деньги, которые ссудил ему. Но все было потрачено на покупку отеля, так что оставалось ждать, когда отель начнет приносить доходы.

Примерно в это же время лопнуло терпение у Леопольда Шмендрика, и он подал на Крауса в суд, требуя заплатить ему за строительство яхты "Бегемот". Но как только Шмендик начал судебное преследование Крауса, им самим тотчас же заинтересовалось гестапо, вспомнив о его политической активности в годы Веймарской республики. Ясно, что это преследование организовал Курт Краус. Шмендик был вынужден бежать из Германии и нашел приют у Хама Тартуса в отеле "Часы с кукушкой".

Марти Холландс впервые приехал в Европу, его привели сюда две цели: он решил объединить изучение Вопросы Шлезвиг-Гольштейна с поисками справедливости — он хотел подать в суд на Крауса, чтобы получить свои деньги. Но здесь он узнал, что герр Краус настолько влиятельная фигура, что выиграть процесс в немецком суде практически не-

возможно. Изучение Впроса Шлезвиг-Гольштейна, которое было ему необходимо для нового исторического романа "Пятно на родословной", тоже оказалось непростым делом. Холландс хотел встретиться с профессором Дидерихом — признанным авторитетом в этой области, но это оказалось невозможным. Однако Марти Холландс — настоящий искатель приключений. Переодевшись молочником, он проник в дом Дидерихов и встретился с профессором и его дочерью Ингрид. Он был очарован Ингрид, и после нескольких визитов с переодеваниями в дом Дидерихов он убедил их в том, что может вызволить их из домашней тюрьмы. Так все трое оказались в Швейцарии в отеле "Часы с кукушкой".

Итак, только одна гостя отеля мисс Оливия Куэйл никогда не встречалась с Куртом Краусом и не имела с ним никаких дел. Гувернантка на пенсии, она разъезжает по всему миру в поисках рецептов рыбных блюд для своей книги, которая служит прикрытием для более серьезной и опасной деятельности: она занимается поисками секретных военно-морских баз.

Кто же убил Курта Крауса? Пять человек сознались в убийстве, но все они не могут быть виновными. А может, все они лгут?

Давайте начнем с тех, кто не признался.

У Хама Тартуса и фрау Фрейдж есть причины бояться Курта Крауса: вдруг он выяснит, что они утаивают часть доходов, чтобы расплачиваться с капитаном Треном. Но этого еще не произошло, и даже если это случится, то у Хама Тартуса есть оружие против Крауса — он знает об обстоятельствах смерти Феликса Фрейджа. Кроме того, оба они — и Тартус и фрау Фрейдж — люди тихие, неспособные на такие крайние действия, если их не поставить в безвыходное положение. Да и не стали бы они убивать кого-либо в собственном отеле, подсыпая яд в приготовленные ими же блюда. Таким образом, их мотивы для убийства недостаточны и слабы.

У Джослин Фрэнк с Куртом Краусом проблемы профессионального характера. Он раздражал и даже бесил ее, но опытный журналист умеет справляться с этими эмоциями.

Что касается Гелды Пурбуар, то ее личная жизнь такова, что, решишь она убивать каждого, кто ее обидел, ей пришлось бы опустошить пол-Европы. Гелда живет днем сегодняшним, а не вчерашним.

Уэйн Рэдфорд и Бэзил Нонтон могли бы ожидать неприятностей от Крауса, однако только в том случае, если бы он точно узнал, что это они надули его, а по его поведению они так и не определили, догадался он или нет. Но и в случае разоблачения их стиль — лавировать и исчезать, а не атаковать.

Капитан Трен прекрасно устроился в этом глухом уголке

Швейцарии, у него нет мотивов для убийства Крауса. Даже если бы тот выяснил, что Тартус утаивает доходы, чтобы платить ему. Что мог бы Краус сделать Трену? Ничего.

Значит, остаются пятеро сознавшихся: Марти Холландс, профессор Дидерих, Ингрид Дидерих, Леопольд Шмендрик и Оливия Куэйл. Кто из них сказал правду?

В определенном смысле — никто.

Галантный жест Марти Холландса не нуждается в особых пояснениях. Испугавшись, что это Ингрид во время "обморока" вылила яд в тарелку Крауса, он поспешил признаться в убийстве, чтобы защитить девушку. Те же мысли заставили признаться и профессора Дидериха, решившего, что убийца — Ингрид.

Были ли они правы? Нет. Признание Ингрид — тоже акт самоотверженности, она-то решила, что это отец убил Крауса. Все трое быстро выяснили между собой, что произошла ошибка, и отказались от своих признаний, за что получили от капитана Трена строгий выговор.

Леопольд Шмендрик только что был арестован капитаном Треном, угроза депортации и почти неминуемой гибели в Германии заслонила собой все несправедливости, которые причинил ему Курт Краус. Однако, узнав, что тот мертв, Леопольд сразу же решил взять вину на себя, понимая, что, если он признается в убийстве, его не депортируют в Германию, будут судить в Швейцарии, и если повезет и его признают виновным, то он проведет несколько лет в относительно комфортабельной швейцарской тюрьме. Это казалось ему единственным способом выжить, вот почему он настаивает на своей виновности.

И, наконец, остается мисс Оливия Куэйл, которая никогда не встречалась с герром Краусом, и, похоже, именно у нее нет никаких причин убивать этого человека, и все-таки...

Это сделала именно она.

Связным мисс Куэйл, которому она должна была передать информацию о местонахождении секретной базы, был тот самый карлик из цирка "Рундельманс", которого арестовало гестапо. Она понимала, что лишь снежные заносы защищают ее сейчас от появления гестаповцев в отеле. Ей нужно как можно скорее выполнить две задачи, причем обе сразу: укрыться где-то, куда не смогут проникнуть немецкие агенты, и каким-то образом сообщить брату название того места, где располагается секретная база немецких подводных лодок.

Во время ужина, когда она разговаривала с Леопольдом Шмендриком, который описал ей многочисленные злодеяния Курта Крауса, у нее возникла идея. Она давно подозревала, что Краус причастен к исчезновению ее коллеги Феликса Фрейджа. Подойдя к столу Крауса и развернув перед ним свою карту, она вылила яд в его тарелку, как она и опи-

сала это в своем признании, умолчав лишь о действительной причине.

Оказавшись в швейцарской тюрьме, она будет защищена от немецких убийц, а когда Квентин получит ее послание с просьбой обратиться к ее адвокату Улиссу Шёнбергу, он поймет, что это означает, потому что у мисс Куэйл нет адвоката с таким именем. Прибрежный городок Шёнберг, где мисс Куэйл впервые встретила с Джослином Фрэнк, и оказался тем местом, где строились новые подлодки. Так она сможет решить обе задачи: обеспечить свою безопасность и передать информацию брату.

Когда снежная буря наконец утихла и дорога, ведущая к отелю, была расчищена, появилась федеральная швейцарская полиция, а следом за ней — группа крепких американских парней. Оказалось, что это лыжники, которые проводят в этих местах свои каникулы, а в отель они заглянули, чтобы передать мисс Куэйл привет от ее брата Квентина.

Тут же мисс Куэйл заявила, что у нее было временное помутнение рассудка, и тоже отказалась от своего признания.

Дальше — больше. Марти Холландс, узнав от Тартуса историю бедного Леопольда Шмендрика, пообещал ему нанять в Цюрихе лучшего адвоката, чтобы спасти его от депортации. И Шмендрик тут же отказался от своего признания в преступлении.

Однако у полиции появились новые свидетельства. Хама Тартус и фрау Фрейдж заявили, что капитан Трен заходил в кухню во время ужина, интересовался, чем кормят герра Крауса, и несколько минут находился на кухне один. Марти Холландс подтвердил, что Трен вернулся из кухни к столу очень довольный собой. Все остальные подтвердили, что в начале ужина у Крауса с Треном было короткое, но во враждебных тонах объяснение. Кроме того, представителям швейцарской полиции напомнили о былых прегрешениях капитана и о том, что их с Краусом связывали какие-то общие темные дела.

С ужасом увидев, как выстраиваются против него обвинения, и поняв, что здесь у него нет ни одного друга, капитан Трен предпочел скрыться. Больше его в этих местах не видели.

Хама Тартус и фрау Фрейдж счастливо жили в отеле "Часы с кукушкой" до конца своих дней.

Джослин Фрэнк сделала знаменитостью во время войны благодаря своим репортажам с места боевых действий в районе Тихого океана. Ее автобиография стала бестселлером в Америке и Великобритании.

Остальные персонажи нашей истории перебрались в Соединенные Штаты еще до того, как разразилась война.

Леопольд Шмендрик строил яхты в Санта-Барбаре, в Калифорнии. Мошенники-спортсмены Уэйн Рэдфорд и Бэзил

Нонтон осели где-то во Флориде, поближе к своей компании "Эвглейд лэнд".

Роман Марти Холландса "Пятно на родословной" был так неудачен, что он больше никогда не брался за исторические сюжеты. А в остальном он был очень счастлив со своей женой Ингрид.

Сразу по приезде в Америку герр профессор Рудольф Дидерих был приглашен в Йельский университет, однако из-за своей рассеянности он вместо этого поехал в Гарвардский. Никто не заметил ошибки, и профессор до конца своей жизни работал в Гарвардском университете, будучи твердо уверенным, что это Йельский.

В 1940 году история убийства Курта Крауса была экранизирована на студии "Уорнер Бразерз", а Гелда Пурбуар сыграла в фильме себя. После этого она несколько лет снималась в Голливуде в ролях шпионок и роковых женщин — до тех пор, пока не вышла замуж за нефтяного магната из Оклахомы и не удалилась на покой.

А мисс Оливия Куэйл удивила всех тем, что все-таки выпустила в свет свою книгу рыбных блюд под названием "Подводные лакомства". Книга пользовалась огромным спросом. После этого мисс Куэйл в самом деле ушла на покой. По крайней мере, так она говорит.

*Перевод с английского
Татьяны Боднарук*

Юлиан Семенов

ТАЙНА КУТУЗОВСКОГО ПРОСПЕКТА

11

— Ты меня хорошо знаешь, Вареный? — переспросил Артист, пробуя лезвие финки о ноготь большого пальца. — Что замолчал? Комбинируешь? Отвечай! Зря мыслью танцуешь, проиграл — толкуй.

— Я ж говорю, по кликухе — знаю.

— Это понятно. Меня все блатные по кликухе знают. Я спрашиваю, как ты меня знаешь? Хорошо или понаслышке?

— Хорошо.

— Кто тебе про меня говорил?

— Леня.

— На Руси полмилльона "Лень". Кликуха? По какому делу проходил?

— "Косой"... В Донецке брал кассу...

— В Новочеркасске он кассу брал... Кем ты ему был?

— Я не жопник, не подставлялся... Массаж делал, брюки гладил, подарки принимал как близкий...

— Ну и что он тебе про меня рассказывал?

— Говорил, что вы ему учитель.

— Верно говорил. Значит, если ты ему близкий, то мне ты — флендра, в рот напишу — проглотишь. Так?

— По закону — да.

— Сомневаешься, что ль?

— Я говорю — по закону имеете право.

— По закону я на все имею право. А ты проглотишь?

— Вы мне предъявите, в чем я провинился? В чем предмет разбора? Из-за чего вы начали толковищу?

— Это не толковища, Вареный... Это процесс... И чтобы ты понял, отчего я заявляю эту толковищу процессом — хотя мне с тобой толковать не положено, ты масенький для меня, такими, как ты, я расплачивался, на кон ставил, — расскажу тебе случай про то, как два авторитета пошли в побег... Они шли через мордовскую тайгу, понимая, что их уже объявили в розыск... Шли по компасу, ели четыре сухаря в день и один кусок вяленого мяса. И однажды ночью к их

костру вышел медведь и попер на одного из друзей, и шваркнул его лапой по спине... А второй не потек, схватил тлеющее полено и засадил в глотку медведю и поворотил зверя на себя... А в этот миг я — да, да, я тебе, если дотолкуемся, спину свою покажу — успел выхватить из-под рюкзака штык и засадил его медведю в шею... Я не знаю другого человека, который бы пошел с поленом на медведя, только чтоб друга спасти... Таких людей на этой грешной земле больше нет, Вареный... Таких людей надо оберегать и холить... А вы этого человека убили...

— Кого вы имеете в виду?

— Ястреба.

— Мне эта кликуха неизвестна.

— Это не кликуха. Фамилия.

— Я такого не знал. Зря вы мне выдвигаете это обвинение. Если недостаточно моей клятвы, скажите, когда и где это было, я выставлю алиби, и, если вы мне не поверите, можете пригласить кого хотите для официального разбора.

— Подумай еще раз, Вареный. Я отдаю себе отчет в том, что ты не был скрипачом в этом деле, не ты вел соло, ты шел вторым, стоял на шухере, ждал в машине — это мне понятно... Но то, что ты замазан его кровью, — для меня ясно.

— Жизнью клянусь, не мазался!.. Ничего об этом Ястребе не знаю!

— Хорошо... Что ты делал неделю назад?

— На даче дох.

— На малине, что ль?

— Нет... Мы малин не держим... Нормальная дача...

— А потом?

— Потом был в деле.

— В каком?

— Отношения к Ястребу не имеет. По закону могу не отвечать, другое число.

— Хорошо... Кто подтвердит, что ты дох на даче? Семь дней назад, день и ночь, главное — ночь?

— Нянька.

— Блатная?

— Нет.

— Какая же ей вера? Ты выставь мне свидетеля, который ботает по фене и готов ответить перед нашим законом, я ж не один буду решать, со мной еще два авторитета в деле...

— Официально заявляю: няньку можно взять в толк, она проверенный человек, покрывать ложь не станет.

— Мне нянька не нужна... Мне твой пахан нужен, Вареный. Я ему хочу этот вопрос задать. Если он тебя отмоеет и даст мазу, я пойду по другому следу.

— По закону я не имею права отдавать пахана. И вам это известно лучше, чем мне, потому что вы не просто законник, но и авторитет...

— Пеняй на себя, — задумчиво ответил Артист и, не спуская глаз с Вареного, медленно, словно бы с натушной болью, откинулся на спинку стула. — Где телефон?

— А что? — Вареный подался к нему. — Зачем? Кому вы хотите звонить?! Не верите?! Я ж официально клянусь! Абсолютно официально!

— Где телефон? — повторил Артист и поднялся; он сыграл усталость, позволив Вареному увидеть опущенные плечи, обвисшие руки, склоненную набок голову, — все эти минуты говорил с напряжением, сейчас настала разрядка; ну, прыгай на спину, Вареный, уникальный шанс, я ж к телефону иду, авторитетов вызову, придет твой последний час, не пропусти мгновение...

Он шел медленно, шаркающе передвигая ноги; только бы не переиграть; любой вор — артист, только опытный — талантливей, а шестерка — как провинциальный конференсье с прошлогодними анекдотами, разрешенными к публичному исполнению цензурой.

Артист ощутил движение за своей спиной за долю секунды перед тем, как услышал его; пружинисто пригнулся; массивная пепельница грохнула в дверь; он шарнирно развернулся и принял Варенова на грудь; тот словно бы летел следом за пепельницей, выставив лобастую голову, чтобы опрокинуть врага, заломать шею, разбить лицо об пол, а потом подтащить к телефону и вызвать своих, для совсем иной уже толковищи.

Артист ударил Варенова ребром ладони по загривку; тот рухнул кулем, распластавшись по полу обмягчевшим телом.

Ухватив Варенова за чуб, Артист поднял его голову, заглянул в побелевшее лицо; веки дрожали, значит, беспмятство играл; ударил лицом об пол, раз, два ...пять, снова посмотрел на веки: лежали ровно, восково.

Медленно разжал пальцы; голова грохнулась на паркет; пошел в ванную, набрал воды в стакан и заглянул на кухню; телефон стоял на подоконнике, моргала красная лампочка автоответчика; нажал кнопку костяшкой указательного пальца, убавил громкость, прослушал голоса, записал номера телефонов, куда просили позвонить, пошел в комнату и вылил воду на голову Варенова. Тот дрогнул, заскребся; Артист вернулся на кухню, тщательно вытер стакан полотенцем, оставил на столе.

Закури, неторопливо повернулся: Варенов стоял на пороге, раскачиваясь, как пьяный; кровь текла по лицу.

— Иди сюда, — сказал Артист. — Снимай трубку и набрай телефон... Винить меня нечего, я упреждал... Или отдай добром Хрена, я с ним толковищу наедине проведу...

Произнося эту фразу, глаз с лица Варенова не спускал, ждал, какотреагирует на слово "Хрен"; тот дрогнул; подался, сука...

...К Костенко позвонил отсюда, от Варенова, когда тот ушел смывать кровь в ванную; продиктовал телефон:

— Вроде бы сейчас живет по этому номеру...

...Костенко сразу же связался со Строиловым, сказал, что едет к нему, пусть ждет; Строилов дождался, тут же установил адрес по телефонному номеру; через двенадцать минут туда, на Парковую, отправили бригаду; через пятьдесят три минуты муровцы засекли неизвестного, вышедшего из дома "объекта"; неизвестный (лет тридцати пяти, блондин, голубоглазый, рост примерно сто семьдесят пять, одет в кожаную куртку и черные брюки, особых примет не замечено, на мизинце правой кисти массивное золотое кольцо) остановил частного и, профессионально проверившись, сел в машину (номерной знак МКУ 74-81). Машина взяла направление в центр; возле большого барского дома на Потаповском неизвестный, не отпуская водителя, быстро прошел во двор и скрылся в подъезде двухэтажного строения. (После Октября во дворах красивых ампирных громадин, законченных как раз накануне переворота, таких уродцев понатыкали во множестве; и старорежимную красоту приятно изговнять, мстительно пригнув до уровня безликого равенства, да и в графу "заботы о повышении благосостояния трудящихся" вполне вписывается реляция про то, что увеличили жилищный фонд — в такую трущобину можно вселить двенадцать семей, на каждую — по комнате, экономия налицо: одна стена — капитальная, барская, три других — в один кирпич, не замерзнут, батарею поставим.)

В строении "неизвестный" пробыл не более пятнадцати минут; наружка, оставленная на Потаповском, приняла в наблюдение молодого парня, вышедшего из темного подъезда через минуту после "неизвестного"; две машины продолжили проследку частного. "Неизвестный" расплатился с ним возле дома семь на улице Строителей, вошел в четвертый подъезд; судя по тому, что зажгли окна на третьем этаже, он жил в квартире номер двенадцать; установили имя и фамилию: Владимир Аркадьевич Никодимов, сорок четвертого года рождения, русский, не судим, образование незаконченное высшее, работает на договоре в московском торговом, разведен; жена, Никодимова Валерия Юрьевна, сорок девятого года рождения, инструктор Росконцерта по организационным вопросам.

Парень, вышедший следом за Никодимовым, был взят в наблюдение под кличкой Длинный. Его довели до Варсонофьевского переулка; там жила Валерия Юрьевна Никодимова. Пробыв у нее десять минут (устанавливать не при-

шлось, на двери была табличка с фамилией и инициалами), Длинный вернулся домой в двадцать три сорок семь и больше нигде не выходил; фамилия Страхов, зовут Геннадий...

Установку по жильцам всех квартир на Парковой (судя по номеру телефона, который дал Артист, там жил Сорокин) Костенко и Строилову принесли в пять утра на чердак дома, стоявшего напротив того подъезда, из которого вчера вечером вышел Никодимов! Нужных фамилий — ни Сорокина, ни Хренкова, — среди жильцов не оказалось.

— Что будем делать? — спросил Строилов.

Не отрываясь от окуляров бинокля, Костенко ответил:

— Ждать.

...Ждали до восьми.

— Глаза не слипаются? — спросил Строилов, растирая лицо своими донкихотскими, длиннющими пальцами.

— Слипаются.

— За кофе, может, съездить?

— Потерпим.

— Хотите отдохнуть?

— В лицо его знаю один я...

— Думаете, мог бородашку отпустить?

— Мог... Судя по всему, у него очень развито чувство опасности... Но я не могу взять в толк: зачем ему следить за нами?! — Костенко опустил бинокль, закурил, потер покрасневшие глаза и недоумевающе, с нескрываемой растерянностью поглядел на Строилова.

— Я постоянно задаю себе этот же вопрос.

— Кто ему мог рассказать, что вы теперь ведете дело Ястреба? Кто?

— Об этом знают восемь человек, все наперечет...

— То-то и оно... Оттого и страшно...

Костенко снова уперся в окуляры бинокля и сжался: Хренков, он же Сорокин, неотрывно смотрел ему в глаза — протяни руку, тронешь.

— Он, — прошептал Костенко.

Строилов неожиданно для самого себя съежился, опасно поднес к губам "воки-токи" и прошептал:

— Человек в спортивном костюме — тот, кто нам нужен. Не спускать с него глаз. Делайте фотографии. Докладывайте о маршруте постоянно...

...Строилов-старший посмотрел на мокрые еще фотографии человека в спортивном костюме, трусившего по улице, откашлялся, положил пергаментную руку на птичью свою грудь и тихо сказал:

— Это он, Сорокин, мой следователь...

В десять часов тридцать минут Валерия Юрьевна Никодимова зашла в кабинет своего начальника с текстом телекса в Нью-Йорк. Адресат — Джозеф Дэйвид; американца срочно вызывали на переговоры о концертном турне советских актеров по Соединенным Штатам.

В одиннадцать сорок Костенко подвезли с Петровки домой — отключиться хоть на пару часов, не спал всю ночь.

Во дворе было чисто; в подъезде тоже; однако взгляд его — тренированный, всезамечающий, особенно в ситуациях экстремальных — отчего-то задержался на деревянной дверчке, закрывавшей электрическую и телефонную разводку на лестничной клетке. Костенко даже не понял, что его кольнуло; зашел в пустую квартиру, прочитал Маняшину записку про то, что и в какой последовательности надо подогреть, вынес табуретку на лестничную клетку ("вот ведь ужас, какие слова напридумывали, а?! сами себя к тюрьмам толкаем, — "клетка"; какая же у нас чудовищная, беспросветная судьбина"), осторожно встал на нее, приоткрыл зелененькую дверочку пошире и сразу же заметил возле своей разводки маленькую пластмассовую присосочку; надел очки, зажег спичку; "Мэйд ин Гонконг"; ("вот так номер! Значит, и мои разговоры пишут?! Кто?!")

...Вместе со Строиловым приехал эксперт из НТО; пока смотрел присоску и "пальчики", капитан, выпив чашку крепчайшего кофе (бессонная ночь сделала его лицом серым, глаза, окруженные сине-желтым, провалились, такие у здоровых людей с тяжкого похмелья бывают), заметил, хрустко потянувшись:

— Заезжал ваш знакомец Ромашов, из комитета, сказал, что нам высылают все материалы следственного дела по Сорокину... Пистолет у него был... Именно "Зауэр"... Подарен лично Абакумовым... Изъят при аресте, где находится сейчас — неизвестно.

...Позвонили с Петровки:

— Добрый день, товарищ полковник, это дежурный по...

— Я сплю, — перебил Костенко, — позвоните через два часа...

— Так к вам же капи...

Костенко осторожно положил трубку на рычаг, пояснив:

— Не надо знать тем, кто нас слушает, что капитан Строилов находится сейчас у меня... Интересно, определит эксперт, куда подтянут этот телефонный жучок? Или он может передавать текст моих разговоров на расстоянии?

Оказалось — на расстоянии, до километра; сиди себе в машине и катай на диктофон. Ну бандиты пошли! Ну техническая оснащенность! Сыщикам бы такую!

Костенко зашел к соседям, оттуда позвонил на Петровку; дежурный сообщил, что "Злой" (так называли Сорокина в сводках наружного наблюдения) был прописан на Парковой

под фамилией Витман; после пробежки был дома, никого не принимал, только что вышел из квартиры и в настоящее время приехал в Безбожный переулок, к Пшенкину Борису Михайловичу, литератору...

В два часа позвонили из Ярославля: фотографии Никодимова и Страхова, переданные по фототелеграфу в редакцию областной газеты, предъявлены той старушке, у которой останавливался слесарь кооперативного гаража Окунев и его неизвестный спутник. Старушка (Цыбунина Анна Максимовна) опознала в Геннадии Страхове человека, приезжавшего вместе с ее покойным постояльцем. Однако после того, как к ней зашли соседки, показания изменила, сказав участковому, что это не точно: "могла и ошибиться, глаза-то старые, слепые"...

В три часа Строилов собрал оперативное совещание; прежде чем идти с докладом к высокому начальству, решил связать все эпизоды воедино, постараться выработать версии; первое слово предоставил Костенко.

Тот поднялся, оглядел членов оперативной группы (мальчишечки совсем, лица хорошие, с такими можно идти в разведку; куда тебе в разведку? отходил; а может, нет еще?), горестно вздохнул и, спросив у капитана разрешения закуригорить, начал докладывать:

— Я признателен нашему руководителю, капитану Строилу, за предоставленную возможность поделиться своими соображениями по тому узлу проблем, который ва... нам предстоит развязать... А не выйдет — будете... будем рубить... Итак, первый осмотр квартиры Зои Алексеевны Федоровой, проведенный двенадцатого декабря восемьдесят первого года, показал, что в комнатах не было следов борьбы, насилия и грабежа. Обстановка в шкафах и тумбочках не была нарушена; найдены пустые коробочки из-под колец с товарными ярлыками — от тридцати до трехсот пятидесяти рублей, изъяты двенадцать кассет, бывших в употреблении, — лежали в тумбочке возле кровати, нашли сберкнижку на имя Федоровой — вклад сто девяносто семь рублей восемьдесят девять копеек... В стенке — при тщательном осмотре — найдено еще две кассеты, "Лоу Войс" и "Панасоник", кулон желтого металла с белым камнем, брошь, перстень. С журнального столика изъят отпечаток пальца на дактилоскопию. В корреспонденции, лежавшей на пианино, обнаружено четыреста сорок рублей; десять золотых коронок; около балкона нашли изделия из белого и желтого металла: шесть пар запонок, подвеску, серьги, кольца, браслеты... Что-то еще было — точно не помню... На следующий день осмотр

квартиры продолжался... Нашли конверт с двумя тысячами рублей, еще несколько колец, гарнитур из браслета, двух колец и кулона... Следовательно, версия грабежа должна была отпасть сама по себе... Однако кто-то сверху требовал работать именно эту версию... Почему? У меня нет ответа... Незадолго до гибели Зоя Алексеевна получила письмо... Вскрыв его, она обнаружила свой портрет из журнала — с выколотыми глазами; там же была записочка: "Грязная американская подстилка, тебя ждет именно такая смерть за предательство Родины!". Вскрости она получила еще один свой портрет с идентичной записочкой... Заметьте, выстрелили ей в затылок, пуля вышла через глаз... Однако версию политического убийства нам отрабатывать не давали... Один из допрошенных мною сотрудников ВЦСПС — он посещал несколько раз Зою Алексеевну — обличал ее в своих показаниях: "Я слушал разговоры тех людей, которые у нее собирались, — о пытках, расстрелах и мучениях в так называемых "сталинских лагерях" и словно бы погружался в грязь. Однажды я не выдержал и сказал: "Как вам не смрадно жить прошлым?!" В ответ на это она обозвала меня стукачом и сексотом... Больше я у нее не бывал..." Одна из допрошенных показала: "Федорова очень плохо говорила о товарище Сталине — даже после того, как убрали Хрущева и снова начали писать правду, каким великим стратегом был Иосиф Виссарионович. И вообще у нее слишком часто бывали какие-то странные типы... Раз я у нее встретила отвратительного еврея с длинным носом... Может, ее сионисты убили?"

Строилов усмехнулся, процитировав злую эпиграмму на одного литератора: "И сам-то ты горбат, стихи твои горбаты, кто в этом виноват? Евреи виноваты".

Костенко кивнул:

— Тем не менее, мы и эту версию пытались отрабатывать... А вот ее квартиранта, солиста ансамбля песни и пляски МВД некоего Геннадия Семеновича, нам удалось допросить только один раз; сверху жали: "хватит, надоело, не туда гнетет"... Он утверждал, что познакомила его с актрисой — в семьдесят седьмом году еще — администратор московского эстрадного объединения общества слепых, а у меня были сведения, что эту самую администраторшу кто-то аккуратно к солисту подвел... Кто? Я вышел на краснодарский след, тоненький, пунктирный, но — многообещающий... Однако из Краснодара позвонили руководству, скорее всего Медунов: "Не цепляйте честных людей"... Я не утомил вас, товарищи?

Ответили, как школьники, замороженным единым выдохом:

— Не-эт!

— Ладно, — хмуро улыбнулся Костенко, — пойдем дальше... От этого самого квартиранта Гены я вышел на некоего

“Олега” и “Викторию Ивановну” из Свердловска... Вроде бы она — работник Ювелирторга, сделала Федоровой гарнитур за пятнадцать тысяч рублей, как раз на ту сумму, что актриса выручила от продажи своей дачи... Но ведь, судя по осмотру места происшествия, гарнитур этот похищен не был... Мне и эту линию оборвали — не приказно, конечно, а, как говорил великий кормчий, “тихой сапой”... Ну и, наконец, главное, “Олег”... Тот ли это был “Олег”, которого называл квартирант, или нет, выяснить не удалось — не дали. Об этом эпизоде я говорю вам первым... Время настало... Не потому, что гласность, но из-за того, что произошло в Москве за последние дни... Итак, “Олежек” этот был артистом, гастролировал от Москонцерта, ездил с цыганскими ансамблями, с грузинскими, армянскими, кажется, еще с еврейскими и молдавскими... “Олежек” говорил — и я эту информацию получил, — что его друг Борис Буряца, артист Большого театра, продал одному из тузов уголовного мира, скупщику краденного, некоему “Федору Михайловичу” кулон работы Фаберже за двадцать пять тысяч... А некий студент Ленинградской духовной академии поведал, что у Бориса Буряцы, который пользуется покровительством какой-то очень важной дамы по имени Галина Леонидовна, дома хранится на миллион рублей антиквариата и пистолет, похожий на “Зауэр”... Я эту информацию отправил своему начальству... Те перебросили по инстанции; прошло часа три, и меня выдернули: “отдай материалы”. Я возразил — мол, не по правилам; не понял еще, о ком шла речь; врезали выговор, информацию отобрали... Но ведь память отобрать нельзя... Так что — я помню... А на следующий день я еще одно сообщение получил: тот же “Олежек” говорил друзьям, что о Зое Федоровой, о том, кто ее окружает, информирован Борис Буряца... Вот так-то... А он, Борис, после скандального ареста, связанного вроде бы с похищением бриллиантов у Ирины Бугримовой, укротительницы тигров, и последовавшего затем довольно скорого освобождения прожил недолго — где-то в поездке, уж не в Краснодарском ли крае?! — занедужил внезапно, попал на операционный стол и умер в одночасье, а ведь молодой еще человек, все свои тайны унес, а их было много, ох как много... И я их знаю...

Костенко снова полез за сигаретой, извинительно глянув на Строилова; тот пожал плечами:

— Владислав Романович, не ставьте меня в неловкое положение, вы здесь старший...

Костенко закурил и, сильно потеряв затылок, продолжил:

— Теперь давайте посмотрим, что произошло десять дней назад... Все бы шло, как шло, не подойди ко мне человек, представившийся Хренковым Эмилем Валерьевичем... Ну подошел, ну пригласил поработать в кооперативе, ну назвал нашего общего знакомого Мишаню Ястреба... Все бы

ерунда, не разгляди я в его машине Давыдова, которого допрашивал по делу Зои Алексеевны, — говорил я с ним на свой страх и риск, без протокола, оттого как он вертелся вокруг Бурацы и его сотоварищей, а также “дамы-покровительницы”... И когда я пришел сюда — посмотреть, что осталось от дела Федоровой, — выяснилось, что Давыдов этот теперь стал “Дэйвидом”, причем чудодейственно быстро, без всяких препятствий свалил в Америку — через месяц после убийства... За него, как я выяснил, похлопотали: сверху было указание, то ли от Щелокова, то ли от кого еще... Ясно? Вот поэтому я и запросил данные на Хренкова. Но того, который ко мне подошел, в столице среди “хренковых” не оказалось... Пришлось сделать робот; сначала робот опознал Мишаня Ястреб: “садист-следователь, арестовали в пятьдесят седьмом, били смертным боем в Саблаге, называемая Хреном; потом опознал генерал Трехов, который и Зою Федорову освобождал, и следователя ее сажал... Я, именно я, попросил Ястреба найти мне подходы к Хрену, который назвал “свой” кооператив... А по случайности в этом кооперативе работала подружка Мишани, и, видимо, Ястреб нашел — скорее всего, через Людку — эти самые подходы, за что и был убит... И Людка — тоже... Практически одновременно... А затем — убрали слесаря гаража Окунева, где хранилась машина, с которой снимали номерной знак... Тоже, кстати, чалился в Саблаге... А затем батюшка нашего руководителя, генерал Строилов, назвал фамилию робота — подполковник бывшего МГБ Сорокин, Евгений Васильевич. Поэтому я вновь и вновь задаю себе вопрос: отчего Федорову не пускали в гости к дочери? Кто именно? Она не хотела эмигрировать, мечтала повидать дочь и внука — всего лишь. Почему раньше ее пускали в Штаты, а потом превратили в озлобленную отказницу?

Я задаю себе вопрос: почему спустя восемь лет после убийства актрисы ко мне — вполне конспиративно, чувствуется профессионал — подошел Хренков, он же Витман, он же Сорокин, имевший прямое отношение к той трагедии, которая в конце концов и разметала ее семью? Почему вместе с ним был Дэйвид, завязанный на Бориса Бурацу? И тех, кто его окружал, поддерживал, двигал?

Я задаю вопрос себе: отчего в квартире Федоровой было так много магнитофонных кассет? Я посмотрел книгу Виктории Федоровой “Дочь адмирала”. Почему мать не рассказала ей о том, что она обратилась с просьбой об освобождении своего отца к Сталину? Именно к Сталину, а уж после возник Берия... Это мне подтвердил и народный артист Юрий Медведев во время нашей беседы, это же он повторил на допросе у инспектора угро 40-го отделения Карасева — пятого февраля восемьдесят второго года... Многие свидетели утверждали, что Зоя Федорова жила довольно

стесненно, но, как любая мать, мечтала помогать дочке и внуку — поэтому так много гастролировала, — нужны были деньги... Покупала — для этого же — золотишко и камушки... Так говорили — фактов нет... Опрошенный тем же инспектором Карасевым друг Федоровой — они вместе работали на картине "Иван Никулин, русский матрос" в сорок третьем году еще — утверждает, что Виктория за свою книгу получила в Штатах двести двадцать пять тысяч долларов, ни в чем не нуждалась... У одного из допрошенных писателей проскочило утверждение, что во время поездки к дочери Зоя Алексеевна намеревалась обратиться в суд с иском к отцу Вики адмиралу Тэйту — он вроде бы использовал ее откровения, опубликовав их без ее на то согласия: в случае положительного решения суда она бы получила сто тысяч долларов неустойки... Эта линия тоже не обрабатывалась... Впрочем, сие понятно: мы не входим в Интерпол, дикари...

Снова спрашиваю себя: зачем я, знающий о деле Федоровой больше других, понадобился Сорокину и Джозефу Дэйвиду? Странный симбиоз садиста из бывшего МГБ и так называемого импресарио из Нью-Йорка... Причем понадобился я им вскорости после того как вышел в отставку, на пенсию, отнюдь не "райскую", а всего лишь полковничью. Ну а все дальнейшее вам известно... И про то, как за мною поставили слежку, и жучок к телефону, и как звонят к генералу Строилову, странно звонят, почерк чувствуется соответствующий, манера сороковых годов, абакумовско-рюминская школа нагнетания ужаса, расшатывания человеческой психики. Сорокин, он же Хренков, он же Витман, — под контролем, Никодимовы — тоже, никодимовские боевики — выявляются; наблюдатели, что за нами топают, установлены; версия убийства слесаря гаража Окунева отработывается... И — главное: ждем прилета Дэйвида. Как с ним построить комбинацию? Или — сразу брать? Так ведь МИД не даст — улики нет, я б на их месте тоже был против... Что прикажете делать?

Строилов осторожно кашлянул, прикрыв рот узкой ладонью:

— Видимо, сначала вы расскажете, как удалось выйти на адрес квартиры Витмана-Хренкова-Сорокина, Владислав Романович...

Он смотрел на Костенко, не мигая, лицо было замершим и бледным — до синевы.

Старый дурак, сказал себе Костенко устало, когда же ты отучишься влюбляться в людей с первого взгляда? Мало себе лоб бил? Ну, отвечай; закладывай Артиста, предавай его, он же тебе верит, как Богу, а Богу все прощают, даже измену...

12

Брежнев, Андропов и Щелоков жили на Кутузовском проспекте, в одном доме и одном подъезде — на третьем, пятом и седьмом этажах.

Эти три человека, являясь членами ЦК одной партии, членами "парламента" одной страны, были притом индивидуальностями совершенно разными, друг друга взаимно-исключающими.

К заговору против Хрущева секретарь ЦК Андропов, отвечавший за связи с компартиями социалистических стран, примкнул на самой последней его стадии, после того уже, как Никита Сергеевич, разыгрываемый Сусловым, провел новые постановления против крестьянства, когда секретарям сельских партаксов и руководителям райкомов (сельскохозяйственных) было приказано развернуть кампанию за сдачу коров колхозам: "объясните народу, что более выгодно получать бесплатное молоко на ферме, чем мучиться с кормами, пасти, вручную доить". Так по самой идее крестьянского хозяйства был нанесен еще один хрясткий удар. С тех пор и пошли неводить Москву "плюшевые десанты" — крестьяне, которых отучили работать так, как они привыкли спокон веку. При Сталине они жили и помирали в деревнях беспаспортными крепостными, в город — ни-ни, за это каторга светит, только какие сорвиголовы, окаянные смельчаки рисковали прорываться в столицу, чтобы купить колбаску да сыр — узнает кто из соседей, в тот же миг напишут куда следует, ну и "воронок" тут как тут — восемь лет по Особому Совещанию за "экономическую контрреволюцию". Но когда Хрущев разрешил несчастному классу-кормильцу получить паспорт, гарантировавший свободу передвижения по стране, но при этом вновь начал отнимать у бесправных хозяев коров и свиней, когда землепашец получил взамен за это возможность взять в городе масло, сметану, колбасу, не вкладывая в товар ту любовь, сладостную усталость, силу, поэтическое рассветно-закатное время, что вкладывали его дед и бабка, ситуация в стране изменилась кардинально; еще более хрустко затрещала казарменно-плановая экономика, начались закупки зерна за границей.

Подталкиваемый аппаратом к сталинско-сусловской догматике, Хрущев повторял на каждой "встрече с тружениками села", что лишь избыточные бюджетные вложения государства изменяют облик деревни, только трактора, грузовики, гигантские агрогорода, элеваторы, фермы, оборудованные по последнему слову техники, определяют перелом в сельском хозяйстве.

Он запрещал себе понимать (да и Лысенко рядышком, захотел бы — не позволил, обладал распутинской магией, действовал на Хрущева как удав на кролика: когда дочь

пыталась говорить, что Лысенко — хуже шамана, а кита Сергеевич багровел, разве что ногами не топал, хоть этой своих нежно любил), что лишь одно может спасти крестьянина: гарантированное право собственности на землю, скот и корма. Ленин, введя нэп, не вложил в сельское хозяйство ни единого червонца — просто на смену продразверсточному грабительству пришел разумный налог. И признательный крестьянин уже на второй год продналога ответил стране тем единственно, чем мог ответить, — изобилием продуктов, ибо труд только тогда в радость, когда видны результаты его, коими ты, хозяин, вправе распоряжаться по собственному усмотрению, а не по приказу чиновного рыла.

Андропов изучил все работы Ленина, написанные после введения нэпа; особенно тщательно конспектировал его кооперативный план, но постоянно соотносил это с ситуацией в Венгрии (эпизоды будапештского восстания отложились в нем навечно; синдром этой памяти жил отдельно от него; он никогда не мог забыть, как побелело лицо сына, когда тот увидел на фонаре, перед воротами резиденции, тело "Пишты", их слугителя по дому дяди Иштвана, повешенного за ноги; мальчик постоянно играл с ним в шахматы. Он всегда помнил последнюю встречу со сталинским гауляйтером Венгрии Матиасом Ракоши; тот задумчиво говорил: "Вы сами еще не понимаете, что натворили на двадцатом съезде..." Тем не менее, когда дети подросли, Андропов убежденно повторял: "Однообразие — противестественно; в равной мере это приложимо и к социалистическим моделям"). С одной стороны, поработав в европейской Венгрии, он видел воочию, сколь результативны кооперативные и единоличные хозяйства, но, с другой, будучи явлением, сформировавшимся в сталинское время, он не мог отказаться от той схемы, которую вдолбили всем и вся в стране: "лишь через совхозы и колхозы, а никак не через Личность пахаря, общество может прийти к благосостоянию".

Он еще не был готов к тому, чтобы предложить свою доктрину (все мы по каплям выдавливаем из себя рабов, да никак выдавить не можем — сколько лет уже, чуть не весь двадцатый век!), но и не мог соглашаться с тем, куда повернул Хрущев: началось новое отчуждение крестьянина от последних остатков собственности, хоть и бескровное, отличное от ужаса коллективизации, но, тем не менее, безнравственное по своей сути, форма цивилизованного сталинизма (если, впрочем, таковой возможен). И если кровавый вихрь коллективизации (точнее — уничтожение крестьянства как основополагающего фермента общества) можно было свалить на инскровный элемент, злокозненных и вездесущих жидомасонов, пробравшихся в ЦК в Октябре семнадцатого или того ранее (вокруг Ленина много юрких роилось), то на кого сваливать эксперименты шес-

тидесятых годов, когда страной правили русские и — в какой-то мере — украинцы?

Примкнул к антихрущевскому заговору Андропов и потому еще, что Никита Сергеевич, героически провозгласивший (наперекор могущественным адептам жесткого курса) борьбу со сталинским культом, сам начал сползать в реанимацию этого же культа: три геройские звезды; фильмы, посвященные его семидесятилетию; симпозиумы ученых о его теоретическом вкладе в сокровищницу марксистско-ленинской мысли, премии мира — все это было чуждо Андропову и как политике, и как личности.

Зная незлобивость Брежнева, лояльность по отношению к коллегам, сентиментальную чувствительность (это, кстати, несколько пугало, лидер должен быть логиком, открытым всем точкам зрения и поэтому чуждым сентиментам, которые таят в себе примат личных привязанностей), Андропов все же решил поддержать его, тем более что тот обещал полную свободу рук Косыгину с его экономической реформой, призванной передать предприятиям права на действия, а не на слепое выполнение пробырочно спланированных приказов, спущенных из центра...

Первую зарубежную поездку Брежнева и Косыгина в социалистические страны организовал именно он, Андропов.

В передачах Центрального телевидения было видно невооруженным взглядом, как давил Косыгин, — своей неторопливой убежденностью, точностью формулировок и совершеннейшим спокойствием, в то время как Брежнев страшился камеры, фразы вязал с трудом, тушевался, хотя внешне явно выигрывал, — широкая улыбка, ямочки на щеках, заинтересованная доброжелательность; Косыгин был сух, с годами его сходство с Керенским сделалось совершенно разительным, одно лицо, разве только не было постоянного порыва, столь свойственного первому русскому социалистическому премьеру.

В следующую поездку Брежнев отправился уже один: Косыгин явно мешал ему. Андропов не просто почувствовал это, он это узнал от своих коллег в социалистических странах; тогда именно он и написал свои грустные стихи: "Бывают всякие напасти, да, люди часто рвутся к власти, но и такая есть напасть, что люди сами портят власть".

Аналитик, он понял стратегию Брежнева, когда тот подтянул Щербицкого, битого Хрущевым; Рашидова — подружился в Средней Азии; Кунаева, который работал с ним бок о бок во время "ссылки" в Казахстан после смерти Сталина; передвинул из ВЦСПС на Москву Гришина, одним из первых начавшего славословие нового вождя; ввел в ЦК Романова, поставил на важнейший отдел в аппарате Черненко — стародавнего помощника, работавшего под ним в Кишиневе; оттуда же перетащил Щелокова, поста-

вив его на ключевой пост министра охраны порядка, обладавшего правом отдавать приказы внутренним войскам и дивизии имени Дзержинского, расквартированной в Москве.

Именно тогда Андропов впервые задумался о державной концепции "стаи". Сталин захватил руководство вместе с теми, кто был с ним на критических рубежах истории. Молотов в семнадцатом еще занимал, как и он, антиленинскую позицию в вопросе войны, мира и сотрудничества с Временным правительством. Тащил Ворошилова, Буденного и Мехлиса, работавших с ним в Царицыне, откуда их всех вместе с треском отозвал Ленин; двигал вверх Маленкова и Ежова, прошедших обучение в его секретариате.

Так и Брежнев начал собирать своих, именно тех, кто был верен ему лично; воистину инстинкт стаи.

Хрущев на такое не шел; после того как убрал Молотова, Кагановича, Маленкова, Булганина, Шепилова, Первухина, Ворошилова и Сабурова, всю сталинскую рать, работал с теми, кого вынесло наверх, не очень-то конструировал свое большинство, полагался на то, что пришедшие вновь — с ним, и не потому, что он их назначил, но от того только, что верны предложенному им курсу... Лишь с Жуковым и Фурцевой он поступил по-византийски, потеряв, кстати, в их лице своих наиболее надежных сторонников... (Не тогда ли Суслов начал плести силки дворцового переворота?!)

Анализируя неторопливую, аппаратно-кадровую политику Брежнева, его кошачьи, осторожные подвиги, Андропов понял, что тот работает методами Сталина, — поры двадцатых годов, когда все перемещения верных людей в конструировавшейся партийно-государственной Системе осуществляли Каганович и Куйбышев, ведавшие личными листками, хранившимися в оргинструкторском отделе ЦК на Воздвиженке.

Поняв это, Андропов предпринял первую попытку спрогнозировать будущее: Брежнев, видимо, плавно спустит на тормозах решения XX и XXII съездов; чувство благодарности было присуще ему; Сталин был его кумиром времен войны, Сталин переместил его из Кишинева в Кремль, сделав секретарем ЦК, он не станет завершать начатое Хрущевым дело, он, наоборот, отдаст должное памяти великого кормчего, народу это угодно, дрожжи традиционного самодержавия и оскорбленного в своей вере чувства народа ("мужик, что бык, втемяшится в башку какая блажь, колом ее отудова не вышибешь") дадут ему, продолжателю великого дела, политический барыш — "прилежен памяти"; за это одно многое простится и спишется, особенно когда экономика затрещит по всем швам.

Андропов не ошибся в прогнозе — дело пошло именно так, как он и предположил...

Оставаясь секретарем ЦК по связям с социалистическими странами, Андропов продолжал отстаивать линию XX съезда; это был вызов — молчаливый, корректный, но совершенно очевидный.

Убирать Андропова — всего через два года после октябрьского заговора — было не так-то просто: новый вождь обещал аппарату спокойствие и стабильность, он должен держать слово; спасла мать Византия: либерала переместили на площадь Дзержинского.

Андропов ответил по-своему: "Ни одна политическая акция — будь то процесс типа Синявского и Даниэля, размещение ракет на Кубе или операция в регионе Среднего Востока — не может быть осуществлена без соответствующего решения Политбюро; за деятельность Комитета отвечает партия, она же обладает правом и обязанностью постоянного контроля, как, впрочем, и Прокуратура Союза".

Этот его мягкий ультиматум, аккуратно упакованный ссылками на труды Ленина, было трудно не принять.

Приняли, полагая, что Цвигун и Цинев смогут предложить новому председателю свои условия игры, профессионалы, на них лежит вся текущая работа, поди, уследи, что делается во всех кабинетах Дома.

(Он, тем не менее, услеживал; стань любой другой на место Андропова, в стране бы полилась кровь, как в тридцатых; в России порою куда важнее не дать свершиться массовому террору, чем сделать решительный шаг вперед к прогрессу; рискованно; чревато откатом в прошлое; ужас стал привычным, благо — зыбко-загадочным, страшно в него верить.)

Став председателем КГБ при Совете Министров, аккуратно лавируя между Косыгиным, Сусловым и Брежневым, Андропов, тем не менее, смог убрать странное звучавшее "при"; появился КГБ СССР; войдя в Политбюро наравне с Громыко и Устиновым, они создали свое, наиболее оперативное подразделение в Системе, даже на трибунах кремлевского зала сидели вместе, "могучая кучка", триумвират.

Понятие "текучка" Андропов исключил из лексикона, замкнул дела на себя.

Именно ему на стол пришла информация о генезисе Щелокова: приехал в Москву с множеством планов по реконструкции системы внутренних дел, повороту к общественности, связям с творческой интеллигенцией, но постепенно его окружение начало создавать вокруг новоявленного генерал-полковника ореол выдающегося партийно-государственного деятеля; начались подношения — на первых порах безобидные хрустальные вазы с портретами ко дню тезоименитства, уникальные ружья, а там уж до японской аппаратуры недалеко, до "мерседесов", "БМВ", квартир родственникам... У Брежнева было сто семьдесят своих, прикре-

пленных к кремлевскому спецпитанию; Щелоков прикрепил к министерскому спецбуфету всех родственников; теща, Галина Ивановна, гоняла шоферов с пайками: "У, власть ваша паскудная, даже колбасу не умеет сделать нормальной, один крахмал! Пожить бы вам как при царе-батюшке люди жили!"

Выходить с этими сигналами на Брежнева было невозможно: тот держал на даче подарочные "роллс-ройсы", по двести тысяч долларов каждый, гоночные звероподобные "альфа-ромео" и штучные "даймлеры"... В коллекции ружей хранились "Черчилли", "Пёрде", "Перле", нет им цены; потом пошли подношения изумрудами, бриллиантами, сапфирами — в доме повешенного не говорят о веревке...

...Несколько раз Брежнев вызывал Андропова, ласково уговаривал его принять погоны генерала армии, большую Звезду; тот отказывался наотрез, не входило в систему его представлений о личности современного политика. (Сын, Игорь, подарил ко дню рождения одно из первых изданий Плеханова о роли личности, самый дорогой подарок, перечитывал в который уже раз.) Брежнев сыграл обиду: "В какое положение ты ставишь меня, в конце-то концов?!" Андропов пожал плечами: "Но я никогда эту форму не стану носить". "Да ходи хоть в пижаме!" — Брежнев усмехнулся. А вскоре такие же генеральские звезды получили Щелоков, Цвигун и Цинев — всех уравнил Леонид Ильич, никакой разницы между членом Политбюро и рядовыми членами ЦК; вот как надо сажать либералов на задние лапы, вот оно — искусство византийской власти...

Андропова, как и всех в стране, шокировали геройские звезды нового вождя, литературные и прочие премии, не меньше, чем фильмы о Щелокове, снимавшиеся к его очередному юбилею; он все чаще вспоминал октябрь шестьдесят четвертого, слезы Хрущева на Пленуме ЦК, и в сердце его рождалось ощущение трагической и неоправданной безысходности...

Он трудно скрывал свое отношение к Щелокову; первому лицу, увы, был обязан — правила игры; держался, как мог, но именно потому, что внешне держался вполне спокойно, не имел права выплеснуть, болезнь шла вовнутрь, жгла его, каждодневно и ежечасно пепелила. Особенно резко обострилась в семьдесят пятом, когда Шелепин разослал членам Политбюро записку о новом культе — на этот раз Брежнева... Поддерживать Шелепина было поздно уже: окруженный Кириленко, Сусловым, Кунаевым, Щербицким, Романовым, Гришиным, Тихоновым, Гречко, Черненко, Щелоковым, вождь теперь был недосягаем. Пришла пора и игры: не перечить, когда выносилось постановление об очередной звезде, не возражать против публикации теоретических трудов о выдающемся вкладе в сокровищницу, но, нао-

борот — зная о настроениях в массах — способствовать этому шабашу честлюбия, нацелив себя на будущее; воистину, приказано выжить...

Однажды, занедужив, Андропов приехал домой днем; возле лифта толкались три милицейских чина, генерал и два подполковника: загружали огромные вазы, олени рога, живопись (портреты щелоковской жены и невестки). Вспомнил, что секретарь утром оставил на столе записочку, — у министра внутренних дел сегодня день рождения; поздравлять — мука; говорить обязательные в таких случаях слова — язык не повернется, учиться начальственнно-лакейской науке не уважать себя было противно его существу; поступаться можно многим, только не основополагающими принципами; решил дать телеграмму; впрочем, это еще рискованнее — Щелоков немедленно покажет всем: "мы с Андроповым неразливанны"...

Он держал в своем огромном сейфе (остался в кабинете от Дзержинского) оперативную информацию не только на Гречко, Рашидова, Кунаева, Щелокова; с Запада приходили сообщения и о других; о Первом Лице тоже: когда, где, кто, сколько.

Этой информацией Андропов не мог делиться ни с кем; она жгла руки и рвала сердце; порою его охватывало гулкое, безнадежное отчаяние.

Желание выйти на трибуну Пленума становилось все более неподвластным ему, хотя он прекрасно понимал, что тщательно подобранное большинство освищет его и сгонит с позором, прокричав при этом начальственным уголовникам, обиравшим страну, подобострастное "многия лета", — а внутренние войска Щелокова позаботятся о том, что должно произойти следом за такого рода выступлением.

Все чаще и чаще он ощущал себя пленником обстоятельств; в ушах звенело постоянно повторяемое Сусловым и Брежневым: "Только психи могут выступать против того спокойствия, которое наконец воцарилось в стране; несчастным надо помогать в больницах"; с каким трудом удалось спасти от психушки Виктора Некрасова?! Генерала Петра Григоренко травил лично Епишев, ставленник Брежнева, второй человек в Министерстве обороны, комиссар: "Сумасшедшего надо лечить, он не ведает, что несет!"

Сын и дочь принесли Андропову книги Бахтина — дворянин, репрессированный, ютился в каком-то крохотном городишке, жил впроголодь.

Андропов прочитал книгу Бахтина в воскресенье, а в понедельник приказал найти квартиру для писателя: "Нельзя же так разбрасываться талантами, это воистину великий литературовед".

Позвонили от Суслова (непонятно, кто настучал?!); разговор с Михаилом Андреевичем был достаточно слож-

ным, главный идеолог считал Бахтина опасным, чересчур резок в позиции, бьет аллюзиями. Андропов, однако, был не преклонен: "Михаил Андреевич, я подчинюсь лишь решению секретариата ЦК, речь идет о выдающемся художнике, не так уж у нас много таких, истинную цену "выдающемуся стилисту" Маркову вы знаете не хуже меня".

А на стол каждый день поступала информация о крахе экономики страны, о тотальной коррупции и взяточничестве, но при этом мелькали такие имена, которые составляли цвет брежневской гвардии, его надежду и опору, — табу, не тронь, сгоришь!

Глухой ропот в народе и был ропотом — не страшно, пусть себе, главное, чтоб недовольство не оформилось в идею, не стало Словом. А Словом владеют интеллигенты, кому Бог силы не дал — наградил умом, а ум — разрушительная сила, от него горе, верно Грибоедов писал...

Суслов внимательно читал сводки, держал руку на пульсе происходящего, изучал критические выступления инакомыслящих, особенно Солженицына, Сахарова и братьев Медведевых; труды Чалидзе и Некрича вниманием не баловал — чужаки; с Солженицыным во многом соглашался и поэтому все жестче и круче требовал принятия мер против него. Андропов провел через Политбюро повторное решение: КГБ не вправе провести ни один арест, не получив на то соответствующего постановления Прокуратуры; наиболее заметный диссидент может быть арестован лишь по согласованию или постановлению ЦК; "слово партии прежде всего". Казалось бы, простецкое решение, однако прохождение было трудным: номенклатурные мудрецы раскусили андроповский ход, — тот умывал руки, легко ставя над собой и ЦК, и правоохранительный орган, призванный надзирать за соблюдением норм, записанных в кодексах и Конституции...

Чем жестче был нажим Суслова, тем последовательнее Андропов подчеркивал в своих выступлениях, что КГБ работает под руководством партии и выполняет лишь указания ЦК, — никакой возврат к тридцать седьмому или пятьдесят второму году невозможен, каждый шаг подотчетен...

Когда он был на отдыхе в Kislovodске, позвонил дежурный по КГБ: "Выставка абстракционистов снесена бульдозерами".

Обычно сдержанный, научившийся прятать истинные чувства под личиной снисходительного юмора, Андропов тогда сорвался:

— Какой идиот посмел сделать это?! Какой кретин решился на эдакий неотмываемый вандализм?!

Дежурный аккуратно кашлянул в трубку:

— Указание члена Политбюро ЦК товарища Гришина...

...Андропов располагал информацией, что ряд молодых были противниками вторжения в Чехословакию;

тридцатисемилетний секретарь Ставропольского горкома Горбачев встретился со своим соучеником по юридическому факультету Млынаржем, ставшим секретарем ЦК Чехословацкой компартии при Дубчеке; во время беседы поддерживал "Пражскую весну", бесстрашно говорил, что "нас ждет такой же процесс, надо к нему готовиться загодя"; человека этого Андропов запомнил, такие — редки, увы; куда как легче бездумно повторять лозунги, никто не подкопается...

Стать эта информация известна Брежневу и Суслову, никогда бы Горбачев не был передвинут в ЦК...

Так же, как и тогда, в Кисловодске, Андропов сорвался в разговоре по ВЧ с Андреем Павловичем Кириленко; осень семьдесят девятого года, проблемы Афганистана:

— Хотите, чтобы мы получили свой Вьетнам?! Понимаете, к каким последствиям приведет высадка наших войск в Камбодж? Отдаете себе отчет, что мы там завязнем?! Это же любительство, а не политика!

Однако (и в этом Андропов, как и все люди его поколения, был убежден) он не смел даже допускать и мысли о том, чтобы саботировать решение большинства; все чаще вспоминал слова Троцкого, стоившие ему жизни: "Правда или не права партия, но это моя партия, и я обязан выполнять все ее решения..."

А Брежнев между тем, купаясь в сусловской пропаганде, уверовал в себя окончательно, любовался авторскими экземплярами своих книг, оглаживая тяжелой рукой сафьяновые переплеты, перечитывал страницы, шевеля потрескавшимися губами, и как-то по-детски дивился своей смелости в отдельных пассажах (Суслов отредактировал те фразы, в которых "писательская бригада" забывала положения об инициативе и собственности; инициативу Михаил Андреевич пропустил, "собственность" подчеркнул: "Век должен пройти, прежде чем наше общество согласится на то, чтобы спокойно обсуждать смысл русского слова "частная", слишком много наслоений"). Иногда Брежнев засыпал со своей книгой на коленях; Виктория Петровна тихо плакала, глядя на любимого; победив Шелепина, Леонид Ильич резко сдал; раньше надо было постоянно чувствовать мыщцы спины, быть собранным, пружинным; теперь же, ощутив надмирность, одинокую, плывущую величавость, он позволил себе расслабиться, а это бьет по организму — настоящий спортсмен умирает во время тренинга, тот, кто лег на диван, — уходит раньше...

Он лишь изредка зажигался, становясь прежним Брежневым: то, когда Алиев преподнесет перстень, — очень идет лидеру рабоче-крестьянской партии, то, раскатывая по дорогам дачи на штучном лимузине, отделанном внутри красным деревом, — новый подарок Хаммера, то, включая макет Москвы, усеянный драгоценными самоцветами светодисков.

Будет ошибочным считать, что Брежнев не знал о ситуации в стране. Знал, дети ему говорили. Он, однако, достаточно устал от тридцатилетней изматывающей борьбы за лидерство; теперь борьба кончилась; Андропов бессилён предпринять что-либо, ибо окружен его гвардией — Цвигун и Цинев не спускают с него глаз; рядом с Устиновым сидит верный ему Епишев, первый заместитель, комиссар, без его визы ничто и никто не двинется в армии; Щелоков — хоть и безумствует со своими артистами, что мутят в стране воду (жили бы как все, а то сами нервничают и народ баламутят, безумцы), — крепко держит в руках аппарат внутренних войск, а с тех пор, как Зять стал его первым заместителем, каждый шаг шалуна известен в доме, да и дети за него горой, балует их, позволяет все, что захотят; не надо бы так, но, с другой стороны, если мы не имеем молодости, прошла в борьбе за хлеб насущный, который только должность гарантировала, то им-то можно пожить всласть, жизнь ведь быстролетна...

Когда однажды Андропов тронул на Политбюро вопрос о теневой экономике, о том, что в ряде регионов страны произошло сращивание разветвленной мафии с аппаратом Системы, причем в Сочи, как и в Днепропетровске и Ростове, нити ведут к воротам государственных дач, Брежнев повторил обычное:

— Не надо раскачивать лодку... Обобщения — опасны... Можно разбираться с отдельными случаями, но делать выводы — преждевременно, пусть аппарат работает спокойно, он наша надежда и опора...

Суслов молчал: создав образ Брежнева, он оказался им же и раздавленным; голосовал против предложения Андропова; арест директора Елисеевского магазина ЧК пришлось проводить без санкции члена Политбюро Гришина — не позволил бы; так же — без санкции партийного руководства — был взят сочинский городской голова Воронков; началась обхватывающая, внешне, правда, незаметная, затаенная атака на брежневскую коррупцию; Андропов подвинул к этой работе Прокуратуру, вычленив из всех замов одного — Найденова; подсказал ему направление удара, снабдил материалами, но сам в эту драку не лез — за Медуновым и иже с ним стоял аппарат, не сладить, сомнут...

...Случай действительно закономерен в такой же степени, как закономерна случайность.

Лениво отмахиваясь от текущих дел, новый вождь по долгу жил на своих дачах, все чаще и чаще просил показывать ему те фильмы, которые полюбил с молодых еще лет; растрогался после "Тихого Дона", повелел наградить исполнителя главной роли орденом Ленина и званием народного артиста СССР — одновременно, такого раньше не бывало: "уж больно хорошо этот Мелихов играет, надо отметить";

после любимого "Зигмунда Колосовского" посмотрел "Подруги" с Зоей Федоровой; поплакал; Андропов, узнав об этом, нажал: Викторину Федорову, дочь актрисы и адмирала, выпустили в Штаты, к отцу; "угодно духу хельсинкских соглашений, Белый дом оценит такой жест Москвы".

Кто-то, запамätывал, кто именно (наверное, дети), похлопотали за саму Зою Федорову в восемьдесят первом: "мать не пускают в гости к дочери, в Америке может начаться очередная кампания"; Брежнев поинтересовался, сколько актрисе лет; ответили, что за семьдесят; сказал — обратиться к помощнику по культуре Голикову, разберется; тот разобрался: "с ней дело плохо, организовала побег дочки, сейчас имеет дело с отказниками, говорят, через ее руки проходят миллионы, распределяет деньги тем, кто ждет выезда, да и ей помогают, рука руку моет".

Брежнев повелел, чтобы уточнили; можно б помочь: старуха, какой от нее вред?

В одночасье начался скандал в доме — на этот раз с артистом Буряцей; краем уха вождь услышал, как говорили, что цыган знаком и с Зоей Федоровой; того, что касалось близких, не забывал никогда, становился внимательным, постоянная сонливость слетала вмиг, глаза делались прежними, зоркими; начинал подолгу смотреть на свое отражение в зеркале — перед каждым Пленумом так собирался (вспомнил, как брат, крепко поддав, позволил себе шутку: "Лень, про тебя говорят — "бровеносец в потемках"; отлучил на время; дурак, знай, что можно позволять при гостях).

— Пока во всем не разберутся, никуда эту Федорову не отпускать, — сказал, как отрезал.

Между тем, наблюдая за ростом коррупции и мафии, понимая, что страна катится в пропасть, Андропов, закрепив свои позиции в Прокуратуре, решил, что настало время переходить к решительным действиям, ибо вся Москва уже говорила о том, что дочь Генерального секретаря проводит дни и ночи в обществе Буряцы, а тот, как сообщали информаторы, связан с людьми, имевшими выходы на коррумпированное подполье; сделки заключались миллиардные, был задействован высший эшелон Системы.

Аккуратные попытки подтолкнуть к действиям Щелокова успехом не увенчались: тот тормозил дело, говорил, что надо тщательно перепроверить полученные сообщения, возможно, кто-то хочет бросить тень на семью Вождя, можно допустить, что все это — дьявольская работа сионистских западных спецслужб, которые страшатся гигантского авторитета, завоеванного в мире добрым гением Леонидом Ильичем, — понятно, что это бесит противника, следовательно, возникающая ситуация должна быть подконтрольна лишь ЧК, а никак не Министерству внутренних дел.

Андропов согласился с такого рода концепцией Николая Анисимовича, попросил его, однако, не отказываться от совместных проработок отдельных эпизодов, и в тот же день поручил Цвигуну осуществлять руководство операцией, заметив при этом, что на нем, Семене Кузьмиче, лежит прямая ответственность за то, чтобы Генеральный секретарь был в абсолютном неведении о происходящем: "никто не вправе попусту нервировать Леонида Ильича, нам слишком дорого его спокойствие".

Этим он отрезал все пути Цвигуну и Щелокову идти с челобитной к Брежневу: "сами принимайте решения, сами выносите рекомендации, решать буду не я, а ЦК, слишком сложное дело..."

Андропов понимал, что каждый его шаг и поступок подконтрольны; он жил в состоянии постоянной круговой обороны; неожиданный для всех арест Бурацы, проведенный Прокуратурой и следственным отделом КГБ в январе восьмидесят второго года, — вскоре после того как была ограблена укротительница тигров Ирина Бугримова, казалось бы, частный эпизод, стоявший, тем не менее, в одном ряду с делом Федоровой, — повел к непредсказуемым последствиям.

(Как только Андропова с помпой проводили из ЧК на место Суслова, новое руководство КГБ сразу же передало Бурацу уголовному розыску со строжайшим указанием Щелокова подойти к делу неординарно...

Казалось бы, скандал был погашен, но, тем не менее, Брежнев по-прежнему не принимал Щелокова, хотя тот нажал на следователей, и статья, по которой Бураца был взят КГБ и Прокуратурой, была заменена на другую, значительно более легкую...

А перемещение Андропова вверх означало, что он теперь обязан курировать не только идеологию, но и внешнюю политику, — то есть своих прежних коллег по триумвирату, Громыко и Устинова; разделяй и властвуй; в Кремле они теперь сидели поврозь — Громыко и Устинов, как всегда, вместе, Андропов — возле спящего Брежнева и бойкого Черненко; ЧК, таким образом, от борьбы с коррупцией была устранена; на этот раз пронесло...)

Борьба за власть входила в решающую фазу, и, ясно, победить в этой борьбе обязаны Черненко или Гришин, но никак не Андропов, — чужак...

...Хренков, он же Витман, он же Сорокин, узнал об этом через вновь налаженные связи: ниточки-то высоко тянулись, вокруг детей бродили свои люди, выходившие на вельможных массажистов, ясновидящих, поваров, министров, секретарей, певцов, катал, педикюрш, гадалок, портных, скорняков, танцоров, актрис, фарцовщиков, академиков и

шоферов — вот они, истинные источники информации, да здравствует информационный взрыв!

13

— Полагаете, что я должен отвечать на ваш вопрос? — Костенко закурил, не спуская глаз со Строилова. — Это что-то новое в сыске... Раньше каждый из нас имел право не называть своих источников информации...

— Вы и сейчас обладаете таким правом, Владислав Романович, — ответил капитан. — Тем более, вы не состоите в штате... Речь идет о другом... Варенов исчез...

— То есть? Убили, что ль?

— Нет...

— Входили в квартиру?

— Нет. В квартиру пока не входили, чтобы не засветить... Но на телефонные звонки он не отвечал — ни утром, ни днем, в квартире царит полнейшая тишина, из знакомых нам боевиков в подъезде никто не появлялся...

— Через чердак могли попасть!

Строилов кивнул, посмотрев при этом на своих молодых коллег:

— Именно эту возможность мы и просчитали... На чердаке обнаружили следы, ночные следы, которые вели от подъезда Варенова к тому, где есть выход во двор, к продуктовому магазину... Нашли его пальцы на люке, который ведет именно в тот подъезд, следы совершенно свежие, идентифицированы. Значит, он свалил... Я не хотел обращаться в прокуратуру за постановлением на обыск в его квартире, за его берлогой постоянно смотрят люди Сорокина, мы их уже установили, нити завязываются на некоего Рославлева Павла Михайловича... Мы взяли его в наружное наблюдение, выходов пока что, во всяком случае, ни на Никодимова, ни на Сорокина — нет.

— Знаете что, — задумчиво сказал Костенко, обращаясь к сыщикам, — я бы просил вас оставить меня — на пару минут — наедине с руководителем группы.

— Пожалуйста, не сердитесь, друзья, — сказал Строилов, посмотрев на Костенко с некоторым удивлением; дождавшись, пока все вышли, заметил: — Верные же ребята, Владислав Романович... Зачем вы их так?

— Только затем, что не хочу вас подводить под монастырь... Вы б меня лучше отчислили, капитан, пойдет на пользу дела, право... Я установил адрес Хрена так, как считал нужным, единственный шанс... Вы бы пошли за Дэйвидом, считая, что он вас выведет на Сорокина... Я тоже допускал такое вероятие, но мне хотелось исключить малейшую воз-

возможность провала — мы имеем дело с профессионалом... Если станет известно, как ваш консультант получил информацию о квартире Сорокина — с вас сорвут погону...

— Пусть. Главное, что меня интересует: Варенов жив?

— Был — во всяком случае... Уйти мне из вашей группы надо потому еще, что я хочу задействовать связи моих друзей... И не здесь, а в Нью-Йорке... Вы понимаете, что вам и вашим сотрудникам — а я им, хоть и внештатно, пока что являюсь — надо согласовывать такую операцию. И не дни на это уйдут, а недели.

— Я готов поручить вам отладить такую связь... Я не боюсь ответственности... Заканчиваю докторскую, так что — в случае чего — найду работу юрисконсультанта...

— Вы умеете играть, как оперативник старой школы...

— Не люблю слово "оперативник"... Предпочитаю — "сыщик", традиционно и в десятку.

— Верите людям, Строилов?

Капитан откинулся на спинку стула:

— Скорее "нет", чем "да".

— А вот я, старый дурак, верил.

— Вы не были сыном репрессированного, Владислав Романович... А я это с детского дома помню... Не со школы или университета, а именно с детского дома... Постарайтесь меня понять.

— Понял... Мне верите?

— Да. Другое дело — вы не очень-то верите мне.

— В чем-то — нет.

— Почему? Я дал какие-то основания?

— Пожалуй, что нет... Просто я привык к постоянным подножкам начальства... А вы мой начальник...

— Улика весьма чувствительна, — усмехнулся Строилов. — Женственная, сказал бы я.

— У вас детский дом, у меня опыт тридцатипятилетней работы в системе: мы ж все друг друга харчим, закладываем, подставляем... При генетически общинно-коллективистской традиции на практике мы злостные индивидуалисты, разобщены, словно гиены: все друг дружке враги, глотку готовы перегрызть по любому поводу...

— Жизнь трудная, Владислав Романович... Бытие определяет сознание... В очередях люди научились ненавидеть друг друга, особенно тех, кто стоит впереди...

— Накануне нашествия Чингиз-хана очередей, сколько мне известно, не было... Завоевали нас только потому, что князья катили бочки друг на друга... Князей нет, а в остальном картина не изменилась... Ладно, капитан, обменялись мнениями, и — слава богу... Зовите людей, неловко...

Строилов поднялся, распахнул дверь, пригласил своих сотрудников, извинился за то, что заставил ждать, и продол-

жил — будто и не прерывал совещания — повторением той же фразы:

— Пожалуйста, не сердитесь, друзья... Какие у кого соображения? Прошу...

— Товарищ капитан, — Костенко поднялся с подоконника, — как с моим предложением?

— По поводу того, чтобы задействовать ваши связи в Нью-Йорке? Информация на Джозефа Дэйвида?

Зачем он все раскрывает, подумал Костенко; нельзя ж так все вываливать! А может, их поколение по-новому строит комбинации? Нет, но откуда во мне такое страшное, пепелящее чувство недоверия ко всем?! Я ж никому не верю! Никому! Ты веришь, возразил он себе; ты по-прежнему веришь, просто за эти дни тебе открылось много такого, о чем ты не знал, и ты испугался и поэтому пригибаешься от каждого произнесенного слова... Ты боишься, признался он себе, что один из этих славных парней может быть связан с тем, кто расскажет о совещании другу, а тот — подруге, а подруга — еще одной подруге, и это дойдет до Сорокина: у него хорошие уши и длинные руки, на него работает Система, не кто-нибудь.

Костенко молча кивнул, разъяснять ничего не стал.

— По-моему, интересное предложение, — сказал Строилов, обводя взглядом лица коллег. — Ни у кого возражений нет?

Самый молоденький паренек в джинсовом костюме, что сидел у двери, спросил:

— Каким образом полковник намерен задействовать американцев?

Строилов наконец улыбнулся:

— Нам был дан ответ: "источники информации обсуждению не подлежат, расшифровке — тоже"...

Костенко заново обсмотрел сидевших в комнатке Строилова, ощущая неловкость за то, что смел не верить им, а потому — бояться; он хотел сказать что-то этим ребятам, напряженно ждавшим от него хоть какого-то слова, как-никак, живая легенда; "давайте выпьем за тех, кто в МУРе, за тех, кто в МУРе, никто не пьет"; за него как раз пили, ему и песня эта посвящена, так, во всяком случае, утверждали старожилы НТО; он, однако, ничего не сказал, только дверь распахнул рывком, как-то грубо, но в этой грубости была видна растерянность.

Строилов проводил его взглядом, хотел было продолжить совещание, но, заметив в глазах сыщиков мольбу, поднялся и побежал следом за Костенко.

Он нагнал его уже у лифта, тронул за локоть:

— Если я вас чем-то расстроил — простите, пожалуйста...

— Да будет вам, — вздохнул Костенко. — Ничем вы меня

не обидели, просто очень страшно стареть... Знаете, как об этом сказал де Голль?

— Откуда мне...

— Он сказал: "Старость — это большое кораблекрушение"...

Строилов достал из внутреннего кармана конверт и протянул его Костенко:

— Что делать с этим?

Костенко открыл конверт, увидел дактилоскопию, справки НТО и картотеки: "Отпечаток пальца принадлежит Налетову Дмитрию Дмитриевичу, клички Паташон, Зверь, Артист..."

— Где сняли палец? — спросил Костенко, почувствовав, как ухнуло сердце.

— А вы как думаете?

— Наследил у Варенова? Но вы ж к нему не входили...

— На косяке двери...

— К делу подшили?

— Нет. Жду ваших рекомендаций...

— Кто проводил экспертизу?

— Галина Михайловна.

— Народу было много?

— Одна... Ее страховал один из моих мальчиков.

— Верите ему?

— Как себе.

— Можете дать эту дактилоскопию мне?

— Да.

— Понимаете, чем грозит?

— Конечно.

— Почему так легко идете на это?

— Потому что мне вас очень жаль...

— Это как понять?

— Понимать это надо так, что поколение моего отца уйдет не сломанным, со стержнем внутри, мы — дети своего времени, а оно — новое, а вот вы живете с разорванными сердцами...

Костенко вздохнул:

— Слушайте, мне очень беспокойно за вашего батюшку... Постоянно один... Можете кого-то попросить — на эту неделю хотя бы — посидеть с ним?

— Кому он мешает?

— Сорокину. Как и Федорова ему мешала... Чекисты сказали, что на процессе Сорокина не было ни одного свидетеля, — только документы, страницы следственных дел... Ни вашего отца, ни Зою Федорову, ни Лидию Русланову отчего-то на процесс не вызвали — а ведь они убийные свидетели... Выступи они против него, он бы не девять лет получил — а он получил именно девять, Мишаня Ястреб ошибался, — а все пятнадцать... Ромашов сейчас выясняет, кто

отвел свидетелей... Скажете: "срок давности". А существует ли он — по отношению к такого рода преступлениям?

...Степанов долго чертыхался, — "нет времени, Славик, зашиваемся"; потом, однако, согласился:

— Я позвоню американским коллегам отсюда, подъезжай, зануда.

— Знаешь, что такое "зануда"?

— Знаю, знаю, — это человек, который подробно, в течение получаса, отвечает на дежурный вопрос "как дела?"...

...В редакции у Степанова было как в Содоме и Гоморре; в крошечной двухкомнатной квартире работало двенадцать человек.

— Здесь у нас и газета и журнал, — пояснил Степанов. — По советским стандартам надо держать в штате душ семьдесят, платить в среднем — каково словечко?! — по сто пятьдесят, только б сохранить равенство нищих, а у нас вкалывают с утра до ночи, но и получают по-людски.

— Посадят, — убежденно сказал Костенко. — Как что изменится наверху — в одну ночь заберут.

— Это у нас умеют, — согласился Степанов. — Только это будут последние посадки нашей государственности — реабилитировать нас станет государственность качественно новая... Ладно, садись и жди, сейчас приедет мой приятель, крутой американский газетчик, изложишь ему суть дела, только не хитри и не секретничай, они этого не понимают.

— Слушай, а на кой черт тебе эта суматоха? Жизнь прожил вольной птицей, зачем под занавес навесил на себя вериги?

— А кто демократии поможет? Болтать все здоровы...

— Демократии в этой стране никто помочь не в силах, — убежденно заметил Костенко. — Утопия.

...Они подружились двадцать девять лет назад, когда Степанов пришел в МУР стажером-сыщиком после того как в очередной раз поскандалил с гаишником (мощная сила, воспитывающая среди водителей ненависть к Советам и ее зловеющим детям под погонами, — нигде так не умеют унижать человеческое достоинство, как у нас, особенно на нижних этажах власти, абсолютная вседозволенность при полнейшей всезапрещаемости). Он пришел на Петровку, чтобы до конца утвердиться в сложившемся издавна мнении: все мусора — гады, негде пробы ставить.

И навсегда запомнил ту ночь, что провел в дежурке МУРа, — вместе с Костенко.

Он никогда не мог забыть, как Костенко — тогда еще худенький, кожа да кости, иссиня-черноволосый, в модном переливчатом костюме и узконосых туфлях (выплачивал долги три месяца, мечтал одеваться, как Бельмондо, все

те, кто рос в нищете, поначалу мечтают иметь красивые вещи) — по-волчьи крался вдоль маленького, покосившегося домишки в Тропарях, неподалеку от церкви, там в те годы была деревушка, городские огни едва виднелись...

Костенко шагал бесшумно, порою с яростью оборачивался на двух сыщиков из дежурной опергруппы и Степанова, беззвучно матерился, потому что в домишке дох Длинный, вооруженный ТТ и финкой; три часа назад угнал "Волгу", взял во Внукове промтоварный, ранил сторожа; если сейчас что услышит — станет отстреливаться, терять нечего, рецидивист.

Костенко махнул Степанову рукой, чтоб остановился в простенке между оконцами; если, спаси господь, зацепит "стажера-писак", с него сорвут погоны, выгонят взашей, на такого рода операции вольных не берут, самореклама, сам иди под пулю, за это деньги платят, столтник в месяц, а других не тащи...

Степанов, тем не менее, поскакал за ним, больше всего страшась, что загремят пятаки в кармане, поэтому руки держал по швам, как солдат на параде.

Костенко долго стоял возле двери, что вела в комнату, задышливо успокаивая дыхание. Он не оглядывался, потому что не мог себе представить, что кто-то ослушается его и потащится следом за ним под пулю.

Степанов чувствовал, как собирался Костенко, он не отрывал взгляда от его спины, словно бы слыша в себе медленные "раз, два, два с половиной, два и три четверти"; откинувшись, Костенко жажнул в дверь каблуком, бросился в комнату, мгновенно сориентировавшись, чуть не упал на кровать, где спал Длинный, укутавшись с головой красным ватным одеялом, выбросил в падении правую руку, скользкая сунул ее под подушку, ухватил ТТ, неловко оступился, упал, стремительно перекрутился два раза и навел пистолет на бандита:

— Руки в гору!

Длинный заорал что-то, выхватил из-под матраца финку и хотел было броситься на Костенко, но запутался в одеяле и по-клоуновски, беспомощно рухнул на пол.

Сыщики кинулись на него, финку выкрутили, надели наручники, бросили на стул.

Костенко медленно поднялся и с тоской посмотрел на свои переливчатые брюки: при падении вырвал кусок с мясом, ни одна штопка не возьмет, когда еще соберет бабли на новый костюм?!

— Где ворованное барахло, Длинный? — спросил Костенко, не отрывая глаз от дыры на брюках.

— В сарае, где ж еще...

Костенко обернулся к сыщикам, те сразу же вышли; старуха, вернувшись из чулана, хрипло спросила:

— Натворил чего?

Костенко кивнул.

— На кого ж меня кидаешь, сыночка? — старуха заплакала. — Пенсии нет, помру с голоду, кто глаза закроет?

— Общественность, — усмехнулся Длинный.

— Пасть порву, — пообещал Костенко.

— Значит, в один лагерь со мной пойдешь, — огрызнулся бандит.

— Где его одежда? — спросил Костенко старуху. — Дайте ему, мамаша, пусть одевается, в тюрьму повезу.

Старуха принесла ратиновое пальто, мохеровое кашне, костюм-тройку и лаковые туфли.

Костенко покачал головой:

— Ватник ему дайте, мамаша... И сапоги... Он теперь надолго сядет.

— Это мое, — сказал Длинный, кивнув на пальто. — Заработал честным трудом, свидетелей выставлю.

— Оставь матери, продаст, харчиться ж ей надо... Кто теперь об ней позаботится?

Длинный усмехнулся:

— Власть... Она у нас добрая, всенародная.

Пришли сыщики, доложили, что барахло действительно спрятано в сарае, под дровами, все в целости, продать ничего не успел.

...Когда Длинного вывели на улицу, Костенко обнял плачущую старуху, прижал ее к себе, и Степанова тогда поразило сходство их лиц: в них была одинаково безнадежная скорбь и отчетливое понимание того, что никому, никогда, ничего не дано изменить в этом мире, — кому что отмерено, того не избежать, как бы кто ни старался искушить судьбу...

Вздыхнув, Костенко пролистал паспорт Длинного, открыл его портмоне, достал оттуда сотенную ассигнацию и подтолкнул ее старухе мизинцем:

— Возьми, мать... На первое время, глядишь, хватит, больше дать не могу, ворованные...

Старуха прижалась пересохшими губами к его руке; он руку не отдернул, смотрел куда-то в угол темной комнатухи с земляным полом, трухлявыми стенами и обшарпанными, кривыми рамами; разруха и безысходность...

В машине уже сказал Степанову:

— Сколько б ни кричали о борьбе с преступностью — с места не сдвинемся, покуда власти угодно, чтобы народ жил в нищете...

Степановского приятеля из "Пост" звали Джон Малроу...

Он внимательно выслушал Костенку; записал что-то на маленьких листочках растрепанного блокнотика, поинтересовался, получит ли его газета право "первой ночи", если он накопает серьезную информацию в Штатах; Степанов сразу

же включился в разговор: "Мы опубликуем материал — если дело пойдет так, как рассчитывает полковник, — одновременно, это по-джентльменски".

На этом и порешили.

...Неподнадзорная пересекаемость судеб, рожденная встречами — запланированными и случайными, — являет собою одну из основных загадок цивилизаций. Высшее таинство человечества — записные книжки с номерами телефонов и адресами; если бы какой диктатор смог отдать приказ (еще сможет, найдется такой!), обязывающий математиков просчитать на компьютерах таинственные линии общности, связывающие (или, наоборот, разделяющие) людей, составляющих те или иные государственности, то картина получится жутковатая, ибо станет ясным, что история развивается не по объективным законам, но по принципу неконтролируемых случайностей, подвластных лишь высшей логике Бытия.

Джон Малроу начинал журналистскую работу с того, что проводил дни и ночи в управлении криминальной полиции Нью-Йорка; шел шестьдесят восьмой год, взрыв леворадикального движения в Гринвич Вилледж, прелестном районе огромного города, где традиционно жили художники, артисты, писатели, студенчество. Взрыв этот совпал с вьетнамской трагедией; на каждом углу продавались майки и значки: "Я люблю Хо!"; "Народ, угнетающий другие народы, кует цепи для самого себя"; хорошо продавались лозунги Мао: "Империализм — бумажный тигр"; "Винтовка рождает власть". Здесь же во время ночных гулянок продавали марихуану; то и дело вспыхивала белоглазая, неуправляемая поножовщина; задержанные проходили наркологический контроль — практически все ширялись.

Одновременно (словно бы заранее был разработан сценарий) в Вашингтоне начались расовые беспорядки, запылали особняки — всего в трех милях от Белого дома; столица была заклеена лозунгами: "Черные предадут Америку"; "Белые расисты продолжают дело Гитлера"; "Цветные — главная угроза мировой цивилизации"; "Евреи — наймиты мао-конского капитала, хайль Гитлер!".

В Вашингтоне, однако, не поддались панике; телевидение и газеты печатали фотографии улыбающегося Вилли Брандта: "Каждый настоящий социал-демократ в юности обязан пройти через леворадикальный коммунизм, естественная болезнь роста". Он сказал это, когда его сына арестовали в Западном Берлине во время демонстрации, проводившейся немецкими маоистами.

Американские политологи разработали стремительно-продуманный план: черные общественные деятели были приглашены в правительственные организации; в районах с цветным населением лидеров этнического меньшинства

подвинули в мэрии; расовая проблема поэтому постепенно нормализовалась, хотя поначалу казалось — особенно натурам неуравновешенным, склонным к шараханьям, — что положение в стране вышло из-под контроля центральной власти...

Тогда-то Джон Малроу и сделал себе имя, потому что именно во время столкновений представителей закона с преступными элементами выстраивалась концепция преодоления тупиковой ситуации: власть достаточно сильна и мобильна, чтобы сдерживать хаос, пока законодатели приведут основные уложения страны в соответствие с качественно новой ситуацией, создавшейся в мире.

...Джим Волл, инспектор полиции, в группе которого Малроу чаще всего пассивен, сделался — по прошествии двадцати лет — большим начальником; при этом вложил свои деньги (взятки не брал, невыгодно — слишком велик риск) в акции той химической компании, где работала жена; получил крепкие дивиденды, это дало ему высокое ощущение независимости и уверенное право на отставку — в том случае, если бы приказ руководства вошел в противоречие с его принципами.

Прочитав факс, отправленный из Москвы стародавним другом Джоном Малроу, заместитель директора Волл попросил нью-йоркских парней поинтересоваться, что из себя представляет некий Джозеф Дэйвид; ответ пришел ошеломляющий; Волл немедленно послал факс Малроу: "Дело — любопытно; я не смогу рассказать того, что можно, ни по факсу, ни по телексу, хотя есть и такое, что рассказать — даже при нашем дружестве — я тебе не смогу".

Основания отвечать именно так у Волла были серьезные: оказывается, нью-йоркское бюро его конторы уже давно присматривалось к Джозефу Дэйвиду в связи с "русской мафией", довольно крепко утвердившейся в Бруклине и на Майами.

Первые годы после выезда из Москвы Дэйвид перебивался тем, что толкал русских певцов и актеров в рестораны и на съемки в массовках; бизнес не очень-то получался; языковой барьер; учил английский по словарю, потом нанялся мажордомом к директору издательства, полагая, что, если погрузиться в англоговорящий мир, исключив общение со своими, дело сдвинется с мертвой точки. Мучительно стараясь понять босса и его гостей, тоскливо думал: "Эх, вас бы научить русскому, мы б горы своротили — с моими-то московскими связями!"; протолкнул хозяину томик мемуаров отказников, получил небольшие комиссионные; не бизнес; права на рукописи заметных людей эмиграции ему не передавали, слишком мелок; все чаще вспоминал Россию — вот где можно вертеть бизнес, если только имеешь голову на плечах...

Все изменилось в восемьдесят шестом, когда разрешили навещать родных, — сразу же полетел к сестре, та работала педиатром в Хабаровске, уезжать категорически отказалась: двое сыновей в институте, чего бога гневить?!

Дэйвид попал в поле зрения таможенного контроля, полиции и ФБР, когда он, вернувшись из очередного вояжа в Москву (это было два года назад), обратился к наиболее престижным охотничьим магазинам с предложением приобрести тульские ружья, сделанные ведущими русскими мастерами по спецзаказу. Его выслушали с явным интересом (никто так не умеет прощать коверканье своего языка, как американцы; страна интернационалистов, чистый Вавилон), попросили внести конкретные предложения, одобрили идею ("фантастик", "марвэлс"), но после того, как Дэйвид передал условия будущим партнерам, в дверь его маленькой однокомнатной квартиры на 23-й улице (неподалеку от отеля "Челси") позвонили около двух часов ночи; он посмотрел в глазок; на площадке стоял старик в дорогом желтом пальто ангорской шерсти, в руке трость с серебряным набалдашником; рядом с ним торчал молодой верзила в кожанке, с остервенением жевавший резинку.

— Кто? — спросил Джозеф Дэйвид, ощутив внезапный озноб. — Что вам надо?

— Меня зовут Петрилли, — ответил старик. — Я пришел к вам с добром... Это по поводу ружей... Пожалуйста, не бойтесь, отворите дверь...

— Я вас совершенно не боюсь! Почему я вас должен бояться?! Но вы не позвонили заранее и не сделали аппоинтмент... У меня гостья...

— Поговорим на кухне, — усмехнулся Петрилли. — Я тоже начинал работу в подвале, потом уж перебрался в особняк... Повторяю, не бойтесь, у нас пока нет к вам претензий. Я пришел с предложением... И зря вы сказали про девуку. Лгать — дурно. У вас нет девки, мы следили за квартирой...

Словно загипнотизированный Дэйвид открыл дверь, повторяя себе все время: "Идиот, звони в полицию! Что ты делаешь, безумец?"

Петрилли пальто снимать не стал, по-хозяйски вошел в комнату, обставленную старой мебелью, сел в скрипучее кресло; верзила замер в дверном проеме.

— Слушайте, Джозеф, вы очень молодой американец, — начал Петрилли. — Вы не знаете жизнь этого сложного города, поэтому можете наломать дров и потерять голову... Ее вам просто-напросто отрежут, понимаете? Запомните, торговля оружием традиционно находится в наших руках, итальянцев. Мы выяснили, что вы не обсуждали вопрос о ружьях в русском Бруклине. Иначе бы могла начаться война. И вы бы в этой войне проиграли, поверьте. Вы решили дей-

ствовать без нас — мы вам этого не позволим. Мы готовы уплатить вам пять процентов со сделки, если поможете нашим людям заключить хороший контракт с русскими оружейниками. Советовал бы вам не отказываться от этого предложения... Нам выгодно то, что вы владеете русским, знаете русских, еще бы вам их не знать, если вы среди них выросли... При этом мы готовы помочь вам в продюсерском бизнесе, у нас и там достаточные связи. Понятно?

С трудом скрывая озноб, Дэйвид ответил:

— Я должен все взвесить. Оставьте свой телефон.

Петрилли поднялся:

— Не валяйте дурака! Мышь интересуется адресом льва. Завтра в десять вечера мои мальчики придут к вам, и вы заключите с ними соглашение... Все... Теперь можете вызывать девуку — без этого не уснете...

...Девку он вызывать не стал; трясущимся пальцем набрал номера телефонов знакомых импресарио — Пантелея Давыдовского и Шпильмана; один был в Москве, пробивал гастроль Робертино Лоретти, другой вел переговоры с Еврейским театром; позвонил к Игорю; в Бруклине о нем говорили как о человеке, который знает все и всех; встретились утром, на Брайтон Бич, в центре "русского Нью-Йорка".

Выслушав бледного Дэйвида, срисовав его тонкие трясущиеся пальцы и синие обгрызанные ногти, Игорь вздохнул:

— Вы же здесь не первый год живете, Ося... Что за русская манера ухватить все самому?! В этой стране такие штучки не проходят — возьми свое, но поделись с ближним. Это только в России каждый хочет ухватить все, поэтому и здесь живут черт-те как... В одной руке два члена не удержишь...

— Какой член?! — взмолился Дэйвид. — Я же объяснил вам: пришла итальянская мафия! Они не шутят! Они хотят отнять мой кусок хлеба! Я готов поделиться с теми, кто возьмет меня под защиту. Итальянцы предложили мне двадцать процентов, это грабеж!

Игорь попросил подождать; через три часа в маленькое кафе, где они встретились, подъехал невысокий мужчина с копной негритянских волос, одет в старый свитер и истрепанные джинсы; "мерседес" (последняя модель, серебристый, тяжелый) запирать не стал — там остались два телохранителя; присел рядом с Дэйвидом на краешек стула и горестно покачал головой:

— Послушайте, не надо нас ссорить с итальянцами. Мы не хотим перестрелок. Вам предложили пять процентов со сделки, пять, а не двадцать — никогда не лгите своим, вырежем язык! Так вы соглашайтесь. Понятно? Нам отдадите два процента, три себе, хорошие деньги. Что же касается вашего бизнеса, связанного с актерами и писателями, — мы обладаем всей информацией о вашей активности — будете пла-

тить десять процентов со сделок, мы, в свою очередь, поможем вам через наши возможности, а у нас они серьезные. При этом вы будете выполнять ряд наших просьб, которые вас ни к чему не обязывают, — во время поездок в страну победившего счастья. Я думаю, вы достаточно умны, чтобы не ответить "нет".

С тех пор Дэйвид стал курьером мафии.

Именно он заказал Хренкову (после того, как заключил с ним договор на книгу "Палач и жертва") сенсационный труд: "Советская мафия. Структура. Устав. Связи".

Именно за этой микрофильмированной рукописью он и отправлялся сейчас в Москву.

Именно об этом Волл и рассказал Джону Малроу; как все же хорошо дружить с полицией!

— Можешь назвать издателей, с кем он вел переговоры? — спросил Джон Малроу.

— Нет, малыш. Это конфиденциальные сведения.

— Но ты ведь понимаешь, что я вытопчу имена людей, которые вели с ним переговоры на издание столь сенсационных книг...

— Это будет большая ошибка, Джон, — сказал Джим Волл.

— Почему?

— Потому что за этим маленьким человечком стоят большие силы... Он не догадывается об этом, его, говоря на жаргоне, играют... Я бы просил тебя не влезать в это дело, Джон... Ты можешь сломать операцию... Мои люди караулят его...

— Хорошо, я обещаю тебе не лезть в дело, Джим. Но тогда расскажи мне сам: какие проекты он обсуждал с издателями? Я могу быть полезен. У меня есть информация с той стороны.

— Серьезная?

— Сенсационная...

— Я весь внимание, малыш.

— Это я весь внимание, Джим. И чтобы у нас с тобой получился разговор, я назову тебе одно слово: "Хренков". Это русская фамилия. Она упоминалась в разговоре Дэйвида с издателями?

Волл открыл папку с грифом "Совершенно секретно", пролистал страницы, их было не меньше пятидесяти, остановился на последних трех, пробежал глазами, профессионально вычленив нужные фразы, покачал головой:

— Нет, малыш. Эта фамилия не упоминалась.

— Ты должен назвать мне фамилию, которой оперировал Дэйвид! Я тогда назову тебе другие имена, это может помочь делу...

— Он оперировал фамилией русской актрисы... Мисс Зоя Федорофф, жена адмирала флота Джексона Тэйта...

Малроу покачал головой:

— Не хитри, Джим... Имя этой женщины давно известно по обе стороны занавеса... Это не есть ключ... Я обещаю тебе помочь, если назовешь человека, которого представлял Дэйвид.

— Ты никогда не был так настойчив... Завербовался в КГБ?

— Туда не вербуются... Это не наша армия... Туда вербуют... Разные состояния, Джим... Корень один, смысл разный...

— Не сердись, но я должен задать вопрос: кто оплати твой билет из Москвы? Ты сам?

— Бедный Джим... Вы все чокаетесь к концу службы... Вы перестаете верить друзьям... Позвони моему редактору, я отправил ему факс, он оплатил расходы, связанные с моим расследованием... Это первый случай, когда ты и русские могут работать сообща... Пока они идут на это — надо рисковать, Джим... Мы боимся, они боятся, мы не верим, они не верят, пропустим момент, потом может быть поздно, у них все может быстро измениться, слишком много людей, которые мечтают все повернуть вспять... Если мы не протянем им руку, там может быть катастрофа... Придут новые коричневые, а это очень опасно для мира, Джим...

Волл поднялся из-за стола; огромный, грузный, в широких старомодных подтяжках, он забросил сильные руки за спину, прошелся по кабинету, потом остановился над Малроу и, переваливая свое огромное тело с пятки на мыски, спросил:

— Тебе что-нибудь говорит имя Айзенберга?

— Нет.

— Какие имена они тебе дали?

— Это не по правилам, Джим.

— Это по правилам. Я назвал тебе Айзенберга. Назови теперь ты.

— Дэйвид оперировал именем Айзенберга? Как автора манускриптов?

— Да.

— Он оперировал только одним именем?

— Это второй вопрос, Джон.

— Хорошо, я отвечу тебе... "Витман" или "Сорокин"... Такие имена не упоминались?

— Нет.

— Как зовут Айзенберга?

— Его имя идентично имени известного французского писателя... Если русские не играют тобой, ты должен угадать.

Малроу покачал головой:

— Мне не надо гадать, Джим. Я знаю. Этого французского писателя звали так же, как интересующего меня человека, — Эмиль.

Волл вернулся за стол, положил свои огромные руки на папку:

— Верно. Мистер Эмиль Айзенберг. По словам Дэйвида, он в ближайшее время приедет в Штаты — подписывать контракт на будущие книги...

— Одна связана с делом Федоровой, а другая?

— "Русская мафия".

— Как будет называться книга о Федоровой?

— Я не отвечу на этот вопрос, Джон... Я сказал и так слишком много... Я верю тебе — только потому и говорил, малыш... А сейчас я думаю, что не должен был этого делать...

— Но ты знаешь, как должна называться будущая книга об актрисе?

— Я знаю несколько названий... Какое выберет издательство — их дело, не мое... Меня вообще не очень интересует эта книга... Меня интересует второй манускрипт — о русской мафии... О ее связях...

— Хорошо... Я помогу тебе... Мистер Айзенберг — это, как понимаешь, псевдоним — пытал миссис Федорову.

Волл кивнул:

— Сходится... Одно из возможных названий "Палач и жертва"... Можешь передать это русским...

— А если они спросят, когда ожидается приезд мистера Айзенберга?

— В этом месяце.

— Дата неизвестна?

— Нет... И передай, что я бы хотел получить данные о том, чем занимался в России мистер Игорь Бах, в прошлом москвич, тридцать девятого года рождения, художник, ныне — один из бруклинских мафиози, контролирует бензиновый бизнес в Майами и два рыбных дока в нашем городе...

...Через день после получения информации об "Эмиле Айзенберге" семипалатинское УКГБ сообщило, что "Сорокин Евгений Васильевич — после расконвоирования в марте 1965 года — снимал комнату в семье Фрица и Марты Айзенберг, механизаторов колхоза имени Шестидесятилетия Октября (до этого — колхоз им. Берия, им. Кагановича, им. Хрущева).

Фриц и Марта Айзенберги выехали в ФРГ сразу после того, как им не разрешили прописаться в Саратовской области, где они проживали до массовой депортации немцев Поволжья летом сорок первого. Дочь, Ева, еще в 1986 году переехала в Краснодарский край, где вышла замуж за Хренко-

ва Эмиля Валерьевича, который взял ее фамилию, эмигрировала в ФРГ следом за родителями; муж остался в СССР.

— Сходится, — сказал Костенко, возвращая Строилову информацию чекистов, — надо обращаться в ОВИРы, там где-то его фотография торчит. Вполне может быть, что он уже получил выездной паспорт... Не упустить бы...

— Готовьте запрос, — сказал Строилов. — Действительно, счетчик включен, хотя я не очень-то понимаю, отчего он так заторопился.

— На нем трупик висят, — ответил Костенко. — Мишани и Людки...

— Думаете, только их двоих?

...Из Краснодарского края сообщили, что Эмиль Валерьевич Айзенберг, пенсионер, пасечник, прописан в Привольном; большую часть времени проживает в отрогах гор — сдает мед в потребкооперацию; четыре месяца назад запросил выездную визу в ФРГ для воссоединения с семьей: его жена, Айзенберг Ева Фрицевна, выехала в Эссен в 1988 году; вызов прилагается.

...Корреспонденцию в доме Айзенберга доставала из ящика соседка, Меланья Тихоновна Божко; к ней-то и приехал разбитной, чубатый шофер; "здорово, бабка, не померла еще? Давай, что есть, дядьке Эмилю"...

Охапку газет, два письма и овировскую открытку передал экспедитору армавирского райпотребсоюза Гнушкину; тот зашел в кабинет заместителя председателя; следующим утром зампред отправился в Сочи, заглянул к стародавнему приятелю — в прошлом заведомом исполкома, а ныне директору кооперативного ресторана; оттуда поехали на почту и позвонили в Москву; люди из группы Строилова сразу же установили, что фамилия московского абонента была Никодимов, боевик Хренкова-Витмана-Сорокина.

Затем были зафиксированы три звонка; Никодимов связался с неким Ибрагимовым; тот позвонил Сандумяну, который и вышел на Сорокина:

— Эмиль, пришла путевка в санаторий, будешь выкупать?

14

Борис Михайлович Пшенкин начал фейерверково. Его повесть о рабочих Дальнего Востока пришлась ко времени, особенно образ главного агронома — добрый, смелый, широко образованный передовик, пример для подражания, настоящий литературный герой, а не ломкий студент или страдающий интеллект, полный сомнений и комплексов.

Повесть издали в конце шестидесятых; поросль молодых литераторов, "дети XX съезда", ворвавшиеся в литературу, когда их отцы и матери возвратились из тюрем, медленно, но неуклонно задвигались в тень. Переизданиям, они не подлежали, рецензированию в газетах — тоже, незачем лишний раз напоминать читателям имена, которые должны исчезнуть. Суслов уже дал неписаную директиву поворачивать вспять, к привычному прежнему; "с критикой можем выплеснуть и ребенка; да, были отдельные нарушения законности, но не это определяло наше триумфальное движение к развитому социализму, которому ныне аплодирует все прогрессивное человечество".

Именно тогда был до конца фальсифицирован марксизм: примат "сознательности" (или "духовности") вынесли на первое место; "бытие" стало подчиненным, вторым, суетным. Один из шестидесятников пошутил: "Если, действительно, сознание определяет бытие, то пришло время распускать компартию и примыкать к Лавре или Ватикану, поскольку это их лозунг — "Сознание определяет бытие", "Дух превалирует над Материей".

Всю нашу убогую нищету, произвол, закрытость границ нужно принять как разумную данность, благоволение, сошедшее на страну победившего счастья, а если человек не хотел согласиться с этой аксиомой, то сразу же отправлялся следом за Синявским или Григоренко.

Рокоссовский однажды сказал, как отрезал: "Недоучившийся поп пытался командовать нами, профессионалами армии".

История повторилась: такой же недоучка от религии — Михаил Андреевич Суслов, — предавший самое доброту учения Христова, затолкал в марксистские догмы те огрызки нравоучения, которые позволяли ему и его присным, клянясь народом (в первую очередь русским, самым, пожалуй, многострадальным, если не считать тех, на кого обрушился геноцид, — карачаевцев, балкарцев, крымских татар, немцев Поволжья, греков, калмыков, турок, чеченцев, ингушей, да и прибалтийские республики с западными регионами Украины испили горькую чашу), манипулировать понятием, требуя от людей убежденной веры в то, что дважды два есть пять, а высшее счастье жизни составляет тотальная несвобода.

...Придворная критика, получив сладкий социальный заказ, подняла повесть Бориса Пшенкина до небес: и талантливо это, и смело, и недостатки показаны — но не злобно, разрушающе, а конструктивно, и характеры выписаны, и слог — в отличие от телеграфного, американско-хемингуэевого — самый что ни на есть народный, верный раздольным и неспешным традициям отечественной словесности.

Твардовский однажды сказал про литератора, в судьбе

которого сыграл исключительную роль: "Выдержит ли у него темечко ухнувшую тяжесть неожиданной славы?"

Пшенкинское темечко славы не выдержало; погарцевав на читательских конференциях, он сел за новую повесть, сконструировал ее довольно быстро, по привычной схеме: всезнающий балагур-колхозник, крутой председатель, прославившийся в войну, но чужающийся передового опыта; партийный вожак, сменивший городскую квартиру на избю (жена танцует буги-вуги, упивается отвратительным Ремарком), встретил на селе молодую ветеринаршу, свою судьбу; ну, конечно, и пьяноту. Пшенкин вывел, и бабу-колдунью, что зелья знает и несет тарабарщину, в которую, как ему казалось, он заложил глубокий, сокрытый смысл — с критикой основ марксизма... Журнал печатать его не стал: "Повторяешься"; он махнул в другое издание, там тоже отверли, толкнулся в третий, противоположного лагеря — жажнули отрывок под рубрикой "Нарочно не придумаешь".

Начинались семидесятые, пришло время глухого самопознания, хоть и не разрешенного, но, тем не менее, повсеместного — все народы страны глухо роптали, дразнить их становилось все опаснее, как-никак дважды два есть четыре, а отнюдь не пять.

Как былинные плачи, так и крикливые агитки, набившие за десятилетия оскомину, не устраивали более читающую публику; ждали альтернативных героев и неординарных ситуаций; разрешенная литература, вырождаясь в титулованное графоманство, молчала; люди уходили в себя, замыкались, шел подспудный раскол общества на ячейки; тех, кто отчаялся ждать и срывался на крик, — сажали, высылали или увозили лечить в психушки.

Другие, промучившись годы в ОБИРе, валили на Запад; "еврейская жена не роскошь, а средство передвижения"; левые, как и полагается спокон веку на Руси, били друг друга, словно Пат и Паташон, — на усладу зрителям; правые теснились единой группой, понимая, что любое изменение обстановки ударит в первую очередь по их позициям, — в бой ринутся интеллектуалы, связанные с наукой и техникой, люди знания, адепты асфальта, их на "Синь-травах" да "Багряных закатах" не возьмешь; им давай анализ и новый ритм, им, видишь ли, Петр Первый угоден, которого все истинные патриоты Державы не зря считают Антихристом за бесовскую страсть к западной гнили и небрежение к исконным традициям Государства, превращенного им в империю, где правили одни чужеземные супостаты...

Пшенкин попытался переписать повесть, но — зациклило, не мог превозмочь себя, пальцы отказывались выводить слова, что бились в голове, — дурных нет, теперь все все видят, но одни имеют силу крикнуть правду, а у других она словно комом в гортани встает...

Тогда-то ему и стали объяснять, кто погубил Русь, разрушил уклад, угодный нации, перевел стрелки на чужие рельсы, что гонят в бесовскую пропасть.

Пшенкин внимал этим словам, холодея от боли и гнева; сорвался, прокричал на собрании: "Кто нами правит?!"

Скандал замяли, даже в Союз писателей приняли, чтобы сподручнее было "работать" с "народным самородком"; отложив свою рукопись, Пшенкин отправился в Бюро пропаганды советской литературы и вкусил сладость беструдного заработка: выступил на заводе в обеденный перерыв, полчаса отбарабанил — вот тебе деньги; поехал куда на север — двойные; чем не жизнь?!

Но ведь память — страшная сила, в ней постоянно сокрыт взрыв: он не мог забыть рецензий на свою первую вещь, чтения ее по радио, приглашения на телевидение, в литературную передачу, всяких там диспутов в газетах с двумя портретами: один твой, другой — кто спорит; дарить можно, женщины падки на тех, чьи фотографии печатают...

Сел за третью повесть — решил рассказать о горьком детстве своем, но все равно не шло: как надо расписать черное зло и выразить ужас, что клокотал в нем так, словно кто кисть сдавливал холодными пальцами: "Неймется? Окстись! В тепле живешь, квартиру дали, деньги даром плывут — хоть и небольшие, но жить можно в сытости! Не замай!"

Поделится с приятелем; тот убежденно ответил: "А это гипнофизировать тебя. Сейчас всех талантливых самородков сатанинские силы стараются отвести от творчества, чтобы самим занять ваши места в литературе... Ты магнитами себя окружи, бесы магнит не переносят".

Пшенкин достал три магнитных бруса, поставил на стол, но — не помогло: страх давил его пуще прежнего, и чем больше появлялось новых имен в литературе, чем больше премий раздавали всяким недоделкам, тем ужаснее было его отчаяние — словно за поездом бежишь, последний поезд, не догонишь, хана, руки тянешь к поручню, а вагон все дальше и дальше, тю-тю...

Ну, и запил Пшенкин, по-черному запил... Винил в трагедии всех, только не себя; денег теперь не хватало; стал заниматься; долги отдавать не мог, по Москве не ходил, а крался.

Но поскольку Пшенкин пользовался благорасположением писательского начальства (те хорошо знали, кого подерживать, а кого задвигать; помогали прежде всего незаметным, их страшиться нечего, не конкуренты, а выдернешь из дерьма — руки будут лизать, да и устойчивое большинство на съезде, любых интеллектуальщиков задушат, истинный голос народа), он получил новую квартиру в том доме, куда заселяли литераторов, чтоб были под надзором; когда все скопом, легче толкать лбами и получать информацию: любые перевыборы, гарантирующие руководя-

щим литкорифеям сохранение их "Волг", дач, премий, переизданий, хвалу наемной критики, надо готовить загодя, знать настроения каждого и, соответственно, с каждым работать. А уж работать — умели, ух как умели! Кого поднять на щит ("соловей русской поэзии!", а этот "соловей" хуже воробья); кого ударить пыльным мешком по голове: "далек от чаяний народа", но потом — в знак примирения — отправить в Монголию или Чехословакию, у монголов кожаные пальто дешевые, в Праге люстру можно взять, да и красный загранпаспорт есть высшее свидетельство благонадежности: "смотри, товарищ, не подведи, родина тебе верит"... Так, разделяя и властвуя, создав обойму дутых гениев, "Баянов отечественной словесности", жили сами, да и покорным середнякам не мешали, не считая, конечно, таких досадных эпизодов, как предательство власовского недобитка Солженицына, сионистского наймита Виктора Некрасова или злобного клеветника Василия Гроссмана, — но с теми решал верх, "Баяны" лишь оформляли через "Литературную газету" гнев общественности...

Могучий директор ведущего военного издательства (постоянно держал руку на пульсе передражбей писательской жизни, ибо надо было пополнять группу верных людей, которые могли бы сочинить за какого-нибудь генерала мемуары, удобные основополагающему направлению, спущенному начальством для военной истории) получил информацию и о Пшенкине. Поскольку "стервятники" (так он с лаской называл членов его постоянной группы "переписчиков") были при деле, загружены сверх головы, деньги гребли лопатой, переиначивая в нужном русле смысл наговоренного на диктофоны военачальниками, Пшенкин показался ему кандидатурой вполне приемлемой для использования: лишенный хоть какой-либо индивидуальности, этот сочинитель как раз и годился для мемуаристики: за строками воспоминаний не виделось слово мастера, все гладко, никаких неожиданностей...

С Пшенкиным поработали еще пару месяцев, пригласили в застолье, где собирались литературные "авторитеты", пообещали договор на новую книгу, съездили к его родственникам — не таит ли в себе ненароком семена "малой нации" — и после всесторонней проверки пригласили в золотопогонный кабинет, отделанный, как и следует быть, мореным дубом, где и заключили договор на "спецредактирование".

Встретился с тем генералом, за которого надо было написать фолиант, получил от него в подарок диктофон и наговоренные пленки, сел за работу, управился быстро, сдал в печать... Тут же подкинули второго воспоминателя: обратал и этого. Встречаясь порою с "авторами", с теми, то

есть, чья фамилия будет стоять на обложке будущей книги, Пшенкин запоминал многое из того, что деды говорили за рюмашкой; часто это было в противовес тому, что ему предписывали готовить для читателя. И когда Пшенкин сел за третий том, решил блеснуть — жажнул в нескольких местах неправленную правду, то, что ему говорил очередной генерал, пригласив на дачу, подальше от чужих ушей.

После этого договор с Пшенкиным не то чтобы расторгли, но заволяли, записи отдали другому, и он снова обрушился в тяжелое, безысходное пьянство, но теперь уж в новом качестве: он жил не только былинными мифами, что закладывали в него те, которые исподволь готовили таких, как он, к черновой (но высокооплачиваемой) литературно-написной работе, но и высверками неожиданной, пугающей правды, которыми поделились старцы.

Тот генерал, что оказался последним, читая "свой" труд, замотал вдруг лысой, крутого лада головой и произнес с горечью: "Ах, Боря, Боря, не так же это все было! Врем! В глаза врем! Ведь если б Тухачевский скрутил голову усатому засранцу, такой войны, что выдюжили, не было б, сколько б русского народу сберегли! Лучше б сейчас про это аккуратненько напечатать, чем таить... Через десяток лет правда так бабахнет, что склады могут вспыхнуть... Сколько истину не таи, все одно откроется! И про заградбатальоны откроется, и про СМЕРШ, который больше своих стрелял, чем шпионов, — своих всегда легче, и про то, какие болваны пришли на командование, когда усатый весь командирский корпус под ежовские пулеметы подвел! Эх, Боря, сынок, ты запоминай, что я говорю! Ты старайся мою крамольную правду между строк затолкать, люди намек быстрее всего понимают..."

Вот тогда-то с ним и встретился Витман-Хренков-Сорокин, давно уже запросивший у своих боевиков информацию на тех, кто умел писать, но — в силу каких-то причин — скатился в пьянь и злобу...

— Боря, Боря, талантливый ты наш человек! Не губи себя! Ты державе нужен! У тебя ж книга — брильянт, своим словом написана, — говорил он, похмеляя Пшенкина в кафе на улице Герцена, что напротив ТАССа. — Сейчас ляжешь спать, я рядом побуду, не оставлю тебя... А проснешься, в баньку пойдем, попарю, алкоголь выведу, человеком станешь...

Годы, проведенные им под министром государственной безопасности Абакумовым и последним его шефом, начальником следственного управления Рюминым, лагерное житье, работа в подпольном синдикате цеховиков — все это не могло не научить Сорокина лицедейскому искусству микрии...

С одними он был кликушей — чувствовал в самой глуби-

не своей постоянное трепетное ожидание близкого горя, которое очистит и облегчит, так что и играть-то не надо было, стоило лишь позволить себе стать самим собой. Иногда он пугался этой дергающейся жалости, томящего ожидания близкой и неотвратимой беды, сладостного удовлетворения, которое возникало в нем, когда он зримо представлял себе миг крушения, а ведь теперь только б и радоваться, восстал ведь из пепла, жил так, как и представить себе раньше не мог, — не надо оглядываться, страшиться зайти в ресторан, чтоб донос сослуживцы не отправили в партком по поводу морально-бытового разложения, считать мятые рубли, откладывая на "Победу", взвешивать каждое слово в разговоре с коллегами, онанировать в сортире на зыбкий образ женщины-мечты, потому что любая связь, не оформленная в ЗАГСе, была чревата тем, что сорвут погоны и выбросят на улицу, как нашкодившего кота... Умом все это он понимал, но затаенного в генах изменить не мог, чаще думал о плохом, чем о хорошем, особенно когда планировал операцию...

Труднее было работать с интеллектуалами. Особенно долго готовился к беседе с профессорами, которые сидели на науке, на такой именно, которая могла пойти навстречу просьбе седого, немногословного, видно, много пережившего на своем веку "заместителя генерального директора по вопросам снабжения и сбыта", а могли и отказать в заключении договора на экспериментальное опробование новой техники в цехах подведомственных ему предприятий. Он выбрал себе роль суховатого прагматика, понимающего рабский ужас нашей экономической школы, общинную тьму и бескультурие импотентной бюрократии, — роль свою играл достойно, срывов не было.

С партийными работниками и областными мышатами было легче всего: фронтовой офицер, инвалид, служил под Гречко, видался с Леонидом Ильичом, лично он и орден вручал; в сырье и станках, говоря откровенно, мало что понимаю, но комсомолята затеяли нужное дело, молодежь — наша надежда, как не тряхнуть стариной да не помочь им?! После беседы накрывал стол, по первому разу не в ресторане, а у себя в номере отеля, на газетке, важно, чтоб балычок был, салями, домашние маринады, вареная курочка и хорошая водка... Это уж когда начальники крючок заглатывали и приезжали в Москву — тут и ресторан (кабинет в "Узбекистане"), и девочки в номер; и сувениры — поначалу скромные, всякие там альбомы икон, набор дефицитной литературы, а к шубкам да зимним сапогам можно переходить только во время третьей встречи...

...Пшенкина взял именно на истеричном кликушестве, "я — старый разведчик, сражался в тылу врага, помоги, Боречка, завершить книгу, написал, а дошлифовать нет талан-

та, кто поможет русскому человеку, как не однокровец, остальные-то зло в себе несут, зависть и зло, эх, Боря, Боря, пострадал бы ты с мое, помучился б, тогда понял мою кро-воточащую душу”.

Иногда ему казалось, что последние двадцать лет он и не живет вовсе, а играет роли — сегодня злодея, завтра добряка, послезавтра дурня, а уж заканчивает неделю несчастным, всепрощающим простаком...

Навсегда запомнил, как в лагере педрила рассказал ему про английского актера, приглянувшегося королеве в роли Отелло: “Пусть этот мавр придет ко мне на ужин”.

Пришел. Ужин закончили в спальне ее величества; первая леди осталась довольна.

Через неделю увидела этого же актера в роли Гамлета: “Хочу, чтобы датский принц провел со мной вечер за чашкой шоколату”.

Провел. Закончили в спальне. Была в восторге; на прощание заметила: “Сегодня хочу тебя без грима, таким, каков ты есть на самом деле”.

— На самом деле я импотент, ваше величество. Если вы хотите именно меня — любви не будет, я играю в постели роли — либо мавра, либо принца”.

Сорокин много раз перелопачивал с Пшенкиным те фрагменты, которые наработал с Федоровой. Пленки расшифровывал сам, переписывал от руки, дав себе имя Палача, а Зое — немки Марты; действие перенес в гестапо военных лет и сегодняшней германский город; палач и жертва, все сходится, никаких подозрений, в аллюзиях сами побоятся себе признаться, каждому здравомыслящему понятно, что Сталин и Гитлер — две стороны одной медали, только Гитлер чужих изничтожал, а кормчий — своих; текст дал перепечатывать машинистке, адрес которой нашел на доске объявлений; оказалась глухая бабка, тыкала одним пальцем; тогда приспособил Людку — раньше-то Вареный поставлял ее в номера, нужным гостям, только потом обратили внимание, как она на машинке барабанила, — что твой Ван Клиберн.

Сухая точность изложения, которой учили его Абакумов, Либачев, Бакаренко, играла с ним злую шутку. Он выхолащивал написанное, чувствуя при этом, что своими руками губит работу, но переступить через себя не мог — в нем неистребимо жила его правда, а он постоянно старался обернуть ее в свою пользу, понимая, впрочем, что чем меньше поворачивать ее себе на выгоду, тем она страшнее, — то есть вещь будет дороже.

...Пшенкин, откормившийся на щедрых хлебах палача, готовил для него раз в месяц переписанный наново текст той или иной главы.

Сорокин садился к столу и, обхватив голову сильными

пальцами, шлифовал каждую фразу. Он с ужасом отмечал, что Пшенкин вытягивал все то русское, что он намеренно скрывал, замышляя сделать для западного читателя предисловие, в котором заложит фугас, дав подлинные имена, адреса, объяснив истинные обстоятельства дела и прокомментировав, что по законам конспирации он не имел права писать правду, — даже в перестроечной России.

— Палач. Скажите, Марта ("Зоя", "Зоя", "Зоя" — в нем все ликовало и пело), что вы ощутили, когда вас впервые поставили в шкаф? Вас там сколько времени держали? Двадцать четыре часа?

Марта. Уж и не помните? Сами, небось, распоряжение отдавали...

Палач. Я был лишен права на то, чтобы отдать распоряжение, Марта... Я выполнял приказ... Понимаете? Мы все были звеньями одной цепи. Цепочка протягивалась сверху донизу, прервать ее было невозможно... Следовало хитрить, таиться, идти на обман, но такой, который бы оказался приемлемым для начальника; тот, в свою очередь, обманывал высший эшелон; тотальность лжи, подчиненной непрекаемому, хоть часто и бесполезному, основоположению: "применить высшую степень устрашения"... Срок, срок, срок... Отчет, отчет, отчет... А может, ради успеха комбинации надо было затаиться и ждать, пока арестованный созреет без применения пыток и устрашения? Это верх наслаждения, когда арестант сам разваливается..."

Сорокин поднял глаза на Пшенкина, покачал головой:

— Ах, Боря, Боря, милый ты мой человек, добрая душа... "Разваливается" — русское слово, тюремный жаргон... А это "небось"? Так в гестапо не говорили, ведь читатель невест что может подумать...

— Валерий Юрьевич, в каком веке живете?! Сейчас все, что угодно, можно печатать...

— Сейчас — да. А завтра? Ладно, эти словечки мы замираем... Кофейку сваргань, я продолжу чтение...

— Марта. Значит, считаете, вам было страшнее жить под Гитлером, чем нам, жертвам?

Палач. Конечно! Вам-то ведь было уж нечего терять! Когда захлопывалась дверь камеры — человек кончен, вместе имени — номер или инициалы. А мы ждали, Марта... Мы верили в то, что бред рано или поздно кончится, потому и норовили установить добрые отношения с теми, кого вводили к нам на допрос: неизвестно, как повернется дело в будущем...

Марта. Неужели вы сомневались в незыблемости рейха?

Палач. Поначалу — нет, не сомневался... Но ведь чем глубже погружаешься в подробности, чем больше правды открывается, тем хуже становится сон, тем больше у

нас появляется психов — был нормальный товарищ, как все мы, — а назавтра кукарекать начал в кабинете...”

Сорокин тщательно вымарал слово “товарищ”, заменил на “человек” и, приняхавшись к запаху кофе, продолжил чтение, усмешливо покачивая головой.

“Марта. Хотите, чтоб я пожалела вас, бедненьких?”

Палач. Хочу... Мне было страшнее и горше, чем вам, поверьте...

Марта. Не верю... Когда вы бросили меня в камеру, полную клопов, и они жрали меня всю ночь, а свет был выключен, и не было от них спасения, казалось, я хожу по ним, как по болотной воде, хрусткой и кровавой, а они лезут по мне, шевелятся в волосах, заползают в уши, ноздри, глаза, я забыла, что такое жалость, я испытывала звериную сладость от того, как давила их, была вспухшими ладонями, прыгала, вслушиваясь в сытный звук лопающегося умирания безмолвных палачей.

Палач. И снова вы не вправе судить меня, Марта... Судите науку... Думаете, такая камера родилась сама по себе? Нет. Она появилась как следствие работы человеческой мысли... Да, да, не возражайте! Трудился целый институт, сориентированный на то, чтобы помочь рейху быстрее добиваться от узников правды... Конечно, пытки надежнее всего развязывали языки, физическая боль противоестественна, она отторгается разумом, но ведь после того, как узник дал показания, удобные высшей правде фюрера, он мог откатиться от них в суде! Скандал! Брак! Палач становится узником! В то время как мука, подобная той, которую пришлось перенести вам, входит в мозг навечно, никаких следов, зато постоянная память об ужасе, вы никогда не начнете скандал в суде... Намерены возразить, что наука не имела права на такие эксперименты?

Марта. Вы никогда не думали, что этой муке могла быть подвергнута ваша мать? Дочь?

Палач. Моя мать выросла в условиях ада, ей не приходить к клопам, тесноте, голоду... Нашими пациентами были люди иного разлива, Марта, те, которых отличал внутренний аристократизм... Чернь не страшна режиму, страшны мыслящие, которых всегда крошечное меньшинство... Вы говорите “дочь”... Это вопрос морали — отношение к детям... Но мораль сама по себе аморальна, дорогая Марта. Инквизиция зажигала костры, следуя морали той поры. Ученые, справившие на костер Бруно, свято следовали постулатам своей морали... Наши доктора, работавшие со вшами и клопами, следовали в своей работе утвержденным нормам морали рейха.

Марта. Мораль вашего рейха подобна старой кликуше, которая истошно выкрикивает заученные слова, лишённые здравого смысла... Она не может изменить себя, она

безграмотна и темна, она психически нездорова... А вот ученые... Неужели здравомыслящие люди служили вашей камарилье?

Палач. Мораль не только выкрикивает заученное, Марта... Эта кликуша контролирует деятельность финансовых органов, которые платят деньги, — оклад содержания, премии, награды...

Марта. Тридцать сребреников...

Палач. Почему тридцать?! Десять! Пять! Нужно время, не очень к тому же большое, чтобы объяснить ученому: "Твори! Ты свободен. В условиях нашей системы, которая дала тебе все! Неужели ты не отблагодаришь ее за то, что она подняла тебя, приобщив к знанию?! Неужели ты не ощущаешь связующих корней с той нацией, которая отточила твой разум и отличила тебя из миллионов подобных?! Твори! Все то, что неизвестно человечеству, может быть открыто тобою, и не думай о том, морально это по отношению к другим или нет, всякое открытие морально, даже если поначалу оно кажется варварством, — не ты бы открыл, так другой! Это только посредственность мечтает быть на виду, истинный гений презирает людей, они словно мошка для него, мораль толпы он должен презирать, чтобы свершить такое, что сделает его бессмертным; плоть — тленна, имя обречено на память, будь свободен, как ветер!"

Марта. Неужели ученые — а они мне кажутся мудрецами — могли пойти за такой абракадаброй? То, что вы сейчас говорили, — не просто грешно, это истерично, то есть глупо... А ученые прилежны логике...

Палач. О, как вы ошибаетесь! Они люди, и ничто человеческое им не чуждо... А если не им, то их женам, детям, родителям... Нельзя жить в обществе и быть от него независимым... Я помню одного доктора, он занимался изучением психологии человека в экстремальной ситуации... Он был совершенно аполитичен, этот ученый, он жил в мире формул, но когда он вывел, что постоянный писк комара может привести человека к полнейшему истерическому безволию, мы испробовали это изобретение — да, да, мы, я не смею скрывать от вас, — мы показали ему фильм о работе с подследственным, и я наблюдал за его лицом: оно сияло счастьем, потому что он увидел реальное подтверждение своей высокой правоты, он прорвался к бессмертию, ибо вывел закон соотношения звуковых колебаний человека и насекомого, новый шаг к пониманию единства всего живого на земле... Он сказал мне: "Если бы не я, то к этому пришел бы кто-то другой"... Миром правит "его", его величество "я"! И мне стало страшно жить, когда я до конца убедился в этом... Страшно, Марта... Нет морали, нет идей, есть "я", огромное, крошечное, грохочущее, тихое, но только одно "я-я-я-я-я"! Вот в чем начало и конец всего...

Марта. Когда меня грызли эти ваши страшные клопы, я думала только об одном существе — о моей дочке, которая осталась одна...

Палач. "Моей"! Именно так! Вы думали о ва'шей дочке! Потому что она принадлежит вам... Вы же не думали о чьем-то ребенке, вы страдали о своем...

Марта. С вами страшно говорить...

Палач. А когда вам было страшнее: тогда, в Моабите, или сейчас, на свободе?

Марта. Конечно, сейчас.

Палач. Почему?

Марта. Потому что вы ходите среди людей и ничем из них не выделяетесь... Сколько таких, как вы? Только молодые — вот в чем ужас... Ждут своего часа... Вас не повесили за ваши злодеяния — вон какой ухоженный, дородный... Значит, кому-то вы нужны? Кто-то заинтересован, чтобы вы и вам подобные были живы? Кто? Сколько их? Чего они ждут?

Палач. Бойтесь, что прошлое может повториться?

Марта. Очень.

Палач. Но ведь ваша дочь живет за океаном! И внук там! Вы же за них страшитесь? Но они нам теперь недоступны... Значит, "я"?! Опять "я"?! Значит, все же каждый думает лишь о себе?! Если так, то мы, действительно, будем нужны постоянно! Думаете, я хочу, чтобы вернулось прошлое? Нет, я его тоже боюсь, потому что никогда не знал, выйду ли из своего кабинета или окажусь в камере с клопами, дорогая Марта... Но вы правы в одном: я — профессионал... Я знаю, как переступить через свое "я" во имя "мы"... Знаете, что такое "мы"? Это рабство, то есть страх. Хотя — точнее — наоборот: страх, то есть рабство... Как бы вы вели себя, окажись снова лицом к лицу со мною в камере тюрьмы?

Марта. Я бы покончила с собой.

Палач. Как? Чем? Вы забыли прошлое, Марта. Тюрьма обрекает на долгую жизнь — до объявления приговора или звука шарнирно-падающей гильотины... В тюрьме, в нашей тюрьме, никогда и никто не может кончить с собой, — слишком это сладко для узника, он не вправе распоряжаться ничем, а уж тем более своей жизнью... Вы боитесь меня до сих пор, да?

Марта. Да. Я даже боюсь сказать старому генералу, что вы живы... Он один не боится вас...

Палач. У него порвется сердце, если вы скажете, что я жив... Вы слишком добры, чтобы сказать ему об этом...

Марта. Но я все чаще и чаще думаю написать о вас в прокуратуру... Наверное, я сделаю это...

Палач. Можете... Только после того, как выйдет наша книга. Вы же понимаете, что закон обратной силы не имеет, да и доказать вы ничего не сможете... Мы были гражданами

«одного рейха, молились одному богу — вы в камере, я в кабинете, нельзя уйти от себя, Марта...

Марта. Во всем виновата Система?

Палач. Только она. И чем скорее мы это поймем, тем будет лучше для будущего. Люди рождаются ангелами, дьяволом их делает наша Система, с нее и спрос...

Сорокин вымарал слово «наша», крикнул Пшенкину, разлившему кофе по чашкам:

— Борисочка, душа моя, ну что же тебя так в русизмы тянет? Ты уж, пожалуйста, ближе к подлиннику будь, у тебя не немцы говорят, а наши люди... Слышишь меня?

— Слышу, — ответил Пшенкин каким-то иным, потухшим голосом; он вошел в комнату с хохломским подносом и, поставив перед Сорокиным чашку крепчайшего кофе, добавил: — Очень хорошо слышу. Только ведь и я не дурак... Не про какую ни Германию и гестапо вы пишете, а про Россию с ее ГУЛАГом! И у палача имя русское, и у жертвы... Я ж какой-никакой, а писатель... Хоть и неудачливый — из-за того, что черт меня дернул на этой земле родиться...

Сорокин колыхаще посмеялся, потом лицо его замерло, он взял ручку и быстро дописал:

«Палач. Марта, а вы и впрямь не знали, что ваш любимый прилетал в нашу страну не первый раз?

Марта. Он никогда не был здесь раньше... Он никогда не лгал мне...

Палач. Лгал... Он был здесь в двадцатом году. Он работал с нашими врагами...

15

Сорокин потер лицо короткими пальцами, покрытыми щетинистыми волосками, почувствовал, как к щекам прилила кровь и забила злыми колючими молоточками, — такими доктор Бензель простукивает нервные корешки, китайская медицина, спасает ото всех болезней, а пуще всего от старения; умирать надо здоровым, без гниения, внезапно.

Бензель работал в Крыму, в санатории ЦК; Сорокин ездил туда каждый год — до восьмидесят второго, пока был жив Леонид Ильич; при Андропове, когда начали закручивать гайки, сразу же прекратил; снимал квартиру в Ялте, даже в интуристовский отель не лез, хотя можно было: пришла пора незаметности, надо отлежаться, долго такое не продержится, слишком надежно все схвачено, вопрос месяцев, пары лет — от силы; перемелется — мука будет.

...Тщательно побрившись (одно из самых любимых занятий; употреблял опасную бритву золингенской стали, любил рискованно скрип металла о кожу, особенно возле сонной артерии; часто виделось, как металл легко перерезает пуль-

сирующую синеву; отчего-то возникал явственный запах парной свинины), Сорокин открыл платяной шкаф, выбрал костюм — как обычно, скромный, но обязательно американского кроя; одел легчайшую шелковую сорочку, повязал карденовский галстук, примерил туфли, которые позавчера привез Никодимов, — отдавал ему, чтобы разносил кто-то из боевиков, непрестижно надевать новые вещи, уроки английских лордов — дворецкий должен помять костюм и пару раз пройти под дождем в новых лайковых туфлях, только после этого можно появляться в свете...

Выйдя из подъезда, Сорокин неторопливо двинулся по улице; остановился возле будки телефона-автомата, подставил лицо неяркому, осеннему уже солнцу, пробившемуся сквозь низкий московский смог, постоял так мгновение, глянул в стекла витрины — там четко отражались те, кто шел у него за спиной, только после этого снял трубку и набрал номер Варенова; долго слушал длинные гудки, дал отбой, набрал другой номер (наружка смогла сфотографировать через телевизор его палец, тыкавшийся в цифры), спросил, не представившись:

— Ну, что с Вареным? Не попал, случаем, в клинику?

— Мы проверяли, — ответили ему. — Его там нет. Эксперты допускают, что у него мог случиться нервный криз...

— За городом не появлялся?

— Нет.

— С соседями беседовали?

— Ничего тревожного.

— А если инфаркт? Лежит в квартире без помощи?

— У нас есть ключи... Можем зайти... Действительно, вдруг с человеком беда...

— Без моего указания — не надо... Дайте помозговать...

Положив трубку на рычаг, Сорокин резко повернулся, охватив улицу сузившимися глазами; ничего подозрительного; остановил такси и поехал к трем вокзалам; там нырнул в туалет, вышел оттуда в очках и кепчонке, нагнутой на глаза, вскочил в последний вагон электрички; на станции Кратово соскочил последним, когда состав уже двинулся; по тропинке трусил — сквозь сосновый бор, любясь огненными стволами громадных деревьев.

Остановился он возле дачи с покосившимся забором; на участке работали три парня спортивного кроя; немецкие овчарки, ринувшиеся было к нему в рыкающем оскале, признали своего, играючи пошли рядом.

...Шинкин Осип Михайлович, лагерный благодетель, который паспортами его снабдил, работой, квартирой и дачами, сидел за столом красного дерева (восемнадцатый век; скупил антиквариат в конце шестидесятых; реставрировал; отправил на свою дачу возле Риги, в дом сына и племянни-

ка; по нынешним подсчетам на каждый вложенный рубль получил не менее двух тысяч прибыли — пару миллионов, если считать чохом). Возле камина в низких, топящих креслах со львами-подлокотниками устроились три гостя — из Сочи, Грозного и Днепропетровска, руководители тамошних кланов, тузы.

Впервые они встретились на совещании Управления (так Сорокин предложил именовать их союз) в семьдесят шестом.

Представив собравшимся “Спиридонова” — под таким псевдонимом Сорокин в ту пору работал на юге страны, — Шинкин дал ему первое слово.

— Коллеги, я благодарю нашего друга Гридина (так, в свою очередь, он называл Шинкина, конспирация и еще раз конспирация) за предоставленную возможность поделиться соображениями о ситуации в державе, — начал Сорокин глуховатым баском; от волнения покашливал, словно бы в горле застряла мягкая рыба косточка. — Хотя ситуация сейчас подконтрольна и вроде бы особых оснований для беспокойства нет, но мои эксперты из отдела перспективного планирования считают, что некоторая нескромность высших членов Управления, показное небрежение к законам этой страны — к законам неписаным, к нашей темени, которая может простить голод, холод, издевательства власти, но никогда не простит богатство соседа, даже если оно заработано каторжным трудом, — может оказаться чреватой последствиями. В этом смысле мы страна уникальная, и это следует всегда помнить. К сожалению, ряд наших коллег об этом забыли, что немедленно спровоцировало Комитет: Лубянке пришлось кое-где шваркнуть лапой. Правда, пока что попали не в тех, однако может ненароком и нас зацепить...

Хочу также поделиться достаточно тревожными соображениями по поводу того, как развивается наше дело. С одной стороны, мы имеем громадный рост производства, что способствует насыщению потребительского рынка товарами повышенного спроса, и это — в свою очередь — снижает опасность социального взрыва, который вполне возможен. Для нас нет ничего страшнее государственной нестабильности. Лишь параллельность развития нашего сектора государственному скрежету может служить гарантией устойчивости Системы... С другой стороны, рост нашей активности породил чрезмерную заорганизованность структуры Управления. И в этом я вижу самую главную опасность, ибо тоталитарные режимы — я имею в виду Сталина и Гитлера — многое прощают тем, кто далек от политики, но никогда не потерпят наличия сильной организации... Главным преступлением Вышинского против государственности был проведенный им разгром воровских малин; для отчета,

конечно, красиво, но для реальной борьбы с грабежами, домовыми кражами, вооруженным разбоем этот шаг был самодурным, ибо лишил НКВД целой сети осведомителей, через которых только и можно было получать информацию о подготовке наиболее кошмарных преступлений... Когда малины были уничтожены, когда нанесли удар по самой структуре воров в законе, преступность стала зримо расти, причем преступность самая страшная, то есть неожиданная, спонтанная, совершенно не подконтрольная... Почему Управление, подобное нашему, было невозможно при Сталине? Потому, что любую организацию — какой бы она ни была — следовало уничтожить в зародыше... Людей нашего типа, то есть истинный цвет нации, ее деловую прослойку, чаще всего уничтожали воры — в тюремных камерах и лагерях... При сталинском режиме страну морально убивали и тем, что снабжали лишь избранных, отметив их печатью особы, а остальных не брали в счет, винтики, второй сорт, молчаливое большинство — ибо народ наш, по словам Иосифа Виссарионовича, отличается долготерпением — и в этом он прав. Процесс раскрепощения, начатый Маленковым на августовской сессии Верховного Совета пятьдесят третьего года, когда он снял с крепостных колхозников налоги, — необратим, иначе страна рухнет... Эксперименты Хрущева нам дорого стоили, поэтому он и ушел... Но не думайте, что нынешний режим, с которым мы пока что работаем вполне лояльно, станет терпеть нас, если мы превратимся во всесоюзную организацию, — этого нам не простят, яблоко от яблоньки недалеко падает... Поэтому я предлагаю загодя разукрупниться и создать десять—двенадцать опорных центров, связанных между собой опосредованно.

Шинкин заметил:

— И начнется поножовщина между своими... Ты это предлагаешь? Чтоб мы уподобились американским коллегам? Нет уж, наша сила в единстве.

— Мы сохраним единство, Осип Михайлович. Кадры решают все. Мы подберем людей на ключевые посты, мы будем верстать планы для всех, мы будем контролировать прибыль наших центров, но если будем ворочаться в стране, как слон в лавке, нас станут расстреливать из пулеметов — вот вам мой прогноз... Либо надо загодя поворачивать страну — через наши возможности в высших эшелонах власти — к возвращению в тоталитаризм, опирающийся на наших людей, либо превращаться в монолит, но составленный из региональных центров...

— Когда мы едины, — возразил "Цавребов" из северокавказского подразделения, — когда мы знаем каждого, когда, наконец, мы верим друг другу, и эта вера базируется на фундаменте общего интереса, замыкающегося на Моск-

ву, значительно меньше шансов, что в наши ряды войдет чужой...

Сорокин улыбнулся:

— Даю гарантию, что стукач немедленно станет известен группе моих экспертов, вы неоднократно имели возможность убедиться в этом... Кстати, хотел бы сообщить, что стоимость нейтрализации скомпрометировавших себя работников Управления резко возросла... Прошу предусмотреть в годовом бюджете новые расценки.

— Сколько стоит устранение? — уточнил сочинский "Лузгунов".

— Нейтрализация, — нажал Сорокин, — стоит сейчас как минимум десять тысяч... В особо экстренных случаях или же в условиях повышенного риска стоимость возрастает до двадцати.

— Из кого состоит контингент тех, кто занимается черной работой? — спросил "Цавребов".

— Планированием и подготовительной работой по нейтрализации, — еще круче нажал Сорокин, хотя говорили на открытой веранде ресторана, снятого на весь день, подслушку не наладишь, — занимаются младшие братья (так называли между собой воров в законе). За это им, да и за охрану наших интересов мы теперь обязаны отчислять пять процентов от чистой прибыли — на премиально-представительские расходы... Прежняя ставка — три процента — стала нереальной, растет инфляция, цинк (так назывался рубль) теряет истинную цену... Естественно, непосредственным исполнением работы младшие коллеги не занимаются, эти благородные люди живут по закону, и мы не можем не уважать их традиции... Я встречался с авторитетными руководителями их подразделений, мы провели конференцию в Кисловодске, они поставили меня в известность, что вопрос найма исполнителей черновой работы по-прежнему надежно отработан...

— Думаю, в этом пункте мы согласимся с просьбой экспертов, ставки поднимем, — заключил Шинкин. — А вот как решим с децентрализацией?

— Я против, — сказал "Грызлов" из Днепропетровска. — Я согласен с высказанным опасением: может начаться свара между своими.

Проголосовали: предложение Сорокина забаллотировали.

Вернулись к его доводам значительно позже, когда ЧК арестовала директора Елисеевского гастронома Соколова и начала охоту за руководителем московского торгового Трехуговым; тот держался, как мог, — все же председатель ревизионной комиссии МГК, депутат Верховного Совета России; в разговоре с посланцем Шинкина горестно заметил: "Идиотство какое-то, право! Словно я о себе думаю! Я же

раб плана, мне каждый день надо Венгрию накормить! Да, да, именно так — Москва по численности населения сродни целой стране! А откуда брать товар?! Попробуй не поставь в город колбасу и мебель — тут же на ковер! Вот и приходится вертеться! Тому сунь, у этого возьми — попробуй иначе, сразу полетишь с кресла! Система делает из людей преступников”...

Тогда — на второй всесоюзной конференции Управления, собравшейся в Пятигорске, — Сорокин предложил смелый проект:

— При том, что младшие братья делают свое дело, и делают его отменно, в новых условиях следует переориентировать работу моих экспертов... Расценки на нейтрализацию чужих снова повысились, и мы не можем не поднять ставки — спокойствие работы того стоит... Но я бы предложил резко увеличить расценки на приобретение новых друзей в Системе — до миллиона рублей! Значительно легче контролировать ситуацию сверху, чем рубить засохшие сучья снизу... И треска много, и чужих глаз предостаточно...

— Миллион — не штука, — согласился Шинкин, — в конце концов наша чистая прибыль составляет четырнадцать миллиардов... И все это вкладывается в воспроизводство, мертвым грузом не лежит... Скольких людей сверху придется зарядить?

— Не менее пятидесяти, — ответил Сорокин. — Я готов зашифровать эту цифру с карандашом в руке...

Шинкин тогда посмеялся:

— С карандашом не надо, “Спиридонов”. Зачем грифелем бумагу мазать? Следы могут остаться... Ты ж в кармане солнечный компьютер носишь, на нем и доказывай...

Пятьдесят миллионов Сорокину выделили, возразил лишь “Азилов” из Самарканда: “Деньги будут практически бесконтрольны, не очень, конечно, большие, но все же копейка рубль бережет”.

Шинкин удивился:

— Предлагаешь, чтоб “Спиридонов” у министров и секретарей обкомов расписки брал? Так, мол, и так, миллион получил, служу Советскому Союзу?!

...На прошлогодней встрече, когда экстренно съехались ведущие члены руководства Управления, Сорокин поставил вопрос о том, кого следует считать союзником, — в свете совершенно неожиданных перестроечных процессов, разворачивавшихся в стране.

— Да, конечно, Система была, есть и будет стержнем нашего общества, — говорил он. — Поскольку народ исстари воспитан так, что без разрешения первого лица — будь то страна, республика, область, город или район — ни одно деяние не может быть проведено сквозь этажи исполнительной власти, мы должны безоговорочно поддерживать аппа-

рат — лишь в этом залог нашего благополучия. Да, бесспорно, Сталин виноват во многом, он был излишне догматичен, спора нет, но то, что он понял — “без железной руки с этим народом не совладать, искомый вариант — диктатура, то есть реанимация абсолютной монархии, когда вместо одного богопомазанника правит двадцатимильонная партия, но ведомая опять-таки одним человеком, авторитетом” — делает ему честь; в этом гарантия того, что мы еще вернемся к переосмыслению этой личности во всех ее противоречиях... Кто станет нашим главным противником? Это теперь понятно: кооперативное движение, хрупкая мечта гражданина Бланка, сиречь Ульянова-Ленина... К счастью, наши друзья в Системе за последние месяцы научились силовым приемам демократической борьбы: они не только задействовали Министрство финансов с его антикооперативным прессом, но и бросили против этих деятелей управляемые ими средства массовой информации... Они не закрывают кооперативы — не надо резких поворотов; они просто ставят их в такое положение, когда лучше самим закрыть дело подобру-поздорову.

Когда ряд изданий ныне постоянно обсуждает суммы заработков кооператоров — а на фоне нашей традиционной нищеты это вызывает к ним понятную ненависть самых широких слоев населения, — можно не бояться их подъема. Мы исходили и пока что продолжаем исходить из того, что при всех возможных передерягах Система сможет сохранить самое себя и не поддастся кооперативным “рыночникам”, ибо реальное появление свободного рынка в этой стране означает конец нашей деятельности.

Кто еще выступает против кооперативного движения? “Демократический фронт”? У них нет серьезной программы. Левые группы? Они поддерживают кооператоров, но левые не страшны до тех пор, пока разобщены и сражаются друг с другом за честолюбивое лидерство. Конечно, “Память” могла бы стать самым надежным партнером, накал ее ненависти к кооператорам безудержен, поскольку те бросили вызов общинной доктрине, провозгласив примат деятельной Личности, если бы не вызывающая защита ими идей фашизма, абсолютной монархии и достаточно бескультурный антисемитизм...

“Азизов” из Узбекистана бросил реплику:

— При чем здесь фашизм, монархия и антисемитизм?! Они ненавидят всех, кроме русских! Их вопли уже поспоспосовствовали тому, что наша активность в Прибалтике блокируется местными коллегами! Думаете, этого не случится у нас, в Средней Азии?! В Закавказье?! На Украине?! Поддерживая их, Система может оказаться в границах Московии! Они же необразованны и лишены страсти бизнеса! Они не понимают, что все железнодорожные артерии, связывающие

нашу экономику с Западом, проходят через Украину и Белоруссию! А там тоже проснулось национальное сознание, чему во многом способствовали именно вопли "Памяти"...

"Азилова" поддержал "Арсен".

Как всегда, накал страстей снял Шинкин:

— Казалось бы, — он усмехнулся, — я должен был первым выступить против того, чтобы работать с "Памятью"... А я, наоборот, такую идею поддерживаю... Действительно, эта группа много глупит, но зато она фанатична, а это сейчас угодно... Как и то, чтобы искать виновных за развал экономики в чужих, но никак не в самих себе. Это привлекает к ним толпу, а с толпой шутки плохи: в армию забригают именно толпу... Так что я бы попробовал с ними поработать... Подвести к ним поддающихся ученых и публицистов, цивилизовать их, перенести направление главного удара с евреев на кооператоров и тех экономистов, которые отстаивают идею рынка, немыслимого без кооперации и личностей... А нам ни то, ни другое не нужно... Так что, давайте пока не будем принимать однозначного решения... Вынесем вопрос на очередной съезд, а денюжат я бы им подбросил, но только при условии, что руководить их агитпропом станут люди, управляемые нашими экспертами... И еще: надо постоянно требовать усиления налогового пресса — это убьет кооператоров и сильных руководителей индустрии. Подключить всех, кого можно, к этой кампании — нам налоги не страшны, мы деньги не отдаем и не декларируем... Далее: идет драка за децентрализацию... Это тоже для нас губительно... Как и любая конкуренция... Пусть твои фашисты, — Шинкин улыбнулся Сорокину, — бьют и по этим позициям, нам о них нельзя забывать ни на минуту... Пусть воют о державности, о том, что Русь искони стояла Москвой, головою, так сказать, пусть кричат, что только юрким нужна конкуренция, самому духу этой страны отвратительна, потому как бездуховна, пусть на дух жмут, духом сыт не будешь, лишь бы в дело не лезли...

— В дело люди без таланта не влезут, — ответил Сорокин. — В них силен охранительный страх: "А ну, сунусь, да ни хрена не накормлю страну? Не одену? Сметут же людишки!" Нет, в этом смысле они не страшны, им бы покрасоваться, артисты, эстраду любят...

...И вот сейчас, получив вызов шефа (четыре безответных звонка в восемь утра), Сорокин увидел трех региональных руководителей ведущих кланов (днепропетровский — самый сильный, туда, на родину Леонида Идьича, чужих мусоров не пускали; начиная с шестидесят шестого года этот город стал закрытой зоной). Встреча эта не планировалась; что-то стряслось? Сразу же просчитал в уме: что могло до них дойти? Самое страшное, если кто-то сообщил о паспорте на выезд в ФРГ; здесь и закопают, несмотря на то что

три охранника, работавшие в саду, найдены им же, обучены и натасканы. Они же и пришьют; Абакумов годами любовно растил своих ближних, а как Сталин моргнул, так взяли они под белы ручки своего шефа и преспокойно сунули в камеру внутренней...

В доли секунды он вспомнил все свои наиболее серьезные мероприятия, а также общесоюзные операции, находившиеся — по уставу Управления — под его контролем.

Провалов нигде не было; связь отлажена отменно; случись что в стране, в самом дальнем регионе — сообщили бы немедленно; информация о загранпаспорте, завязанная на двух рукописях, — о них, мафиози, сидящих здесь, и о Зое (миллион зеленых, особенно если продать в Голливуд, как обещал Давыдов) — не могла к ним прийти, иначе бы не звали сюда; хотя, почему? Когда он кончил свои разговоры с Зоей, сказал своим вскользь, не педалируя: "Старуха нас больше не интересует, пусть ею занимаются те, кто алчет снять бриллианты или всучить ей живопись, особенно ее интересует Де Вит"; а уж дальше — техника, не его забота; главное, что ее голос и его страницы надежно упрятаны, а то, что Пшенкин перелопачивает манускрипт, — так и он, Пшенкин, не вечен, пора закругляться. И деда Строилова, последнего свидетеля, нейтрализуют, наводка передана, верная наводка для шестерок: геройское золотишко, одна Звезда чего стоит, да и побрякушек с платиной штук пятнадцать, живые деньги. Нет, на меня выходов нет, я играл через седьмых лиц, поди докопайся... Даже если и прихватят фрайеров, они на того покажут, кто с ними повязан, а от того беса надо шесть адресов пройти, чтоб на моих парней выйти, хрена выкуси!

Тем не менее он ощущал себя сейчас так, как бывало порою в кабинете Рюмина или Абакумова: выдернут после бессонной ночи, допрос в пять часов закончил, потом на квартиру Киры махнул, или иностранки, балериночки нежной, выпил в сладость, оттуда домой, к постылой дуре Милке, а в десять звонят — "срочно к руководству", вот и трясешься, пока едешь на площадь: "Что случилось? С какого бока ударят?!"

Он никогда не мог забыть, как однажды Абакумов навалился медведем: "Хозяин требует Федорову! А она в не-сознанке! Не можешь сломать дуру?! Какой же из тебя мужик? Даю час на размышление. Не внесешь дельное предложение — сорву погоны".

Сорокин понимал, что бешеная баба все вывалит Вождю, нельзя ее к нему пускать; скандал. Хотя, с другой стороны, Сталин сам приехал домой к Кавтарадзе, когда того выпустили, — без зубов, в шрамах, кожа да кости... Но ведь никого из тех следователей, кто с этим самым Кавтарадзе работал, не тронули! Даже, говоря, медали подбросили, вроде

бы "За отвагу"... А Кавтарадзе сунули послан в Румынию — на откорм... Нет, в обиду нас Отец, конечно, не даст, но — вонь может пойти, старец на язык злой, скажет, как отрежет, не подняться потом, так и помрешь в подполковниках где-нибудь в Джекказгане...

Придумал он тогда лихо: "Фадорова в психлечебнице, сдвиг, невменяема, опасно оставлять одну, сильны проявления агрессивной депрессии, врачи обещают поставить на ноги в ближайший месяц, пока же она все время требует встречи с любимым, день и ночь кричит: "Тэйт, где ты? Где ты, Тэйт?!"

Абакумов вздохнул: "Оформи рапортом. И налягте же на бабу! Трое молодцов, а скрутить одну американскую раскладушку не можете!"

...Кивнув Сорокину на кресло возле гостей, Шинкин из-за стола не поднялся, хмуро осведомился о здоровье, а потом спросил:

— Кого из твоих близких можно отправить в Сочи и Днепропетровск?

— Что-нибудь случилось? — спросил Сорокин, опустившись в низкое, топкое кресло. — Мне никаких сигналов не поступало...

— Случилось, — ответил днепропетровский "Никодимов". — Два наших директора подали на выезд... Поступок не санкционированный, работу вели тайно...

Сорокин ощутил, как зажало сердце; неужели играют? Могут. Эти могут все, асы; зачем? Если узнали про Дэйвида, будут ждать его прилета, захотят перехватить; связь; самое важное в Деле. Только один раз здесь был разбор, кончившийся смертным приговором, случай из ряда вон выходящий, убрали красnodарского цеховика, который утаил сорок миллионов, — устроили показательный процесс, другим в устрашение...

— Давайте фамилии, — негромко сказал Сорокин, откашлявшись. — Займемся сейчас же... Серьезные люди? С выходами?

— Выходы есть, — ответил Шинкин, думая о чем-то своем. — Не очень серьезные, но тем не менее они бывали на наших региональных конференциях...

— Кто прислал вызовы?

— Веня и Шурик.

— Лос-Анджелес?

— Шурик теперь живет в Атланте.

— Наверное, я сам поеду в Днепропетровск, — сказал Сорокин. — А почему здесь коллеги из Сочи? Тоже что-то произошло?

— Нет... Погода что — нет, — ответил Шинкин. — Коллеги предлагают созвать внеочередной съезд в связи с кампа-

нией, начатой против нас в прессе... Бесы перестраиваются, клеймят нас "организованной преступностью", пора и нам подумать о перестройке... Ты был прав, Эма, когда говорил о децентрализации... То, что мы сделали, — недостаточно, надо ломать структуру, лучше поздно, чем никогда... Когда и где будем встречаться? Нужен такой город, где ты можешь гарантировать стопроцентную безопасность для делегатов...

— Стамбул, — Сорокин хмуро усмехнулся. — Дайте день на размышление...

...Капитан Строилов дослушал последние слова Сорокина, выключил аппаратуру, положил ладонь на плечо шофера и тихонько сказал:

— Поехали...

И в эту как раз минуту генерал Строилов, выйдя из лифта, достал связку ключей и начал отпирать замок чуть трясущейся рукой; когда дверь отворилась, он почувствовал, как его рот зажали потной ладонью и стремительно втолкнули в квартиру; старик упал; в ту же секунду зазвенели стекла; на двух парней, ввалившихся в дверь следом за генералом, бросились с балкона сыщики; за ними стоял Костенко, бледный как полотно, не отрывая глаз от недвижимого старика, распростертого на полу...

16

— "Скорую" вызывайте, — сказал Костенко сыщикам из местного (Николаши Ступакова) отделения.

Говорил сейчас очень тихо, как-то заторможенно, не разжимая рта, чтобы не показать обмершим псам — в наручниках уже, — как мелко стучат зубы.

Склонившись над мертвенно-бледным генералом, он осторожно подложил ладонь под голову, чуть приподнял ее на себя и, заметив, как дрогнули уголки рта старика, прикоснулся губами к его выпуклому, античному лбу; того ужасающего, невозвратного холодания не было; господи, только б жил!

Костенко поднял глаза на парней — одному лет семнадцать, малолетка, отпустят, гуманисты, второму чуть больше, — оперся ладонями о паркет, поднялся, взял грабителей за уши, яростно вывернул их, шепнув:

— Пикнете — пристрелю, оказывали сопротивление власти... Где третий?

Парни, становясь все более бледными, сопяще молчали...

— Пошли, — сказал Костенко и, продолжая выворачивать им уши, повел на кухню, к окну, в котором торчали зуб-

чатые стекла. Пригнув их головы, он прошептал: — Вы пришли убить отца, псы... Я предполагал, что придут, но не думал, что подставят такую шваль. Сейчас я пригну ваши хлебальники к стеклам и выколю вам зыркалки, если сейчас же, сразу, не скажете, где ваш третий! Считать не буду... Ну?

— На улице, в "Москвиче".

— Номер двадцать четыре — пять три?

— Да.

Костенко отбросил сук и достал "воки-токи":

— Пятый, — шепнул он, — бейте тот "Москвич" в задок. Со всей силы бейте. И составляйте протокол... За рулем сидит их вошь, берите его в отделение и сажайте в камеру.

— Шофер не согласится нашу машину курочить, запчастей нет...

— Приказ слышали? — Костенко едва не сорвался на крик. — За невыполнение под трибунал пойдете! Вторую машину подгоните к "Пионеру", примите гостей... И глядите по сторонам, может быть, заметите четвертого, того, кто наблюдает за всей операцией... Малейшее подозрение — ставьте наблюдение, это — цепь...

Костенко сунул "воки-токи" в карман, снова взял гнид за уши и, не скрывая уж более дрожи в лице, прошептал:

— Сейчас пойдете на улицу. Ясно? Двор простреливается, положат, если вздумаете бежать. Выйдете к "Пионеру". Там будет стоять такси. Ясно? Сядете на заднее сиденье. Все. Идите.

Отпустив их уши, ставшие сине-красными, он снял с парней наручники, провел по коридорчику к двери и, открыв ее, кивнул на человека, стоявшего на лестничном пролете возле окна:

— Таких здесь восемнадцать... Ясно, нелюди? Старик жив, поэтому вышка вам не светит... Но помните: если решите бежать — пристрелим.

Через три минуты зашершавил "воки-токи":

— Докладывает "пятый"...

— На приеме, — ответил Костенко.

— Операция закончена.

— Подозрительных не было?

— Около "Диеты" стояла "Волга"... Когда наши отъехали, она рванула на разворот к брежневскому дому.

— Садитесь им на хвост! Ведите до конца! Установите их, это сейчас самое важное! Еще раз предупредите ГАИ: псы ощерились! Не упустить! На связь выходит в угрозыск местного отделения...

(Имя друга, Николашки Ступакова, не назвал; еще неизвестно, как пойдет дело, — несанкционированность и все такое прочее, а тому еще надо пенсию получить, нет ничего хуже, чем подставлять своих.)

...После того как доктор из "Скорой" сделал Владимиру Ивановичу Строилову укол ("мне кажется, он упал головой на тапок; сантиметр бы левее, летальный исход неизбежен"), вызвав медсестру из Пятнадцатой клиники, которая шефствует над сталинскими жертвами и афганскими мальчишками, Костенко рванулся к Ступакову.

Псы сидели в камере: Гуслин Петр Сергеевич, ученик десятого класса, член ВЛКСМ, судимостей и приводов не имел, Залоев Виктор Матвеевич, экспедитор почтового отделения, член ВЛКСМ, судимостей и приводов не имел, и Стружкин Андрей Дмитриевич, шюфер отделения связи, член ВЛКСМ, приводов и судимостей не имел.

— Кто дал наводку на квартиру генерала? — спросил Костенко.

— Какого генерала? — Залоев пожал плечами. — О чем это вы?! Мы никакого генерала не знаем... Если б нас на месте задержали, были б свидетели, а так только при Сталине на людей напраслину катили...

Костенко кивнул:

— С тобой ясно... Гуслин, тоже не будешь отвечать?

— А чего мне отвечать-то? Схватили на улице...

— Тебя никто не хватал... Сам сел в такси...

— Это не такси, а ваша оперативная...

— Откуда знаешь?

— Там в багажнике ваш скрючился, пистолетом в спину уперся.

— Стружкин, сколько тебе обещали за дело? — Костенко затушил окурок в спичечном коробке, вопросы ставил устало, незаинтересованно, словно бы обмяк, прикрывал то и дело веки, словно они сделались тяжелыми, неподъемными...

— А я их вообще впервые вижу... Вы мне дело не шейте... Мою машину разбили, приволокли сюда ни за что, ни про что, издеваться над собой не позволю...

— Ну что ж, — Костенко кивнул. — Иди, пиши, что этих псов никогда не видел, и потом можешь катиться ко всем чертям...

Проводив взглядом Стружкина, которого вывел из камеры милиционер, Костенко дождался, пока стих безнадежно-тюремный звук шагов, достал из кармана конверт с полароидными снимками, бросил на лавку:

— Можете посмотреть... Тут все зафиксировано... Как вы из его машины выезжаете, как с ним прощаетесь... А ведь он сейчас возьмет на себя ответственность за дачу ложных показаний... А это — срок. Ясно, нелюди? Что касается свидетелей и улик, то после вас эксперты приезжали, там ваших пальцев полно, это — неубиенная улика... Меня сейчас другое интересует. Кто вам сказал про генерала? Ответите — от-

пушу... Но вам это невыгодно... Вас сегодня же вырежут, потому что вы — свидетели... Ясно? За три дня я возьму банду... Клянусь, — Костенко медленно поднял на них ненавидящие глаза. — Клянусь жизнью, псы... И тогда вы пойдете на процессе свидетелями, а не соучастниками... Гуслину дадут условно, маломерок еще... Тебе, Залоев, светит трояк... Если, конечно, старик не умрет... Вы ж бросили его, восьмидесятидвятилетнего, на пол, сталинские недострелыши... Молчим?

— А мы все сказали, — тихо повторил Гуслин, втягивая голову в плечи; поляроидные снимки рассматривал со страхом, глаза лихорадочно бежали.

Костенко поднялся:

— Пойдем, Гуслин... А ты здесь один посиди, Залоев, подумай... Шагай, Гуслин, я тебя в другую камеру посажу, к серьезным людям, не ровня этому нелюду, там тебе все по закону растолкуют... Пойдем...

Он стукнул ладонью в дверь, конвоир сразу же распахнул ее, словно подслушивал; в темном коридоре, освещенном тусклым светом лампочки, забранной решеткой, Гуслин услышал хриплый хохот, доносившийся из соседней камеры.

— Посмотри в глазок, — сказал Костенко парню. — Полюбуйся на своих будущих учителей...

Гуслин молча замотал головой.

— Да ты не бойся, — усмехнулся Костенко, — смотри, а то наклоню...

Тот приткнулся к глазку; три обросших детины в рванье гоготали, играя в "тюремное очко".

— Отворяйте камеру, сержант, — сказал Костенко.

— Не надо, — прошептал Гуслин. — Я скажу... Наводку на генерала дал Федька Рыжий, он со Стружкой в одном доме живет, на Кропоткинской...

Федькой Рыжим оказался Арсений Федяшкин, тридцати двух лет, судимый за квартирные кражи, официант кафе "Отдых"; попросив Ступакова установить связи пса, Костенко заглянул в кабинет, где Стружкин кончал строчить показания.

Дождавшись, когда тот поставил закорючистую подпись, разложил перед ним — трескучим карточным пасьянсом — поляроидные снимки.

— За дачу ложных показаний срок получишь, — сказал Костенко. — Бери второй лист и пиши про Рыжего.

— Про какого Рыжего?! — Стружкин съезжился, голос стал писклявым, слезливым, отчаянным.

— Ты мне вола не верти, паскуда... Арсений Федяшкин на очной ставке скажет правду, а ты умоешься бо-ольшим сроком.

— Я без адвоката отвечать не буду...

— Ну и не надо... Никто тебя не понуждает говорить без адвоката... Валяй, вызывай... Только сначала я твоего адвоката к старику Строилову свожу... Поглядим, как он тебя после этого станет защищать.

— На одном адвокате мир не сошелся. Другого вызову.

— Пиши фамилию, вызовем, тварь...

— А какое у вас имеется право меня оскорблять?! Я что, в фашистский застенек попал?!

— Знаешь, что бы с тобой сделали в фашистском застенке? Или у нас, при Сталине? Знаешь? Думаешь, если мы вознамерились по закону жить, то вам теперь все можно?! Все с рук сойдет?! Ошибаешься, Стружка... Если б ты был сиротой голодной — одно дело, а ты ж барчук, ты жизнью балованный, тебе лагерь внове будет, а до лагеря еще надо через тюрьму пройти...

— Вы меня на испуг не берите... Не расколуюсь... Без адвоката ни слова не скажу...

— Ах, если б я был фашистом, — Костенко сокрушенно покачал головой, вздохнул и медленно поднялся. — Сейчас я в "Отдых" еду, что Рыжему передать? Говори — запомню...

С этим и вышел, ощущая глухую, безнадежную ярость; а ведь такие, подумал он, вполне могут нас в фашизм затолкать, если только дать расхотиться эмоциям...

...В "Отдых", конечно же, не поехал — рванул напрямик в аэропорт "Шереметьево", забитый детьми, стонающими женщинами, угрюмыми стариками — немцами, евреями, армянами, стайками веселых туристов, растерянными иностранцами, счастливыми командировочными, оценивающе-выжидающими носильщиками — вавилонское столпотворение...

Связался по рации со Строиловым; на Петровке его не было, дежурный ответил, что капитан поехал к отцу:

— Генералу очень плохо, товарищ полковник. Он потребовал вызвать прокурора и представителей комитета, хочет дать показания на Сорокина... Считает, что сейчас это единственное законное основание для его задержания... Он требует, чтобы его брали немедленно... Говорит, — голос дежурного сорвался, — "сделайте это, пока я жив"... Где вы?

— Еду в Шереметьево... Предупредили наших?

— Да.

— Скажите Строилову, что мы возьмем его...

— С чем? У нас же на него ничего нет...

...Лицо генерала было пергаментным, виски запали, сделались желтоватыми, голубоватые прожилки чуть покраснели и зримо, то и дело судорожно замирая, пульсировали, су-

ществуя как бы отдельно от неподвижных, устремленных в потолок глаз.

— Я, Строилов Владимир Иванович, боюсь реанимации сталинизма, — он говорил с трудом, страхась делать глубокий вдох, порою проводя сухим языком по запекшимся бескровным губам. — Я вижу, как мы поворачиваем вправо... Те, кто начал революцию перестройки, стали опасаться ее размаха... Я не против того, когда спорят на улицах, я за то, чтобы сталивались разные мнения... Но я был и останусь противником национал-социализма и сталинизма... Обе эти ипостаси сейчас перешли в атаку... На нас... На несчастную страну... Народ, многие годы лишенный знания, слушает демагогов — нацисты всегда кричат громче других... А сталинисты повторяют то, что вдалбливали в головы несчастных людей последние шестьдесят пять лет... Вся наша история — это история абсолютистских запретов, на этом и сыграл Сталин... Он стал Иосифом Первым, и это легло на подготовленную почву: люди, отученные самостоятельно думать и лишенные права на свободную работу — без приказа и надсмотрщика, — ждали того, кто рывкнет, ударит, посадит, казнит... Дождались... Я увидел фотографию человека, которого знал под фамилией Сорокин, Евгений Васильевич... Пусть капитан Строилов даст нам это фото сейчас же... Приобщите его к моему заявлению... К этому исковому заявлению... Сорокин бегаёт трусцой... Да, да, я в полном сознании. Я хочу подписать записанную вами страницу... Вы ведь пишете протокол? Или только фиксируете мой голос?

— И то и другое, Владимир Иванович, — ответил прокурор. — Все делается по закону, не волнуйтесь...

— Я не знаю, что такое "волноваться"... В последние дни я стал бояться, это страшней... Сорокин бегаёт трусцой в кроссовках, которые стоят сотни рублей... В спортивном костюме, который не появляется на прилавках магазинов. Он живет хорошей жизнью, тот, который был осужден за "незаконные методы ведения следствия"... Почему ни Русланова, ни Федорова, ни я не были вызваны в качестве свидетелей? Это неправильно, что его обвиняли в "незаконных методах"... Такие методы были законны в его время... Я расскажу вам, какие это были методы... Он и его сослуживцы — если их так можно назвать — связывали мне руки за спиной, крутили жгутом ноги и тянули затылок к пяткам... Это называлось у них "гимнаст". Подложив под лицо подушку, они били меня резиновой дубиной по шее... Такой допрос продолжался в течение десяти часов — пока я не терял сознание... Сорокин требовал, чтобы я признался, будто выполнял шпионские задания члена Политбюро Вознесенского... И секретаря ЦК Кузнецова... Потом он засовывал мне в нос шланг от клизмы и пускал горячую воду... А я был привязан к стулу... И я захлебывался, а он стоял надо мной и смеял-

ся... А со стены, из-за его спины, на меня смотрел тот, кого и сейчас многие жадут, — фашист по имени Сталин... Руками сорокиных Сталин убивал мыслящих, ему надо было привести к владычеству покорных кретинов, чтобы навечно продолжить в стране ад... Я не нахожу объяснения тому, что происходило... Вы успеваете писать?

— Да, папочка, — всхлипнул Строилов, — товарищи успевают, ты только не торопись, не утомляй себя...

Врач взял руку генерала, нащупал пульс, сокрушенно покачал головой; старик раздраженно поморщился:

— Дайте я подпишу то, что наговорил... Формы протоколов допроса остались прежними? Как и в то время? Эх, вы... Дайте ручку...

— Владимир Иванович, — сказал прокурор, — вы подпишете, когда мы все закончим...

— Нет... Сейчас... У меня в любую минуту может остановиться сердце...

Он медленно сжал в посиневших пальцах перо и подписал две страницы.

— Хорошо... Благодарю... Хочу продолжить... Сорокин называл мне сотни имен, мне казалось, что он хотел превратить всю страну, всех людей во врагов народа... Он торгаш по природе, он торговался за каждого, вымаливал, обещал, снова бил...

Чекист, приехавший вместе с прокурором, спросил:

— Владимир Иванович, сколько раз он пытал вас на допросах?

— Не помню...

— Очень важно, чтобы вы вспомнили... Это крайне важно для следствия...

— Я сидел во внутренней три года... На допросы он вызывал меня раза четыре в неделю... Один день говорил, пугал, путал... Три дня — мучил... Считайте сами... Да, еще я пролежал в больнице два месяца... После пыток у меня случился паралич левой ноги... Он был пьяный, когда бил меня, и попадал дубинкой не по ягодице, а по позвоночнику... Это было в пятидесятом, в мае месяце... Точнее — Первого мая... Я музыку на улицах слышал... Лозунги кричали по радио... А еще я могу свидетельствовать за Лидию Русланову и Зою Федорову... Он их не так мучил, как меня... Он их ставил в карцер, в каменный шкаф... На сутки ставил, на трое — без движения, как в гробу...

— Он знал, что вы ни в чем не виноваты? — спросил прокурор.

— От него требовали, чтобы я стал виноватым... Он прекрасно знал, что я никогда ничьим шпионом не был...

— Но он никогда не говорил вам, что знает про вашу невиновность? Не просил согласиться подписать самооговор, потому что это нужно партии, стране, Сталину?

— Нет... Это говорил Рюмин... Когда меня принесли к нему из лазарета... На носилках... И в камере мне это же говорил... Фамилию не помню... Наседка... Уговаривал признаться, чтобы выйти на процесс... И там открыть всю правду... Но я-то знал, что это за игры...

— Сорокин вас пытал один? — спросил прокурор. — Или приглашал заплечных, чтобы держали?

— Когда как... Меня же к нему доставляли в наручниках... Руки за спиной... Да и на ногах еле стоял, держали в карцере, на воде и куске хлеба, сил не было защищаться... У него глаза становились какие-то белые, когда он через меня пускал ток... От него очень пахло затхлостью... У некоторых людей есть особенный, душный запах затхлости... И все они отчего-то стрижены под скобу... Я требую, чтобы он, Сорокин, был привлечен к суду не за "нарушение методов ведения следствия"... Я требую, чтобы его судили за осмысленный, звериный, сладострастный садизм... Сорокин страшен как явление: если не соглашаешься с тем, чего он требует, ты перестаешь быть человеком, делаешься тварью, пустотой, насекомым... Это страшнее, чем гитлеровский нацизм, понимаете? Это мистика какая-то... Сорокин пытал большевика, про которого ему сказал начальник, что тот — враг. Одного слова для него было достаточно... Понимаете? Слова барина, который давал ему право на все... Такого не было в истории человечества... А еще — но это было только два раза — он повалил меня и начал прижигать папиросой ступни... Это было накануне Октября... А потом сам мазал язвы мазью Вишневского...

Теперь главное, — схватив синими губами воздух, продолжил Строилов. — В измене Родине, то есть в измене самому себе — понятия "Родина" и "я" неразделимы, — повинен и предатель, но еще более тот, кто подтолкнул его к этому дьявольскому, трудно понимаемому шагу... Так вот... Я стал изменником... Я — предатель... Да, да, пишите это... Я изменил себе, то есть Родине... И повинен в этом Сорокин... Он устроил очную ставку с моим шофером, Кириллом Семенычем, я с ним прошел войну... Тот должен был написать в протоколе, что я приглашал в машину английский консула, показывал ему военные объекты, получал за это пачки долларов и отдавал их — в моей же машине — эмиссарам Вознесенского для разворачивания работы "русского заговорщического центра"... Сорокин два года выбивал из меня признание, что мы хотели вывести Россию из Союза Республик, реставрировать капитализм, да еще пригласить из Штатов Керенского — в новые премьеры... Кирилл Семеныч молчал, отрицал все, хоть был забит до полусмерти... Тогда Сорокин приказал ввести его внучку, девочку-подростка, ей шестнадцати не было... Когда девочку втолкнули, Сорокин сказал: "Ты, лярва, в ансамбле танцуешь?! Раздевайся дого-

ла, сучонка, потанцуй напоследок перед дедом, пока я тебя в камеру не отправил! Люблю танцы, лярвочка!» Она стала белой, внученька его, а Кирилл Семеныч пополз со стула, впадая в медленное, не верующее в реальность происходящего, беспамятство... А Сорокин подошел к девуле, начал с нее кофточку снимать... Аккуратно пуговички расстегивал, к себе прижимал... А она стоит, масенькая, трясется, как замерзший воробушек... Вот... Тогда я и сказал, что готов подписать на себя что угодно, пусть только отпустит девочку... И мы с ним начали писать сценарий... Про то, как и почему я — один я, без группы, только я — пошел на измену Родине... Значит, Сорокина надо судить за измену, за пособничество измене Родине, за понуждение к тому, чтобы люди становились предате...

— Папа! — Строилов подался к отцу. — Папочка! — Он растерянно обернулся к прокурору, потом перевел взгляд на доктора. — Папочка... Папа мой...

...Костенко сидел в маленькой, без окон, комнате шереметьевского аэропорта, слушал голоса дикторов, смотрел на старый телефонный аппарат, страхась снять трубку и позвонить Строилову. Сердце жало, он чувствовал беду, понимал, что, если бы все обошлось, капитан наверняка связался бы с ним; более всего Костенко ощущал свою случайную и суетную малость на этой земле, когда уходил друг или родной человек; что сказать тем, кто стоит у гроба, неотрывно глядя на загадочную бездыханность ледяной материи, которая обречена на скорое превращение в пепел или тлен? Как выразить скорбь? Слов, адекватных таинству смерти, не существует... Больше всего он страшился тихих разговоров за спиной о том, как добираться на поминки, что удалось достать к столу, кто с кем поедет, где надо прихватить еще одну бутылку; в храме скорби бездумно включался суетный счетчик плотской жизни, словно бы сбросили груз — и айда дальше...

Костенко все же пересилил себя, набрал номер; все понял, услышав женский голос: почему-то в доме, где случилась смерть, к телефону подходит именно женщина.

— Что? — спросил Костенко, ужасаясь нелепости своего вопроса. — Где Андрей Владимирович?

— Позвоните позже, — тихо ответила женщина, — он собирает отца...

— В госпиталь?

— Нет... Собирает... Одевает его... Владимир Иванович умер...

— Скажите, что Костенко звонил... Скажите... Я очень... Словом, скорблю... С ним я, скажите... Сердцем с ним... Я приеду...

Положив трубку, он явственно увидел лицо генерала,

бездонные голубые глаза, скорбный рот с опущенными уголками и тщательно заштопанные рукава старенького свитера (а я даже не знаю, что случилось с женой капитана; почему развод; такой семейный человек; верно, "нежным дается печаль"; кто им стряпал, кто стирал; как поздно мы вспоминаем обо всех этих мелочах, которые и определяют жизнь). Именно эти заштопанные рукава, чиненная скатерть на столе и скрипучие кресла вспомнились сейчас ему особенно явственно; кто объяснит требовательную выборочность памяти?

Через "воки-токи" Костенко вызвал дежурного; тот словно бы понял, что интересуется полковника.

— Никодимова и неизвестный с цветами стоят возле стойки официальных делегаций...

— Хорошо... Путь наша девушка попросит их срочно позвонить в Росконцерт... Дэйвида пригласите в депутатский, я туда подойду... Пусть товарищи смотрят за Никодимовой и ее спутником. После разговора с Росконцертом они будут с кем-то связываться, меня интересует этот номер... Никого из тех, чьи фото я показывал, в зале нет?

— Нет.

— А на стоянке?

— Тоже.

— Здесь должен быть кто-то еще... Смотрите в оба...

Через три минуты Костенко поднялся, надел темные очки и, пройдя через служебный вход, двинулся навстречу Дэйвиду, который, весело болтая с аэрофлотовской девушкой, сменял в депутатский зал.

Костенко пристроился рядом, кивнул девушке: "Спасибо" — и, взяв Дэйвида под руку, тихо спросил:

— С прибытием, Давыдов, припоминаете меня?

— В чем дело? Кто вы? — Дэйвид испуганно повернулся к нему и, побледнев, попробовал выдернуть руку.

Костенко покачал головой:

— Десять минут назад ваши знакомые убили очень хорошего человека... Подельца Зои Алексеевны Федоровой... Пошли кофейку выпьем, здесь рядом... Люди кругом, не волнуйтесь; надо перемолвиться...

— Погодите, погодите! Вы товарищ Костенко?! — деланно изумился Дэйвид. — Рад вас видеть...

— По поводу радости — не надо.

— Нет, но вы меня ошарашили! "Мои знакомые", кого-то "убили"! О чем вы?!

— Пошли присядем... Не надо на проходе толочься...

— Знаете что, товарищ Костенко, давайте расставим точки над "i". — Дэйвид полез за сигаретами, но никак не мог попасть в карман. — Я никакой не Давыдов, а Джозеф Дэйвид, гражданин США... И я нахожусь в международной зоне, а не в России! Я еще не перешел вашу границу... Поэтому я

сейчас подниму такой крик, что Горбачеву с его перестройкой это не понравится, а уж нашему Бушу тем более...

— Вы-то не перешли границу, — согласился Костенко, — зато ваш паспорт перешел... Вы ж его сами аэрофлотовской девушке отдали...

— Это провокация, — сказал Дэйвид упавшим голосом. — Я протестую...

— Против чего? Я приглашаю вас выпить чашку кофе... Только лишь... Разговор пойдет на людях, секретов особых нет... Хотя вы можете попросить меня перенести разговор в другое место, без свидетелей, — чтобы у вас не было неприятностей в Нью-Йорке... Это только кажется, что Двадцать третья улица и ресторан "Эль Кихоте" далеко от Шереметьева...

Дэйвид дрогнул:

— Откуда вы зна... Хорошо, я не против, давайте выпьем кофе, но я не понимаю, в чем дело? Меня люди ждут...

— Если хорошие люди — подождут.

Костенко подвел Дэйвида к пустому столику, рассеянно кивнул на стул, отошел к стойке бара; шумная группа туристов, вылетающая "по трассе дружбы Москва—Берлин", толпилась возле бара; судя по одежде, туристы из провинции, цвет пиджаков и брюк удручающе коричнево-черен; когда ж мы оденем по-людски несчастных, чтобы в нас не тыкали пальцами? Где совесть у тех, кто обязан думать о престиже страны? Встречают-то по одежке, не по чему еще...

Заказав кофе, бутерброды с колбасой и две рюмки водки, Костенко терпеливо ждал, пока все это поставят на поднос; не оборачивался, был убежден, что Дэйвид ждет его, готовясь к разговору, лихорадочно просчитывает варианты ответов, а вопросов-то может быть уйма, есть чем интересоваться; это хорошо, что он сейчас бьется жопой об асфальт, пусть себе, василек...

Костенко расплатился с неохватной буфетчицей (бедненькие, со страху ведь толстеют, норовят сразу же утолить вековечный голод, наесться от пуза, бояться, что завтра отымут место, закроют бар, запретят торговлю, у нас всего можно ждать); повернулся, увидел Дэйвида, который стремительно и жадно, как урка перед допросом, затягивался "Кэмэлом" без фильтра, ободряюще кивнул ему и снова сразу же — высверком, грохотом — увидел лицо генерала Строилова, когда тот медленно, рушаще, словно старая сосна, падал на пол в прихожей...

Медленно опустившись рядом с Дэйвидом, полковник потер веки; снова появилось лицо Строилова — близкое, прекрасное, живое.

Достав "воки-токи", Костенко вызвал "девятого":

— Слушайте-ка, свяжитесь с нашими, пусть выяснят, где тело генерала... И объясните сыну — это надо сделать архи-

тактично, — что необходимо отправить покойника в морг... Для вскрытия... Меня интересует лобная часть, особенно правый висок... Если там набухла гематома от удара, значит, он не умер, а его убили...

Спрятав "воки-токи", Костенко поднял наконец глаза на Дэйвида; тот сжимал окуроч, не чувствуя, видимо, боли, хотя тлеющий огонек явственно жег кожу.

— Погасите, — сказал Костенко. — Пальцы будут болеть...

— Что? Ах да, спасибо... Вы меня ошеломили, товарищ Костенко... Эта встреча... Смерть... Я в полнейшей растерянности... Столько лет прошло, отвык от всего этого...

— Со времени нашей последней встречи прошло двенадцать дней, мистер...

— Вы что-то путаете... Я же помню, когда мы встречались... Это восемьдесят первый год... Вскоре после трагедии с Зоечкой...

— Вы же тогда отрицали свое знакомство с Федоровой... Почему теперь — "Зоечка"?

— Она для всего советского народа была и останется "Зоечкой", ее свято хранят в памяти...

— Не паясничайте... А то зачитаю показания, которые дал на вас Борис Иванович Буряца... Помните такого?

— Что-то слышал, — ответил Дэйвид; в глазах его наконец появился ужас, пульсирующе расширявший зрачки.

— Ну-ну... Значит, вы меня — с тех пор, как нам довелось беседовать на Петровке, — не видели?

— Откуда, товарищ Костенко?!

— Подумайте еще раз... Вы могли меня видеть совершенно случайно, кто-то сказал на улице, вот, мол, мусор, который знает про дело "Зоечки" то, чего не знаем мы... Такого не могло быть?

— Вы как-то странно ставите вопрос...

— Разве это преступно — увидеть человека на улице?

— Я многих видал на улицах! Знаете Ирочку? Из Моссовета?

— Не юродствуйте... Мне трудно говорить с вами, Давыдов... Случилась беда, понимаете? Убили того человека, которого пытал Эмиль...

— Какой Эмиль? — Дэйвид втянул голову в плечи. — О чем вы?

— О Хренкове-Айзенберге... А теперь можете идти в город... Но имейте в виду: вы больше не нужны автору манускриптов о Зое Федоровой и структуре нашей мафии... У него на руках заграничный паспорт... Он уезжает... Ясно? Есть человеческое понятие — "не нужен"... Номер в отеле не нужен... Костюм... Контракт... Бриллиантовый кулон не нужен... А есть — волчье... Так вот, волчье "не нужен" означает лишь одно: смерть...

— Так не выпускайте его! — взмолился Дэйвид.

— На каком основании? Он едет к жене... Воссоединяется, так сказать... Да, вы идите, идите, я не держу вас... Вас люди ждут... Они ведь должны вас отвезти к нему? С третьего этажа прыгать высоко, да и не там вас кончат, а за городом, вы, возможно, знаете адрес, там и проткнут шилом...

— Погодите, пожалуйста, товарищ Костенко! Только не торопите меня! Я ничего не понимаю, мне нужно собраться, — Дэйвид снова закурил, поднял рюмку, расплескал водку — рука тряслась неуправляемо, да он и не скрывал этого, ужас был в глазах, ставших черными, оттого что зрачки расширились так, словно бы взрывались изнутри. — У вас ко мне, лично ко мне, есть претензии?

— Нет.

— Так чего же вы от меня хотите?

— Ничего.

— А зачем вы меня здесь встретили?! Зачем весь этот ужасный разговор? Я больной человек, у меня страшное давление... Почечное... Что мне теперь делать?

— Не знаю. Берите свой паспорт и отправляйтесь к вашим людям...

— Зачем вы меня пугали шилом?! Это ведь не шутка? Нет?

Костенко поднялся, достал из кармана фотографии, бросил их на стол:

— Это еще не все, Давыдов... Поглядите для начала эти, поймете, что я не пугал...

И неторопливо пошел из бара...

Дэйвид подвинул фотографии, стремительно просмотрел их: Сорокин во время пробежки, возле кратовской дачи, у телефона-автомата, рядом с "Волгой", на скамейке бульварного кольца — рядом с Никодимовой: она смотрит в сторону, он читает газету; стремительно перебрал пронумерованные фото из уголовных дел: убитый Мишаня Ястреб, тело Людки на асфальте, укрытый простыней труп Бориса Буряцы, Зоя Федорова с простреленной головой...

— Погодите, — услышал Костенко крик Дэйвида. — Подождите же! Скажите, что мне делать?!

Костенко неторопливо обернулся, мгновение смотрел на Дэйвида задумчиво, лицо свела гримаса боли, потом как-то досадливо махнул рукой:

— Верните фотографии... Если станете говорить правду, поможете себе... И нам... Разговор будет без протокола...

— А диктофон?!

— У нас это не доказательство.

— Так у нас доказательство!

— Вы меня не интересуете, Давыдов... Решайте свои вопросы в Штатах. Меня интересует только один человек, тот,

которого вы продавали своим издателям как "Айзенберга"... Готовы к разговору?

— Только не надо таких вербальных нот в голосе, товарищ Костенко.

— Понятие "вербальная нота" к "вербовке" отношения не имеет. Если уж вас и решат вербовать, то это будет ЧК или ГРУ, мне вы за кордоном не нужны... Да и здесь, повторю, тоже... Вы мне просто-напросто нужны живым... На те дни, пока вы здесь... Контракт Сорокину привезли?

— Кому?! Не клейте мне лишних! Я не знаю никакого Сорокина! Я привез контракт Айзенбергу! Да, да, тому, который бегаёт по улицам в спортивном костюме... И парится у себя на даче... Там же принимает душ Шарко и массажи...

— Это детали, — поморщился Костенко. — Если контракт у вас, то он его заберет, и вы ему больше не будете нужны!.. Ясно? Или еще раз объяснить, что такое "не нужен"? А мне нужны его рукописи... Больше я ничего не хочу... Если договоримся — гарантирую, что выберетесь отсюда живым... Вот, собственно, и все... Я понимаю, что вы мне боитесь верить... Ваше дело... Хотя запомните: нет больших либералов в странах, подобных нашей, чем люди в правоохранительных органах — можете называть их карательными... На этом, кстати, всегда горели советологи того государства, где вы сейчас живете... Так вот, если мы уговорились, я предоставляю вам возможность обсудить кое-какие детали с американцем... Он — настоящий американец, не натурализовавшийся. Ну, как?

— Я же ответил...

— Зачем я был нужен Соро... Айзенбергу?

— Вы же сами ответили... Издатель хотел, чтобы был комментарий того сыщика, кто вел расследование по делу об убийстве Федоровой... Это сенсация, за нее платят...

17

...Приехав к себе в Поволжье летом тридцатого года, Михаил Андреевич Сулов, двадцативосьмилетний преподаватель марксизма-ленинизма, двинутый просвещать молодежь сразу после устранения из Политбюро Бухарина и Рыкова и исключения из партии Троцкого, Каменева, Смирнова, Зиновьева, Радека, Крестинского, Раковского и Преображенского, увидел в родной деревне такой голодный разор, что пришел в ужас: по ночам рубили яблоневые сады, растаскивали избы выселенных в сибирскую каторгу справных мужиков, нареченных отныне "кулаками", и увозили в степные схроны то, что оставалось еще в сусеках.

Дядька, отдавший Мишаньку в церковно-приходское училище (мечтал направить по духовной линии смышленного

мальца), говорил тихо, то и дело оглядываясь, хотя сидели на завалинке:

— Помрет русское село, племяш... Ты к власти близкий, донеси правду: мор грядет... У мужика свое отняли, он на чужой земле работать не сможет, ты ж Библию знаешь, нельзя противу естества идти, сгинет Русь...

Вернувшись в Москву, Суслов засел за изучение партийных документов, заново проконспектировал работы Сталина и лишь после этого написал ему письмо, в котором доказывал необходимость самой суровой борьбы против затаившихся оппозиционеров, которые мутят воду и сбивают с толку колхозника, только-только начавшего приобщаться к социализму.

Он ощущал возвышенное, странное чувство, сочиняя свое письмо, ибо понимал, что оно должно определить его судьбу на многие годы вперед; он совершенно точно понял, что Сталин — самый поразительный в истории человечества ренегат, ибо выписал на отдельные листочки отдельные цитаты из его выступлений только на протяжении двух лет, когда Сталин — руками Бухарина — уничтожил сторонников колхозного строя во главе с Каменевым и Зиновьевым, а потом уничтожил Бухарина, последовательного противника закабаления мужика.

...В двадцать шестом, валя Троцкого, Каменева и Зиновьева, генеральный секретарь утверждал:

“Индустриализация страны может быть проведена лишь в том случае, если она будет опираться на постепенное улучшение материального положения большинства крестьян...”

“Чем была сильна зиновьевская группа? Тем, что вела решительную борьбу против основ троцкизма. Чем была сильна троцкистская группа? Тем, что она вела решительную борьбу против ошибок Каменева и Зиновьева...”

“Мы все, марксисты, начиная с Маркса и Энгельса, придерживались того мнения, что победа социализма в одной, отдельно взятой стране невозможна... Вот что говорит Энгельс: “Может ли революция произойти в одной стране? Нет. Крупная промышленность уже тем, что она создала мировой рынок, так связала между собой все народы, что каждый из них зависит от того, что происходит у другого. Поэтому коммунистическая революция будет не только национальной, но произойдет одновременно во всех цивилизованных странах, то есть по крайней мере в Англии, Америке, Франции и Германии... Правильно ли это положение теперь? Нет, неправильно...”

(Суслов не удержался, черкнул: “Потому что власть сделалась собственностью тех, кто пришел наверх”; испугался, порвал на мелкие кусочки, вышел в коридор, заперся в сыром сортире и спустил бумажки в унитаз; ночью проснулся в ужасе: а вдруг какой засор — всплывет?)

“Товарищ Троцкий, видимо, не признает того положения, что индустриализация может развиваться у нас только через постепенное улучшение материального положения трудовых масс деревни... Рост частного мелкого капитала в деревне покрывается и перекрывается таким решающим фактором, как развитие нашей индустрии”.

“Разве партия когда-либо говорила, что полная, окончательная победа социализма в нашей стране возможна и возможна для пролетариата одной страны? Где это было и когда — пусть укажут нам...”

“Партия не терпела и не будет терпеть того, чтобы оппозиция пыталась конструировать отношения между крестьянством и пролетариатом не как отношения экономического сотрудничества, а как отношения эксплуатации крестьянства пролетарским государством”.

“Что значит политика разлада с середняком? Это есть политика разлада с большинством крестьянства, ибо середняки сейчас составляют не менее шестидесяти процентов всего крестьянства...”

“Недавно на Пленуме ЦК и ЦКК Троцкий заявил, что принятие конференцией тезисов об оппозиции должно неминуемо привести к исключению из партии лидеров оппозиции. Я должен сказать, что это заявление товарища Троцкого лишено всякого основания, что оно является фальшивым...”

И спустя полтора года, после того как Троцкий был исключен из партии, отправлен в ссылку, а затем выдворен из страны, — поворот на сто восемьдесят градусов:

“Группа Бухарина требует — вопреки политике партии — свертывания строительства колхозов и совхозов, утверждая, что совхозы и колхозы не играют и не могут играть серьезной роли в развитии нашего сельского хозяйства. Она требует — тоже вопреки партии — установления полной свободы частной торговли и отказа от регулирующей роли государства в области торговли, утверждая, что регулирующая роль государства делает невозможным развитие торговли... Одновременно группа Бухарина обвиняет партию в том, что она ведет политику “военно-феодальной эксплуатации крестьянства...”

Суслов помнил, как группа молодых “красных студентов” из Поволжья, запершись в маленькой комнате Власова, ликующе шепталась о том, что после изгнания из ЦК Троцкого, Зиновьева, Каменева, Радека засилье “малого народа” кончилось; именно они, представители “малого народа”, шли с атакой на вековой уклад русского крестьянства, которое было для них безликой массой, никогда ими не понимавшейся.

Однако Суслов боялся признаться себе в том, что, изучая речи Сталина на съездах партии, он не мог вычеркнуть из памяти слова Иосифа Виссарионовича, произнесенные в де-

вятнадцатом году, когда тот поддерживал Предреввоенсовета Троцкого: "Я должен сказать, что те элементы, нерабочие элементы, которые составляют большинство нашей армии, — крестьяне, не будут добровольно драться за социализм... Отсюда наша задача — эти элементы перевоспитать в духе железной дисциплины, заставить воевать за наше общее социалистическое дело..."

Суслов был готов уже в двадцать восьмом открыто выступить против "малого народа" в партии, набросал ряд заготовок, понимая, что такого рода выступление будет угодно генеральному секретарю, сказавшему довольно громко старому большевику Сосновскому: "Что ты вяжешься с партийными раввинами?! Ты ж русский! С нами б тебе и идти, отрекись — дадим хороший пост..."

Что-то, однако, сдержало тогда Суслова, и он потом только диву давался своей проницательности, прочитав интервью генсека еврейскому телеграфному агентству США — после того как на Западе стали открыто говорить об "общепартийном еврейском погроме", учиненном Сталиным под напором черносотенного крыла партийных новобранцев: "Антисемитизм, как крайняя форма расового шовинизма, является наиболее опасным пережитком каннибализма. Антисемитизм выгоден эксплуататорам, как громоотвод, выводящий капитализм из-под удара трудящихся. Антисемитизм опасен для трудящихся, как ложная тропинка, сбивающая их с правильного пути и приводящая их в джунгли..."

...Сочиняя свое письмо Сталину об "идеологических диверсантах" в колхозах, молодой преподаватель марксистско-ленинской теории прекрасно понимал, что он совершает акт особенный, клятвопреступный, но все происходившее в стране убеждало его, что именно такой поступок позволит ему подняться так, что помощь несчастному народу станет делом реальным, ощутимым, весомым, а не митингово-декларативным, пустым, начинавшим постылеть людям, уставшим от посулов, дразг и постоянной напряженной нестабильности...

И в тридцать первом году, после получения сусловского письма генсеком, дотоле никому не известный преподаватель марксистской теории сделался ответственным сотрудником ЦКК ВКП(б); именно через его руки прошел разгром группы Рютина, решившего — первым в истории партии — уничтожить тирана, захватившего власть; именно он в тридцать четвертом году исключал из партии лучших ленинградцев, верных Кирову; именно он готовил материалы на всех "командиров производства", строителей Днепрогэса, Кузбасса, Сталинградского тракторного, за что и был в тридцать седьмом поднят к руководству, а вскоре введен в ЦК и Верховный Совет и направлен первым секретарем Ставрополь-

ского крайкома партии — в кабинет человека, за 1 делю перед тем брошенного в камеру пыток.

Именно он, Суслов, планировал варварское выселение чеченцев, ингушей, балкарцев, карачаевцев, получая сводки про то, сколько скрывшихся от депортации было выловлено и поставлено под пулемет. Оттуда Сталин перебрал его в Вильнюс, только-только освобожденный от оккупации. Там председатель Бюро ЦК Литвы Суслов осуществил депортацию двухсот тысяч литовцев, в первую очередь крестьян; тут у него случился первый припадок эпилепсии; отсюда он приехал в Москву, на Старую площадь, став секретарем ЦК.

Здесь он погрузился в кураторство идеологией, готовил разрыв с Тито и, затаившись, планировал решающий удар по космополитам, загодя изучая оперативную информацию по делу еврейских врачей; Сталин хотел, чтобы этот спектакль носил ярко выраженный эмоциональный оттенок, никаких двусмысленностей, пришло время открыто плевать на все и всякие еврейские информационные агентства США, с которыми нельзя было не считаться в условиях всесоюзного голода, людоедства, разрухи — тогда еще Сталин побаивался гнева народа, теперь он убедился в том, что снесут все, а уж голод — тем более, стоит только заранее обозначить тех чужих, которые во всем этом повинны...

Суслов правил статью, написанную для "Правды": "Американская разведка направляла преступления большинства участников террористической группы (Вовси, Коган, Фельдман, Гринштейн, Этингер и другие). Эти врачи-убийцы были завербованы международной еврейской буржуазно-националистической организацией "Джойнт", являющейся филиалом американской разведки... Во время следствия арестованный Вовси заявил, что он получил директиву об "истреблении руководящих кадров СССР" через врача в Москве Шимелиовича и известного еврейского буржуазного националиста Михоэлса..."

Он же, Суслов, редактировал заготовку, рожденную в аппарате заместителя министра Рюмина: "Подлая рука убийц и отравителей оборвала жизнь товарищей Жданова и Щербакова... Врачи-преступники умышленно игнорировали данные обследования больных, ставили им неправильные диагнозы, назначали неправильное, губительное для жизни "лечение"..."

Как и тогда, в тридцатом, сочиняя письмо Сталину, в котором винил троцкистов и бухаринцев в агитации среди крестьянства против колхозов, хотя знал, что против колхозов в эмиграции уже выступал Троцкий, а Бухарин был вынужден колхозы поддерживать — поди не поддержи, не на Принцевых островах живешь, а дома, под надзором ГПУ, — Суслов сейчас правил и редактировал бредни с какой-то отрешенной вдохновенностью, зная прекрасно, что Сталин

спивал Щербакова, а Жданова не пускал в отпуск даже когда тот же доктор Коган писал о необходимости серьезного кардиологического обследования "дорогого товарища Жданова"...

Чем явственнее Суслов знал правду, тем вдохновеннее и атакующе писал ложь, находя в этом какую-то жмущую сердце злость к себе, к своей растоптанной жизни, брошенной на алтарь того дела, которое представлялось ему единственным и главенствующим...

Когда после смерти Сталина он был выведен из Президиума ЦК вместе с Брежневым, когда ощутил ватную стену отчуждения вокруг себя, ибо на Старой площади все знали его преданность Сталину, он пошел ва-банк и попросился на прием к Хрущеву — сразу после речи Маленкова на сессии "Верховного" (иначе произносить не умел) Совета, сделавшей Георгия Максимилиановича самой популярной фигурой в стране.

— Никита Сергеевич, — сказал он тогда, — Родина отблагодарит вас за свержение грязного югославского шпиона Берии, но неужели вы не понимаете, что присутствие Маленкова в главном кремлевском кабинете не гарантирует нас от опасности нового термидора? Он же спит и видит, чтобы убрать вас, а никто, кроме меня, не может подготовить материалы на Маленкова; хотите вы того или нет, но я — единственный, кто работал под его непосредственным руководством...

Именно этот разговор изменил судьбу Суслова — в очередной раз; несмотря на то что Хрущев достаточно долго колебался, стоит ли ставить на того, кто изгонял в Сибирь целые народы, механика борьбы за власть подвигла его на то, чтобы уже в пятьдесят пятом году, когда Маленков был сброшен и стал министром электростанций, рекомендовать Михаила Андреевича в состав Президиума ЦК.

Именно Суслов выступил на Пленуме против Маленкова, Молотова и Кагановича, отмежевавшись, таким образом, от общего с ними прошлого; именно он — спустя семь лет — стал инициатором свержения Хрущева, именно он начал создавать культ Брежнева — большой, эпилептик, вечно мерзнувший, надевавший калоши уже в сентябре и запрещавший шоферу ездить с дачи на Старую площадь быстрее, чем сорок километров в час; несчастным водителям приходилось тащиться на третьей скорости, сверхмощный мотор "ЗИЛа" жрал тридцать пять литров бензина на сто верст пути, в автобазе сокрушенно качали головами, особенно после того как все звенья партаппарата начали изучать новое теоретическое открытие Леонида Ильича о том, что "экономика должна быть экономной"...

До последнего дня своего он поддерживал Лысенко, не позволяя задевать его в печати ни единым словом; органи-

зовал атаку на Дубчека, вторжение в Чехословакию; первым проголосовал за высылку Сахарова в Горький; требовал ареста Валенсы и все более тщательно калькулировал процент инородческого элемента в партийном и государственном аппарате, закрывая некоторые посты даже для украинцев: "Там еще не до конца изжиты западные тяготения, ставка должна делаться на уроженцев восточной части России, тлетворные влияния Европы туда достаточно трудно досягаемы..."

Будучи по природе пуританином, он свято исповедовал мораль и жил, понимая свою трагическую разрубленность: с одной стороны, он видел себя, знающего всю правду об ужасе коллективизации, а с другой — существовал и действовал как человек, предавший эту правду, сделавший все, чтобы эта ужасная правда стала "клеветой, работой врагов, злонамерением оппозиции, нацеливавшей свое жало против великого марксиста-ленинца нашей эпохи..."

Понимая, что в нем соседствуют две взаимоисключающие личности, он искал оправдания этому ужасному, разъедающему мозг и сердце (атеросклероз начался еще в тридцать седьмом) состоянию. Он искал оправдания тому, что с ним стало, не в себе самом, но в тех объективных причинах, которые привели его к этой трагедии.

Постепенно, не сразу, исподволь в нем родилась твердая схема: да, я пошел на жертву, отдав на закланье главному делу жизни собственную нравственную целостность, я был обязан пробиться вверх, чтобы отсюда, с Олимпа, быть по-настоящему полезным несчастному русскому народу, ставшему объектом игры в руках членов Политбюро — евреев (Троцкий, Каменев и Каганович), грузин (Сталин и Орджоникидзе), украинцев (Кириченко и Шелест), армян (Микоян), белорусов (Мазуров и Машеров), финнов (Куусинен), латышей (Пельше).

Он ломал себя, приучая — год за годом — к тому, чтобы постигнуть великую науку ожидания; он делал все, чтобы места белорусов и финна в Политбюро были переданы русским, армянина — русско-ориентированному казаху, латыша — русскоориентированному украинцу или же, что еще лучше, русско-украинскому полукровке с последующей заменой на чисто русского партийца.

Он видел, что Брежнев совершенно сдал, дни его сочтены, он напряженно и последовательно готовился к тому, чтобы стать первым лицом, возглавив Политбюро, и поэтому делал все, чтобы имя Леонида Ильича, который подарил стране двадцать лет блаженного спокойствия, отмеченного печатью державной, солидной неторопливости, свойственной истории Российской империи, было прозрачно-чистым; он, именно он, Суслов, сможет явить человечеству первый пример того, как наследник не поносит имя предшественника, но, наоборот, делает все для возвеличения его

памяти: никогда такого, увы, не было — теперь будет, новая страница в развитии Державы. Умные историки, заранее составленные им на ключевые посты в науке, смогут объяснить этот феномен преемственности, столь угодный будущему. Хватит, надоело отрезать прошлое! Как ни пытались отрезать Сталина — не вышло, силу не отрежешь, только слабость исчезаема, из ничего не будет ничего, так угодно Провидению...

Именно поэтому, начав атаку на Цвигуна, провалившего дело опеки семьи Леонида Ильича, позволившего потечь гнусным слухам о тех, кого так любил Генеральный секретарь, Суслов преследовал свою тайную цель: уже при жизни Брежнева сделаться его добрым опекуном, неназванным поводом, человеком, радеющим об имени первого лица более, чем само первое лицо...

Суслов знал, что сентиментальность Брежнева может в любую минуту обернуться неожиданностью. Когда генерал армии Епишев, комиссар Советской Армии, доложил ему о том, что режиссер Роман Кармен пошел на поводу у американцев, снимая свой фильм "Неизвестная война" (нашел кого приглашать в комментаторы; лицо кинозвезды Ланкастера вполне типично, смотреть противно, и здесь примазались, ничего не поделаешь, свой свояка видит издалека), Суслов позвонил в Госкино и задал всего лишь один вопрос, понимая, что именно вопросительная краткость вызовет в Гнездниковском переулке смятение:

— А что вы думаете о роли русского народа в фильме "Неизвестная война"? Или отдали право на это размышление главному противнику?

("Главным противником" в ту пору определялись Соединенные Штаты Америки.)

Вообще, чем дальше, тем чаще он ловил себя на том, что подражает незабвенной памяти Иосифу Виссарионовичу в манере говорить, вести заседания Политбюро и общаться с теми деятелями литературы и искусства, которых порою считал нужным вызвать к себе в кабинет.

Он принял Галину Серебрякову — как-никак написала книгу о Марксе, отсидев в концлагерях добрых семнадцать лет, не озлобилась, гордилась членством в партии, которое ей вернули без перерыва в стаже; довольно стойко перенесла и то, что на Ленинском комитете ее смогли искусно забаллотировать и не дать премии.

Он полагал, что Серебрякова станет просить поддержки при новом туре голосования, видимо, поставит какие-то житейские вопросы — квартира или дача, — однако она стала говорить о другом, неожиданном:

— Михаил Андреевич, ведь вы же знаете, как и я, что ни Бухарин, ни Каменев, ни Серебряков, ни Крестинский с Сокольниковым никогда не были ничьими шпионами! До каких

пор мы будем унижать друзей Ленина сталинской ложью? Честные люди, они высказывали свое мнение — вот их вина. Каким бы сложным человеком ни был Троцкий, но ведь он в своем поезде наркомвоена сделал сто сорок тысяч километров по фронтам гражданской...

Суслов поднялся из-за стола, походил по кабинету, потом подошел к огромному сейфу и положил узкую ладонь, казавшуюся бессильной, изнеженно-девичьей, на выпуклый замок:

— Они у меня все здесь, — сказал он тихо, с внезапной болью, удивившей его самого. — Они тут лежат, товарищ Серебрякова, замкнутые... И пока партия доверила мне этот кабинет, возврата к вопросу, который вы ставите, не будет... Товарищ Гроссман вам говорил, наверное, что я беседовал с ним по поводу его рукописи... Талантливо? Да, если страшное можно назвать талантливым... Но издана его книга — ранее чем через сто лет, а то и двести — не будет, нельзя этого делать, я слишком хорошо знаю мой народ, товарищ Серебрякова. Мы, русские, только внешне спокойны и неторопливы, а на самом-то деле нет людей более горячих, чем мы, вам же приходилось видеть наших в лагерях и тюрьмах... Только следуя линии власти, можно сохранить стабильность... Кулачные бои не французская забава и не английская — наша...

— Немецкие бурши сражались не кулаками, Михаил Андреевич, а кинжалами...

— Русы и пруссы — это не случайная близость, товарищ Серебрякова... Это неподнятый пласт языкознания... Мы близки не только духом, но и кровью. Боярин Кобыла не русак, а пруссак, а ведь был близок к тому, чтобы сесть на наш трон... Так что мой вам совет: не возвращайтесь к той теме, которую подняли, вас не поймут... Я — во всяком случае...

...Госкино доложило Суслову, что с Карменом проведена довольно жесткая беседа, затребован сценарий — для вторичного контрольного прочтения, указано на неточность позиции в отношениях с американской стороной и артистом Ланкастером.

Епишев благодарил сердечно, сказал, что теперь у его аппарата развязаны руки, Кармена вызовут в ПУР для крутой беседы, хватит чикаться с писаками, продыху нет от этих срачных "интеллектуалов".

— Интеллектуалов, — поправил Суслов. — Но смысл, конечно, не меняется, вызов традициям, никогда это слово в нашем лексиконе не употреблялось, внесено чужаками, в этом, пожалуй, я согласен с Солженицыным, с его "образованщиной"...

Но через три дня на приеме в Большом Кремлевском дворце Брежнев, заметив Кармена, приглашенного, как обычно, с Майей, женою его, любимицей аппарата Гене-

рального секретаря, совершенно неожиданно для всех покинул свое председательское место за столом Политбюро и направился к пепельно-бледному Роману Лазаревичу, распахнув руки для объятия задолго перед тем еще, как приблизился к нему.

Прижав к себе худенького, хрупкого Кармена, он спросил:

— Слушай, а ты помнишь, когда мы с тобою впервые познакомились?

— В Кремле, — ответил Кармен, — на первой встрече с деятелями искусства...

— Это при Никите Сергеевиче, что ль?

— Да.

Брежнев покачал головой:

— Нет, Роман, короткая у тебя память... Было это в сорок первом, на Украине, я засел с моей "эмочкой" в кювете, а ты мимо ехал, дорога пустая, немец бомбит, танковый прорыв, не выберешься — пристрелят... Все неслись мимо, как мы руками с шофером ни махали, только ты остановился и втроем с твоими товарищами машину мою из кювета вытащили... Ты еще сказал: "С тебя бутылка, подполковник"... Я ответил, что, мол, сейчас отдам, а ты посмеялся, воевать, сказал, надо, а пьяным только дурак воюет... Вот я и решил тебя сейчас при всех отблагодарить, добро не забываю, зла не прощаю, спасибо, Роман...

И Суслов, и Епишев — как, впрочем, и все, собравшиеся в зале, — видели это объятие; Епишев подсказал к Кармену первым: "Роман Лазаревич, ты ж наша гордость, фронтовик, ветеран, герой, на тебя вся надежда, нажми на американцев, чтоб твое кино как следует поднять, ведь такая замечательная работа..."

Суслов горестно подумал: "Никому нельзя верить, предадут вмиг, что за народ, боже праведный!"

Он никогда не мог забыть, как его помощник Воронцов принес ему свой комментарий, написанный совместно с молодым профессором филологии Феликсом Кузнецовым, о том, как еврейская банда ГПУ погубила Маяковского, включив в операцию по травле великого поэта своего давнего агента Лию Брик, сестру печально знаменитой еврокоммунистки Эльзы Триоле, жены Луи Арагона, одним из первых восставшего против "диктата московского ЦК".

Суслов довольно долго изучал воронцовский документ, понимая, что такого рода публикация вызовет однозначную реакцию на Западе и весьма неоднозначную в России. После колебаний он склонился к тому, что вертикализация национального характера значительно важнее европейского брюзжания; в конце концов, Россия — для русских, а не для французов с итальянцами; согласие на публикацию дал, хотя

попросил смягчить некоторые формулировки: "лишний гвалт нам не нужен, бить надо фактами".

Воронцов отправил рукопись — комментарий к собранию сочинений Маяковского, издававшегося "Огоньком", — в Главлит, несмотря на то что Анатолий Софронов просил Воронцова убрать ряд абзацев — "слишком остро, не поймут". Тот посмеялся (лежал в Кремлевке, на Мичуринском, отдохнул, чувствовал себя прекрасно): "Боишься шабаша, Толя? Если не мы их, значит, они — нас, усвой это правило диалектики".

Однако руководящий работник Главлита отказался подписать этот комментарий в печать: "Я слишком русский человек и поэтому не могу позволить себе мазаться антисемитизмом; наши аристократы не подавали руки жандармам и юдофобам".

Воронцов сначала оторопел, а потом даже рассмеялся:

— Слушайте-ка, вы на кого работаете, а?

— На партию, — ответил тот. — То есть на интернационализм.

— Вы мне лозунгами не отвечайте. Вы знаете, кто я? Знаете. Вот и извольте выполнять указание.

Этим же вечером Константин Симонов, к которому Брежнев питал удивительную почтительность, даже на сталинградские торжества приглашал с собою на трибуну, отправил письмо Генеральному секретарю; тот позвонил Суслову домой, на Бронную, вечером:

— Чем там твой помощник занимается, Михаил? Фронтовики протестуют, не надо меня ссорить с творческой интеллигенцией...

Суслов немедленно связался со своей приемной и продиктовал "сидельцу" болванку приказа об увольнении Воронцова по собственному желанию на пенсию — с сохранением дачи, кремлевского пайка и клиники; самому Воронцову звонить не стал и дал указание впредь с ним не соединять...

Сразу же после этого собрал совещание и нацелил Политпросвет на подготовку цикла теоретических конференций о научном вкладе Леонида Ильича в сокровищницу марксистско-ленинской мысли.

Информация о том, что Цвигун так ничего и не сделал, чтобы немедленно остановить расползание слухов о личной жизни сына и дочки Первого Лица, подвигла его на то, чтобы вызвать члена ЦК и Союза советских писателей, кинематографиста, генерала армии Семена Кузьмича Цвигуна из Барвихи, где тот приводил в порядок расшатавшуюся нервную систему:

— Если в течение недели вы не сможете положить конец гнусным сплетням, распускаемым о людях, которые далеко не безразличны Леониду Ильичу, если вы не добьетесь того,

чтобы ни одна капля зловредной клеветы, гуляющей по Москве, впредь не марала имя человека, ставшего лидером всего прогрессивного человечества, — пенять придется на себя, призовем к партийной ответственности.

— Михаил Андреевич, но мне в таком случае необходимы санкции на чрезвычайные меры, иначе ни я, ни кто другой на моем месте не сможет прекратить слухи...

— Инстанция — не нянька! Раньше нужно было думать о мерах! Повторяю: если в течение недели порядок не будет наведен, кладите на стол партбилет, партия — не богдельня!

Суслов знал, что делал: он понимал, что Цвигун не может ответить ему исчерпывающе; что ж, в таком случае придется отвечать "политику" Андропову, который сумел выстроить себе замок из слоновой кости, спрятавшись в нем от грязи, которую переправляет на стол ему, секретарю ЦК, требуя подписи под каждым решением против тех, кто думал иначе и поступал не как все, а по-своему, "якающе".

Требуй пустяшные — в свете всего происходившего в мире (Афганистан, Эфиопия, самиздат, "звездные войны", крах экономики, Камбоджа, либерализация Китая, постоянные заговоры против товарища Чаушеску со стороны эмигрантских террористов, ситуация на Кубе) — данные о том, как, в частности, развивается дело по задержанию убийц Зои Федоровой, пути которой якобы пересекались с тем, кто имел выходы на семью, аппарат Суслова постоянно атаковал вопросами Цвигуна и Щелокова, а те даже не могли толком переговорить друг с другом, чтобы выработать общую линию, ибо знали, что люди Андропова не спускают с них глаз: трагическая взаимоувязанность тотальной несвободы.

Суслов отдавал себе отчет в том, что, ударяя по Цвигуну, он одновременно бьет и по Андропову — одно ведомство; в этом был глубинный смысл задуманной им операции: Андропов давно перерос свой государственный пост; становился некоронованным королем политики, отодвигая, таким образом, его, Суслова, с кресла "номер два". Суслов при этом сохранял с председателем КГБ самые добрые отношения, как-никак ставропольцы, он там родился, я — состоялся, казачья косточка, мудрость и широта, вольница и смелость...

После очередного разговора с Цвигуном (вышел из кабинета второго человека страны смертельно бледный) Суслов встретился с Брежневым, который теперь бывал на Старой площади только три раза в неделю.

Говорили о Щелокове; слишком много нареканий, идут письма, нельзя не реагировать, Андропов, видимо, не сможет и дальше замалчивать факты.

Брежнев позвонил Председателю Совета Министров Тихонову:

— Слушай-ка, милый, — сказал он своим особым, сырым голосом, так говорил в минуты наибольшего напряжения (захлебно шутил с Твардовским за день до вторжения в Чехословакию, анекдоты рассказывал), — сделай милость, возьми себе заместителем Щелокова...

Тихонов засмеялся:

— Леонид Ильич, да он же вор! Самый настоящий вор! Казни, но в замы не возьму.

...Когда Цвигун застрелился, Брежнев позвонил Суслову:

— Зачем же ты так людей калечишь, а? Ну, виноват, ну, наказали б, но под пулю подставлять не надо... Он же был мне верен, как пес... Или тебе мои люди перестали нравиться? Может, считаешь, что пришло время окружать старика другими? Не рано ли меня хоронишь? Не думай, что в мое кресло сядешь, серым кардиналом не меня называют, а тебя, не меня критикуют в республиках, а тебя, запомни это... Я добрый-добрый, но до поры, шутить со злыми можно, они трусливые, а с добрыми не шуткуй — добрый человек силен... И уж если я твои архивы подниму — по тридцатым и сороковым годам, — повалишься так, что пол носом прошибешь... Народу ты накопил предостаточно, сотнями тысяч исчисляются, если не миллионами, уважаемый народный избранник...

...Он пожалел об этом разговоре назавтра, когда сообщил, что Суслов при смерти; на заседании Политбюро увидел холодные глаза Андропова, скрытые толстыми стеклами очков, угольки Горбачева, сидевшего рядом с "Юрой", бесстрастные — Громыко, единственного, с кем оставался на "ты", и понял вдруг, что остался совершенно один среди этих людей; только Суслов утирал слезы, когда он читал наизусть Есенина (знал почти всего, от корки до корки), остальные — рассеянно внимали; только Суслов стоял с ним плечом к плечу, защищая память Сталина; только несчастный старик в пенсне первым ставил вопрос на Политбюро о присвоении ему, Брежневу, очередной Звезды, не обращая внимания на то, что те же Горбачев и Андропов рисовали на стопках бумаги какие-то сложные диаграммы, стараясь не смотреть на кардинала...

...Вот тогда-то, после всех этих скандалов с артистами, будь они неладны — одну убили, другую ограбили, третьего посадили в острог, чтобы принести горе дочери, — он и начал задумываться о том, кто же примет из его рук империю, кто сохранит по нем благодарственную память...

Тогда-то он и сказал себе, что лишь Черненко или Гришин смогут сохранить то, что он создавал эти долгие и прекрасные двадцать лет, вот тогда-то он и решил лишить Андропова реальной власти, переместив из КГБ, отдав при этом всю кадровую политику Черненко, — в конечном счете все

решает математическое большинство голосующих, что же еще-то?

Как и все люди малой культуры, лишенный глубинного политического чувствования, он не мог себе представить, что выборы Генерального секретаря будут происходить не на Старой площади, а в кабинете министра обороны Устинова — того, который, казалось, всегда и во всем был с ним, с Брежневым.

Вот и пойдя разберись в людях...

Маленькая частность — гибель старой русской актрисы — оказалась одной из тех крошечных капель, которые могут оказаться последней, той, которая переполнит чашу — горя ли, терпения, усталости или тотального, пугающего своей тишиной безразличия...

— Лучше уповать на Господа, нежели надеяться на князей (Псалом 117,9).

— Лучше уповать на Господа, нежели надеяться на человека (Псалом 117,8).

— Так говорит Господь: проклят человек, который надеется на человека и плоть делает своею опорой, и сердце которого удаляется от Господа (Иеремия, 17,5).

— Богатых в настоящем веке увещай, чтобы они не высоко думали о себе и уповали не на богатство неверное, но на Бога живого, дающего нам все обильно для наслаждения; Чтобы они благодетельствовали, богатели добрыми делами, были щедры и общительны, Сбирая себе сокровище, доброе основание для будущего, чтобы достигнуть вечной жизни (I Тимофей, 6,17—19).

— И мы познали любовь, которую имеет к нам Бог, и уверовали в нее. Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге... В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх; потому что в страхе есть мучение; боящийся несовершен в любви... Кто говорит: "я люблю Бога", а брата своего ненавидит, тот лжец: ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, которого не видит? И мы имеем от Него такую заповедь: чтобы любящий Бога любил и брата своего (I Иоанн, 4, 16, 18, 20, 21).

Как же мог Бог не карать презрительным забвением всех этих несчастных, самопредавших себя Сусловых, Брежневых, Гришиных, главным стимулом которых была не любовь, а страх и жажда удержать наслаждение, полученное ими от обладания властью?

Несчастные, могли ли они дать счастье согражданам своим?

И страдальца Зоя была обречена на муки не только теми, кто арестовал ее в сорок шестом, пытал в сорок седьмом и убил в восемьдесят первом, но и тем, что рождена она была здесь и жила в те страшные годы, которые именуют то "культом", то "застоем", а смысл в них затаен один: предательство того Бога, которому эта страна кланялась с той поры, как изрубила и сожгла прежних богов своих, горестных и добрых Перунов...

18

Варенов пришел в себя только в купе сочинского экспресса: за триста рублей достал купе в международном вагоне, обрушился на мягкую койку, затолкал под голову подушку и, запрокинув руки за голову, хрустко вытянулся, ощутив смертельную, безвольную расплюсновенность. Все те долгие часы, что он клеил пластырь на разбитую бровь и переносье, кружил по городу, собирал из тайников деньги (распихал по карманам сорок тысяч сотенными, не бог весть сколько, но какое-то время можно продержаться), менял такси и вагоны метро, опасаясь слежки, но усталости не чувствовал, а лишь постоянный, изматывающий, зубоклацающий ужас; только здесь, в вагоне, сломался, перестав ощущать тело...

Он понимал, что, после того как назвал проклятому Артисту телефон Большого Босса, жизнь его рухнула, прошлое перечеркнуто, пощады не будет.

Если бы не ночная операция с Людкой, он бы пошел на Петровку, в ЧК, Прокуратуру, к черту, дьяволу и рухнул бы на колени, взмолившись о защите, отдал бы мусорам этого оборотня Эмиля; но он представлял себе, как его участливо выслушают, а потом неминуемо зададут вопрос про то, где он был той ночью, и, как бы он ни вертел, все равно развалят до задницы. Даже если и сохранят жизнь, то вломят пятнадцать лет строгого режима — медленная смерть, гниение, лучше уж сразу пулю в затылок. И Эмилю открыться нельзя: он не простит того, что я отдал его телефон, ни за что не простит, его только Никодим знает и я, да и то он открылся две недели назад, раньше к себе не подпускал, общался через Толика, а тому задания передавал кто-то еще, без имени и адреса, конспирация, полнейшее неверие никому и ни в чем.

Достав из авоськи (специально купил неприметную, на такие ни мусора не зарятся, ни ворюги) бутылку коньяку, расцарапал пробку, приложился к горлышку, начал пить большими глотками, в который раз уже уговаривая себя, что это последняя, сейчас надо быть трезвым, предстоит принять решение, возможны разборы и толковища, надо

быть постоянно собранным, это не профсоюзные собрания, каждое слово надо взвешивать, любой миг быть готовым к неожиданностям, на такого рода процессах все решает мгновение: сумеешь вовремя отмахнуться — твое счастье, нет — смерть, не взыщи, все по закону...

Мечась по Москве, Варенов постоянно искал выход; ему казалось, что спасение где-то рядом, хотя мысли были рваные, путанные, огрызки какие-то; он верил, что мысль живет отдельно от плоти, по своим, неподвластным человеку законам, и то, чему суждено произойти, свершится вне и без человеческой на то воли, само по себе.

До того мгновения, пока поезд не тронулся, Варенов не очень-то отдавал себе отчет в том, почему он поехал именно в Сочи, а не в Днепропетровск, Ашхабад, Пятигорск, Ригу или Одессу, где тоже были надежные люди; только оторвавшись от бутылки и ощутив размягчающее тепло, он понял, что в Сочи ему нужен Петух, который знал многих авторитетов в стране, потому что снабжал их охрану магнитофонными записями самых популярных певцов и ансамблей. Именно он, Петух, может дать наводку на Артиста. А если Артиста удастся нейтрализовать, тогда дело закроется само по себе: единственный свидетель его разлома раз и навсегда замолчит.

Хорошо, замолчит, очень замечательно, но ведь Эмиль спросит, где я был все это время. Что отвечать? А очень просто: увидел тройную слежку, топтали и в подъезде, решил свалить, оторваться, а уж потом, убедившись, что чистый, позвонил бы.

Он снова приложился к бутылке: хмель не брал, только проходил озноб, не так бил трясучий колотун.

Варенов лежал на кушетке, растирая бесчувственные одеревенелые пальцы о мягкое одеяло. Ладно, допустим, я все это ему выложу. Что б я сделал на его месте? Как бы я поступил?

Когда в дверь резко постучали, Варенов вскинулся, ощутив безнадежную закупоренность: если войдут мусора, только и остается, что тянуть руки в гору; на пороге, однако, стояла проводница:

— Постелить вам?

— Что?! Конечно, постелите!

— Билетик ваш, пожалуйста...

— У меня два... Приятель позже сядет... В Харькове...

Проводница улыбнулась:

— А может, приятельница?

Он покачал головой и, глянув на женщину — под пятьдесят, но сбитенькая, с игрой, — достал из кармана столик:

— Может, бутылочку найдете?

...Пришла она к нему, когда проехали Тулу; ощущая

звнящую дрожь, он быстро раздел ее, нервно, словно мальчишка, лязгая ремнем, разделся сам, ищущие потянулся к ее рту пересохшими губами и, застонав жалостливо, услышал ее молящее: "Тише, услышат, миленький..."

Проснулся он ночью; в купе никого не было; вскочил, ощупал карманы куртки — пачки денег были на месте. А если она их увидела? Сдаст, обязательно сдаст; вышел на перрон в Харькове; молоденькая проводница, сменившая напарницу, посмотрела на него с понимающей улыбкой.

Свалить, что ли? Еще хуже — телеграмму дадут; будь что будет; вернулся в вагон, поскребся в первое купе, отворил дверь; женщина спала, укрыв лицо рукой; он положил ледяную ладонь на ее плечо, шепнул:

— Чего ж ушла? Я жду...

— Сейчас, — ответила она, — только тронемся... Ты ж захрапел, я и подумала, что тебя на всю ночь сморило...

...В Сочи он вышел выспавшимся, колотун прошел, но выпить хотелось по-прежнему; молил себя: "Жди, нельзя сейчас, потом, после Петуха, захмелишься, а то все дело погубишь". Но кто-то другой, живший в нем, посмеивался: "Все погубишь, именно если не выпьешь. Петух почувствует в тебе страх, а с ним надо жестко говорить, держать марку, да ты и кружева не умеешь плести, когда не поддатый".

На привокзальной площади взял такси, сказал везти в "Ахун", накрыл стол на две персоны; зарядив официанта, попросил принести икорки, осетрины, балыка, алчно выпил тягучую соцкую и сразу же позвонил Петуху:

— Жду, друг! Предлагаю выступить по высокому разбору...

— Сейчас не могу, Варено... Что ж заранее не сообщил?

— Я только с самолета... Стол накрыт...

— Ты один?

— А что?

— Нет, ничего, просто интересуюсь... Телок не привез?

— В Тулу со своим самоваром не ездят... На полчаса хоть подгреби... Машину прислать?

— Могу сам на трех приехать, — усмехнулся Петух. — Ладно, жди...

...Пили до упору, потом отправились в "Жемчужину", купили люкс, сняли двух проституток, заказали ужин в номер. Там Варенов и обрушился; проснулся словно бы от толчка, потянулся к куртке: денег не было; вскочил, ощупал джинсы, две упаковки стельников лежали в задних карманах; автоматически просчитал, что осталось тысяч пятнадцать, главные деньги рассовал в куртку, благо карманов много; из гостиницы тут же свалил; если лярвы погорят, мусора неминуче придут к нему — потерпевший...

Петуха дома не было; а может, он меня и почистил? С этого станется, шакал; на обострение идти нельзя, только он в состоянии помочь, больше соваться не к кому, тупик.

Ждал его часов восемь; дождался; тот обрадовался — без игры, от души:

— А я тебя в “Жемчужине” искал, Вареву!

— Меня лярвы обобрали...

— Да ну?! Крупно?

Варенов пожал плечами:

— Крупно, мелко, теперь не воротишь... Не мусорам же заявление писать... Мне один друг должен пятьдесят косых, надо взять, хочешь войти в долю?

— Дело чистое?

— Я по мокрому никогда не ходил, сам знаешь...

— Сейчас все смешалось, Вареву...

— Я не мешаюсь... Как Артиста, кстати, найти? Записную книжку оставил в Москве...

— Артист давно завязал...

— Ссучился?

— Он большой авторитет, Вареву... Таким нет резона сучиться... Устал, наверное... Да и потом, говорили, у него любовь...

— Ну, это его заботы... Пошли, жаждем, зябко мне. Только сначала узнай его номер, а? Или адрес, я лучше к нему без звонка подъеду, чего лишний раз марать человека...

...Петух позвонил в Москву; рассказал о просьбе Варева; адрес Артиста ему дали; информация об этом звонке ушла двум адресатам: Сорокину по одним каналам, Костенко — по другим.

...Варенова и двух вооруженных боевиков, принявших его в наблюдение следующим же утром во Внукове, взяли в подъезде дома, где жил Артист. Операция вступала в последнюю фазу: Айзенберг завтра улетал в Берлин — туда не нужна западная виза, зачем светиться возле посольства, гласность гласностью, а ЧК всех на пленку снимает, контора работает, он-то уж это понимал как никто...

Никто, впрочем, не знал, что у него был билет на поезд Москва—Берлин, который отправлялся с Белорусского вокзала послезавтра вечером, а в кармане к тому же лежал второй паспорт, на имя Андрея Григорьевича Суконцева...

Строилов сломался; отправив отца на вскрытие, вернулся домой, лег на узенький кожаный диванчик, укрылся пледом, подтянул острые колени к груди и замер, страхась пошевелиться. На телефонные звонки не откликался, и не потому,

что не было сил протянуть руку, но оттого, скорее, что знал заранее, кто звонит и как станут говорить.

Внутри стало пусто, как в квартире, из которой вынесли все вещи жильцы, уезжающие отсюда навсегда...

Чем дальше, тем он обостреннее ощущал, что отец — худенький, беспомощный, с трудом ковылявший в магазин со своей олимпийской пластиковой сумочкой, готовивший ужины (часто пережаривал, беденький, совсем стал слепеньким), — есть последнее родное существо, связывавшее его с сотнями Строиловых, живших когда-то на земле; он был той пуповиной, которая позволяла капитану ощущать свое родство с прошлым, без которого жизнь возможна только в том случае, если у тебя есть жена, дети, братья и сестры, добрые тетушки, старенькие дядя, родня, одним словом. А когда ты остался один, образовалась такая гулкая тишина в себе самом, что всякое движение страшило, как в детстве, когда просыпался в спецдоме и с ужасом слушал безутешные всхлипы тех, кто вместе с ним был заключен в эту тюрьму — разве что только без колючей проволоки, но с решетками на окнах.

...Посадив в машину задержанного Варенова, сунув ему в рот сигарету, Костенко снова набрал номер Строилова, зная заранее, что никто не ответит.

— Догадываешься, куда я звоню, Варев?

Тот покачал головой.

— К человеку, у которого твой хозяин отца убил...

— У меня нет хозяев, — ответил Варенов, обретя уверенное спокойствие, как только кончилась изматывающая душу неопределенность; до этого он все время ждал подсказки, верил, что в последний момент что-то поможет ему, кто-то возьмет под защиту, нельзя ему гибнуть, несправедливо это, вся жизнь впереди,дохнут те, кто заранее отмечен, а я-то обречен на долгую и счастливую жизнь, зря, что ль, переводил тысячи на гадалок?!

Сейчас, сидя с тем, чью фотографию ему показывал Босс (когда ж это было? недавно ведь совсем, а кажется, жизнь прошла!), Варенов видел лицо Эмиля и слышал его слова: "Сейчас такое время пришло, Исай, что нужно все отвергать, никаких игрушек, они в суд без улик не пойдут, так что — выпустят, а если нет — мы тебя выкупим, рукастые..."

Он словно бы зубами держался за эти слова, как за спасательный круг держался, и поэтому чувствовал входившее в него успокоение.

— У меня есть твой палец, Варенов, ты знаешь, где мы его нашли, нет смысла запираяться... Тем более ты там, видимо, не главный был... Говори правду, у меня времени мало,

лучше сразу определим позицию, глядишь, и поможем в чем...

— Вот они, мои пальцы, — Варенов кивнул на кисти, стянутые наручниками. — Каждый человек имеет пальцы, они для того, и даны, чтоб следы оставлять...

— Не юродствуй... Я ж тебе не про пальцы говорю, а про палец... И не спрашиваю, откуда у тебя при задержании был пистолет в кармане... Все равно скажешь... Я тебя спрашиваю про хозяина, он меня занимает.

— А я говорю, что нет у меня никакого хозяина! А пистолет вы мне сами в карман засунули..

— У нас кино есть, как ты этот пистоль в подвале на Лесной брал.

— Вы суду кино предъявите, пусть посмеются.

— Не беспредельничай, Варенов...

— И вы — не надо... Вы мне вину докажете... Я вам свою честность доказывать не обязан... Ваше время теперь кончилось, по закону будем жить...

Костенко кивнул:

— Верно. И жить будем по закону, но и расстреливать — по закону — тоже будем.

Он снова закурил, сказал сыщикам, сидевшим рядом с Вареновым, чтобы везли его оформлять на Петровку, и, подняв наконец глаза на арестанта, негромко сказал:

— Думаю о том, Варенов, какое алиби выставишь на ту ночь, когда Людку убивали... Видишь, я поступаю по закону, силков не ставлю, даю шанс...

...Сорокинские боевики молчали; отрицали все вчистую: и финки им не принадлежат, впервые видят, и Варенова никакого не знают, точка! Ни на один вопрос не отвечали; крутые парни, ничего не скажешь, школа...

Костенко заехал домой, взял из своего НЗ две бутылки "Посольской", написал Маше записку, чтоб не ждала, останется спать у Строилова, выгреб в кулек из холодильника все, что было, и отправился на Кутузовский проспект — буду стучать, закричу, откроет, не может не открыть...

...Он поднялся на четвертый этаж строиловского дома, остановился возле квартиры генерала, положил кулек на пол и прижался ухом к двери. В соседней квартире кто-то бездарно-деревянно разучивал гаммы, в другой визжали дети; в угловой, у телефона, надрывалась глухая бабка, повторяя крикливо-равнодушное: "Громче, Лид, не слышно! Гутарь громче, в трубке трещит, теперя, говорят, всех подслушивают!"

Положив ладонь на дверь, Костенко пошлепал несколько раз; стучать костяшками казалось ему невозможным сейчас, любой резкий звук для Строилова ножом по стеклу...

Никто не отвечал.

Костенко склонился к замочной скважине, прижался губами, ощутив тошнотворный привкус меди:

— Андрей, открой, у меня дело...

В квартире по-прежнему царила тишина.

— Андрей, не заставляй меня карабкаться по лестнице... Все равно войду, окно ж на кухне открыто...

Он не слышал шагов; дверь отворилась внезапно; в проеме стоял обросший, еще более осунувшийся Строилов; на нем были толстые шерстяные носки, поверх джемпера натянут старенький армейский ватник; выутюженные в стрелочку переливные брюки казались чужеродными, словно с другого человека.

— Очень срочно? — спросил он потухшим, заметно севшим голосом.

Костенко поднял кулек с гостинцами, вошел в квартиру, включил свет и только тогда ответил:

— Да.

Строилов по-прежнему стоял не двигаясь, в комнату не приглашал:

— Докладывайте здесь.

— Я принес водку... Вам надо расслабиться.

— Я не пью.

— Да и я не алкаш... Полагается... По-христиански...

— По-христиански полагалось бы предупредить меня, что за папой началась охота... А не играть в самостоятельность...

— Можно пройти на кухню?

— Нет... Мне надо побыть одному...

Костенко положил наконец злополучный кулек на подзеркальный столик, полез за сигаретами, одернул себя: старик просил здесь не курить — надо перетерпеть, оперся о дверь и отчеканил:

— Мне горько напоминать, что именно я просил вас найти человека, который бы эти дни побыл с Владимиром Ивановичем. И мне будет еще горше, если вы скажете, что не помните этих моих слов.

— Я приучил себя не верить словам. Я ненавижу слова. Ненавижу, понимаете?! Каждое слово — перевертыш! В устах одного это правда, у другого — ложь, у третьего — лесть, у четвертого — предательство... Вы что, не могли сказать: "У меня есть данные, что за стариком охотятся"?!

— У меня не было данных, капитан... Я чувствовал это...

— Вы не в театре работаете, а в уголовном розыске.

— Я, между прочим, нигде не работаю... Так что позвольте мне жить так, как я хочу... И если бы, следуя моим чув-

ствам, я не обратился к Николаше Ступакову и не получил у него в помощь двух парней, Владимир Иванович не умер бы у вас на руках, а лежал на полу, исколотый шилом!

— Уходите отсюда...

— Никуда я не уйду... Простите, что брякнул... это жестоко... Пожалуйста, простите... Просто я очень не люблю просить, понимаете? И повторять не умею дважды... Наверное, это плохо...

— Можете дать слово, что у вас не было фактов?

— Клянусь... Это очень страшно — жить чувствованиями, но без этого в нашей профессии нельзя... Думаете, мне легко носить это в себе? А еще я чувствую, что Сорокин может уйти...

— Дайте сигарету...

— Не дам.

— Я не курил только из-за па... Дайте, не надо быть классной дамой, дайте...

Костенко протянул ему пачку и, подхватив свой кулек, пошел на кухню.

Там было холодно, стекло, конечно, никто не вставил; Костенко нашел старое одеяло, заколотил створку, включил газ, нашел сковородку, поджарил вареную колбасу, сделал бутерброды с сыром и, заглянув в комнату (Строилов снова лежал под пледом), спросил:

— Сюда принести?

— Не хочу...

— Я ж старался...

— Ешьте... И пейте на здоровье... Я вам не мешаю.

— Андрей, я понимаю, как вам больно... Но зачем людей обижать? У вас было страшное детство... А у меня? Отец погиб, мать — медсестра... Я голодным был до того дня, пока не попал в университет... Получил стипендию — двадцать семь с полтиной, — впервые наелся от пуза... это очень унижительно — быть голодным, Андрей, и ходить в одних туфлях по три года... У меня с тех пор пальцы подвернуты, нога-то росла, а купить новые ботинки не могли... И комната у нас была при кухне — восемь метров... Стенка фанерная, шепот слышен... А в университете надо было каждый день благодарить товарища Сталина за счастливую жизнь, какой не знает ни один человек на земле... Мы с порванными душами жили...

— Это как? Все понимать и молчать при этом?

— А вы-то сами когда заговорили?! И не путайте меня, оборванца, с собой! Вы после пятьдесят третьего стали неприкасаемым, Андрей Владимирович! И попробуйте сказать, что я не прав!

— Петя Якир тоже был неприкасаемый? Или Красин? Внук того, наркома?! Сажали обоих! Мучили, погубили!

— Вас тоже сажали?

— Хотите доказать, что и я тварь?! Сам знаю... Налейте стакан...

Строилов выпил, от закуски отказался, занюхал хлебом.

Костенко мягко улыбнулся:

— Не думал, что вы так умеете.

— Невелика наука... знаете, как сердце рвет?

— Догадываюсь...

Строилов покачал головой:

— Нет... Не знаете... Когда отец вернулся... Налейте еще... Спасибо...

— Закусите...

— Я не пьянею... Так вот... Когда отец вернулся, он сразу за мной приехал... В детприемник. А я стал от него вырываться... Кричать стал: "Уйди, не хочу!" Извивался, когда на руки взял, по щекам... бил... Плевал ему... в глаза...

Костенко спрятал лицо в ладони, налил себе водки, тягуче выпил ее, закусывать тоже не стал, она сейчас была спасительно-необходимой:

— Воспитатели вдолбили, что враг?

— Нет... Я боялся людей в военной форме... Самое для меня ужасное были погоны... И чем больше была на них звезда, тем страшнее казался человек, олицетворение тюремной несвободы... Я впервые назвал старика "папой", когда мне исполнилось тринадцать... Семь лет, беденький, жил не с сыном, а с волчонком... Понимаете? Я не верил, что он отец мне... Мне ж вдолбили, что отца нет... И никогда не будет... И объяснял мне про это младший лейтенант Жимерикин, воспитатель. А ту страницу показаний, которые папа... диктовал перед смертью... где он требовал привлечь к суду Сорокина, подписать не успел... А без его подписи это не документ... Для суда, во всяком случае... И Сорокина за садизм и за пособничество предательству не посадят... Вот так...

Костенко вздохнул, руки беспомощно упали вдоль тела:

— И те, кого мы взяли, молчат... Адвоката требуют...

— Правильно делают...

— Это как понять?!

— А так... Либо станем цивилизацией, либо снова скатимся в привычное для этой забубенной страны прошлое... В зверство скатимся, в фашизм, к новому Сталину... К тому, что дети будут в лица отцов плевать... Знаете, что я отцу говорил? "Из-за тебя мама погибла! Другие молчали и выжили, а тебе покрасоваться не терпелось, мол, умней других!" Это мне не воспитатели вдолбили... Это мне девочки из старшей группы объясняли... Будущие матери... Каких они детей воспитали, а?!

— Значит, согласны отпустить Сорокина?

— Я обязан выполнить свой долг... Изобличить и пой-

мать... Пусть закон решает... Да, с адвокатом... Только так... Налейте...

— Подогреть колбаску?

Строилов досадливо махнул рукой, и Костенко увидел, как по его совершенно неподвижному лицу покатались слезы, крупные, как у ребенка...

Поднявшись, Костенко бросился к нему, обнял голову, прижал к себе и сам, не выдержав, затрясся, а Строилов сидел недвижно, только лились безутешные слезы, и Костенко вдруг явственно увидел малыша в черном бушлатике и больших, не по размеру башмаках, стриженного наголо, в комнате с зарешеченными стеклами и тусклым, только нашим тюрьмам присущим электрическим светом, делающим все окрест безнадежно-серым, одноцветным, предсмертным...

— Я не отпущу Сорокина, — продолжая сотрясаться, сказал Костенко. — Все что хочешь говори, а я его не отпущу!

...Он ушел глубокой ночью, когда убедился, что Строилов уснул.

Написал записку: "Пожалуйста, не ездите на работу и не поднимайте трубку. Я вернусь вечером. Или ночью. Слава".

19

Свет лампы резким овалом высвечивал текст:

"11 декабря 1981 года в 20 часов 30 мин. гр-ном Федоровым Юрием Михайловичем, уроженцем г. Москвы, в квартире № 243 дома 4/2 по Кутузовскому проспекту был обнаружен труп его родственницы Зои Алексеевны Федоровой.

О происшедшем Федоров сообщил по телефону "02" в дежурную часть "Петровки, 38". На место происшествия была направлена оперативная группа Киевского РУВД, а затем оперативно-следственная группа ГУВД. Кроме того, на место происшествия выезжали руководящие сотрудники РУВД и ГУВД.

Осмотром места происшествия установлено:

квартира гр. Федоровой З.А. состоит из трех изолированных комнат и расположена на четвертом этаже в подъезде № 6 девятиподъездного 9-этажного дома;

труп гр. Федоровой находился в полулежачем положении, в кресле, стоящем в гостиной около стола, в одном метре от входа в комнату. Голова запрокинута назад, в правой руке зажата телефонная трубка. Сам телефонный аппарат находился на столе.

Во время Великой Отечественной войны З.А.Федорова вступила в интимную связь с сотрудником военно-морского атташе посольства США Джексоном Роджером Тэйтом, от

которого родила дочь Викторию. Некоторое время была замужем за кинооператором Раппопортом. С 1946 по 1955 г. находилась в местах лишения свободы. В 1955 г. была реабилитирована, после чего вновь приступила к работе в кинематографии, находясь в штате Театра-студии киноактера. В 1978 г. вышла на пенсию, но продолжала участвовать в концертах, преимущественно в гастрольных поездках (амплуа — комик). Поддерживала связи с многочисленными работниками искусства в различных городах страны. Ее дочь — Федорова Виктория Яковлевна, 1946 г.р., по окончании ВГИКа была зачислена в штат киностудии "Мосфильм", снималась в 15 кинофильмах, получала призы, в том числе в 1968 г. приз ЦК ВЛКСМ. В 1975 г. В.Федорова выехала в США для встречи со своим отцом — Джексоном Р.Тэйтом, являвшимся контр-адмиралом в отставке, и осталась в США, выйдя замуж за гражданина США Ф.Пойема. В настоящее время имеет сына, проживает в г. Стамфорд, штат Коннектикут. Участвовала в съемках фильма антисоветского содержания, является автором такого же рода книги под названием "Дочь адмирала".

З.А.Федорова трижды выезжала в США для встреч с дочерью и в 1981 г. вновь подала ходатайство для получения визы, в которой ей было отказано.

По мнению некоторых знакомых З.А.Федоровой, последнее время она была несколько ограничена в средствах, в связи с чем часто участвовала в гастрольных поездках.

В целях раскрытия совершенного преступления:

в 123-м отделении милиции г. Москвы создан специальный штаб, в состав которого вошли работники ГУУР МВД СССР, УУР ГУВД Мосгорисполкома, Киевского РУВД г. Москвы, сотрудники Московской городской и Киевской районной прокуратур. В настоящее время к работе по данному делу подключено УКГБ СМ СССР по г. Москве и Московской области;

выполнен ряд следственных действий и проведены неотложные мероприятия оперативно-розыскного характера: назначено проведение экспертиз (трассологической — по замкам и ключам, химической — по одежде племянника Федоровой, баллистическая, судебно-медицинская);

о совершенном преступлении дана информация по городу, а также во все МВД (УВД) страны.

Установлено, что 11 декабря 1981 г. Федорова З.А. примерно в 13 ч. 15 мин. звонила гр. Грушинскому, бывшему сотруднику Росконцерта, и просила его назвать ей артистов, которых она могла бы пригласить на совместные гастроли, в связи с тем что к ней приехали из Краснодара и приглашают на гастроли. Грушинский продиктовал ей ряд телефонных номеров, записи которых были обнаружены на столе рядом с телефонным аппаратом.

Имеются также сведения, что Федорова на протяжении ряда лет занималась скупкой ювелирных изделий. При тщательном осмотре квартиры Федоровой были обнаружены 60 пустых коробочек из-под ювелирных изделий.

В целях организации работы по раскрытию совершенного преступления проведено инструктивное совещание при зам. начальника РУВД по оперативной работе. Для городских органов милиции установлена еженедельная отчетность о проделанной работе по данному делу.

С использованием возможностей МВД СССР проведена работа по установлению объектов утраты или похищения пистолетов системы "Зауэр" в целом по стране. Выявлено таковых 3 случая, обстоятельства которых устанавливаются.

Через УООП ГУВД Мосгорисполкома установлены лица и организации, имеющие в пользовании пистолеты указанной системы. Установленные организации отработаны, а трое граждан, имевших оружие системы "Зауэр", проверяются.

В ходе работы по делу проведен комплекс мероприятий, по результатам которых определены возможные мотивы совершения убийства З.А.Федоровой, на основании которых разработаны следующие версии:

убийство совершено родственными связями потерпевшей из корыстных или иных низменных побуждений;

преступление совершено лицами из числа иных связей Федоровой по тем же мотивам;

убийство совершено лицами из числа уголовно-преступного элемента с целью ограбления;

преступление совершено с целью сокрытия другого преступления или по политическим мотивам.

В соответствии с разработанным по приведенным версиям планом выявлено 13 человек из числа родственных связей Федоровой З.А., 247 человек из числа ее иных связей. Опрошено и допрошено 643 человека.

Непосредственно по 1-й версии проведены следующие мероприятия:

проведена отработка родственников потерпевшей; проверены их алиби, направлялась на экспертизу их одежда. По результатам проверки их причастность к убийству не усматривается;

осуществлены проверки всех родственных связей Федоровой, проживающих в г. Ленинграде;

установлены и проверены два человека, которые ранее состояли в браке с В.Я.Федоровой.

По 2-й версии проведена следующая работа:

проверкой архивных материалов установлена преступная группа П. и Ш., члены которой были знакомы с потерпевшей и в своих преступных целях даже использовали ее автомашину "ЗИМ", которая впоследствии была продана в г. Ашха-

бад. Известно, что П., 1937 г.р., уроженец Москвы, ранее трижды судимый, перед арестом в 1968 г. работал администратором в Москонцерте, где занимался организацией концертов. Там же он познакомился с С., 1941 г.р., одним из активных членов преступной группы, погиб в 1975 г. С. также был знаком с Федоровой З.А., по доверенности водил ее а/машину "ЗИМ", посещая Федорову, неоднократно занимал у нее деньги. П. и С. организовывали "левые" концерты. Вместе с членами своей преступной группы П. неоднократно выезжал в Краснодар, где имеет обширный круг знакомств среди работников филармонии. В 1970 г. П. и Ш. были осуждены к различным срокам лишения свободы. Фактическое местонахождение П. в настоящее время устанавливается. Ш. в июне 1981 г. совершил разбойное нападение на кассира в г. Калинин, скрывается, находится во всесоюзном розыске. В г. Калинин командировался сотрудник уголовного розыска, имевший фотографию Ш., который сделал выборку его известных связей. В настоящее время проводится работа по установлению связей Ш. и его розыску. Дактокарты Ш. и П. проверены. Совпадений с пальцевыми отпечатками, обнаруженными на месте происшествия, не установлено.

В результате изучения образа жизни Федоровой З.А. установлено, что в октябре—ноябре 1981 года она с группой артистов принимала участие в гастрольной поездке по Краснодарскому краю. Как следует из допроса Грушинского, к Федоровой приезжали сотрудники Краснодарской филармонии, приглашавшие ее вновь участвовать в гастролях. В УВД Краснодарского края были командированы сотрудники УР, которые установили работников указанной филармонии: Б. (ранее судимого по ст. 58 УК РСФСР — 24 г.) и Г., занимавшихся организацией концертов в честь столетия станции Привольная, в которых принимала участие З.А. Федорова. Проводится проверка Б. и Г., а также установление и отработка их связей.

Проверена проживающая в Краснодарском крае жена Ш. Кроме того, в Москве установлена еще одна его жена, 1955 г.р., в отношении которой организована необходимая проверка.

В ходе работы по делу в ОБХСС Севастопольского РУВД г. Москвы поступил анонимный звонок, что к данному преступлению может быть причастен гр. Б., ранее проживавший в д. № 4/2 по Кутузовскому пр-ту, хорошо знавший В. Федорову. Установлено, что Б. имеет высшее техническое образование, длительное время не работает, злоупотребляет алкогольными напитками, по месту прописки фактически не проживает, поддерживает связь с неким Г., который владеет немецким языком, встречается с гражданами ФРГ. Также известно, что одной из их связей является Б., проживающая:

Кутузовский пр-т, 4/2, поддерживающая связи с лицами, ведущими сомнительный образ жизни, ранее была замужем за Б., место нахождения которого устанавливается (Б. был ранее судим за разбойное нападение с применением огнестрельного оружия). В результате проведенных мероприятий Б. был установлен и допрошен. Проводится проверка Г.

Из показаний связей Федоровой известно, что в начале декабря 1981 г. квартиру потерпевшей посещали трое мужчин, предлагавших ей для приобретения различные драгоценности. В это же время в квартире Федоровой находилась ее подруга Н., в присутствии которой Федорова показывала пришедшим мужчинам уже имевшиеся у нее ювелирные изделия. В связи с изложенным были установлены:

1. Г., 1941 г.р., несудимый, разведен, окончил художественное училище, длительное время не работает, злоупотребляет алкоголем.

2. Л., 1948 г.р., по профессии мастер-ювелир, за недоверие в октябре 1981 г. уволен из ювелирного салона, в настоящее время не работает.

3. М., 1946 г.р., инженер московского завода.

В целях проверки имеющейся информации Г. доставлялся в 123-е о/м, где на предварительном допросе отрицал факт предложения им Федоровой З.А. для продажи ювелирных изделий.

Г. был задержан в порядке ст. 122 УПК РСФСР, по месту его прописки и фактического проживания были проведены обыски, в результате которых материалов, представляющих интерес в связи с расследуемым убийством Федоровой, получено не было, однако в результате проведенной работы он был изобличен в совершении двух мошенничеств и арестован по признакам ст. 147 УК РСФСР.

Также был проведен обыск на квартире гр. Л., в ходе которого был изъят перстень желтого металла с камнем темно-синего цвета, который, по словам жены Л., не принадлежал никому из членов его семьи, и 4 гос. номерных знака. В настоящее время Л. задержан в порядке ст. 122 УПК РСФСР, его обработка продолжается.

Был произведен обыск по месту жительства гр. М., в ходе которого изъята магнитола, которую якобы дала ему З.А. Федорова для производства ремонта.

Определены регионы страны (всего 36), где проживают иногородние связи Федоровой, в территориальные органы милиции которых направлены задания для их обработки на причастность к совершенному преступлению.

Из показаний свидетелей следует, что на квартире З.А. Федоровой длительное время проживал солист ансамбля ВВ МВД СССР по имени Гена, которого после имевшей место ссоры Федорова попросила выехать из ее квартиры. В

связи с этим был установлен Т., который был проверен на причастность к убийству Федоровой.

С 11.02 по 20.03.1981 г. на квартире З.А. Федоровой проживала гражданка Италии — Анцелотти Анна Мария, 1937 г.р., со своим ребенком, которая по месту жительства Федоровой встречалась со своим сожителем А., 1940 г.р., работающим референтом. Проверкой установлена их непричастность к убийству.

По 3-й версии:

осуществлены мероприятия по розыску и проверке особо опасного рецидивиста К., 1945 г.р., который в ночь с 21 на 22.XI.1981 г. совершил в г. Краснокамске Пермской обл. из огнестрельного оружия убийство водителя такси. По адресу: Кутузовский пр-т, 4/2 проживает сестра преступника — Л., а на территории 165-го о/м проживает бывшая жена К.; необходимые мероприятия по установлению и задержанию разыскиваемого К. проводятся.

Из показаний Ф. следует, что незадолго до происшествия в квартире Федоровой З.А. была заменена газовая плита. Принятыми мерами слесари, проводившие данную работу, установлены и проверены на причастность к совершенному преступлению.

Проводится проверка и отработка лиц из числа состоящих на учетах в ПНД и представляющих социальную опасность.

По 4-й версии:

органами КГБ проводится проверка сведений, полученных по месту работы потерпевшей, которые не исключают возможность, что Федорова могла оказывать негласную помощь лицам, выезжающим из СССР.

Также сотрудниками КГБ проводится работа по установлению связей Федоровой З.А., отбывавших вместе с ней лишение свободы в 1946—55 гг.

Продолжается проверка граждан, являющихся установленными владельцами пистолетов системы "Зауэр".

И.о. начальника ОУР Киевского РУВД
г. Москвы подполковник милиции
Цофилс Э.Н..

I

**УУГРО ГУВД
Мосгорисполкома
капитану Строиллову**

Сообщение

В результате мероприятий, проведенных оперативными группами, установлено, что слесарь кооперативного автогаража Окунев от-

бывал наказание в Саблаге в одной зоне с интересующим вас Сорокиным Евгением Васильевичем.

Заболев острым перитонитом, он был на грани смерти, однако с помощью приятеля Сорокина, некоего Шинкина Осипа Михайловича, из Семипалатинска был вызван профессор-хирург, который и спас Окунева, проведя уникальную операцию.

С тех пор Окунев превратился в "аdjутанта" Сорокина, выполнял все его поручения и представлял интересы последнего среди уголовного элемента, поскольку считался "вором в законе". Один из наиболее активных домосидов, проникавший в квартиры с самыми эффективными запорами.

Связи Окунева подтверждают, что именно в Саблаге он изготовил несколько уникальных наборов инструментов из металла особой прочности, выплавлявшегося в те годы именно в этом регионе.

Есть сведения, что Окунев готовился к тому, чтобы по отбытии срока наказания переквалифицироваться в специалиста по сейфам, которых в стране крайне мало, однако по приказанию Сорокина от этого отошел, сообщив, что хозяин приказал ему "завязать".

Вернувшись в Москву, Окунев реализовал преступному элементу несколько стилетов и финок, сделанных из саблаговского металла, но затем переквалифицировался на изготовление инструментария для автолюбителей, получая металлические заготовки из района, где отбывал срок.

В кооперативный гараж его устроил некто "Никодимов", справки о котором наводятся.

Этот же "Никодимов" был с ним на постоянной связи, передавая Окуневу заявки на ремонт автомобилей лиц, близких к О.М.Шинкину, ибо Окунев считался одним из лучших мастеров по металлу.

В последнее время поступили сведения, что Окунев начал излишне шиковать, купил "Волгу" и "Жигули", приобрел дачу, часто посещал "Метрополь" и Хаммеровский центр, что якобы вызвало недовольство Сорокина, встречавшегося с ним довольно редко.

Между ними произошла ссора, и Окунев якобы сказал: "Я с тобой рассчитался за добро, хочу жить так, как живется, мне кандалной свободы не надо, человек должен быть волен как птица".

При этом Окунев начал пить и в нетрезвом виде ездить на своих машинах; в семье начались скандалы, и его жена Лидия Георгиевна Крисанова жаловалась соседям, что муж "снова связался с урками, приходят к нему ночью, пьют до утра и говорят такое, что волосы шевелятся".

Она же якобы позвонила "Никодимову", заметив подругам, что лишь этот человек может образумить ее мужа: "Пока зарабатывал нормально, был тихим, а как стал грести деньги лопатой, изменился совершенно, дерьмо из ушей поперло".

Последний скандал в квартире Окунева произошел за день до его отъезда на рыбалку. По словам жены, он не думал уезжать на Плещеево озеро, потому что намеревался поехать к своему знакомому художнику, "кажется, Баху, у него родственник в Америку отвалил", но в ее отсутствие неожиданно собрался, оставив записку, что вернется послезавтра.

Послезавтра его тело привезли из морга.

Работа по направлениям "Никодимов" и "Сорокин" продолжается.

Полковник Долев".

II

**“УУГРО ГУВД
Мосгорисполкома
капитану Строилову**

Сообщение

Человек, назвавшийся “Эмилем”, позвонил в номер Джозефа Дэйвида в 22.10, сказав, что через двадцать минут ждет “дорогого друга в обычном месте”.

Как и было заранее условлено, Дэйвид ответил, что у него очень высокая температура и он не может подняться, поэтому просит “Эмиля” заехать к нему.

“Эмил” ответил, что в таком случае он придет завтра в десять часов утра.

Однако в 22.45 этого же вечера в номер Дэйвида, по его словам, пришла неизвестная и передала четыре кассеты, потребовав взамен контракт на издание книг.

По словам Дэйвида, неизвестная не вынимала правую руку из кармана, почему он и был вынужден передать ей два контракта.

Кассеты прилагаются.

По данным экспертизы, кассеты были заранее засвечены, никакой информации не содержат.

Наблюдение подтвердило, что действительно к Дэйвиду именно в это время заходила иностранка, в то время как группа была сориентирована на посещение Дэйвида либо “Хреном”, либо теми его контактами, фотографии которых были розданы сотрудникам.

Квартира, где прописан “Витман”, он же “Сорокин”, пуста, к телефону никто не подходит.

Все попытки установить его результатов пока не дали.

Наблюдение продолжается.

Старший лейтенант
Киршун”.

III

**“УУГРО ГУВД
Мосгорисполкома
капитану Строилову
полковнику Костенко**

Сов.секретно

В связи с запросом, полученным вами из ФБР на некоего Баха Игоря Валентиевича, сообщаем: действительно, Бах И.В. эмигрировал в США 27 февраля 1982 года, судимостей не имел, выехал по немецкой визе (мать, урожденная Гаазе Матильда Феликсовна), по профессии инженер-нефтяник, профилактировался Московским городским управлением КГБ СССР по поводу валютных операций с иностранцами, а также торговли живописью.

Его двоюродный брат, художник-любитель Бах Александр Николаевич, по профессии ветеринар, славился тем, что блестяще имитировал работы мастеров голландской школы.

В этой связи считаем нужным сообщить, что незадолго до трагической гибели Зоя Алексеевна Федорова переслала в США своей дочери (через итальянскую знакомую, жившую у нее на квартире) работу голландского мастера Де Витта.

Об этом стало известно за день до гибели З.А.Федоровой, потому что ее дочь, пришедшая с картиной в оценочный отдел фирмы "Сотби", проводящей аукционы не только в Лондоне, но и по всему миру, получила официальный ответ специалистов, что предъявленная ею картина не является подлинником, а лишь искусной подделкой кисти великого голландца.

Уже после смерти Федоровой, в процессе отработки версии политического убийства актрисы, было установлено, что она уплатила за эту картину неизвестному (или неизвестным) девять тысяч (9000) рублей из тех пятнадцати тысяч (15 000), которые были выручены ею от продажи подмосковной дачи.

Будучи по характеру крайне вспыльчивой и открыто-прямолинейной, З.А.Федорова могла вызвать того человека (или тех лиц), которые продали ей Де Витта, и пригрозить им, что обратится в милицию, ибо продана ей была подделка, если они не вернут ей деньги.

Поскольку эта информация пришла к нам только что, считаем необходимым поставить вас в известность.

Ст. оперуполномоченный
Киреев".

IV

**"УУГРО ГУВД
Мосгорисполкома
капитану Строилову**

Сообщение

Работа по художнику-любителю Баху Александру Николаевичу позволяет сообщить следующее.

1. В разговоре с "Петром" художник Бах не отрицал, что в начале восьмидесятых годов действительно много работал по мотивам старых фламандцев. Более того, он припомнил, что продал кому-то "Купидонов", написанных им по картине Де Витта. Кому именно, ответить затрудняется, но, во всяком случае, не брату: "Я ему свои вещи дарил за то, что он передал мне свой "Москвич".

2. На вопрос, отчего он не вступает в Союз художников, Бах ответил, что обстановка там и в Министерстве культуры такова, что профессиональные мастера прозябают в бедности, за границу выезжают с большим трудом, а получить право на персональную выставку в стране крайне сложно и связано с тем, что надо, по его словам, "пробивать лбом стену, без связей этого сделать невозможно". Он также добавил, что процедура приема в Союз длится годами, так что "значительно выгоднее лечить пуделей и сиамских котят тех живописцев, которые состоялись в сталинский или брежневский период, денег загребли тьму, внукам хватит, не то что детям, и на выручен-

ные от святого дела помощи "меньшим братьям" вполне можно безбедно жить и заниматься живописью в свое удовольствие, тем более что я от природы человек испуганный, свое говорить и писать боюсь, легче имитировать ушедших гениев..."

3. Контакт Баха с уголовным элементом не просматривается, хотя его посещают люди, связанные в прошлом с кружком Бориса Бурацы, но он этого имени не знает, абсолютно наивен в вопросах бизнеса и, судя по сообщениям его знакомых, равнодушно относится к деньгам — тратит их на альбомы живописи, собрал уникальную коллекцию, на краски и кисти, которые ныне чрезвычайно дороги.

4. На вопрос "Дины", отчего он не уезжает в США, хотя получил вызов от двоюродного брата, Бах ответил, что никогда не эмигрирует, ибо любит Россию, хорошо устроен, живет в свое удовольствие, а там, по его словам, "надо работать, как в наших кооперативах, — до пота и красных бегунков в глазах, спасибо, не хочу, да и конкуренции здесь никакой, ветеринаров мало, большевики всю живность вывели, что же касается искусства, то пишу в свое удовольствие, честолубием не заражен, только б не мешали жить, как живу".

5. О своем брате и его жизни в США Бах осведомлен мало, говорит, что тот занят бензиновым бизнесом, вроде бы устроен неплохо, но относится к нему с некоторым юмором: "Слишком суетлив, живчик, такие умирают от инфаркта, все хочет взять нахрапом, никакой созерцательности, хотя парень добрый..."

6. Всю поступающую информацию по работе с Бахом буду сообщать и впредь.

Лейтенант милиции
Жванов".

**"УУГРО ГУВД
Мосгорисполкома
капитану Строилову
полковнику Костенко**

Настоящим сообщая, что Сорокин Е.В., состоя в органах МГБ, действительно имел сотрудницу по имени Кира, которая умерла в 1976 году и к преступлениям, совершенным Сорокиным, отношения не имела.

Сестра Кире в то время была солисткой танцевального ансамбля Метрополитена им. Л.М.Кагановича.

В те годы ее фамилия была Лазуркина, имя и отчество — Ирина Владимировна, 1936 года рождения, адрес и нынешняя фамилия неизвестны, среди друзей имела кличку "Иностранка", поскольку изысканно одевалась и говорила с английским акцентом. По внешнему портрету, переданному нам, можно допустить, что женщиной, получавшей контракты у Дэйвида, является Лазуркина.

Мл. оперуполномоченный
Краснов".

VI

**“УУГРО ГУВД
Мосгорисполкома
капитану Строилову**

Сообщение

Установлено, что в день убийства Ястреба и Груздевой в кооперативном гараже на Ленинском проспекте появились люди, опознанные механиком Тимашевым Григорием Ивановичем и сторожем Беликовым Николаем Михайловичем как Ястреб и Груздева.

Они спрашивали, где слесарь Окунев, говорили, что у них несчастье с машиной, стукнули правое крыло, надо срочно выправить, обещали уплатить любые деньги.

Механик Тимашев дал им телефон Окунева, и Ястреб позвонил ему из гаража, договорившись при этом приехать к нему немедленно.

Мл. лейтенант
Львов”.

VII

**“Петровка, 38,
Управление уголовного
розыска
тов. Костенко**

Дорогой Слав!

Ты не оставил домашнего адреса, поэтому отправляю письмецо на Петровку в надежде, что тебе передадут его.

Итак, по пунктам:

1. Мы намерены поднять на очередной Сессии вопрос о правомерности приема в качестве вещественных доказательств в борьбе с организованной преступностью оперативных записей разговоров мафиози и съемок их операций видеокамерой, хотя, не скрою, существует достаточно сильная оппозиция такого рода предложению: “Уподобляемся западным спецслужбам!”

Наивность такого рода оппозиции очевидна, однако весьма общественна — при нашей-то дремучей ненависти ко всему чужому, особенно иностранному.

Насколько мне известно, западные службы никогда не сажали изобретателя водородной бомбы Оппенгеймера, нападавшего на Белый дом и требовавшего прекратить гонку ядерных вооружений. Он нападал на президента со страниц ведущих газет и с экранов телевидения, но в Горький его никто за это не выдворял, как и не сажали в психушку Джейн Фонду или в мордовский концлагерь актера Пола Ньюмена, выступавшего против режима...

Сталинская Конституция была самой демократичной в мире, отвергала доказательства, собранные оперативным путем, — записи телефонных разговоров, фотографии, — но при этом разрешала

пытать арестованных и удовлетворялась их истеричными признаниями, расстрел неминуем.

Мы — византийцы, нам самое важное соблюсти форму, суть дела нас мало волнует.

2. Даже если это изменение к Уголовному кодексу будет в принципе принято, пройдет очень много времени — при нашей страсти к всенародным обсуждениям, — прежде чем такого рода доказательства станут практикой законодательства. Так что, если ты помогаешь крутить дело против мафиозии и оно близко к завершению, то, боюсь, наши крестные отцы разобьют твои доказательства в пух и прах.

3. Что касается преступлений, совершенных сталинскими садистами против ленинцев, то судить их (да еще по второму разу!) не станут: надо начинать сотни тысяч процессов — прямой путь к гражданской войне, ибо, как ты понимаешь, при нашей жестокой дикости кара обрушится не только на этих зверей, но, главное, на их жен, детей, внуков, а это уже процент, число новых жертв будет измеряться семизначными цифрами... Потяни ниточку: кто ответственный за гибель правозащитника Анатолия Марченко? На скамью подсудимых придется посадить не только тех, кто подписывал постановления, но и всех тюремных и лагерных охранников, врачей, прокурорских, судей... С этой точки зрения отчаянная попытка Горбачева построить правовое государство и подвести, таким образом, черту под нашей вселенской доносительской злобой — самый оптимальный вариант, если только президента не заблокируют крайне правые силы, которых у нас десятки миллионов, а левые и те, кто его поддерживает, разобщены и взаимокусаемы — обычное горе России.

Если чем могу быть полезен, пиши или звони.

Твой Иван Варравин”.

VIII

**“УУГРО ГУВД
Мосгорисполкома
капитану Строиллову**

На ваш запрос сообщаем, что Эмиль Валерьевич Айзенберг состоит на учете в психдиспансере № 4 по поводу шизофрении и временных провалов памяти и, таким образом, к судебной ответственности привлечен быть не может без повторного стационарного обследования.

Гл. врач Шамякин”.

IX

**“УУГРО ГУВД
Мосгорисполкома
капитану Строиллову**

Настоящим сообщая, что Шинкин Осип Михайлович, 1918 года рождения, закончил войну в звании подполковника, командира ордена Александра Невского отдельного мотострелкового полка, два-

жды ранен, награжден тремя орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны I и II степени, медалями "За боевые заслуги", "За оборону Сталинграда", "За взятие Кенигсберга" и "За взятие Берлина". В 1952 году уволен из рядов Советской Армии и исключен из КПСС за связь с космополитами и агентами "Джойнта". Еще до увольнения было запрошено согласие командования на его арест как пособника секретных служб США и Израиля. Такое согласие было дано 6 марта 1953 года. В связи с реабилитацией врачей-убийц, агентов "Джойнта", запрос был отозван. С тех пор Шинкин О.М. работал в системе Кожгалантерей. Орден Ленина, которым он, оказывается, был награжден 7.1.1943 за мужество и героизм, проявленный им во время ликвидации формирований Паулуса, а также орден Отечественной войны I степени, которым он был награжден в День сорокалетия Победы, до сих пор им в военкомате не получены.

Зам. райвоенкома
майор Чикин".

Х

"УУГРО ГУВД Мосгорисполкома капитану Строиллову

Настоящим сообщая, что 11 апреля 1951 года Жарикова Антонина Васильевна изменила в Бауманском ЗАГСе гор. Москвы в метрике имя и отчество своего сына Варенова Ивана Николаевича на "Исай Григорьевич".

Проведенной работой установлено, что отцом Варенова являлся старший лейтенант Советской Армии Варенов Николай Кириллович, попавший в плен в августе 1943 года. Находясь в концлагере Маутхаузен, он возглавлял одну из подпольных групп коммунистического сопротивления и по заданию Комитета вступил в Русскую освободительную армию генерала Власова А.А. для организации перехода солдат и офицеров РОА через линию фронта на соединение с частями РККА.

Ему действительно удалось организовать переход батальона власовцев в Восточной Пруссии, после чего он, как и все его люди, были осуждены за измену Родине на двадцать пять лет лагерей с последующим поражением в правах.

В декабре 1950 года Варенов Николай Кириллович совершил побег, добрался до Москвы и остановился в комнате своей жены Жариковой Антонины Васильевны, чтобы отсюда направить петицию от имени заключенных на имя И.В.Сталина с требованием пересмотра дела и восстановления справедливости.

Однако Жарикова А.Н. сообщила органам МГБ о том, что у нее скрывается ее бывший муж, изменник Родины и власовский недобиток.

Варенов Н.К. был арестован, судим и приговорен к высшей мере социальной защиты.

Именно после этого Жарикова поменяла имя и отчество ребенка, но 4 мая 1951 года была выселена на сто первый километр, где и погибла при невыясненных обстоятельствах.

Варенов Исай Григорьевич воспитывался в семье дяди по мате-

ри, Жарикова Василия Васильевича, работавшего водопроводчиком в ЖЭКе № 21 Киевского райисполкома г. Москвы, в 1962 году поступил в МАДИ, откуда был исключен, когда выяснилось его подлинное имя и связь с изменником Родины Вареновым.

Реабилитирован Варенов Николай Кириллович был в 1963 году, когда Варенов Исай Григорьевич был осужден за вооруженный грабеж и отбывал наказание в Саблаге.

Его "учителем" в зоне был Сорокин Евгений Васильевич, который, как сейчас стало известно, был следователем его отца и готовил материалы на расстрел Варенова Николая Кирилловича, применяя при этом недозволенные методы ведения следствия.

Мл. оперуполномоченный
Скоробогатько".

XI

**"УУГРО ГУВД
Мосгорисполкома
капитану Строилу
полковнику Костенко**

Сообщаю, что разрешение на обмен Федоровой З.А. ее жилплощади по набережной Шевченко на трехкомнатную квартиру по Кутузовскому проспекту было дано председателем Исполкома Моссовета после обращения к последнему одного из лиц, близких к семье Л.И. Брежнева.

Фамилия этого человека устанавливается.

Майор Неустров".

XII

**"УУГРО ГУВД
Мосгорисполкома
капитану Строилу**

По неподтвержденным данным (находятся в стадии отработки), брат художника Баха, ныне эмигрировавший в США Игорь Бах, 12.XII.1981 был госпитализирован в городскую больницу № 62 по поводу острого приступа аппендицита, начавшегося, по его словам, в ночь с 10.XII.1981 на 11.XII.1981.

Приступ, однако, был купирован терапевтическими методами лечения, операции не было.

В больнице его навещил некий Никодимов, данные на которого устанавливаются.

Лейтенант Ознобишин".

Костенко откинулся на спинку стула, помял лицо; сюжет всего дела прояснялся, складываясь в полнейшую безнадегу; рассветало; позвонил на посты; ответили, что Сорокина по-прежнему нигде нет, исчез, как сквозь землю провалился; Варенов молчит, только улыбается, так же ведут себя

боевики; с третьего поста сообщили, что вокруг интересующей квартиры крутятся подозрительные; Костенко провел по глазам ладонью, отключился на десять минут, потом резко поднялся и позвонил оперативному дежурному Глинскому:

— Малыш, выручи машиной, а?

20

Поскольку Берия знал, что Сталин благоволит Федоровой не просто как красивой женщине, великолепной актрисе, но прежде всего как русскому художнику, национальной героине, знакомой в стране каждому и каждым любимой, комбинация по ее устранению — в отличие от сотен тысяч подобного рода устранений и нейтрализаций, когда было достаточно выписать постановление на арест, все остальное прикладывалось само по себе, — готовилась достаточно тщательно.

Берия помнил, как зимой сорок пятого — незадолго перед тем, как на Тушино стали прибывать американские летчики, чтобы включиться в работу по подготовке совместного выступления против японцев, — во время одного из застолий на Ближней даче Сталин сказал:

— После победы экономическое положение народа, видимо, серьезно ухудшится... Все деньги будем вкладывать в создание атомного проекта... Главная задача: накормить Москву... В России всегда все определял центр... Такова историческая традиция... Надо заранее дать сатисфакцию русским, выделив их надежное долготерпение, — во имя славы Державы... Конечно, в условиях нынешнего братания, — Сталин чуть усмехнулся, — с западными демократиями, которые поставляют нам "студебеккеры", орудия, шинели и свиную тушенку, добром терпеть никто не захочет, распустились, забыли про спасительную и необходимую узду страха...

Берия дивился тому, как аккуратно и отрешенно ставил задачи генералиссимус. Раньше, в двадцатых, он мог публично сказать, — да еще в присутствии Троцкого и Каменева: "Грузию придется перепахать", — не думая о том, что эти его слова станут известны в Тбилиси каждому десятому, а это значит — всем.

Новое время, новые песни, воистину.

Теперь, когда миновал ужас коллективизации, которую ныне славили как "гениальную революцию сверху", после леденящих тридцатых, названных "очищающим вихрем", после поражений сорок первого и сорок второго, определенных пропагандой как один из элементов "гениальной военной стратегии", Сталин до конца уверовал в свое над-

мирное бессмертие и поэтому зримо готовился к любой фразе, загодя лепил ее, взвешивая каждое слово, и лишь после того, как проанализировал со всех сторон, отдавал вечности...

Наблюдая Сталина последние шесть лет практически ежедневно, Берия все более и более страшился этого человека, преклонялся перед ним, ощущая свою малость, и учился великой мудрости править теми, кого давно и свысока презирал, относясь к людям как к "массе", "материалу", "толпе".

Прикасаясь к архивам, Берия открывал для себя такие подробности, которые рождали в нем ужас: он жил в стране, где знание сделалось столь же опасным, как работа в чумном бараке или на артиллерийском складе, заминированном искусственными диверсантами.

Он читал не только показания ленинцев, выбитые на следствии, но и бесстрастные стенограммы архивов, заключения врачей, свидетельства очевидцев, чудом сохранившиеся в картонных папках, на которых по чьей-то неразумной прихоти было начертано "хранить вечно".

Берия никогда не мог забыть документ, в котором описывалось, как в двадцать седьмом году на заседании ЦК Троцкий бросил Сталину:

— Вы — могильщик революции!

Несколько членов ЦК после этого говорили друзьям по телефону (и это, понятно, было зафиксировано), что Сталин сделался белым как полотно — ни до этого, ни после он таким не был, — пошатнувшись, поднялся и, выйдя из кабинета, так хлопнул дверью, что посыпалась штукатурка.

Но сколько же лет он шел к тому, чтобы отомстить своему врагу за это прилюдное оскорбление! Он выслал Троцкого — сначала в Алма-Ату, потом в Турцию; он мог уничтожить его на Принцевых островах, но не делал этого, потому что знал: в ЧК работают те, кто помнит Октябрь, а значит, и роль Троцкого, следовательно, сначала надо уничтожить память, а уж после этого — самого врага.

Сталин умел ждать; он имел информацию о том, что Троцкий ненавидит Ягоду, но тем не менее не давал Ягоде прямого поручения убить главного недруга; позволил только пытку — агенты Ягоды умертвили сына Троцкого, Льва Седова, и дочь Зину; не поручал он устранение Лэйбы и Ежову; лишь перед ним, Лаврентием Берией, поставил эту задачу — спустя двенадцать лет после нанесенного оскорбления, но при этом сформулировал ее совершенно особо:

— После того как троцкистские формирования в Испании доказали свое абсолютное военное бессилие, сама идея Троцкого исчезла с поля мало-мальски серьезной политики... Однако, поскольку Молотов подписал пакт с Берлином, что есть апофеоз миротворческой политики, позволяющей

нам быть не в схватке, а над ней, укрепляя при этом свое могущество и расширяя границы Союза Республик, Троцкий, конечно, не преминет развязать кампанию по дискредитации этого пакта, стараясь в первую очередь оторвать от нас ведущих художников Запада... Эмоциональные люди, они могут поддаваться его доводам, в слове он дока... Именно поэтому нейтрализация такого рода активности Троцкого угодна сейчас истории, делу победы пролетариата, торжеству русской революции, ставшей государственной сутью марксистско-ленинского учения.

Берия съехался тогда, потому что ночью прочитал перевод последнего выступления Гитлера: "Мы живем в такое время, когда идеи национал-социалистической революции немцев стали основоположением имперской идеи третьего рейха!"

...Когда Берия в далеком сорок первом пригласил к себе Зою Федорову и та посмела не лечь с ним в постель, он, после острой вспышки гнева, пригнулся, потому что утром спросил себя: "А что, если она по-прежнему бывает у Сталина? Хозяин умеет конспирировать, видимо, не все в его охране сообщают мне о том, кто посещает его, людьми правит страх, а Хозяин — создатель этой теории государственного страха, какого там страха, ужаса..."

Поэтому Берия, готовый прошлой ночью отдать приказ о начале разработки Федоровой, сдержал себя, повторив презрительную фразу старца: "Не будь примитивным грузином, не бросайся с ножом на горячее говно, дай остыть..."

И он затаился, понудив себя сыграть роль Сталина; "умение ждать — основа успеха".

...В феврале сорок пятого, когда пришла первая информация о том, что сотрудник американской военной миссии капитан флота Джексон Роджер Тэйт бывает на улице Горького в доме лауреата Сталинских премий Зои Федоровой — они познакомились на приеме, об этом уже говорили в кругах творческой интеллигенции, роман начинался у всех на глазах, — Берия ощутил усталое, спокойное торжество: "вот она, расплата"...

Комбинация родилась сама по себе, без привлечения "сценаристов", сочинявших планы мероприятий: идти к Федоровой надо от Тэйта; выскоблить его подноготную, установить связи, настроения, манеру поведения, стиль жизни, выходы на верхние этажи администрации, прошлое...

Первые данные ничего интересного не дали: ирландец, аристократ, генеалогическое древо исчисляется с четырнадцатого века, склонен, как и все "штатники", к авантюрам, воспитывался во Франции, блестящий пилот, мальчишкой еще был близок к штабу президента Вудро Вильсона в Париже

во время подготовки Версальского договора, пользуется особым расположением посла Аверелла Гарримана, высококомпетентен, прекрасно знает Сибирь и Дальний Восток, бредит полярными исследователями Амундсеном, Седовым и Скоттом, пьет в меру, разбавляя виски содовой, поэтому совершенно не пьянеет, в Зою влюблен безмерно, ни на кого, кроме нее, не смотрит, к русским относится с открытой симпатией.

Прочитав донесение, Берия сказал заведующему секретариатом Мамулову, чтобы помяли Седова — из русских-то мало кто знал этого исследователя, — отчего американец говорит о нем с таким восхищением, и переключился на другие дела, забыв вкратце об этом своем поручении.

Каково же было его удивление, когда по прошествии двух недель Мамулов доложил, что Георгий Седов готовил свою легендарную экспедицию вдвоем с Александром Колчаком, и были они самыми близкими друзьями, и только благодаря помощи того человека, который вошел в историю России как "верховный правитель", Седов смог получить шхуну и деньги на экспедицию — правительство относилось к нему, как к безумному мечтателю, и лишь Колчак оступленно, словно бы одержимый, помогал ему, отзываясь о царской администрации как о скопище "безмозглых бюрократов, лишенных полета смелости"...

Берия запросил справку на Колчака, потому что, как и все в стране, знал об адмирале лишь то, что было написано в новых учебниках истории и сталинском "Кратком курсе".

Когда документ был подготовлен, он взял его на воскресенье в Серебряный Бор, устроился на веранде, начал лениво пролистывать страницы и не заметил, как увлекся, растворившись в недалеком еще прошлом — всего двадцать пять лет прошло с той поры, как Колчака расстреляли в Иркутске.

...Командующий Черноморским флотом Колчак сразу же встал на сторону революции, приветствовал падение монархии и присягнул на верность Временному правительству. Однако, когда в армии и на флоте начался развал, позиция Колчака резко изменилась: он не считал нужным скрывать свое отношение к тому, как разваливался русский флот, которому он служил верой и правдой.

Военный министр Гучков, поняв состояние тридцатисемилетнего адмирала, отправил Колчака в Соединенные Штаты: широко образованный флотоводец должен был загодя готовить переоснащение русской армии, распределять заказы на строительство кораблей, изучать военную технику и знакомиться с новшествами авиации.

Когда власть в Петрограде захватили большевики и начались переговоры с кайзером в Брест-Литовске, Колчак встретился с русским послом:

— Этот позорный мир будет означать наше полное под-

чинение Германии, Ленин и Троцкий отдают Россию немцу, поэтому я вижу свой долг в том, чтобы продолжать борьбу с Вильгельмом: лишь крушение пруссака может спасти родину.

В тот же день он посетил английского посла в Вашингтоне; имя Колчака было широко известно в Лондоне, адмирал предложил британцам идею минирования входов в лондонский порт — на случай попытки немецкого вторжения.

Его предложение было с благодарностью принято; Лондон откомандировал его в распоряжение штаба Месопотамской армии.

Он отправился в действующую армию через Китай, отплыв из Сан-Франциско; в Шанхае в порту его ждал секретарь русского посла в Китае князя Кудашева:

— Ваше высокопревосходительство, посол ждет вас для крайне важного разговора.

— О чем говорить-то? — вздохнул Колчак. — Россия разваливается, спасение к ней может прийти только через разгром немцев; свалив кайзера, мы повалим и Ленина с Троцким.

С этим он вернулся на корабль, следовавший в Бомбей, где располагался штаб Месопотамской армии англичан.

Однако в Сингапуре ему вручили шифрованную телеграмму английского кабинета: "Адмирал, кабинет Его Величества просит Вас прислушаться к просьбе князя Кудашева и вернуться в Россию: союзники убеждены, что Ваше место — в рядах тех, кто противостоит большевизму на полях сражений на Волге и в Сибири".

Колчак не сразу дал ответ на эту телеграмму. Он прекрасно знал ситуацию, сложившуюся в России от Архангельска — через Уфу и Омск — до Читы и Владивостока. Она была совершенно уникальна и сопрягалась в его сознании с худшими днями Смутного времени.

Действительно, сразу после того как Ленин настоял на заключении Брестского мира — невзирая на протесты Троцкого, Бухарина и Дзержинского, не говоря уже о подвижнике революционного террора Марии Спиридоновой и герое социалистов-революционеров Натансоне, — союзники провозгласили идею создания Восточного вала антигерманской борьбы. В Архангельске образовалось правительство Чайковского, испытанного борца против царской тирании, который заключил блок с англичанами и пригласил военных советников из Лондона. В Самаре и Уфе к власти пришли эсеры и социал-демократы — Авксентьев, Зензинов, Майский, также стоявшие на позиции революционной борьбы против немцев; ими был создан Комуч (Комитет Учредительного собрания), а после — Директория, тесно сотрудничавшая с пражскими социалистами Массарика, который вы-

водил из России пленных чехов, чтобы они смогли присоединиться к французской армии, эвакуировавшись из Владивостока; здесь же оперировали американская, французская и английская миссии. В Маньчжурии хозяйствовал атаман Григорий Семенов, поддерживаемый японцами и французами. Полосой КВЖД командовал генерал Хорват; границы с Монголией контролировал атаман Дутов. Слоеный пирог, прыщи на теле России, что красные бандиты, что белые: "Соусы разные, смысл один, — заметил Колчак, — развал, эгоизм, злодейство"...

...Колчак прибыл из Пекина в Харбин и сразу же оказался в душной атмосфере российских дрязг — лили грязь друг на друга, болтали невесть что, тащили что ни попадя, повторяя как заклинание: "Рука нужна, железная рука, мы без этого не можем, не англичане какие или французики, нам демократия противопоказана, только нагайки и виселицы".

Колчак начал наводить порядок, выехал на встречу с атаманом Семеновым; тот принял его в своем вагоне (Троцкому подражал, сукин сын!), на вопросы толком не отвечал, посмеивался, зная, что в обиду его не дадут японцы, да и французы помогают исподволь, страшась, впрочем, англичан и американцев: те требовали, чтобы "перчатки были белыми", самовольные расстрелы им, видите ли, не нравились...

Не нравились — так дрались бы! Позицию б заняли! Ан нет! Спокойно наблюдали за тем, как после стычки Колчака с Семеновым адмирала достаточно вежливо, но в то же время твердо пригласили в Японию. Он прибыл в Токио, встретился с начальником генерального штаба Ихарой и вернулся в отель совершенно разбитым: ему стало ясно, что японцы, готовые интервенции в Сибирь, не желают иметь с ним дело — слишком независим и патриотичен, нужны маршкетеры типа атамана Семенова, а никак не личности.

Встретился с русским посланником Крупенским; тот посмеивался горько:

— Ах, Александр Васильевич, Александр Васильевич, плетью обуха не перешибешь! Японцы берут реванш за девятьсот пятый год, им нужны Владивосток и Хабаровск с Читою, и я готов им в этом помочь, лишь бы сокрушить жидовский большевизм... С ними, с масонами, все средства борьбы хороши... Да, обидно, что раскосые лезут, но что делать, если мы, русские, лишены единого стержня и чужды демократии?! Все-таки я исповедую иерархию целей: сначала свалить главного врага, а потом уж думать о наведении порядка в доме.

Из Токио Колчака не отпускали, созвали консилиум врачей, сокрушались о здоровье адмирала: "Такой молодой человек, а легкие никуда не годятся! Да и нервы, словно тряпки! Вы очень нужны России, подумайте о себе, больной политик — не политик, право слово..."

Колчак ярился:

— Чем японская оккупация разнится от большевистской?!

Ему отвечали, как ребенку, спокойно и доброжелательно:

— Ваше высокопревосходительство, никто не собирается оккупировать Россию! Токио всегда относился и продолжает относиться с глубочайшим уважением к русскому союзнику. Наши войска лишь гарантируют спокойный вывод из Сибири чехов, а ведь их не менее двухсот тысяч, и они весьма далеки от тех идей, которые вы исповедуете, — сплошь социалисты... Как только чехи уйдут, как только вы, военные, наведете порядок, уничтожив очаги совдепов, наши части немедленно покинут Дальний Восток...

Колчак слушал собеседников, сердце ныло, он понимал, что ему лгут в глаза. И постепенно он пришел к выводу, что надо бежать отсюда, бежать как можно скорее: на юг, к генералам Алексееву и Деникину...

Однако англичане, державшие ледяные пальцы на кроваво-рвущемся пульсе Сибири и Дальнего Востока, не позволили Колчаку уехать; последний очаг Советов во Владивостоке был сброшен, к власти пришло лоскутное правительство, составленное из равноненавидевших друг друга кадетов, эсеров и социал-демократов; Омская директория социалистов-революционеров, претендовавшая на то, чтобы считаться Временным Всероссийским правительством, руководимая террористами, принимавшими участие в заговорах против членов царской семьи еще с начала века, — такими, как Зензинов, Авксентьев и Аргунов, — продолжала ватную борьбу с военными, которые ее ни в грош не ставили; приспело время диктатуры, единственной формы правления, которую, по мнению Лондона, примут русские...

И Колчак был привезен в Омск, где его короновали — после ареста членов Директории ("товарищи" сратые, в любой миг могут сговориться с Москвой, одного поля ягоды, как ни крути) — "верховным правителем".

Однако полковник Уорд, командовавший в Омске английским батальоном, не дал расстрелять эсеровскую Директорию, поэтому смысл военной диктатуры был с самого начала выхолощен, тотальный страх не сделался камертоном нового правления, а коли так, то и сам переворот оказался бессмысленным.

Французский генерал Жанен, возглавлявший парижскую миссию в Сибири, с горечью наблюдал за активностью англичан во главе с генералом Ноксом: "Они возят адмирала в своем поезде, как паяца... Россия не примет гастролера, не умеющего отдать приказ на расстрел, угодный здешнему национальному характеру... Вместо того чтобы арестовывать Директорию, надо было превратить ее в истинную Директорию; Наполеон стал императором после того, как

был призван революционным народом представлять интересы армии в высшем совете республики...”

Особенно французы ярились на полковника Уорда, члена британского парламента и деятеля лейбористской оппозиции: “рабочий” депутат двинул свой мидлсекский полк на защиту военного диктатора, где же ваша честь, полковник?!

Отмычка оказалась куда как простой: Колчак получил эшелоны с царским золотым запасом, сотни миллионов франков, фунтов и долларов...

Поэтому-то его и отдали вскорости красным: надо было разлучить адмирала с золотом, суп отдельно, мухи отдельно; политика, при всей ее загадочности, только на первый взгляд глубинна, поскобли ногтем как следует — сразу поймешь, кому на пользу...

Как только Колчак попытался собрать Сибирь и Дальний Восток в единую общность, подминая под себя все те девятнадцать правительств, которые существовали тогда между Уфой и Владивостоком, драчливо нападая друг на друга, склочничая и собирая грязь, совершенно не думая об общероссийском доме, так сразу же японцы и французы, как, впрочем, чехи и англичане, изменили свое к нему отношение, ибо стратегия “разделяй и властвуй” возможна только там, где есть что разделять и над кем властвовать.

Эсеры требовали от адмирала остановить крен вправо: “Нельзя победить смуту, если все подчинять идее борьбы с большевистской Москвой, закрывая глаза на злодеяния обезумевших атаманов, ставших не идейными борцами за свободу, а грабителями и бандитами”.

Монархисты обрушивались на Колчака за то, что он не ведет войска на Москву и не расстреливает эсеров с меньшевиками.

Кадровые военные во главе с генералом Бодыревым требовали обуздания казачества, которое приказам главного штаба армии не подчинялось.

...“В одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань”...

И тогда-то молодой американский офицер отправился из Владивостока в Иркутск, к Колчаку, с которым познакомился еще в Америке, на лекции, читанной адмиралом для молодых военных; цель его поездки была по-американски прагматична: помочь замечательному полярному исследователю, ставшему верховным правителем, скорректировать его линию в пользу уравновешенной западной демократии. Не успел: Колчака расстреляли большевики. Вернулся во Владивосток, поняв, что страна эта — загадочный сфинкс, мистериозна и алогична...

...Имя молодого американского офицера было Джексон Роджер Тэйт.

...Отложив справку, Берия понял: отмщение теперь не просто возможно, но и угодно.

Его не волновало, что Тэйт не успел к Колчаку; это детали; главное — он хотел помочь адмиралу, злейшему врагу Советов, остальное не имеет никакого значения.

Берия понимал, что если следовать логике, то Сталин должен был бы поручить ему арестовать Черчилля еще в сорок втором, во время первого визита сэра Уинни в Россию, — кто, как не он, был мозгом и сердцем самой идеи интервенции в красную Россию?! Однако же Сталин обменивался с Черчиллем дружескими рукопожатиями и поднимал тосты за здоровье выдающегося лидера антигитлеровской коалиции, боевого союзника Советов в их совместном сражении против гитлеризма.

Однако что позволено Юпитеру, то не позволено быку; что мог политик, то было недопустимо для простого капитана; с политиками порою подписывают неожиданные, парадоксальные соглашения, капитанов — высылают из страны.

Тэйт оказался первым среди союзников, выдворенным из России в сорок восемь часов: ни Аверелл Гарриман, ни руководитель американской военной миссии не решились вступить за него — значит, доводы Наркомата иностранных дел, подготовленные службой Берии, оказались такими, что не позволили янки встать на защиту своего сотрудника.

В Вашингтоне Тэйт бросился за помощью в Пентагон; генералы отводили глаза, похлопывали по плечу, советовали надеяться на лучшее; в конце концов отправили на флот, поближе к Японии, — дали командовать кораблем, никакой связи с сушей или, хуже того, переписки с Москвой: "нельзя дразнить дядюшку Джо".

Выдворили его в тот день, когда Федорову отправили на гастроли в Крым и на Кавказ; они даже не смогли попрощаться.

Через два года он получил от нее письмо, переправленное кем-то из Копенгагена: "Я не хочу ничего знать о вас более. У меня своя семья, прощайте, я теперь наконец счастлива".

Слова были написаны ее рукой — Либачев настриг из показаний, которые несчастная давала во внутренней Лубянской тюрьме совершенно по другим поводам.

...Сорокин не знал подробностей, которые накопили по Колчаку и Тэйту для Берии, но он умел манипулировать сло-

вом: лишь однажды Абакумов сказал ему и Либачеву с Бакаренкой:

— Вы ее потрясите по поводу Колчака, может, что скажет, стерва...

Ей сказать было нечего — за это сидела в карцере, не понимая, отчего ее спрашивают про того, кого звали "верховным правителем".

А Сорокину было о чем думать — и в лагере, и потом, когда разворачивал свою работу в мафии: всякое знакомство опасно, любое слово чревато непредсказуемыми последствиями, в наших условиях жить надо, как растение, никаких соприкосновений, всякий человек, если не знаком досконально, опасен; впрочем, и тот, кто досконально знаком, тоже несет в себе тайну; отгороженность, да здравствует отгороженность!

...Вот я их и спрошу: "Откройте свои архивы, давайте поглядим, чем Кремль умел вас пугать и дурить, — отчего предавшего своего Тэйта? Почему не защищали его? Зачем молчала ваша пресса? Зная прошлое — поймешь будущее..."

...Сорокин заново анализировал свой последний разговор с Грозным и Решительным, конспиративными руководителями его запасных центров. Он помнил каждое слово, сказанное помощникам; последнее выступление за долгие годы, поэтому фразы получились литые, выверенные:

— Система находится в состоянии паралича, исполнительная власть не знает, что делать. Многолетняя привычка получать указания у партии сыграла с практиками закономерную шутку: они окончательно потеряли способность к поступкам в условиях демократии. Когда ребенка бросают в воду, чтобы выучить его плавать, — восемьдесят пять процентов за то, что он научится держаться на воде. Человек, которому за сорок, утонет. Итак, мы имеем дело с изверившимися и напуганными людьми, составляющими хребет Системы... Двадцать миллионов старых птенцов, открывших клювы, куда партийная мама перестала закладывать червяков, а чекистский папа зорко следит, чтобы червячков не положили мы, деморализованы и растеряны, поэтому держава разваливается. Что нам следует делать в этих условиях? Первое: всячески помогать Системе. Если бы Кремль набирал людей по уму и способностям, а не по анкете и знакомствам, он бы просчитал: сколько товаров на деле производится промышленностью и сельским хозяйством и сколько доходит до потребителя. Они этого не делают, потому что лишены сметливой хватки бизнеса. Оказалось бы — наши службы считали, — что реального дефицита в стране не существует. Правая рука не ведает, что творит левая, Система все хочет сама, но разве это возможно? Все могут хо-

заява, а они Системе страшны — конкуренты. Поэтому ваша задача — помочь этому саботажу, бестолочи. Вы должны сделать все — через экономистов, торговцев, бюрократов, верных нам писателей и журналистов, — чтобы, например, все базы никогда, ни при каких условиях не были ликвидированы... Базы — наш резерв, ибо там оседает дефицит, гниет скоропортящееся, хранится замороженное — “а вдруг нападёт Джон”?! На хера мы ему сдались?! Кормить триста миллионов?! Но мы-то как раз и обязаны поддерживать этот страх, ибо в нем спасение нашего Управления, залог дела...

Вторая задача: пугать бюрократов Системы близкими переменами справа, военным путчем, чем угодно, только бы не начали шевелиться... Каков главный идейный стержень нашей борьбы? Национальный вопрос. Манипулируя им, мы войдем в еще более тесный блок с Системой, со всеми ее звеньями. Наш доверчивый народ вполне примет объяснение: “В том, что нет товаров и цены растут, а кооператоры богатеют, виноваты масоны и сионисты”. Кто такие сионисты? Узбеки? Англичане? Ха-ха. Кто такие масоны? Радищев и Пушкин? “Клевета сионистов!” Они русскими были, не могли вступить в этот сионистский орден. Значит, кто такие масоны? Тоже жида. Процесс выявления, разбора, выселения или уничтожения “малого народа”, а лучше — народов, займет лет пять, мы запрягаем долго... Потом лет пять новому режиму придется отмываться от погромов, выпрашивая взаймы медицинскую, продовольственную и прочую помощь на Западе — арабы вряд ли прокормят. Значит, во время погромной кампании наше гигантское дело, когда народу внушат, что теневая экономика есть дело рук масонских сионистов, будет расти не по дням, а по часам. Поэтому ищите тех, кто сможет зажигать доверчивый и несчастный народ на вымах! Пусть звенят стекла и на улицах стоят танки — с этими договоримся, ам-ам хотят и солдатики, а никто, кроме нас, их не накормит... Запомните, если бы мы успели закончить дело врачей, никакой оттепели и демократизации, столь опасной для Управления, не было бы: вешая чужих, пугаешь своих, алгебра диктатуры, а в нашей стране невозможно ничто, кроме диктатуры... Все нужно доводить до логического конца: испанская инквизиция не сожгла всех вольнодумных еретиков — и покатила вспять, разорилась, превратившись в задворок Европы... Наш государь не дал довести до конца погромы — сам пал жертвой бунта. Гитлер не успел перетравить газом всех жидовинов — пустил себе пулю в лоб. Сталин затянул уничтожение поволжских немцев, крымских татар, ингушей, карачаевцев, повешение врачей-евреев на Красной площади — агукнулся в одночасье... Повторяю: чем хуже обстановка в стране, тем лучше нам и Системе. Мы неразделимы. Повалился Сис-

ма — дело кончено, начнется американский вариант, неприложимый к нашему характеру. Мы не можем, когда правит умный и предприимчивый. Мы алчем жестокого и своенравного, служащего идее государства, а не личности. Из этого исходите в своей практической каждодневной работе. Это наша последняя встреча в этом году. Если и в следующем ничего не изменится, будем отрабатывать новые формы связи, со мной все контакты обрываются — с этой минуты.

...Я был точен в формулировках, думал он, отхлебывая глотки шипучего "Боржоми"; я абсолютен и в прогнозе: Штаты и Западная Европа не простят погромов, а они нужны нам как воздух: назван истинный виновник, ату его, ищите! Пусть резвятся, нам-то надо будет работать в то время, руки развязаны! Изоляция бросит эту страну в объятия Востока, что и требовалось доказать: конкуренции быстрого Запада не будет, непрерывность процесса накопления нами капитала будет продолжаться; лишь интернациональная демократия может арестовать Хонеккера или Живкова за вывоз капитала... Надежная тирания никогда на это не пойдет. Тем более плембу объяснили, в ком кроется зло, пока-то разберутся, на наш век хватит, а после нас хоть потоп... Нет, я абсолютно точен в позиции; если сюда и возвращаться, то лишь под охраной танков, иначе здесь ничего невозможно: страх въелся в поры, разложил мысль, сделался характером, точка...

...Он лежал, забросив руки за голову, порою поднимался с тахты, делал глоток "Боржоми", брал ложку студня, политого чесночным соусом (нет ничего прекраснее этого кулинарного чуда), и снова ложился, неторопливо перебирая в голове фамилии, даты, встречи, свои слова и слова тех, с кем сводила жизнь.

Строилова нет, это последнее звено, связывавшее его с прошлым.

Все остальное — двоякотолкуемо, лишь старик мог привнести эмоциональную окраску делу, а в этой стране нет ничего страшнее эмоций, царствует философия столь удобной традициям сходимки, которая никакого отношения к закону не имеет — страсти, вилы, кровь...

Шинкин и его люди — гранит, мой Никодимов — тоже; кто-кто, а они понимают, что спасение лишь в одном — глухой отказ и молчание...

Да и моя психинвалидность — гарантия ото всех случайностей.

Время сейчас быстролетно — как при всех временных демократических деформациях; новости каждый день; только во времена спокойно-надежной диктатуры общество живет долгой и мстительной памятью, информация нулевая, скон-

струирована пропагандистами, которые строят нужные модели жизни, к самой жизни никакого отношения не имеющие, но именно поэтому и становящиеся настоящей жизнью, чудеса в решетке... Ничего, все еще вернется на круги своя, вот тогда-то я сюда вернусь на белом коне и воспою гимн тому, что сейчас стараются предать забвению, гимн верховному вождю, без которого мои соотечественники державу пропьют и просрут в одночасье...

...А Колчак... Сложный вопрос... Спаси бог рассердить америкашек, им нужно, чтоб все было идеально, включи рассказ об адмирале, о том, что на него у нас копали, — вмиг найдутся нелюди, которые обвинят меня в том, что я — агент ЧК... Про адмирала надо будет в Штатах нюхать, советоваться с ихними историками... И козырная карта у меня в кармане: министр Абакумов, по словам полковника Либачева, был вызван Лаврентием Павловичем, и тот предложил пригласить Зойку к сотрудничеству: "Поезжай к своему долбарю, он на юге живет, рядышком с атомным центром, сложи его к помощи нам, в золоте выкупаем, все простим". — "А дочка? Ее со мной пустите?" — "Курочка моя, да ты что?! Она у нас в залоге останется! Разве можно тебя с доверком отпускать?! Это после того, как Тэйт станет работать на нас, тогда мы девочку к тебе отправим, сейчас никак нельзя". — "Я не шлюха, принципами не торгую". — "Да разве койка — это принцип?" — "Если любовь — да! Самый что ни на есть высший принцип!"...

Колчака надо расписать с фугасом; они ж недоумки, америкашки-то, минутой живут, вечности чураются... Им надо Колчака так расписать, чтоб поняли: демократия в России невозможна, а миру — опасна. Чем больше у нас демократии, тем скорее ее зальют кровушкой; того, кто не умеет отдавать приказ на массовые расстрелы, прикончат, у нас над демократом Керенским по сю пору смеются, а Ивана Грозного с Иосифом Великим боятся, а потому чтут, парадокса в них ищут, глубинку, хотя любой нормальный человек должен был бы завопить: "Кровавые злодеи, истерики, зачем господь не сжег вас молнией за преступления ваши!" А — молчат! Фокусничают! Лазейку для отступления берегут!

Дай мне сейчас право навести порядок — за неделю б навел.

В первую ночь — арест пары сотен тысяч, на другой день — военно-полевые суды, в тот же вечер публичные расстрелы; на третий день — арест пары сотен тысяч бракоделов и лентяев, военно-полевые суды, немедленные расстрелы; на четвертый день — обращение миллиона трудящихся о необходимости ввести карточки и навсегда закрыть границы; специальные выпуски газет и журналов в поддержку этой инициативы рабочего класса; показательный процесс десяти—пятнадцати редакторов газет, журналов и телевидения с

показом после программы "Время": "Да, мы были агентами всемирного масонского союза и хотели реставрации капитализма, получали за это деньги от ЦРУ, Солженицына, Израиля, испанского наследника Романова, неонацистов и ЮАР, пообещав им отдать Украину, Литву и Абхазию".

После показа процесса — выступления рабочих, крестьян, писателей и поэтов, прилежных национальной идее: "Немедленная казнь иудушек!" На пятый день — указ о том, чтобы все носили одинаковую форму, никаких различий в одежде, все равны, нет ни бедных, ни богатых; на шестой день — телеграммы благодарности трудящихся за наведенный порядок и проклятие тому, что враги народа называли "перестройкой". Вот и все, чего прощез!

Ничего, ждать недолго, придет время справедливости, всех гнид на лесоповал отправим, десяток крикунов перекупим, перевертыши у нас в цене...

Только так и будет! Иначе никогда у нас не было и быть не может! Александр Первый двадцать лет свои реформы готовил, бумажки слюнявил, колебался, ждал, взвешивал, все думал, как дворяне к этому отнесутся, не отвернутся ли от него, ведь престолодинам дается послабление, ну и кончилось Сенатской площадью; Александр Второй пятнадцать лет конституцию вертел, боялся, как аристократы к этому отнесутся, — ну и взорвали бедолагу, поделом... Столыпин, поняв, что Николашка испугался свободного мужика с собственной землей, тихо затаился, вместо того чтобы власть брать, — ну и шлепнули витязя! Решив действовать, — действуй! Да, видно, не в нашем это характере, в крови страх и рабство. Вот потому-то нам Сталин и нужен, вот потому только диктатура может заставить работать наше собрание пьанных лентяев, которые слова не понимают, только пистолет и дубину...

Западу теперь вопли против Сталина тоже поперек горла стали, они гарантий хотят, без гарантий кто ж деньги в дело вкладывает?! Я ж не за сталинскую диктатуру, он, дурак, жидов стал обижать, Запад против себя восстановил, они памятливые, Гитлера не забыли; я за то, чтоб Пиночет пришел, неужто у нас в армии ни одного сильного генерала не найдется?! Такую идею "штатники" примут! Вот что им надо вбивать! Вот на чем я себе имя сделаю! А Колчак — намек: даже ваш человек был ушлепан русскими. "Ты нам диктатуру подавай в полном объеме, что б мы притаились, ты нам полумеры не суй, свалим, либо — либо!"

Сорокин вдруг услышал шум, подобный морскому прибою, он был шуршаще-галечным, глубинным, а после ему почудилось в этом мощном морском шуме свое имя, скандируемое невидимыми тысячами, "фаши", отряды штурмовиков, охранные батальоны партии фюрера, заградительные отряды Сталина, карабинеры Пиночета — вот она, един-

ственная опора гарантий у нас, а вот я, кто смог сопрячь в себе прошлое с будущим, святую веру в вождя с умением охранять дело, вот я иду, я вернусь к вам, ждите, я вернусь оттуда, вы хотите меня, я дал вам желанный покой тихого равенства, я, я, я, я, я, я...

...Он поднялся с тахты, набрал номер своего помощника, имени и фамилии которого не знал никто, к его услугам прибегал редко, в самых крайних случаях, и сказал, чуть покашливая (обговоренный заранее сигнал срочности):

— Михалыч, помнишь, я тебе фото Славы показывал? Именно... Так вот Манюню его надо бы положить на обследование... Он ведь с ней тридцать лет прожил, душа в душу... Спаси бог, что с ней случится — с ума свернет, а кому псих нужен? Или сопьется, какая для всех нас утрата, а? Никто его не заменит, бедненького...

— Когда? — спросил Михалыч.

— Сегодня. Чего медлить-то? В таких делах промедление смерти подобно... Сегодня и клади...

21

Пшенкин принял к глазку: молодой мужчина в поношенном синем костюме стоял возле двери и медленными кругами массировал левую часть груди.

— Вы кто? — спросил Пшенкин.

— Из Литфонда, по поводу расширения жилплощади...

— А я не писал заявления...

— Я всех московских писателей обхожу, товарищ Пшенкин... В общем-то, как знаете, конечно...

Пшенкин отворил дверь, впустил человека и, подтолкнув ногой разношенные тапочки, пробурчал:

— Осматривайте.

— Спасибо... Только вам бы стоило поинтересоваться моим удостоверением. В городе, знаете ли, беспокойно, грабители шастают...

Пшенкин шарахнулся от него:

— Вы что такое говорите?!

— Правду, — ответил человек и, протянув Пшенкину мировское удостоверение, представился: — Полковник Костенко из розыска.

— А в чем дело? — Пшенкин обмер.

Не ответив ему, полковник достал "воки-токи" и глухо пророкотал:

— "Второй", я у "Травкина", занимайте все точки, "мальчики" уже подъехали...

Пшенкин кинулся в комнату и сорвал трубку телефона.

— На Петровку звонить не надо, — полковник положил ладонь на рычаг телефона, — я только что оттуда. Сядьте, я же вам показал удостоверение... Я пришел, чтобы спасти вас...

— От к-к-к-кого?

— Вы догадываетесь, Борис Михайлович...

— Эмил?

— Да.

— Я чу-в-в-ствовал...

— Вы же не заикались раньше...

— Со страху...

— Не бойтесь... Те, кого он прислал, чтобы вас убрать, под нашим контролем... Пожалуйста, соберите все черновики, заготовки, странички, которые у вас остались от работы над его рукописью...

— Да ведь у меня почти ничего нет, он все забрал... сейчас, одна минуточка... Я давно его п-понял, товарищ... Как вас, кстати? Память отшибло...

— Полковник Костенко... Начальник отдела по борьбе с особо опасными преступлениями... Давайте, Борис Михайлович, скоренько, я помогу вам... К двери, если позвонят, не подходите, я сам открою.

— Конечно, конечно, товарищ Костенко... Я понимаю, спасибо вам... Как г-г-говорится, желтые лица, револьвер... Ах, это наоборот, красные лица, револьвер желт, моя, так сказать, милиция...

— Время, Борис Михайлович. — Начальник отдела по борьбе с особо опасными преступлениями положил руку на плечо Пшенкина. — Время дорого, давайте собирать документы...

— Сейчас... Одна минуточка, вы меня здорово н-н-напугали... Сигаретки нет?

— Я не курю. И вам не советую.

Пшенкин открыл створки книжного шкафа, достал две папки:

— Здесь варианты... Разрозненные эпизоды... Нашел д-дурака... Думал, я не пойму, что это про нашу любимую родину... Тоже мне, маскировщик, считает, будто вокруг одни дураки живут...

— А что в других папках?

— Там мое, товарищ Костенко.

— Можно посмотреть?

— Пожалуйста.

Пролистав странички, полковник отложил папку:

— Каких-то отдельных листочков не осталось?

— Сейчас посмотрим. — Пшенкин торопливо копался в пачке исписанных страниц. — Нет, точно, не осталось... Все, что было, здесь... Я ж чувствовал недоброе, сердцем ощу-

шал... Ведь что он норовил сделать-то?! Он норовил под gestaпо наши славные органы подсунуть! Я, конечно, не сразу это постиг, в процессе творчества, но все же — постиг его коваристый замысел!

— Борис Михайлович, время... Черканите, пожалуйста, следующее: "Мною передан текст рукописи полковнику Костенко Владиславу Романовичу"... Дата... Подпись... А я вам оставлю расписку...

— А зачем писать-то? Я ж вам все передал? Передал. Не надо лишнюю писанину разводить, не надо...

— Иначе я не смогу приобщить материал к делу... Поймите меня правильно... Кроме благодарности мы ничего к вам не испытываем, Борис Михайлович... Вы поступили как настоящий патриот...

— Я не хочу быть свидетелем... Я вообще ни к чему не хочу касаться... Пойдут разговоры, всякие там вызовы, я системе не хуже вас знаю...

— Давайте я напишу свой текст, Борис Михайлович... Если вас что-то не устроит, скажите, я переделаю... Смотрите: "Я, полковник Костенко Владислав Романович, приношу благодарность члену Союза советских писателей товарищу Пшенкину Борису Михайловичу за то, что он сохранил уликовые материалы. Настоящим подтверждаю, что товарищ Пшенкин Борис Михайлович не может считаться свидетелем по этому делу, ибо он занимался прямой литературной деятельностью..." Устраивает?

— Ну если в таком, как говорится, смысле, тогда устраивает...

— Пишите свой текст...

— Значит, я думаю, так можно будет сформулировать, — Пшенкин достал ручку. — "Передаю полковнику Костенко Владиславу Романовичу тексты, полученные мной из литературной консультации для оказания помощи ветерану войны, их автору..." Устроит?

— Вполне... Только дату поставьте...

— Как раз дату я ставить-то и не хочу.

— Почему?

— А так... Спокойнее... Вы уж не взыщите... Небось знаете, как запуганы люди... Страх у крови...

— Пугать себя не разрешайте — вот и не будет страха... Давайте без даты...

Пшенкин поставил ветвистую роспись, подвинул лист полковнику; тот кивнул:

— Спасибо... Позвольте мне еще раз посмотреть ваши заготовки, нас интересует любая страничка из манускрипта...

— Пожалуйста... Жаль, что сигаретки у вас нет, перенервничался...

Полковник опустил на колени, открыл створки шкафа, вытащил все папки, пролистал их стремительно, но в то же

время высокопрофессионально, убедился, что Пшенкин был прав, архив невелик, снова глянул на часы и пошел к двери, словно бы почувствовав, что именно сейчас поступчат.

Так и случилось.

Он прильнул к глазку; боевики работали точно; секунда в секунду, молодцы; Пшенкин сейчас исчезнет, один из самых последних свидетелей, в общем-то, ключевой — прикасался к работе Большого Босса; записочка на имя товарища Костенко останется на столе, красивая комбинация, ай да молодец, Большой Босс...

И полковник открыл дверь, но в ту же секунду из противоположной квартиры вывалило четверо парней, сшибли боевиков, бросились на него и, повалив, заломали руки под наручники, второя негромко:

— Тихо, Никодимов, только тихо, кричать не надо, никто не поможет...

...Когда Никодимова и боевиков затащили на кухню к обмершему Пшенкину — вся операция продолжалась менее минуты, — в квартиру вошел Костенко.

— Здравствуйте, — сказал он литератору. — Костенко — это я... Человека, который должен был вас убить, зовут иначе, он никакой не полковник, бандюга по фамилии Никодимов... Разговор его с вами мы слышали, он записан на пленку, какая-никакая, все же техника у нас есть... Сейчас сюда придут эксперты, рукопись и записочку изымут, вам действительно ничего не грозит, это Никодимов правду говорил, он Уголовный кодекс знает, готовился загодя. Я уезжаю, поэтому хочу поинтересоваться лишь одним...

— Я п-п-при нем отвечать не стану, — Пшенкин кивнул на Никодимова, лежавшего на полу лицом вниз, руки за спиной в наручниках, неподвижен.

— Почему? Он теперь на пятнадцать лет — в лучшем для него случае — загремит, так что не бойтесь, он более не опасен...

Пшенкин покачал головой:

— Не буду...

— В комнату можно вас пригласить?

— Удостоверение предъявите...

Костенко достал свою пенсионную книжку; Пшенкин долго елозил вытаращенными глазами по строчкам, потом покачал головой:

— Так вы ж отставник...

Костенко обернулся к одному из строиловских сыщиков:

— Покажи-ка ему свое удостоверение, сынок...

Только после этого Пшенкин вышел из кухни; Костенко присел на подоконник и, закулив искрошившуюся сигарету, жадно затянулся:

— Послушайте, ваш знакомец Эмиль Валерьевич наладился в бега... И это для вас опасно... Он узнает, что Никодимов взят и поэтому вы остались живы... Если хотите, чтобы мы помогли вам не погибнуть — а это вполне реально, — постарайтесь вспомнить: как, при каких обстоятельствах и через кого вы познакомились с “ветераном войны и героем-разведчиком”?

— А при чем здесь “ушел в бега” и как я с ним познакомился?

— При том, что нам его надо найти... Только вы знаете, что было в его подлинных записях и что он просил вас из них сделать. Вы можете, таким образом, претендовать на соавторство, а он заключил контракт на сто тысяч долларов... Ясно? Поэтому вы ему опасны... А нам, чтобы его взять — за другие дела, кстати, — нужно знать его знакомых, те места, где он бывал, машины, на которых ездил, любимые выражения, манеру есть и пить...

— Кто-то из наших литераторов нас познакомил... Кто — убейте, не припоминаю...

— Где?

— На Герцена, в кафе, что напротив ТАССа...

— Когда?

— Два года назад... Что-то около этого...

— Вы там с ним часто виделись?

— Раза три... Он больше любил дома встречаться...

— Здесь? Или у него?

— Здесь.

— У него бывали?

— Один раз.

— Когда?

— В день знакомства...

— Адрес?

— Где-то в переулочке... Дом старинный, красивый...

— Адрес? — повторил Костенко.

— Не помню... В центре...

— Он вас к себе привез, оттого что пьяным напились?

— Несколько...

— Когда отправил домой? Утром?

— Нет, той же ночью... Он мне всего пару часов дал отдохнуть... Потом договор заключили, он меня сразу в машину и посадил... А те, кто был в машине, меня куда-то в Мытищи отвезли, до утра поили, я и рухнул...

— Что за договор подписали?

— О сотрудничестве... Я уж и не помню...

— Если повозить вас по Москве, вспомните дом, где были?

— Не знаю...

— Какая у него квартира?

— Большая... Комнаты три, не меньше...

Или врет, подумал Костенко, или Сорокин возил его на явку... У него один большой зал, никаких там трех комнат нет...

— Из окон-то что было видно?

Пшенкин задумчиво переспросил:

— Из окон? Что-то было видно... Погодите, вроде бы Белорусский вокзал...

Костенко сразу же вспомнил Нинель Дмитриевну, двоюродную сестру Сорокина, прыгнул с подоконника, рассеянно похлопал себя по карманам:

— Слушайте-ка, у вас сигаретки случаем нет? Тьфу, забыл, — он усмехнулся, — тот Костенко вам курить не рекомендовал... Едем со мной, будем искать дом возле Белорусского, это вам нужно больше, чем мне, едем!

...Точно, Сорокин будет уходить по железной дороге, понял Костенко; он нас запутал своим авиабилетом; ну, гадина, неужели свалил, а?!

Попросил ребят связаться с Комитетом, пусть подключают пограничные станции; бросился к машине; Пшенкин семенил за ним, неестественно часто крутя шей, словно бы ему жал воротник рубашки...

...Костенко сидел закаменев, не спуская глаз с Пшенкина; тот обалдело таранился на дома вокруг Белорусского вокзала, то и дело отвлекаясь — прислушивался к телефонным разговорам, что полковник вел из машины; он чувствовал, как ему передается нервозность этого седого человека, хотя внешне тот был совершенно спокоен; вспомнить ничего не мог, все здания казались ему одинаковыми.

Костенко помог ему:

— Вы как туда добирались?

— На машине...

— Очень были пьяны?

— Сейчас это не наказывается...

— Чем он вас угощал?

— Коньяком.

— Сам пил?

— Очень мало... "Мадеру"...

— Закусывали?

— Да... Он мне шашлык взял, а сам икру ел... Сначала студень спросил, а как ответили, что нет, так порций пять икры заказал...

— Вам-то икорки предложил?

— Я ее не ем...

— Почему?

— Из-за сострадания к народу...

— А шашлык — можно? Без сострадания?

— Погодите, — Пшенкин прилип к окну, — а вот не этот ли?

— Остановиться?

— Да... Ей-богу, этот! И подъезд вроде бы тот, четвертый этаж, я стулени считал, лифта нет...

Костенко сразу же посмотрел на дом, что стоял напротив; отселили под ремонт, много пустых квартир, окна открыты; осведомился порации, где ЖЭК, и попросил шофера гнать туда — с сиреной.

Начальника ЖЭКа на месте, конечно же, не было; главный инженер, как объяснила секретарша, отъехал на совещание, заместитель на участках.

— Кто может подъехать со мною к Белорусскому? — спросил секретаршу.

— А вы кто такой?

— Из МУРа.

— Обратитесь завтра, скоро работа кончается...

— Завтра? А если вас сегодня бандюга ограбит?

— У меня брать нечего.

Несчастливая страна, в который уже раз подумал Костенко; никого ничего не волнует, ждут манны небесной... А что они могут в этом затхлом ЖЭКе, возразил себе Костенко. Если бы им позволили действовать, подвалы осваивать, чердаки и первые этажи... Так нет же! Они ничего не могут без приказа сверху, разрешения десяти инстанций... На Западе то, что у нас называют ЖЭКом, — богатейшее учреждение, с компьютерами, своим баром, прекрасной мебелью, люди отвечают за жилье, что может быть престижнее! А у нас? Все просрем, если даже сейчас, когда хоть что-то можно, все равно никому ничего нельзя...

— Послушайте, барышня, — настроившись на лениво-равнодушный темпоритм секретарши, продолжил Костенко, — вы...

— Я вам не "барышня"! В общественном месте небось находитесь!

— Как прикажете к вам обращаться?

— Как все нормальные! "Женщина"! С Луны свалились, что ль?! Все нормальные люди обращаются — "женщина", вы что — исключение?!

Костенко тяжело обсматривал ее, чувствуя, как изнутри поднимается отчаянная ярость, но потом заметил ее разношенные туфли, заштопанную юбку, подпоясанную драным пуховым платком, спортивную кофту, уродовавшую и без того ужасную фигуру, и сердце его защемило тоскливой, пронизывающей болью...

Похлопав себя по карманам, он нашел грязную таблетку валидола, бросил ее под язык и тихо вышел из затхлого полуподвала...

...В отделении милиции взял двух сотрудников; и опера-

тивник угрозыска и обэхаэсовец были, слава богу, в штатском; по дороге объяснил суть дела; вороток нашелся у шофера, бинокль лежал в чемоданчике Строилова, у него там и фотоаппарат был, и блокнот, и маленький диктофончик; несчастный парень, как он там?

— Борис Михайлович, а кто в той квартире еще был? — спросил Пшенкина.

— Не помню... Вроде бы никого... Духами пахло...

— Мужскими?

— А разве такие есть?

— Есть... Картины, фотографии были на стенах?

— Были... Много...

— Какие-нибудь запомнились?

— Вроде бы... Погодите... Картины были старинные, не русские, с купидончиками... А фото... Там много танцоров... И танцовщиц... Длинноногие все, срамно одеты, не по-нашему...

Костенко обернулся к оперативнику угрозыска:

— Какие тут балерины живут?

— Сейчас спросим, — ответил тот, — если дадите трубочку... Вроде бы тут несколько артистов жили, мы присматривали, были сигналы, что на них наводки клеили, но потом вроде как отрезало, мы еще дивились — в чем дело?

— Не живет ли здесь некая Ирина Васильевна, в девичестве Лазуркина? Была солисткой балета в ансамбле метрополитена?

Опер усмехнулся:

— Иностранка? Когда не на даче — живет, я ее знаю...

...Они высадили Пшенкина возле метро, вскрыли черное парадное, оперативник остался на стреме — наверняка какой энтузиаст прибежит или, того хуже, постовой, начнут скандал, бумагу потребуют, у нас миром говорить не умеют, как что — в истерику, гражданская война, а не разговор; поднялись на пыльный чердак; Костенко вжался в окуляры бинокля, рассматривая квартиры, начиная с цоколя, — литератор от страха прибабашен, "четвертый" этаж ему мог померещиться.

Окна цоколя были закрыты шторами; на втором с обшарпанного потолка свисала засиженная мухами лампочка; было что-то безнадежное в этих старинных проводах, витых, как косы, — такие девушки плели, пока новый фасон не окоротил мир; теперь только певцы с косами ходят; борьба полов — что там классовая! Мебель в комнатах была старая, разнотильная, стол без скатерти, пожжен утюгом, не портниха ли живет? Нищета, трущобы! В соседней квартире комнаты были заставлены мягкими креслами, маленькая женщина в длинном халате, отороченном мехом, сидела

против огромного экрана диковинного телевизора; на одной лестничной клетке две судьбы; разбитое общество! На третьем этаже в правой от пролета квартире шел ремонт; трое маляров устроились на перевернутых ведрах, дымили сигарками и выпивали по маленькой; на полу, застеленном газетами, стояла бутылка, лежал батон хлеба, три огурца и несколько плавленых сырков; женщина в робе смывала старые обои; мы стали обществом, где работают только женщины, подумал Костенко, пока еще работают; скоро, видно, и они отучатся; "Красный молот, красный серп — это наш любимый герб, хочешь жни, а хочешь куй, все одно получишь х..."; сколь за этот стишок давали сорокины? Кажется, восемь лет каторги; что ж, за правду надо платить...

На четвертом этаже только в двух окнах горел свет; была видна богатая люстра, краешек рояля и стол. Во второй комнате просматривался угол тахты; на ней — ноги мужчины; на туфлях золотая пряжка; такие же лайковые туфли были на Хренкове в тот день, когда он подошел к Костенко у библиотeki.

На паркетe стояла бутылка "Боржоми" и гофрированная тарелочка со студнем из кулинарии; ай да Либачев-младший, что за память, а?! Мой пациент обожал студень, ай да лапочка...

— Смотрите за ним, — Костенко передал бинокль ОБЗ-хаэсовцу и достал из кармана фотографию Сорокина. — На тахте лежит этот человек. Я сейчас вернусь...

Он не сразу поднялся; достав сигарету, сунул ее в рот, но не стал прикуривать; огонек зажигалки вечером подобен далекому выстрелу: слышать — не слышно, но опытный глаз сразу же снимет слезку.

Я потребую от него свидетелей, которые бы доказали, что он был с ними в день убийства Мишани и Людки, думал Костенко, чувствуя, как все чаще молотит сердце; наверняка у него уже есть такие свидетели, ответы заранее срепетированы, мастер писать сценарии, школа... И я отвалю, потому что не будет улики... А палец Варенова на Людкином пояске? Отмажется: "Я с ней спал, раздевал ее, поясок снимал, в ночь убийства гулял с ней в ресторане, отвоз домой, больше не видел, не клейте мокруху, я не по этому делу". Что дальше? Убийство Строилова? Еще неизвестно, что покажет вскрытие... Потом, Рыжий из кафе "Отдых" напрямую не был связан ни с Никодимовым, ни с Вареновым, там длинная цепочка... Нападение на Пшенкина? Как такого факта не было... Попытка? Доказывайте, мусора, разбивайся в лепешку, Костенко! Хорошо, а показания Дэйвида? Ну и что в них криминального? Сорокин писал книгу о Зое? Писал, не отрицаю, я ж был ее следователем, сейчас понял, что служил нелюдию, решил искупить свой грех, рассказать миру правду... Кто ее убил? Ищите... Я-то здесь при чем? Не надо

применять недозволенные методы ведения следствия, осуждено историей... А Управление? Группа экспертов? А он спросит: "Где улики? Записанный разговор? Так он склеен из отдельных слов, лажа... Докажите! Факты на стол, письменные документы. Да и потом, запись разговора — не доказательство... И кино ваше — дерьмо, этому веры нет, у нас демократия". За ними стоят могучие люди из Системы, будут выгораживать, незримо давить, влиять, советовать, напоминать о спасительном для них тридцать седьмом годе, восстанавливать против следствия толпу: "Снова милиция начинает злодейство"... А мало ли у нас таких, которые бы мечтали вернуться к злодейству, спросил он себя, чтобы раскрывать дела и получать за это внеочередные звезды?! Только разреши, всё мигом пораскрывают, выбьют любые показания, лишь кости будут трещать! "Нет ничего страшнее русского бунта, кровавого и бессмысленного..." А следствия? Сталинского следствия, которое стало привычным? "К бунту только те зовут, кому своя шейка — копейка, а чужая головушка — полушка..." А в следствии? Про Сорокина уже многие узнали... Кладем перед ним, если изымем, манускрипт о мафии...

А он лепит: "Речь идет об американцах, здесь же нет имен, инициалы... Докажите, что это Россия..." Хорошо, а разные паспорта? И Витман, и Айзенберг, и Хренков. А где же Сорокин? А он: "Взял фамилию жены, разве это преступление?" Нет, это не преступление, отнюдь. Но отчего Хренков и Витман? А у него заготовлено: "Мы — страна, не умеющая прощать. Со статьей, по которой взяли Сорокина, ему бы не жить в Москве, изгой... Построим правовое государство — вернусь к самому себе, Сорокину..." Конечно, года два за нарушение паспортного режима можно потянуть, но теперь паспорта налаживаются отменять, выскочит...

Если его отпустят за недостаточностью улик — а их действительно мало, — каково будет строиловским ребятам? Они же до конца извернутся в том, что в этой стране есть справедливость... Несправедливый закон — что может быть страшнее?! Значит, возразил он себе, ты волен присвоить себе функцию справедливого законодателя? Ты не вправе делать это, Костенко. Дорога в ад вымощена благими намерениями...

Он заставил себя увидеть лицо генерала Строилова — бескровное, когда его свалили на пол. Ты и это можешь простить Сорокину, спросил он себя. Если ты можешь и это простить, тогда садись к себе на кухню и не высовывай рожу на улицу, чтобы не встречаться с людскими взглядами... Верно написано: не бойтесь врагов, они могут только убить вас, не бойтесь друзей, они могут только предать; бойтесь равнодушных, с их молчаливого согласия совершается и предательство и убийство...

Костенко спустился во двор, кивнул оперативнику, мол, шухари, и вышел на привокзальную площадь.

Двушек в кармане не было: протянул киоскеру "Союзпечати" двадцатикопеечную монету:

— Будьте любезны, разменяйте.

— Я вам не разменный пункт!

— Очень прошу, товарищ...

— Сказал — нет! По-русски не понимаешь?!

Костенко оглянулся; бабулька в платочке торговала цветами, осталось три букетика всего.

— Матушка, двадцать копеек не разменяете?

— Какая я те "матушка"?! Сам дед!

— Не сподобился пока... Вы мне за двадцать копеек хоть пару двушек дайте...

— С этого б и начинал. — Старуха взяла у него монету и протянула двушки. — Всяк человек за каждое движение свой резон должен получить...

Костенко подошел к автомату, снял трубку, долго держал ее в руке, а потом медленно опустил монету; снова полез за сигаретами; сунул крошево в рот, повертел в спекшихся губах, потом чиркнул спичкой, прикурил, затянулся пару раз так глубоко, что, казалось, проглотил дым, и лишь после этого набрал номер.

Ответил сухой мужской голос.

— Товарища Шинкина, пожалуйста, — сказал Костенко, покашливая.

— Кто просит?

— Я только что из Краснодара... Он ждет моего звонка...

Шинкин взял вторую трубку:

— Слушаю...

— Осип Михайлович?

— Да. Кто это?

— Вы знаете, что Сорокин сегодня уезжает в Берлин?

— Какой Сорокин?

— Возьмите ручку и запишите его адрес... Готовы?

— Я ничего не понимаю...

— Диктую. — Костенко дважды назвал адрес Иностранки и дал телефон квартиры, установленный оперативником еще из машины. — Успели? Вы обнаружите у Сорокина две пленки — это копия его рукописи: "Управление. Связи. Люди. Методы". Если в течение часа его не возьмут ваши люди, я не отвечаю за последствия... В квартире есть черный ход. До свидания...

...Вернувшись на чердак, Костенко спросил спутника:

— Не двигался?

— Поднялся, взял сигареты и снова лег...

— Он? — Костенко кивнул на фотографию Сорокина.

— Похож, но только он не седой, а черный, и с усиками...

— Значит, он... Ладно... Теперь отваливайте на площадь,

там меня ждите... Если какой шухер начнется — услышите... Сразу сюда — и в дело... Оружие с собой?

— Откуда? Нет, конечно... Нам же так просто не дают...

— Жарьте в отделение и берите... Одна нога здесь, другая там...

Как только Сорокина — без галстука, встрепанного поклоунски, пепельно-бледного (это было заметно даже при тусклом свете уличного фонаря) — трое верзил сунули в машину, Костенко-кубарем свалился по лестнице, задыхаясь бросился на площадь, прыгнул в машину и прохрипел:

— К трем вокзалам, по осевой, с фарами!

Выскочив из машины у Ярославского, повторил:

— Через два часа езжайте к Строиллову, понятно?! Не раньше! Если Строилов не откроет, орите в дверь, что я в Кратове, пасу!

...В Кратове шел мелкий осенний дождик; пахло сосной; ветер — незримой ладонью — ласково гладил кроны громадных деревьев, и они, словно волосы податливо-ласковой женщины, шуршаще качались из стороны в сторону.

Костенко шел к даче Шинкина неспешно, то и дело сплевывая под ноги; во рту пересохло, язык был медный, и рот все время наполнялся пузырчатой, горькой слюной, противно.

Во многих дачах еще горел свет; жалостливо, как ушедшая молодость, светились низкие абажуры, сейчас такие не делают; луна была зыбкой из-за того, что на нее то и дело нагоняло тучи, которые становились серебристыми, чтобы снова стать непроглядно-черными, когда их сносило в засыпающее небо.

Машина, на которой вывезли Сорокина, стояла возле ворот; потом — одна за другой — подъехали еще три; прохаживались высокие люди в кожанках; давайте, ребята, кончайте ваш разбор с палачом, времени у вас в обрез, смотрите не опоздайте, я дал вам сто двадцать минут, но и за это должны сказать мне спасибо...

Костенко опустился на землю, откинулся на столб и закрыл глаза; в висках молотило, то и дело накатывали приступы горькой тошноты; он сидел напрягшись, уцепив пальцами мокрую траву, и мучительно ждал, когда же на даче Шинкина прозвучит выстрел.

ЭКСПЕРТИЗА

Евгений Додолев

ОПТИМИСТИ- ЧЕСКИЙ РЕКВИЕМ

Блокнот I

Узнав, что добротнo утвердившийся не столько в нашем сознании, сколько в языке афоризм "В здоровом теле здоровый дух" есть всего-навсего грустный образец неконцептуального цитирования древних, а фраза целиком означает чуть ли не противоположное, я не только не удивился, но даже с каким-то злорадным удовлетворением отметил, что тысячи хрестоматийных опровержений этого дискуссионного тезиса — от Цезаря и Моцарта до Чехова и Николая Островского — являются не исключением, но правилом.

...Для молодых вопрос формы всегда теснее увязан с проблемой содержания, чем для старших, покорно, с детсадовской послушностью, корректирующих свои приглаженные манеры под господствующие в данный момент установки, но то, что время нынешнее ввело такие термины, как "подростковая преступность", и обострило угол зрения на "поведение молодежи", показывает, что, во-первых, стили и замашки поколений иногда полярно противопоставимы (иначе откуда "молодежная мо-

да"?), а во-вторых, убыстряющийся под рок-н-ролл темп современной жизни вынуждает, "встречая по одежке", составлять представление о другом человеке с кондачка, поскольку "проводить по уму" не всегда успеваешь.

Сегодня внешний вид и повадки — не просто средство самовыражения, но и философия. Недаром известный американский композитор и писатель Фрэнк Заппа с горечью восклицает: "Ныне о качестве судят по товарному виду, и, следовательно, на эстраде прическа важнее музыки!" И видный наш прозаик Валентин Распутин безапелляционно взваливает на "сатанинскую музыку" испуганную вину изголодавшихся отцов, чьи дети взялись за самодельные кастеты, никому уже не веря. Впрочем, еще Платон, рассматривая "материю и форму", отводил последней определяющую, активную роль. По Гегелю, отношения между формой и содержанием суть их взаимопревращения. Одно от другого не отделить, как послушную скорлупу ореха от хитрого ядра. Здесь связь словно между выбитым криком и перехваченной глоткой — неразрывная.

В свое время мы, чье благополучное совершеннолетие пришлось на первую половину сонных семидесятых, вычисляли *своих* "нараз", по безошибочным знакам принадлежности к тому или иному негласному сословию (неформальных объединений в их теперешнем толковании, по-моему, не было; термина — во всяком случае).

Короткая, "под военрука", стрижка, приглаженный взгляд вперед-вниз, аккуратная рубашка, застегнутая на самую верхнюю пуговицу, правильная, но напряженная, будто у начинающей манекенщицы, походка — это образцово-показательный (больше — показательный) пай-мальчик, конформист: безобидный малый, но — "не подам ему руки".

Шаркающая походка, виноватая полуулыбка — блудница, любовно сработанные заплатки, несчастная трапеция сдавшихся плеч, самодельный аляповатый "пацифик" (заветный значок с модной тогда эмблемой антивоенного — Вьетнам! — движения), волосы — вышколенным ученикам на зависть — до лопаток, значит, хиппи (или сочувствующих).

Хозяйский взгляд и книжное остроумие, новенькие — не жаль и полсотни отдать (да-да, именно такие были цены) — джинсы, солнечные очки из "Березки", поверхностная участливость (или, что примерно то же самое, готовность угостить приятеля коктейлем в "Арбате"), с помощью которой достигалась приблизительная одинаковость с ровесниками, компенсирующая материальный разрыв, — начинающий фарцовщик.

Все это плюс словоохотливость минус вечная жевательная резинка — законченный "папин" сынок.

Клешеные брюки из плотной материи, столь же плотная фигура, солдатский ремень; раскачивающийся, словно недовыбитый зуб, шаг боксера-новичка, привычка зло сплевывать куда-то вбок, множество стонуще-вопросительных интонаций в сдобренной замысловатым матерком речи, заслужившая беломорина на чуть отвислой нижней губе, мутные, как осадок на дне "бормотушной" бутылки, но при этом задиристые глаза — конечно же, хулиган с окраины, "урла", как окрестили своих недругов хиппующие оборванцы, справно служившие основными объектами ненависти "ребят со стальными кулаками и нервами".

Параллели с картиной конца восьмидесятых пересекутся, невзирая на законы Евклидовой геометрии, не так ли? И, уверен, не только в разгоряченных точках столкновений накаченных "люберов" с бойкими "металлистами"... Хорошо еще, что остались, если верить печати, зоны, свободные от неформалов. Не только улицы и поселки городского типа, но, как пишут, и целые области.

Живи я тогда не в Москве, осевшие в памяти типажи были бы иными. Но так же, наверное, шаржированно-упрощены. При этом множество самых обычных парней и девчонок служили — чисто внешне! — *фоном* для наиболее выделяющихся из массы нетипичностью или, напротив, отчаянно-типичной, до гротеска, заштампованностью, представителей поколения, появившегося на свет в конце пятидесятых. Все эти "апартаменты" — те самые отклонения от нормы, по которым мне легче всего набросать ретроспективный портрет сверстников.

Декарт, ясное дело, заблуждался, полагая, что живые тела ведут себя подобно автоматам, не нуждаясь в мало-мальском воздействии со стороны нематериальных сил. Однако прагматичного современника Галилея и Шекспира невольно вспомнишь, созерцая в "час пик" разгрузку-погрузку общественного транспорта сосредоточенными на каких-то неведомых стороннему наблюдателю невеселых, видимо, процессах, ничего не слышавшими, заученно огрызающимися индивидами. Ну нельзя же так! Даже локтями можно работать с душой (не в смысле увеличения кпд этих движений). Вовремя сказанное, с теплой интонацией, человеческое слово способно снять "напряг", от которого всего шаг до стресса, а то и инсульта. "Ничего не дается нам так дешево и не ценится так дорого..." Мне кажется, нет никакого привкуса новозаветной толстовщины в попытке улыбкой ответить на площадную брань.

Документ I

Сотрудник Всесоюзного института по изучению причин и разработки мер предупреждения преступности **Вячеслав ЕРМАКОВ**:

— В 1988 году в целом по стране выявлено 184 874 несовершеннолетних, совершивших преступления. За первое полугодие 1989 года несовершеннолетними было совершено преступлений больше, чем в период 1966—1978 годов (!); их совершалось в целом за год (1 полугодие 1989 года — 97 901; в среднем за год в период 1966—1970 годов — 96 816).

Эти данные свидетельствуют, что за последние 25 лет, то есть за период с 1964 по 1988 год:

число выявленных несовершеннолетних, совершивших преступления, увеличилось в 1,8 раза (в 1964 году выявлено 98 308 человек),

число выявленных преступлений, совершенных несовершеннолетними, увеличилось в 2,6 раза (в 1964 году выявлено 70 524 преступления, в 1988 году — 184 735).

Среднегодовое число преступлений, совершенных несовершеннолетними:

1966-70 гг. 1971-75 гг. 1976-80 гг. 1981-85 гг. 1986-88 гг.

96 816	111 635	131 325	149 896	171 057
	+15,3%	+17,6%	+14,1%	+14%

Они также со всей очевидностью доказывают, что принимавшиеся меры борьбы с преступностью данного контингента оказались явно недостаточными, чтобы остановить ее рост. Темпы роста преступности несовершеннолетних за приведенные выше пятилетние периоды практически постоянно оставались на уровне 14—17%. Период 1986—1988 годов не является в этом отношении исключительным.

В этой связи особенно важно отметить по крайней мере четыре обстоятельства негативного свойства, доказывающих, что в настоящее время требуется во многом иной подход к решению наиболее важных проблем, существующих в данной области.

Первое. Рост преступности несовершеннолетних начиная с 1975 года фиксировался на статистическом уровне в условиях стабильного сокращения общей численности этой возрастной группы в населении страны.

* Данные приведены по статистическим отчетам МВД СССР. По оценкам ученых, несовершеннолетними совершается в 3—4 раза больше преступлений, чем их официально регистрируется.

Второе. Динамика преступности взрослых также характеризовалась в эти годы тенденцией роста как абсолютных, так и коэффицентных показателей. Однако рост преступности несовершеннолетних, если судить по статистическим показателям, ее регистрирующим, был несколько более интенсивным.

Третье. Рост преступности несовершеннолетних продолжается, несмотря на последовательное, а в отдельные временные периоды даже беспрецедентное ужесточение карательных мер, применявшихся к ним правоохранительными органами.

Начиная с 1973 года и по 1984 год темпы роста судимости несовершеннолетних постоянно опережали рост выявленной преступности этого контингента. Причем с 1962 года по 1976 год имели тенденцию роста как удельный вес, так и общая численность подростков, осужденных к мерам, связанным с лишением свободы.

В 1981 — 1986 годах среднегодовое число осужденных несовершеннолетних было самым большим не только за весь послевоенный период (106 024 чел. против 78 847 чел. в период 1946 — 1950 годов), но, по-видимому, и за все послеоктябрьские годы (в 1923 году осуждено 18,5 тыс. несовершеннолетних, в 1925 году — 27,3 тыс., в 1935 году — 41,5 тыс.).

Четвертое. Рост преступности несовершеннолетних происходит в условиях одновременного и непрерывного увеличения числа детей и подростков, с которыми, если судить по статистическим отчетам МВД СССР, все эти годы проводили профилактическую работу органы милиции.

За период с 1970 года по 1988 год контингент состоящих на профилактическом учете в милиции несовершеннолетних увеличился в 1,8 раза. В том же объеме увеличилось и число подростков, состоявших на учете в инспекции по делам несовершеннолетних за совершение различных правонарушений.

Блокнот II

Я не считаю праздными разговоры о прическах, походках, жестах, мимике и пластике нынешних десятиклассников, которые к концу тысячелетия почти достигнут тридцатилетнего *рубежа*, когда что-то менять внутри себя еще труднее, чем отказаться от сложившихся уже вкусов.

Поведение — не только по-армейски строгое соблюдение правил внутреннего распорядка, детальная совокупность

поступков и действий, не только характер и образ эти действий, но и *образ жизни*. "Поведение не есть просто привычка, это есть соблюдение общепринятых правил, это не во-первых, хоть это обязательно для всякого человека, — поведение есть способ вести себя под общим взором к своей цели: сдержанность движений, утаенность слез и страстей" (Белла Ахмадулина).

Помню некрасивую сценку на Пушкинской площади: пожилая, по-английски аккуратная чета, одетая на стариковский манер слишком (не по погоде) тепло, очень *прохладно* соvestила нескольких мальчишек и их полуподругу-полулидера, поскольку те были одеты "вообще черт знает во что!".

Группка, замечу, и в самом деле была самая что ни на есть живописная, даже по меркам этой, знаменитой не только скандальными выступлениями ДС и "подвигами" ОМОН площади — "тусовочного центра" всей Москвы. Итак... Серьги у всех пятерых. Немыслимые кожаные кепочки, как у киношных таксистов. Кошелечки — "подобья нищенской сумы" и водительские перчатки с кастрированными пальчиками. У одного на жакете гордилась декоративная медаль самоварного золота. Но особенно оригинальна была "предводительница команчей", поскольку, помимо "вареных" бриджей детского размера, врезавшихся в ее симпатичный зад, и греческих сандалий, могла похвастаться потрескавшейся курткой, украшенной тусклым бисером, из толстого, словно плакатный агропромовский боров, хрома, что небрежно висела на ее плече, подобно гусарскому ментикку (видимо, запомнился Гребенщиков из только что прошедшего "Взгляда"), но вместо гусарского же доломана — ярко-желтая майка-безрукавка. Ну и козырные карты — татуировка и прическа. Рисунок на предплечье (сомневаюсь, кстати, что татуировка была настоящей, скорее всего, переводная картинка, привезенная, например, из ФРГ) воспроизводил известную граммофонную рекламу славных "Роллинг стоунз"; мясистый язык и по-африкански полные губы престарелого, но все еще сексуального Мика Джеггера. Что же касается ошеломительной головы, то она вызывала воспоминания о персонажах "Безумного Макса" — правая сторона выбрита, лишь на виске оставлена игривая золотистая прядь ("завлекалочка"), все прочее собрано в нечто вроде по-смоленски богатой косы и перекинута на торчащие ключицы, украшенные самодельными бусами из боярышника.

Так вот, чем громче придирчивые старики обвиняли этих то ли разочаровавшихся панков, то ли завтрашних "металлистов", кто их разберет, чем резче звучали стальные прокурорские обороты, тем круче становились выверенные позы

мальчишек, надменнее дерзкие улыбки с необсохшим молоком, напряженнее предгрозовое молчание, злее взгляды по сторонам, неспешные и жесткие — словно танковым прицелом по периметру крохотного пяточка на ступеньках обрито-го осенью сфёра.

Затем, тряхнув бесподобным парикмахерским чудом, белокурая нимфа, презрительно фыркнув, повела не по октябрьски обнаженным плечом, и вся компания медленно двинулась к входу в метро.

Кто выиграл — несмотря на "бородинский отход" — ясно.

Кому на пользу пошли нудные разборки — вопрос риторический.

Они ушли. Но видел я и "сдержанность движений", и "утаенность слез и страстей".

И когда такие же непонятные мальчишки и девочки беснуются на рок-концертах, вспомнить об ахмадулинских сдержанности и утаенности — время. Потому что их жесты, крики, даже подозреваю, их удары — Маска. Маска, прикрывающая панический страх.

Недобрая мимикрия, с помощью которой полудети защищаются от недоброго мироздания.

И — сила. С которой они нападают, исходя из стратегии лихой превентивной атаки, как беспощадные конники Буденного. Потому что с первых классов в полной мере ощутили: сформировав тревожное понятие "они", напуганные отцы пытаются загнать их в духовную резервацию выхолощенных учебных программ, где нет места их языку, их музыке, их "слезам и страстям". Где нет им доверия. Граница любой резервации со временем превратится в баррикаду. "Они любят стриптиз — они *получат* стриптиз", — то ли плачет, то ли негодует "Наутилус Помпилиус".

Тому, что порой вытворяют юные преступники, нет оправдания.

"Трудных" и прочих долго, очень долго старались не замечать. А плесень там и разрастается, где света нет. А борются у нас, по точному наблюдению Михаила Жванецкого, именно с плесенью, когда давно назрела необходимость избавляться от сырости.

Я не собираюсь оправдывать молодежь (имею в виду всю молодежь, а не только преступивших закон).

Во-первых, она в этом совершенно не нуждается: соотношение подлецов и героев вряд ли заметно меняется — несмотря на МВДшную статистику — от поколения к поколению.

А во-вторых, куда важнее *понять*. Оправдывать, заняв снисходительную позицию Старшего Брата, легче.

Альтернатива I

Вячеслав ЕРМАКОВ:

— Социально-правовое и криминологическое планирование мер борьбы с преступностью несовершеннолетних следует вести систематически на государственном вневедомственном уровне от имени и по поручению Верховного Совета СССР, Верховных Советов союзных и автономных республик, их комиссий и комитетов. Предварительную подготовку проектов, соответствующих документов целесообразно проводить на конкурсной основе с привлечением высококвалифицированных специалистов всех отраслей знаний и широкой общественности. Обсуждение и оценку этих проектов следовало бы производить в заинтересованных постоянных комиссиях и комитетах палат Верховного Совета СССР и Верховных Советов союзных и автономных республик с участием представителей Детского фонда имени В.И.Ленина, который мог бы взять на себя совместно с другими общественными организациями финансирование и поощрение работ по подготовке этих документов. Нужно разработать и создать систему социальной информации по делам несовершеннолетних и молодежи, в том числе системы сбора статистических данных и построения статистических показателей для оценки вероятности формирования "групп риска" из несовершеннолетних и молодежи в конкретном регионе.

В республиках, областях, городах, районах должны быть созданы при каждом Совете народных депутатов Комиссии по делам несовершеннолетних и молодежи, а при каждом исполкоме Совета — штатный отдел по делам несовершеннолетних и молодежи. Названные комиссии и отделы, кроме специфических для этих групп населения (до 30—40 процентов от всего населения региона) вопросов трудоустройства, обучения, семейной помощи, досуга и т.д., должны решать вопросы профилактики противоправного поведения. Их постоянно действующий аппарат может быть образован за счет перераспределения штатной численности других отделов (образования, спорта, культуры, здравоохранения и пр.) из расчета один штатный сотрудник на 3—4 тысячи несовершеннолетних среднего города (района) или на 5 тысяч в районах Москвы.

Блокнот III

Неужели молодое яблоко от подгнившей яблони так далеко падает, что разрыв в пару поколений означает непримиримое противостояние? Нет, конечно. *Защищенность* и

“всегдашность” такого неприятия сынов и дочерей — один из жестоких капризов мироздания.

Они — подростки — всегда чужие.

Среди чужих.

Непонятные нам и потому кажущиеся опасными. И такими становящиеся. Не желающие вписываться в прокрустово ложе привычных представлений.

Да, ведут себя как звери.

Но — затравленные ортодоксальными запретами, но — отчаявшиеся докричаться до своих отцов надрывным языком полуподпольного рока, но — задавленные бездушием косных учителей.

Средней школе последнее время основательно, по-моему, достается. Будет, полагаю, доставаться меньше, коль скоро Академия педнаук найдет мужество признать свою несостоятельность, а ленивые чиновники откажутся от принципа сохранения собственного благополучия и перестанут вяло огрызаться, утверждая, что один лишь Учитель идет в ногу, а все общество шагает не впопад, ну никак не желая прислушиваться более к бравому ягодинскому “марш, марш *правой*”.

На эту тему написано и сказано так много, что не повториться, конечно, трудно. Но нельзя не заметить, что школа, вернее, школьные учителя зачастую становятся эталоном ханжеского поведения. Я помню, помню...

Эталон. Для одних — чтобы пробиться к диплому, потеряв себя. Для других — в качестве антиканона “как не надо”.

И бьются стекла, и горят классные журналы...

Преподаватели приравнивают слово к примеру. Ерунда! Разбивший стекло сделал это вовсе не от незнания, что это дурно, а от осознания слабости. Что стекла бить нехорошо и волосы красить зеленой некрасиво — не научишь. А если учитель лжет на уроках истории и литературы даже тем, что декларирует: “Врать нехорошо”, то ученики прежде всего замечают, что сам он сей благородной заповеди не следует. И не поможет изучение права в школах “трудным” убеждать от беды — ведь профессиональные воры знают статьи Уголовного кодекса наизуток, а дело свое не бросают, не так ли?

Словосочетание “человеческий фактор” как-то стремительно, по старой доброй памяти, девальвировалось. Но я по сию пору помню своего сокурсника Мишу Гисина и знаю, что если он теперь *преподает* — ну и что, что математику? — то для своих подопечных сможет стать образцом Честного Человека. Потому что видел Мишу, вернее, Михаила Павловича на уроках во время совместной институтской практики. Знаю, что в “пед” он поступил исключительно из-за любви к детям. И верю, что перед трудностями малодушно не отсту-

пит и никогда не разделит свой класс на "трудных" и "легких". Так же точно знаю, как и то, что не доверил бы своего ребенка многим из бывших однокурсников, пусть даже классному руководителю, — *вести себя* не умели, стало быть, и научить не смогут...

Маугли сумел обрести в джунглях человеческие привычки и достоинство, но и его счастливый пример подтверждает старую истину: воспитывает среда. А что касается наружных атрибутов, то они складываются из примеров. Подростки сами выбирают образцы для подражания и охотно переворачивают предлагаемые им с ног на голову. Да и посоветовать молодым учиться мастерству создавать впечатление нельзя по той простой причине, что — я так считаю — не у кого. Рок-звезды — это крайность, очень уж... неповседневно. Наши киноперсонажи, как правило, десексуализированы и потому — кукольно-неживы, а для смены крови нужен живой пример. Именно живой. Пример. И, увы, улице и вора́м это порой удастся. Напомню хотя бы о "казанских сиротах".

Документ II

*Из пресс-релиза МВД СССР "О состоянии
молодежной преступности в городе Казани"*

Оперативная обстановка в Казани остается сложной. Одной из наиболее острых проблем в городе на протяжении ряда последних лет остается преступность несовершеннолетних и молодежи. В общем контингенте лиц, совершивших преступления по линии уголовного розыска, подростки и молодежь (до 29 лет) составляли в 1987 году 68,2 процента, а в 1988 году — 70,5 процента.

Но особенно негативное влияние на обстановку в городе оказывают групповые проявления несовершеннолетних и молодежи. На учете в милиции состоит 63 группировки, в которых насчитывается 1744 человека, 59,4 процента участников группировок составляют несовершеннолетние (1036 человек), главным образом 16—17-летнего возраста, в том числе 62 из них (6 процентов) ранее судимые. Остальные участники (около 40 процентов) — молодежь, в основном в возрасте 18—25 лет, среди которых 27,7 процента ранее судимых (196 человек). Органами внутренних дел выявлено 148 главарей и наиболее активных участников группировок, из которых 61 человек (41,2 процента) — ранее судимые. Приведенные цифры по группировкам можно назвать "плавающими", так как в подавляющем большинстве их отсутствует жесткая

структура, численность постоянно меняется в большую или меньшую сторону, некоторые группировки распадаются или объединяются с другими. Основные причины конфликтов: стремление "держать под контролем" *свой* микрорайон, дом, двор, не допускать туда "чужаков". В то же время одна из наиболее распространенных причин — сведение счетов за ранее причиненные обиды и имевшие место столкновения и конфликты. В основе этого крайне негативного явления лежит ряд факторов, прежде всего социального характера, о чем достаточно подробно говорилось на страницах печати. Это проблема не сегодняшнего дня, Органы милиции с опозданием приступили к интенсивной оперативной и профилактической работе.

Корни многих конфликтов сидят еще глубоко и прочно. Ряд группировок пополняется за счет подрастающих ребят, появляются новые главари. И, пожалуй, главное — не произошло перелома в сознании многих подростков, они по-прежнему находятся в стихии "моталок", не хотят, а порой и не могут выйти из групп. Следует отметить и то, что, к сожалению, пока не удастся изобличить многих главарей групп, главным образом потому, что нет необходимой свидетельской базы. Многими подростками движет чувство ложной "солидарности", а нередко и просто страх перед возможной местью со стороны наиболее агрессивных хулиганов. Этим же объясняется и то, что многие групповые преступления остались нераскрытыми (за исключением случаев со смертельным исходом).

Надо признать, что и в работе милиции также нет еще должной настойчивости и наступательности, порой не хватает оперативного мастерства для изобличения главарей. Есть, к сожалению, и попытки укрытия части информации о правонарушениях подростков, за что виновные сотрудники привлекаются к строгой ответственности. В прессе довольно широко освещался вопрос о выездах казанских и набережночелнинских подростков в Москву. Проведенные совместно с ГУВД Мосгорисполкома и транспортной милицией мероприятия показали, что такая проблема существует.

Архив I

"Внешним научением" из всех социальных институтов — семьи, школы, улицы — целенаправленно занимается, увы, лишь последняя. Пресловутая Улица, не только в Казани, через эмоциональное заражение и сопереживающее копирование подчиняет мальчиков и — в меньшей, конечно, степени — девочек своим ролевым предписаниям и пестрым,

иногда больным, нормам. Это обучение, незаметное для родителей, начинается буквально с первых шагов дитяти. Оно подражает не только старшим, но и тем своим сверстникам, которые ему симпатичны или чьи манеры ребенок вычисляет для себя как выгодные, способные привести к той или иной цели — покупка нового плюшевого тигренка или отказ от ненавистного рыбного супа...

Хотя, быть может, проницательный венец Зигмунд Фрейд в качестве иллюстрации подобрал бы что-нибудь более интригующее. Ведь, как ни крути, с какого-то возраста секс сперва подспудно, а затем вполне ясно занимает в детских головках свое природное, так сказать, место. И тогда желание быть непохожим, выделиться приобретает еще и прямую эротическую окраску. Она нет-нет да прорывается в шокирующем гриме панков и в бесшабашных подвигах старшеклассников — вроде прыжка с карниза второго этажа или опустошения залпом бутылки "Рислинга"...

"Известно, что за изнасилование назначают довольно строгое наказание. Пусть пятнадцать лет. Но что означает содержание в исправительной колонии? Преступников там кормят, показывают им в клубах кинофильмы, выдают в библиотеках книги. К тому же сроки содержания под стражей могут уменьшить за хорошее поведение. Считаю такое наказание за изнасилование слишком легким. Какво женщине знать, что негодяй, искалечивший ей жизнь, жив и здоров и еще может быть досрочно отпущен на свободу? А какво об этом знать родителям девочки, над которой надругался негодяй. Пора начать применять более суровые меры. Например, кастрировать (выделено мною. — Е.Д.) насильника, чтобы и он получил по заслугам и чтобы другим неповадно было. Если введут такую меру, то какой-нибудь подонки еще крепко подумает, прежде чем совершить подобное преступление. Мне могут возразить, что эти меры несовместимы с принципами советского гуманизма. А насилие совместимо? Мое мнение: к насильникам нельзя относиться как к обычным преступникам, с ними нужно расправляться без всякой пощады. Очень много говорят о наказании с целью исправления преступника, при этом забывают о возмездии".

Такое письмо под хрестоматийным заголовком "Преступление и наказание" было помещено в газете "Московский комсомолец". Без какого-либо комментария.

Тема эта довольно болезненная и щекотливая, однако к ней часто обращаются журналисты. Так называемая авторская позиция обозначена в этих публикациях, как правило, с плакатной однозначностью: "качать без пощады". И суд определяет кару, а после него...

Мне приходилось знакомиться со многими подобными историями, и, хотя все выглядит на первый взгляд удручаю-

ще похожими, за строчками приговоров — люди разные, судьбы поломанные.

...Эпизоды этого дела (называемые на уголовном жаргоне "картинками") тоже удивительно монотонны и одноцветны, некрасивы и пугающе обыденны.

"В этот же день, примерно в 16.00, когда малолетняя Филатова (фамилия изменена. — Е.Д.) находилась в квартире, ее поочередно изнасиловали..."

"Получив отказ... нанес потерпевшей удар кулаком в живот".

"Присоединившийся к преступной группе подсудимый, применяя насилие... затаячил ее в подвал, раздел и первым совершил насильственный половой акт".

"Все они находились в спальне... Находясь на кухне, он слышал крики девочки, которая просила не бить ее".

"Зажигал спички и подносил их к ее ногам..."

Несмотря на жутковатую схожесть, это "картинки" не одного затянувшегося дня: первый из эпизодов датирован поздней осенью, а последний, двадцать девятый по счету (!), произошел весной следующего года. (Речь лишь о *заксированных* эпизодах; когда же все это началось на самом деле, согласно заключению акушерско-гинекологической экспертизы, "не представляется возможным установить".) Шестиклассницу Таню Филатову насиловали попарно и вдесятером, сырыми вечерами и средь бела дня, в неуютных подвалах и комфортабельных квартирах.

Райцентр Балаковского Саратовской области — городок небольшой, и ухмылистая молва по-провинциальному проворно разнеслась едва ли не по всем кварталам, когда скандальной историей занялась милиция. Хотя подобного сорта случаи, увы, здесь не редкость.

Отец одного из осужденных, пишущий во все инстанции, предупреждал, что у стороннего, не знакомого со всеми обстоятельствами дела человека после беглого прочтения приговора (сорок страниц машинописного текста!) "возникает лишь одна мысль — расстрелять этих подонков мало...". Тем не менее, что написано пером, не вырубить и топором, так, кажется? Тринадцать человек осуждены на сроки от трех до восьми лет. Десятки мужчин, означенные в деле как "неустановленные лица", разгуливают на воле. Многие подростки прошли по делу как свидетели. То есть, в представлении обывателей, отделались страхом.

На первый взгляд представляется, что с преступниками обошлись довольно-таки снисходительно, ведь как-никак жизнь у девочки жестоко искалечена (читать обвинительное заключение спокойно просто нельзя). Что касается правоохранительных органов, то они давно поставили точку в этом непростом деле. Были долгие допросы. Аресты. Были томительные месяцы дополнительного расследования. Был, на-

конец, суд. И он вынес приговор. Единственный документ в уголовном судопроизводстве, который провозглашается "именем государства". "Законность приговора означает, что он как по существу, так и по форме соответствует требованиям законодательства". Все?

Преступление, длившееся несколько месяцев, не вписывается в привычные детективные рамки, а его раскрытие — в киношные стереотипы. Не было ни изнуряющих погонь, ни запутанных версий, ни таинственных телефонных звонков, ни хитрых дактилоскопических экспертиз, ни тем более полночной стрельбы. Все было просто и буднично. Столь же просто и буднично сожительствовали с шестиклассницей Таней Филатовой мальчишки. Живущие по соседству. Учившиеся с ней в одной школе, а то и пришлые, привлеченные приятельскими рассказами о Таниной уступчивости. Эта покладистость, на которую в свое время обращали внимание Таниной мамы и классная руководительница, и соседки, обернулась болезнью. Несколько подростков-соседей, заразившись гонореей, обратились в Балаковский кожвендиспансер и в качестве источника заражения единодушно назвали знакомую школьницу.

...Ребят посадили.

За изнасилование.

Следователь угрызений совести не испытывает. На мой вопрос, спокойно ли, мол, спится, она сердито ответила:

— Мне беспокоиться не о чем. Я взяток никогда не брала. У меня дома стенок да хрусталя нет, стол и стулья...

А я-то имел в виду совсем другое: как-никак не все из осужденных заслужили наказание более внушительное, нежели отцовская порка!

"Она читала мир как роман, а он оказался повестью: соседи по подъезду — парни с прыщавой совестью". Эти строчки известной песни свердловского "Наутилуса" хлестко и точно комментируют "балаковскую" историю. Так же, как и последующие: "Отец, приходя, не находит дверей и плюет в приготовленный ужин. Она старше, чем мать, — он должен стать ее мужем".

Мать была замешана в некрасивой альковной истории с соседом. И соседи рассказывают, что, по уклончивым полупризнаниям девочки, ее первым мужчиной был... собственный отец. Не потому ли она не решалась обратиться за помощью ни к одному из родственников? Не потому ли эта история так чудовищно затянулась?

Из специальной литературы: "Особенно тяжелое влияние оказывают относительно нередкие случаи, когда ребенок не может прервать сексуальные отношения, ни пожаловаться, ни поделиться своими переживаниями".

Таня, девочка некрасивая, "несовременная" (так ее характеризуют учителя), не только не имела *плеча*. Она па-

нически боялась огласки. Подсудимые неоднократно угрожали рассказать ее родителям всю подноготную подъездных забав.

Цитата из приговора: "В самом ведении так называемого графика вступления в половую связь просматривается не что иное, как детская наивность".

Блокнот IV

Может, там, где семья стала прочной основой в мировосприятии младших — на Востоке, допустим, — она и служит лабораторией поведения. Но ждать от молодежи, называемой в своих песнях родителей "сыновьями молчаливых дней", бросающихся в этих же песнях хлесткими приговорами — "твой папа фашист", жалующихся — "мое поколение смотрит вниз", — что она, эта молодежь, станет носить ту же обувь, поправлять те же прически перед зеркалом да еще теми же жестами — наивно!

(Между прочим, о молодежной преступности на Востоке. Полуфеодалная клановость вынуждает огромное число подростков изнурять себя на полях, а элита своих сынков обучает в столицах, и им неведомо, что слово "голод" стало синонимом регионального термина "сезонная безработица".)

В зеркалах повседневности, зачумленных едкими выхлопными газами автомобилей, молодым видятся не их родители, не школьные учителя и даже не собственные любопытные глаза, а только смутные образы желаемого, вроде бы — легко достижимого.

Известные писатели — Белов, Бондарев, Распутин — сетуют на страницах центральной газеты: "Нам думается, что отсутствие у многих молодых стремления к труду вообще и к физическому в частности грозит последствиями непоправимыми". Полно, дело ведь не в этом, а в том, что молодым работы по плечу не дают. Ровесники этих прозаиков, сформировавших осуждающую "тройку", работали во время войны до кровавых мозолей, видели, как у соседних станков рабочие подвешивали себя на парашютных стропях, чтобы не рухнуть наземь от голода и усталости, и это они, сами изнедавшие изнуряющий, на пределе человеческих возможностей труд, не позволяют детям своим, а внукам и подавно, надрываться, берегут их от всякой работы вообще. Говорят, обжегшись на молоке, и на воду дуют... Молодые не желают ждать "светлого будущего", когда мир преступный предлагает им сытный ассортимент благ *здесь и теперь*. Поэтому преступность в стране молодеет. И, наливаясь молодой кровью, становится все неуживее для нищей мили-

ции, страдающей к тому же от коррупции и непрофессионализма.

Известно, шестнадцатилетним море по колено, потому запросто командуют — когда доверено — полками, что не ведают, как это ответственно и сложно. И с другой стороны, когда веры им нет, ранят горячие вены грязными иглами, поскольку, опять же, не понимают, насколько забавы эти страшны и безвозвратны, берутся за ножи — самостоятельность! Отчаянная храбрость и озлобленная тоска также вписываются в поведенческий реестр, как гримасы и жаргон.

На все — мода. Не знаю, как сейчас, но, помню, лет пятнадцать назад завсегда таи "стрита" (отрезок улицы Горького между "трубой" — переходом у "Националя" и "квадратом" — сквером за спиной гранитного Юрия Долгорукого, местом тогдашней тусовки московских хиппи) выдавали себя новым знакомым за матерых наркоманов, порою не являясь таковыми.

Потому что было *модно*. Ходить в липкую июльскую жару опустив рукава, которые должны скрывать кричаще-воспаленный пунктир на исколотых худых руках, намечающий вертикальную дорожку в бессонный ад абстиненции. Модно. Сутулясь, покуривать "косяки", свернутые из газет, в которых было слишком мало правды. Перспектива сверхдозы нас не пугала, поскольку кумиры-то наши уходили из жизни от этих самых сверхдоз под оживленное смакование сенсорных подробностей. Кучерявый Джимми Хендрикс захлебнулся содержимым собственного желудка, а златокудрая Мэрилин Монро и на посмертных снимках столь же привлекательна и многообещающа, как на стерильных простынях экрана...

И ныне — я убежден в этом — баловство наркотиками и низкопробным "нюханьем" есть реакция на социальную ситуацию.

Архив II

Впрочем, так же страшна оборотная сторона медали — прагматизм и скепсис той части молодежи, которая исповедует не наркотическую философию саморазрушения, а агрессивную философию разрушительства. Сейчас во многих технических вузах конкурс попросту отсутствует. А уже дипломированные спецы устраиваются сторожами, свободного времени ради, — чтобы "левачить" в кооперативах.

Время, видите ли, оказывается, деньги! Несостоявшиеся инженеры превращаются в престижных дельцов. Спеку-

лянт — еще с брежневских времен — не звучит ругательством. Выменивать военторговские вещи с армейской символикой на желанные видеокассеты и ношенные куртки не считается у "мальчиков-мажоров" чем-то зазорным. Контр-норма? О, эти не выбривают полголовы и не носят эпатирующие безрукавки черной кожи, усеянные никелированными заклепками. Предпочитают одеваться добротно, элегантно, дорого. Улыбки уверенны. Походки тверды. За каждым, даже ленивым, жестом ощущается нахрапистость и напор. Во всякой фразе — особой пробы достоинство, мерой которой — модель "Жигулей".

Все это я уже видел. Была когда-то популярная песенка "Машины времени":

Ты можешь ходить как запущенный сад,
А можешь — все наголо сбрить,
И то, и другое я видел не раз,
Кого ты хотел удивить?

Собственно, в семнадцатилетних бизнесменах, вершащих многотысячные сделки за столиками нескольких столичных безалкогольных (еще бы! — молодежные как-никак...) кафе, превращенных юными маклерами в деловые клубы, мне удивительна только их уверенность в выбранной цели. Или это тоже маска? Чужая душа — потемки. И все-таки: где, у кого научились они сыто усмехаться и небрежно покручивать ключи от "тачек" холеными пальчиками, украшенными массивными "голдowymi" перстнями? Были, были и у них учителя. И самый последовательный — равнодушие общества.

В нашумевшей ленте "Так жить нельзя" режиссер С.Говорухин вполне отчетливо и аргументированно заявил: в стране многие молодые исповедуют воровские заповеди не вопреки, а благодаря заветам государственных мужей. Режим, установившийся после октября семнадцатого, поощрявший расстрелы детей и стариков из-за их принадлежности к цвету нации, загонявший их в лагеря за несколько унесенных с поля колосков, не мог не вырастить когорты профессиональных доносчиков и палачей. Государство, вставшее на борьбу против богатых, сделавшее всех, почти всех, равно бедными, планировавшее голод в масштабах губерний, разрушавшее собственные храмы, было обречено превратиться в империю зла. Когда доблестью считаются подвиги Павлика Морозова, а в городах, где ни разу не побывал основатель государства, возводятся колоссальные "культовые" сооружения вместо детских больниц и приютов, — воспитание армии проституток и рэкетиров вполне гарантировано. И если на пролетариев приходится почти половина тяжких преступлений, то обоже-ствлять гегемона просто нелепо. А лозунг "Мафия — наш

рулевой" — не вызывает ни усмешки, ни скепсиса. Только страх. Страх осознания.

Несколько лет назад я написал репортаж о пятнадцатилетних фарцовщиках, собиравшихся в сквере напротив готическо-престижного здания МИДа. Мальчики без лишних хлопот перенесли место своих свиданий в другое место Садового кольца. А вот кто действительно был недоволен, так это... работники правоохранительных органов. У них, как выяснилось, и без того забот полон рот. Допускаю. Но вот районные комсомольские оперотряды — ведь это как раз их "контингент". Поясню: несовершеннолетние дельцы выбрали для "стрелок" сквер на Смоленской площади именно потому, что через него проходит *граница* между двумя столичными районами — Ленинским и Киевским. Поэтому-то у двух районных "нянек" без присмотра остались любители модно одеться и подзаработать на моде. И вот что *удивительно*: мне пришлось долго расхлебывать кашу, которую я сам же и заварил. И доказывать, что я не верблюд, выясняя отношения — в том числе и на печатных страницах — с начальником одного из комсомольских штабов, которому правда глаза колола. К сожалению, "деловые" мальчики знают, что те, кто может, по логике вещей, взять их в "оборот", зачастую по сытое горло заняты в бумажно-карьерной сфере и потому холеные руки, привыкшие к по-комсомольски исполнительным аплодисментам, до настоящего дела не доходят.

Так что это вопрос риторический — у кого и как вчерашние школьники, избравшие своим наваристым хобби фарцовку, научились по-хозяйски распахивать двери кабаков и наступательно-уверенно изъясняться с инспекторами ГАИ. А другие — с противоположного полюса асоциальности, презревшие металл алчный во имя анархической независимости, усмешливо отвечать на сердитое негодование ветеранов или нескончаемое брюзжание старушек (которые "бизнесменов"-то вовсе не замечают или расценивают их как чистеньких и славных пареньков) надменным рисунком рано привыкшего к сигарете рта да независимыми взглядами?

Это что же, опять идеологическая диверсия Запада? Тлетворное влияние, так ее растак, буржуазии? Да нет, это, как говаривал Саша Черный, наше милое, близкое, кровное.

И, по-моему, "упакованная" меркантильность сытых фарцовщиков и эпатаж уличных неформалов — от того же лукавого, что и канцелярский формализм и подчеркнутая костюмно-галстучная строгость будущих бюрократов, сделавших беспроектную ставку на браво-ударную работу языком. Слишком долго отцы радовались нелюбопытству детей к их взрослому миру. Потому что сами, думаю, тяго-

тились тем, как и ради чего жили. Истину с фанфарными передовицами газет никак было не свести, потому и молчали малодушно, авось, мол, как-нибудь вырастут да разберутся, что к чему... Не вышло. А теперь время платить по векселям. Удивляться, что у одних кроссовки стоят по восемьсот рублей и они своих девочек радостно подставляют под заезжих любителей платной любви, а другие, вместе опять же с подругами, организуют кровавые нападения на бригады "Скорой помощи" ради пары упаковок с драгоценными ампулами. И никому, никому не верят, даже своим сентиментальным рок-кумирам, горько констатирующим: "Здесь дворы, как колодцы, но нечего пить, если хочешь здесь жить, то умерь свою прыть, научись то бежать, то слегка тормозить, подставляя соседа под вожжи".

Документ III

Из хроники, опубликованной заместителем начальника пресс-службы МВД СССР Юрием Аршеневским:

"В числе тяжких преступлений значительную часть составляют преступления против личности — убийства, изнасилования, умышленные тяжкие телесные повреждения. Особенно они распространены в Свердловской, Иркутской, Московской, Пермской областях, Красноярском крае. Все чаще в МВД СССР поступают сообщения о фактах жестокости, я бы даже сказал — садизма, при совершении имущественных преступлений, в частности при разбойных нападениях. Вызывает тревогу то, что рост преступности сопровождается распространением алкоголизации, наркомании, тушеждства и других негативных явлений, которые активно "подпитывают" уголовную среду.

Растет преступность среди молодежи и подростков. Нередко молодые люди учиняют дебоши, бесчинства, массовые драки, совершают опасные корыстные преступления. Например, в Ленинграде слушалось дело в отношении 20 человек, в основном несовершеннолетних, — ими совершено не менее 40 преступлений, в том числе *убийство отца* одного из соучастников. Там же рассматривалось уголовное дело в отношении группы учащихся СПТУ-146, на "счету" у которых более десяти краж и разбоев, связанных с отравлением потерпевших химическим препаратом, причем активными участниками этих опасных "экспериментов" были девочки-подростки".

Альтернатива II

Я бы не бросал мальчиков и девочек, замеченных в дьянстве или мелком хулиганстве, на беспощадный конвейер комиссий по делам несовершеннолетних, которые за час "разбираются" в десятке судебных. Я бы устраивал для них экскурсии. Без комментариев. Экскурсии в утренние вытрезвители и в принудотделения психбольниц, где лечат наркоманов и преступников, признанных невменяемыми. И еще — в детские колонии. Причем дал бы возможность без контроля взрослых пообщаться со сверстниками-зэками часок-другой. Узнать о подлинной, с ее настоящими запахами, "романтике" зоны. Прикоснуться не исколотыми лиловой татуировкой пальцами к саднящим ранам той войны, что неуправляемо идет в мирное время. И узнать, "с чего начинается Родина". Пусть увиденное не будет похоже "на картинку в твоём букваре", зато подумать, уверен, им будет о чем.

А девочек отдельно, опять же, надо свозить на экскурсию — "на улицу Радио" (так проститутки величают профилактические центры по исследованию "насчет зараженности венболезнями"). И тоже — без последующих лекций и предостережений. Они все знают. Так, во всяком случае, этим девочкам-женщинам кажется. Их, думают они, ничем не удивить. (Каждая пятая проститутка — из криминальной семьи, чуть меньше — из детдомов.)

Если такая экскурсионная терапия не поможет, значит, вся разговорная профилактика ни к чему. Можно, стало быть, на нее не тратить. (И, рада Бога, упразднить комсомол!)

Кстати, о тратах. У нас на гражданина (величайшей по территории державы!) тратится — с момента появления на свет до четвертьвекового юбилея — в среднем 42 тысячи неконвертируемых рублей (в некоторых республиках Средней Азии — всего около 20 тысяч рублей). А наш северный сосед Швеция тратит в 400 раз больше (около 700 тысяч долларов), если пересчитывать валюту по черному курсу.

Блокнот V

Иногда, беседуя с юристами, начинаешь сомневаться: знают ли они вполне определенно, что таится за коротеньким, как обрез, словечком "срок"? Ведают ли, каким инструментом оперируют? Могут ли, пусть на мгновение, поста-

вить себя на место отцов и матерей, детей теряющих безвозвратно?

"Парней правильно наказали". Как будто в угол поставили или оставили без компота, а не перечёркнули будущность бескомпромиссной (в наших условиях) судимостью, унижением каторжного труда, непоправимостью зарешеченных окон, многолетней барачной изоляцией, позором регулярных "шмонов" (обысков), горькой выверенностью ежедневной баланды, унылой чернотой бушлатов, расцвеченных лишь пестрыми бирками (красная — "побегушник", зеленая — "нарушитель режима", желтая — "наркаш"...), сексуальными издевательствами над "опущенными", незаживающим комплексом неполноценности, мучительной оторванностью от дома и общества, переживаемой в юные годы особенно обнаженно.

Та же история с "балаковским изнасилованием".

Недобросовестность следователей стала в последнее время одним из самых популярных объектов критических выступлений печати.

Однако поражает другое.

Я согласен с Вячеславом Дмитриевичем Ермаковым.

Установленный законодательством возраст наступления совершеннолетия предполагает, что с этих восемнадцати лиц должно обладать всеми социальными правами и обязанностями. Однако действующее законодательство содержит ряд ограничений в правах для лиц в возрасте 18—21 года (в частности, в праве быть избранным депутатом, занимать определенные должности и т.п.). Предполагается, что в этом возрасте молодые люди не сформированы полностью в социальном, моральном и физическом отношении, не имеют достаточного жизненного опыта для принятия правильных и разумных решений (из этого исходит Закон). Осознание этого факта в обществе усиливается — прослеживается тенденция к возрастанию ограничений в правах лиц молодого возраста за пределами официально установленного возраста совершеннолетия (например, запрещение продажи спиртных напитков лицам моложе 21 года). Стало быть, необходимо, наверное, внести изменения в уголовное законодательство?

Недопустимо спрашивать с детей по взрослым законам, коль скоро стало уже притчей во языцех: в бедах молодых виновны старшие. И еще раз напомним о фильме Говорухина: пока не состоится нравственный Нюрнберг над теми, кто себя и только себя видел "умом, честью и совестью нашей эпохи", уповать на проповеди бессмысленно!

Возмущение разгневанных соседей: "До сих пор на свободе" — к сожалению, более для нас привычно, чем, скажем, восклицания типа: "За что же все-таки посадили?" Но любой экстремизм в оценках кроваво-опасен. Опасен со-

циально, так же, впрочем, как и подростки, готовые преступить закон. Потому что сопровождается скрытой тенденцией к монополизации морали и истины. Во что подобные тенденции выливаются на фоне общественных изломов (а перестройка таковым, бесспорно, является), мы знаем по горькому опыту полувековой давности.

Архив III

Истории, подобные "балаковской", не редкость. Почта любого центрального издания может назвать несколько подобных адресов. Внимание при этом привлекается всегда, я заметил, к чисто юридическому аспекту. Но, как мне кажется, из поля зрения зачастую выпадают нравственные уроки скандальных изнасилований: почти все участники разборок уродуются социализацией со знаком "минус".

"Что такое хорошо" и "что такое плохо" остаются на местах, но вот "чего можно" и "чего нельзя" — с этим происходит неприятные метаморфозы. Эти мальчики. Эти девочки. Попадают ли они за решетку, в психиатрические больницы или остаются дома — нередко они уже "отрезанные ломти" для общества.

"Рвется ткань". Поэты умеют иногда одной строчкой выразить то, что публицисты излагают на нескольких страницах.

Тем не менее хочу процитировать еще один документ, подготовленный В.Д.Ермаковым: "Необходимо... предусмотреть для суда возможность при определении мер наказания более полно учитывать наличие крайне неблагоприятных условий жизни и воспитания несовершеннолетнего. Как показывает практика, в настоящее время при одной и той же тяжести содеянного, сходных качествах личности подсудимого более строгие меры уголовного наказания чаще всего избираются в отношении тех подростков, которые выросли в худших социально-бытовых условиях, были лишены родительской заботы и внимания".

Ставлю три "восклика" — !!!

"Не давая подростку в 15—16 лет реальной возможности осуществить свои права на труд, трудно ждать от него тщательного, а главное, осознанного и без принуждения, выполнения обязанностей, предписаний и запретов. Учет связи между правами и обязанностями — очень серьезная и настоятельная проблема в воспитании гражданских качеств молодежи".

Аксиома? Да, но для многих, похоже, обернувшаяся коварной теоремой, которую ох как надо еще доказывать!

У нас в *молодых специалистах* ходят многолетние матери и отцы.

Принимал, помню, участие в обсуждении перспектив двадцативосьмилетнего журналиста, претендовавшего на руководящую должность. Всем был он хорош... Всем, кроме возраста, как оказалось.

Молодо — зелено, так, кажется? А еще — каждый сверчок знай свой шесток.

А насчет того, что “молодым везде у нас дорога”? Как во время трудовых семестров по 12 часов в сутки вкалывать на строительстве колхозного коровника — так пожалуйста, а как после окончания всех положенных семестров стать наконец дипломированным командиром производства — так надо подождать, пока виски не засеребрятся?

И если тридцатилетних редакторов молодежных газет знаю нескольких, то вот директоров завода двадцати с лишком что-то не припомню среди своих знакомых.

Страшновато, само собой, доверять тридцатилетним “мальчишкам” большое дело... А то, что двадцатилетние без дела шатаются, — не боязно? Впрочем, рецепт подсказан персонажем покойного Аркадия Райкина: пусть соревнуются, десять замесов в смену, двадцать...

Альтернатива III

Вячеслав ЕРМАКОВ:

— В целях совершенствования специально-профилактических мер борьбы с преступностью несовершеннолетних необходимо законодательно ограничить применение к несовершеннолетним административных и уголовно-правовых мер и методов воздействия.

С этой целью целесообразно:

а) решить вопрос о выводе из системы МВД учреждений, занимающихся предупреждением безнадзорности и правонарушений, а также инспекций по делам несовершеннолетних и приемников-распределителей;

б) максимально сократить основания для постановки детей и подростков на профилактический учет в милиции. Постановка на такой учет должна осуществляться только по соответствующему решению комиссий по делам несовершеннолетних;

в) максимально сократить перечень составов преступлений, уголовная ответственность за которые наступает с 14 лет, сохранив ее лишь для случаев совершения особо тяжких преступлений (умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах, умышленное причинение тяжких телесных повреждений и некоторые другие). По остальным составам

преступлений, уголовная ответственность за которые наступает в 14 лет, установить ее с 16 лет;

г) все материалы о преступлениях и иных нарушениях, совершенных несовершеннолетними в возрасте до 16 лет, рассматривать в комиссии по делам несовершеннолетних или в суде только на основании соответствующих решений общих собраний коллективов, где эти подростки учатся или работают;

д) предложить судам шире использовать при назначении наказания несовершеннолетним за совершение корыстных преступлений обязательное привлечение к труду для возмещения материального ущерба, выплаты штрафа; при определении мер наказания несовершеннолетним, особенно девочкам, имеющим в семье или государственном воспитательном учреждении (детском доме, школе-интернате) крайне неблагоприятные условия жизни и воспитания, не применять меры, связанные с лишением свободы, а направлять их в специальные учебно-воспитательные учреждения.

Предлагаемые меры ориентировочно должны позволить на 70—80 процентов сократить число несовершеннолетних, направляемых в настоящее время в места лишения свободы, и не менее чем на 40—45 процентов сократить контингент подростков, состоящих на профилактическом учете в органах милиции.

Блокнот VI

В свое время мы, чье совершеннолетие пришлось на первую половину семидесятых, вычисляли *своих* "нараз"...

Смотреть на нас, танцующих, по-прежнему смешно и горько. Такое впечатление, что выполняется некая повинность, работа, если не по понуждению, то уж и без особого энтузиазма.

А где улыбчивая расслабленность, смеющаяся раскованность, естественная, как дыхание, и, наконец, осознание собственной нестарости?

Есть!

Есть. В мальчишках, запросто отплясывающих брейк на Арбате, не стесняющихся зрителей, а напротив — тащащихся от обильного внимания.

Мини-экскурс в психологию: "Часто встречающаяся ситуация — вы зашли в кафе и должны сесть за столик, где уже занято одно место. Можете расположиться рядом, напротив или по диагонали. Тем самым вы продемонстрируете, бес- сознательно, незнакомому человеку стратегию своего пове-

дения, соответственно: кооперацию, то есть возможность контакта; конкуренцию или соперничество; полное отсутствие стремления к общению”.

Как бы нам всем расположиться рядом?

Мне жаль своих сверстников, “чувствовавших боль, но снова ставивших себя под плеть”.

И я очень надеюсь на тех, кому ныне по 14—17 лет. Несмотря на удручающую статистику.

Они — такие же. Но — уже смеются в полный голос, но — смотрят вверх и не видят нависшего карниза, но — знают, что дух главнее. Значит, и телу быть здоровым. Что-то вроде этого написано в десятой сатире Ювенала...

**Леонид
Жуховицкий**

КОГДА ЗАЛОЖЕНА ВЗРЫВЧАТКА...

Современному публицисту о национальных проблемах очень трудно писать и практически невозможно не писать. Почему невозможно? Потому что куда от них денешься? Да и есть ли сейчас в мире что-либо важнее? Что ни день, то читаешь или слышишь, или говоришь о них. Полистайте газеты за один только месяц, любой, не выбирая — словно минное поле под ногами: Карабах, Прибалтика, Палестина, Ливан, Ольстер, Намибия, "Память", баскские сепаратисты, сикхские сепаратисты, тамильские сепаратисты, эритрейские сепаратисты, алжирцы во Франции, турки в ФРГ, албанцы в Косово, крымские татары без Крыма, евреи, уезжающие в Израиль, немцы, уезжающие в ФРГ, болгарские мусульмане, уезжающие в Турцию, национальности коренные и прочие, "мигранты", "инородцы", государственные языки... Сколько проблем — и все на боли, на крови, причем не только на той, что течет в жилах, но и той, что растекается по асфальту, вызывая к мести, чтобы породить новую кровь и новую месть.

Почему трудно писать? Тут причины разные. Первая буквально лежит на поверхности: противно вступать в полемику. Дело в том, что клубок национальных проблем не только пропитан кровью, но и обильно полит грязью. Слишком уж много торгующих набилось в храм, слишком несет от них потным духом наживы. Кричат о справедливости, о незыблемых традициях, об исконных правах, рвут рубахи на груди так, что пуговицы в стороны, но при этом точно знают — рубахи окупятся, потому что в фундаменте пыла и гнева — беспроектный коммерческий расчет. Нигде нынче так быстро не сделаешь общественную, да и официальную карьеру, как в борьбе за исконные права. В любой сфере деятельности со специалиста потребуют хотя бы элементарной компетентности и добросовестности. А национальному лидеру, как дареному коню, в зубы не смотрят. Жуликоватый фотограф, врач-взяточник, поэт-неудачник — все сойдут. Черт с ней, с квалификацией, была бы позиция!

Случайно ли на защиту исконных прав вдруг ринулись

пошатнувшиеся партийные и литературные чиновники? Вчера еще отстаивали классовый подход, сегодня с той же яростью — национальный. Да и какая им разница — на все готовы, лишь бы те же задницы в тех же креслах. Суть реальных, тяжких, требующих безусловного решения проблем тонет в гомоне толкучего рынка, в мельтешении торга и обмана. Трудно отличить, кто идеолог, кто наперсточник, да и наперсточник слышней — для него эта атмосфера родная...

Ну а если забыть о корысти, об идеологическом рвачестве, если только об искреннем, истинном, о настоящей многолетней боли?

Тогда — еще трудней.

Гласность обнажила целый гнойник нерешенных вопросов. По счетам культа и застоя приходится платить. О сталинской эпохе говорить нечего — ее увенчал геноцид, поголовная высылка целых народов. Десяти лет хрущевского правления и семнадцати брежневского оказалось недостаточно, чтобы вернуть реальные права крымским татарам и немцам Поволжья. А сколько всякого накопилось в Закавказье, в Прибалтике, в Средней Азии? А в России?

Справедливость, земля и традиции предков, родной язык. Национальные интересы, святыне и бесспорные принципы — кто подвергнет их сомнению? Но почему же святое и бесспорное порождает кровь?

Ни о чем не говорим в последние годы столь много и горячо, как о национальных проблемах, — и что же, распутываются постепенно? Как бы ни так: с каждым месяцем клубок сплетается все хаотичней и безнадежней. Из Карабахского тупика пока не видно выхода. В Ферганской долине внезапный взрыв — и в новое изгнание отправляются уже изгнанные однажды турки-месхетинцы. Много ли времени прошло после событий в восточном Казахстане, в Алма-Ате — а уже в западном Казахстане свои события, и "лица кавказских национальностей" ищут спасения в бегстве. Бурлит Молдавия. В Прибалтике стоят друг против друга фронты, и не так важны их названия и программы, как то, что — фронты, и не приведи Господь, чтобы когда-нибудь они пришли в движение. А ведь ни от глупости, ни от грубости, ни от драки подростков, ни от хамской выходки взрослых подонков никто не застрахован. Словесные окурки летят в пороховой погреб. Пока не взорвалось. А завтра?

Все согласны лишь в одном: национальные проблемы надо решать. Но — как решать? На какие нормы опираться? Из каких принципов исходить? Страстные речи о правах и справедливости ничего не проясняют, скорей, наоборот: одни права сталкиваются с другими, разные справедливости идут друг на друга только что не в ножи.

Примеры? Долго искать не надо.

Взять хотя бы вопрос о языках.

Уж тут, вроде бы, все ясно: каждый народ имеет право на свой язык. И когда республика объявляет коренной язык государственным, то есть для всех жителей обязательным, возражать по меньшей мере неловко. В Литве говорят по-литовски, в Молдавии по-молдавски — а как же иначе?

Но вот конкретная ситуация. Грузинская республика объявляет государственным грузинский язык (русский, официально или практически, остается языком межнационального общения). Резонно? Вполне. Однако в состав Грузии входит Абхазская автономная республика. Абхазы имеют право на свой язык? Кто же решится отрицать! А раз так, не логично ли на территории Абхазии объявить государственным абхазский язык? Вероятно, логично.

Но на той же абхазской территории много армянских поселков. Их жители имеют право на свой язык? И тут ответ очевиден: за что же обездоливать абхазских армян? Пусть и в школе, и в магазине, и в поссовете звучит армянский.

А теперь смотрите, что получается.

Русскому, живущему через реку, в Краснодарском крае, достаточно знать свою родную речь, чтобы быть лояльным, дееспособным гражданином без всяких ограничений и комплексов. А вот абхазскому армянину, чтобы претендовать в родной деревне на должность... ну хотя бы продавца, нужно знать уже четыре языка: межнациональный, два государственных и родной. А если этот продавец, заработав стаж, соберется в институт, ему никак не обойтись без пятого, иностранного. За что же человеку такое принудительное полиглотство?

Увы, не так уж она однозначна, языковая справедливость!

Еще пример: исконное право на землю, на историческую колыбель народа, право, из которого как бы вытекают все привилегии, все преимущества коренных перед пришлыми. Так ли легко это право утвердить или хотя бы убедительно обосновать?

Вся история человечества — история миграций. Все мы странники: еще питекантропа гнали по поверхности земли ледники. В истории любого народа есть и великие кочевья, и бегство от голода, от мора, от грозного соседа, и утеря собственных земель, и захват чужих. Сколько раз на каждой клочке планеты сменялись хозяева!

Взять хотя бы наше Причерноморье. Здесь и тавры, и скифы, и греки, и римляне, и печенеги, и половцы, и гунны, и монголы, и татары, и турки, и румыны, и русские, и украинцы, и немцы. Кто тут только не побывал, кто не оставил в этих степях следы и могилы. Чьи же права исконней? Ответ истории невнятен...

А земли Прибалтики, многократно переходившие от одной власти к другой? А Сибирь, где и до Ермака жили люди, для которых отнюдь не Кучум был иноземным захват-

чиком? Впрочем, и он был "оккупантом" — для тех, кто охотился здесь раньше, кто обживал тайгу в еще докучумовы столетия.

И получается, как ни обидно, что коренной житель — это всего-навсего предпоследний оккупант...

Фазиль Искандер как-то сказал, что земля должна принадлежать тем, кто на ней работает. Думаю, что именно этот простой критерий наиболее жизнеспособен. Во всяком случае, он важнее остальных.

Ну, допустим, можно признать, что давность прописки дает какие-то преимущества (кстати, наши чиновники явочным порядком это уже утвердили — есть срок, после которого временная прописка, перерастает в постоянную, затем еще срок дает право на вступление в кооператив и т.д.), хотя в демократическом государстве такой порядок сомнителен; московская или сочинская прописка превращается в привилегию, передающуюся по наследству, нечто вроде столбового дворянства. Ценность производственного стажа — это понятно. Но требовать плату за то, что родиться тебе довелось здесь, а не в другом месте...

Вероятно, есть много способов решать национальные проблемы. Но ни один из них не должен провоцировать кровь.

К тому же прежде, чем валить все беды на пришлых и непохожих, надо бы учесть специфику нашей страны, где полтора ста наций и где государство веками прогоняло людей сквозь свою мясорубку, не слишком интересуюсь, кто откуда, где едва ли не каждый второй "инородец" и "мигрант". Много ли найдется людей, в которых не попадет дробина такого браконьерского выстрела?

Вспомним, сколько миллионов, попавших под "великий перелом", обвешанных детьми и старухами, мигрировали в болотные и мерзлотные края, да там и осели у свежих могил — инородцы поневоле? А позже, в конце тридцатых, посаженные, сосланные и высланные? А целые народы, переведенные в мигранты одной закорючкой сталинского пера? А мученики войны, те, что из плена в плен? А разнообразие поселенцы сто первого километра? А экономические мигранты в город из разоренной деревни? А обратные, из города в деревню, по призыву властей? А бедняги-лимитчики, условные жители с десятилетним испытательным сроком?

Вот ведь какой список вытянулся — и он наверняка неполон. Так кто же из этих кочевников хоть в чем-нибудь виноват?

За что же ущемлять в правах и достоинстве эти миллионы? И — вопрос невторостепенный — потерпят ли ущемление в правах и достоинстве эти миллионы?

А ведь я еще не сказал о смешанных семьях, которых в нашей стране десятки миллионов. Тоже задача! Чьи нацио-

нальные интересы должен отстаивать, а чьи отринуть человек, выросший из двух корней? Да и есть ли у него возможность выбора? Все равно отыщется патриот почистокровней и в выгодный момент подколется со спины половинчатым происхождением.

Есть, правда, мнение, что во имя удобства и порядка следует хотя бы в будущем ограничить межнациональные браки. Но случайно ли молодых в пору кипения крови так тянет к чужим? Случайно ли даже у растений отдаленное скрещивание дает самое жизнеспособное потомство? А хоть бы на людей это правило и не распространялось — кто выстроит между любящими достаточно прочную стену? По кирпичику разнесут, да еще бросят с ненавистью ревнителям генетической однородности: “Чума на оба ваши дома!”

Не прост и фундаментальный вопрос: что определяет принадлежность человека к нации? Кто определяет, это понятно — чиновник, выписывающий паспорта. А вот что, какие признаки? Происхождение? Кровь?

Зайдите в любую районную библиотеку и окиньте взглядом портреты, висящие на стене. Державин, Крылов, Жуковский, Пушкин, Гоголь, Белинский, Лермонтов, Тургенев, Герцен, Достоевский, Толстой, Чехов, Блок, Маяковский, Есенин, Куприн, Булгаков... Золотой фонд великой литературы, ядро нации.

А теперь попробуйте найти хоть две-три черты, общие для всех этих дорогих лиц. У меня вот не вышло. Зато различий хоть отбавляй. Не надо рыться в фамильных архивах, чтобы разглядеть эфиопские, польские, немецкие, татарские, украинские гены русской культуры. И в музыке то же самое, и в живописи, и в архитектуре. Растрелли и Росси, Глинка и Кюи, Брюллов и Левитан, Куинджи и Айвазовский, Рерих и Врубель... А великая Ахматова, что в ней важней — украинская фамилия, татарский псевдоним или русские стихи?

На Руси много чего было. И монгольское нашествие, и польское, и французское, и немецкое, и свое собственное в те края, где у аборигенов волосы жестки, а глаза раскосы. Все переплавилось, и поди нынче разбери, чьи уши национальней, а брови традиционней. И кто лучше годится в эталон: светловолосый синеглазый Есенин или курчавый горбоносый Шолохов?

Объединяет общая культура? Это, видимо, точнее всего. Но и тут не без оговорок. Иначе получится нелепость: чем образованней человек, тем удаленней он от среднего уровня. И получится, что, например, Аверинцев, кладезь знаний и полиглот, дальше от народа, чем слесарь Вася, делающий четыре фонетические ошибки в одной матерной фразе, ибо все мы, увы, по степени учености ближе к Васе, чем к Аверинцеву.

Место жительства? Но как тогда быть с Герценом, Буниным, Рахманиновым?

Даже такой очевидный признак, как язык, не бесспорен. Пушкинская Татьяна владела французским куда свободнее, чем русским. Или Набоков, как быть с ним: писал "Машеньку" — был русским, а приступил к "Лолите" — переметнулся в англичанство? Вся Америка, и белая, и черная, и смуглая, говорит на одном языке — кто она по национальности?

Похоже, одно только и остается: национальное самосознание. Кем себя человек сознает, тем и является. Но и тут свои сложности. Как проверить, кем сознает? А ну как обманет? Притворится узбеком, а в душе португалец?

Ну что тут станешь делать? Приставить проверяльщиков национальной чистоты? С кадрами затруднений не будет, охотников на должность полно, вон сколько "патриотических" движений орудует, пока что, правда, на общественных началах! Но что такое проверяльщик, мы знаем хорошо — где проверяльщик, там и взятка. Точно по Жванецкому: что охраняешь, то имеешь. Сложно!

Вот и получается, что единственная путеводная звезда, надежно указывающая, чем нам гордиться и что любить, — чиновничья запись в паспорте. Записал гражданин начальник в двадцатые годы таджика узбеком, и будет отныне таджик — узбеком. И дети его. И внуки. И если переедет из Ташкента в Душанбе, все равно останется узбеком, потому что как кошка рождается только от кошки, так и бумажка родится от бумажки. Бюрократическая генетика вольностей не допускает...

А кстати, кому нужна эта запись? Не спрашиваю, зачем, а именно — кому? Ведь кому-то нужна, раз ее столько десятилетий сберегают, если не ошибаюсь, в единственной стране на земле.

Чиновнику нужна, кому же еще. Прямо-таки необходима. Честный отбор по способностям для чиновника губелен, ибо при честном отборе чиновник не у дел. Ну что зависит от бюрократа, когда идет международный шахматный турнир? Да ничего не зависит. Зато пока игра не началась, он король. Ибо может на турнир рекомендовать, а может не рекомендовать. Может оформить, а может и не оформить. И чем больше народу он имеет право не оформить, тем лучезарней его жизнь.

Бумажному человечку нужны люди с минусами, потому что люди с плюсами ничего ему в лапу не дадут. Минусовых; что поумней, он тоже рекомендует и оформит, но в порядке исключения. А исключение денег стоит. Наши старые анкеты столь подробны не только потому, что в страшном сером доме кто-то был в этом позарез заинтересован — в этом был заинтересован любой цивилизный чиновник, вплоть до самых

крохотных. Социальное происхождение, судимость дяди, де-душка в оккупации, тетка за границей — все к месту, ибо именно с этих грядок оформитель и утверждатель собирал свой урожай. И — национальность, конечно же, национальность! Чем больше минусов, тем больше можно сделать исключений.

Кстати, слава богу, что эти исключения все-таки есть. Чтобы поляк Рокоссовский, армянин Баграмян, грузин Леселидзе, еврей Крейзер или крымский татарин Ахмедхан Султан могли во время войны спасти Россию, нужно было, чтобы в мирные годы им не перекрыл доступ к военной науке анкетно-безукоризненный Власов...

Сегодня число анкетных ловушек резко сократилось. Что в этой ситуации делать умному бюрократу? Раздувать значение тех, что остались, что же еще...

Случайно ли обострение национальных проблем совпало с трудной для бюрократа эпохой?

Еще одна больная грань проблемы — почти тюремная невызываемость рубежей нации. Можно войти в новый коллектив, в чужую семью, сменить религию и даже гражданство. А вот нация словно колючей проволокой обнесена, и никакие личные качества тут ничего не меняют.

Неужели Малюта Скуратов или Андрей Жданов были нужнее русскому народу, чем инородец Багратион? Владимир Даль, датчанин, составивший лучший из русских толковых словарей, в наши дни вполне мог бы претендовать хотя бы на премию Ленинского комсомола. Ну а пожелай он взамен всех благ стать русским — взяли бы в компанию? Увы, в таком деле даже Верховный Совет не выручит. Пришлось бы падать в ноги писарю паспортного стола: тот за бутылку датского коньяка произведет хоть в китайцы.

Вот ведь сколько сложностей!

Их количество и уровень позволяют задать вопрос: а может быть, проблема национальных интересов в том виде, как мы их сегодня понимаем, вообще не решаема? Ведь убедились наконец, что никакой Госплан не способен разумно скоординировать работу сотни ведомств, — откуда же уверенность, что возможно уравнение, в котором гармонично улягутся чаяния ста наций?

Это сомнение возникает вовсе не на "кончике пера" — практически всех иллюзий лишает история современности.

Мы, в общем-то, знаем, как возникают национальные (или религиозные) конфликты. Тут материал для изучения богатый: Ольстер, Ливан, Кипр, Шри-Ланка, Страна Басков, Пенджаб, Эритрея, Кашмир... Все это началось десять, двадцать, тридцать лет назад, арабо-израильское противоборство в Палестине уже отпраздновало свой безрадостный сорокалетний юбилей — так что время для анализа было.

Ну а как национальные конфликты кончаются?

Тут, увы, наша замечательная действительность подкидывает куда меньше примеров. Я вот сейчас не могу вспомнить ни единого. Не считать же вариантом решения межплеменную бойню в Биафре! Так что если мерить историю не романтическими несчетными веками, а сроком жизни одного поколения, не будет большой ошибкой сказать, что национальные конфликты практически вообще не кончаются: уже в зародыше их как бы запрограммирован тупик.

Сегодня, в эпоху тотального перетряхивания аксиом, охотно и злорадно отбрасываются интернациональные идеи Маркса и Ленина. К двум этим именам по справедливости надо присоединить и Христа, вероятно, самого радикального интернационалиста в истории человечества, и Магомета, и Будду — все они решительно поставили мировоззрение выше происхождения. Но я думаю, что создатели глобальных учений были в этих вопросах не утопистами, не моралистами и уж тем более не азартными экспериментаторами — скорей уж многоопытными прагматиками: именно практическая нераспутываемость клубка национальных противоречий заставила их искать для многоликого человечества такую модель любви и братства, при которой не было бы обездоленных и обойденных. Ибо рай, куда кому-то от рождения закрыты ворота, уже не рай, а спецраспределитель.

Но то, что интересы народов крайне трудно или вообще нереально привести в гармонию, вовсе не означает, что национальные проблемы можно не решать. Они есть, они болят, давят на все наше общество, и пока мы пытаемся придержать пожар гуманными призывами и общими словами о неотъемлемых правах, толпы людей выходят на улицы и пытаются добиться своего быстро и радикально. Теория вопроса их волнует умеренно, а практика не дает забыть о Степанакерте и Сумгаите, Коканде и Новом Узене, Тбилиси и Баку. Если мы хотим остановить кровь, мало констатировать неэффективность традиционных подходов к делу. Надо искать — и находить — иные подходы, эффективные.

* * *

Если даже хороший человек без конца говорит о собственных заслугах, он быстро теряет свою хорошесть. Хвастливость не только некрасива, она еще и невыгодна самому хвастуну: в нем тут же начинают искать недостатки и, естественно, находят. Словом, самореклама симпатий не вызывает.

Народ в этом смысле, как человек. Чем больше любит себя, тем заметней неприязнь окружающих. Наиболее убедительный и, увы, трагичный эксперимент был поставлен в середине нашего века. Никогда ни один народ не ставился пропагандой так высоко над другими, как немцы при Гитле-

ре, — и никогда ни один народ не вызывал такой всеобщей ненависти, к сожалению, и ныне не изжитой до конца.

А ведь немцы — великий народ, его роль в истории человечества огромна: Гёте — немец, Гегель — немец, Бетховен — немец, и список этот бесконечен. Как же дорого обошлось культурной и гуманной нации грязное клеймо “высшей расы”!

Трудно найти народ, у которого корыстные правители не пытались бы вытравить совесть велеречивыми похвалами. И трудно найти народ, который не спасал бы душу самоиронией. У русского фольклора много прекрасных героев, но ни один не любим так, как наивный и добрый Иванушка-дурачок. Американский кинематограф создал целый полк героев-суперменов — а американский зритель вот уже сколько десятилетий отворачивается от них ради смешного человечка в котелке и с тросточкой, бессмертного Чарли.

Об отечестве ли пекутся иные народолюбцы, которые нахваливают собственную нацию так рыночно-настырно, словно продают ее на вес?

• • •

На какой-то из писательских говорилен заспорили о национальной гордости. Знаменитый драматург Виктор Сергеевич Розов, возражая оппонентам, сказал, что не видит в происхождении повода для гордости. Человек получает национальность при рождении, никакой его личной заслуги в этом нет — чем же гордиться?

Много месяцев спустя этот случай вспомнил театральный критик Любомудров и уличил драматурга в национальной нелояльности: положено гордиться, а он отказывается!

Мне кажется куда более убедительной позиция Розова. Ну вот сам я, например, с какой стати стал бы кичиться записью в паспорте? Да, Христос — еврей, Эйнштейн — еврей, Левитан — еврей, Корчак — еврей. Но какие у меня права на проценты с чужих деяний? Не я дал человечеству Новый Завет, не я создал современную физику, не я сделал фактом мировой живописи русский национальный пейзаж, не я вошел с детьми в газовую камеру.

Но больше, чем логическая, меня интересует психологическая разница в позициях драматурга и критика.

Странное дело: чем меньше доброго делает человек для своего народа, тем, как правило, громче чванится принадлежностью к нему. Впрочем; так ли уж это странно?

Вот хотя бы и в данном случае. Виктору Сергеевичу ни к чему упираться на происхождение — ему и без того хватает, чем гордиться. Ну хотя бы тем, что премьеры его пьес многократно становились общественным событием, что любим народом, что прославил отечественную драматургию за ру-

бежом, что жил по совести и ни разу не предал великую гуманистическую традицию русского искусства. А чем гордиться критику Любомудрову, кроме записи в анкете?

* * *

К какой нации лучше принадлежать — к великой или к малой?

Прежде всего, это зависит от профессии.

Полководцу, политику, писателю, конечно же, лучше к великой. Будь Наполеон гражданином Бельгии или Дании, никогда не собрал бы под свои знамена двенадцать языков, не дошел бы до пирамид и Кремля, не дал бы пятьдесят сражений, не вогнал бы свое имя в многострадальные скрижали Истории. Окажись Сталин или Гитлер правителями Люксембурга, им бы просто не хватило человечины для своих амбициозных экспериментов.

И писателю повезло, если глаголет великому народу. Русский, английский, французский, немецкий литератор с первой строчки сказочно богат: какая традиция, какая школа за спиной, как разработан, как гибок язык! Разумеется, прославиться в великой стране куда трудней — зато можно вполне безбедно прожить и середнячком. Читательская масса не меряна, как тайга в Сибири, и неужто не найдется на твой даже скромный труд тридцать тысяч покупателей? Оттого и избалованы наши писатели, а ленивые разбухшие издательства даже пятнадцатитысячный тираж числят в убыточных. (В Швеции, например, тираж в полторы тысячи, и тот прибылен — правда, там в издательстве, выпускающем тридцать книг в год, трудится один человек, сам себе и директор, и редактор, и вахтер, и курьер, и секретарь парторганизации.)

Писателя же малой нации среди множества дефицитов давит один главный и страшный: дефицит читателя. Конечно, если ты Астрид Линдгрен или Чингиз Айтматов, вполне можешь любить родной язык бескорыстно — твое слово ловит весь мир. А вот литератор средних способностей даже и материально уязвим: его послезавтрашний обед напрямую зависит от того, сколько школяров штудируют сегодня родную словесность.

Зато человеку ординарной специальности лучше принадлежать к малой нации — той, что не указывает человечеству путь в грядущее, не хочет в ближайшее время в корне переустроить планету, не рвется в грозный клуб сверхдержав, не забрасывает в немислимые выси престижную игрушку с собственным гордым гербом. У малых народов нет вассалов, но нет и врагов: ну кому придет в голову ненавидеть швейцарцев, малайцев или либерийцев?

Малые народы живут, чтобы жить, и основная их забо-

та — качество жизни: чистота, довольство, тишина, дружелюбие. Именно небольшие государства получают самые впечатляющие доходы от туризма: жители держав охотно платят солидные деньги, чтобы хоть недолго подышать спокойным воздухом малых стран.

Парадокс второй мировой войны: государства, выбитые жестоким поражением из числа великих — ФРГ, Италия, Япония, — сделали самый большой скачок в подъеме жизненного уровня.

Приятель из Гётеборга как-то сказал мне, что самая крупная историческая удача Швеции — это поражение под Полтавой. Может, он не так уж и не прав?

Для решения глобальной задачи, как правило, требуется сильная армия и покорный народ: великая цель требует великих жертв. Чем же приходится жертвовать нации, идущей к величию?

Свободой мысли, свободой выбора, свободой поступка, короче — свободой личности. Французы при Бонапарте, немцы при Гитлере, китайцы при Мао, мы при Сталине. Сплоченность отары у ворот бойни — не слишком ли высокая плата за величие?

* * *

Межнациональная конфронтация уже давно работает сама на себя. Пишутся статьи, произносятся речи и выдвигаются идеи, практического значения не имеющие, но усиливающие напряженность.

Валентин Распутин написал, что национальная собственность на культуру не может быть отменена. Вне контекста времени и места эту мысль просто не понять. Что имеет в виду писатель?

Преимущественное право нации на собственное культурное наследие? Но как конкретно его реализовать? Что оно значит на практике? Что, русским запрещено любить Шекспира без разрешения англичан? И как конкретно осуществят австрийцы свое право на Моцарта — запретят китайцам его исполнять? И как быть с Пушкиным, оставившим по этому поводу достаточно ясное завещание: "Слух обо мне пройдет по всей Руси великой, и назовет меня всяк сущий в ней язык"? Исключения из языков гений не предусмотрителен. А Аполлинер, французский классик польских кровей — как поделить его между собой две нации, да и есть ли необходимость делить?

Сторонники точки зрения Распутина впоследствии истолковали ее по-разному: дескать, речь идет просто о моральном наследовании национальных духовных богатств. Но и с такой формулировкой согласиться сложно. Ведь получится, что и Мартынов имеет некие преимущественные моральные

права на Лермонтова, а Геббельс на Томаса Манна, Ермилов на Маяковского, а Жданов на Шостаковича, Берия на Тициана Табидзе, а Иуда на Христа.

Нет, духовные ценности нельзя наследовать, как антикварную мебель, столовое серебро или дану в пригороде. Гении, будь то писатели, художники или пророки, обращались не к тем, у кого чистая кровь, а к тем, у кого чистая совесть. Это книжку можно купить, продать и снова купить. А стихи принадлежат тому, кто их носит в памяти и душе.

.

А все-таки, от чего это происходит — ослабление, а иногда и практическое исчезновение национальных языков? Что за этим стоит — сознательная и коварная русификаторская политика центра, заговор неких врагов, еще какая-то злонамеренность?

Думаю, все обстоит хуже, потому что — проще. Современная цивилизация, особенно техническая, не нуждается в разных языках. Единый код общения удобней, дешевле, словом — рациональней. Сам уровень прогресса толкает к унификации. И весь научно-технический мир объясняется хоть косноязычно, но на английском, как все медики планеты употребляют латынь, чтобы рецепт был понятен в любой аптеке земного шара.

Так что в злых намерениях нет никакой нужды: естественный ход событий во имя целесообразности постепенно оттесняет на обочину цивилизации все большее число языков. Это как с архитектурными памятниками: уже давно никто не призывает их крушить — а они рушатся и рушатся сами...

Лет пятнадцать назад, когда вопрос не имел еще нынешней остроты, я спросил умного тридцатилетнего интеллигента, представителя небольшого сибирского народа, почему в их городке и окрестностях почти не осталось национальных школ. Он пожал плечами:

- Родители не отдают детей.
- А ваш где учится?
- В русской. *

Дальше спрашивать было неудобно. Но собеседник сам объяснил:

— Мы много думали... Драма! Народ свой и сын свой. Ну выучит он родной язык, а дальше? Литература у нас молодая, десяток поэтов, ради них не стоит учить язык. А рядом — огромная культура, окно в мир. Я не знаю, чем будет заниматься сын, куда пойдет учиться, где захочет жить. Какое у меня право заранее его ограничивать?

Такая логика вполне может не нравиться, но глупо делать вид, что ее не существует. Никакие чиновники не сумели бы

ликвидировать тысячи национальных школ, если бы родители приводили туда детей. И, боюсь, ни благие призывы, ни даже республиканские законы в корне дела не изменят. Не изменят, пока мы не поймем реальное место языка в нашей жизни.

Язык — часть культуры. А культура не самая доходная сфера человеческой деятельности, прямой и быстрой выгоды она не сулит. Прибыльней продавать водку, чем Тютчева.

Чтобы уцелели архитектурные памятники, надо не искать их врагов, а просто платить: за консервацию, за реставрацию, за уход и охрану. Нужно не ограничиваться "пособием по безработице", а искать им работу, как нашли ее Кремлю и ленинградскому Зимнему, Елоховской церкви и Исаакию, Петродворцу, Михайловскому замку, Кускову и Архангельскому. Видимо, то же самое и с языками: нужно постоянно и конкретно заботиться об их здоровье и силе. И, увы, безропотно нести связанные с этим расходы.

В деньгах эти затраты если и окупятся, то лишь через десятки руки. Значит, надо признать язык самостоятельной ценностью и оплачивать его существование, как оплачивают во всем мире симфоническую музыку, чистоту моря или красоту пейзажа.

Чтобы язык погиб, не нужны враги. Нужно отсутствие друга.

* * *

Напечатали письма Короленко к Луначарскому — страшный и пронзительный документ, вполне логичный шаг в судьбе человека, никогда не отрекавшегося от правды. Но вот читаю в заметках современного одаренного писателя, что после этой публикации он изменил свое отношение к Короленко. Лучше стал о нем думать. Раньше, выходит, Владимир Галактионович не заслуживал...

Несчастен народ, у которого нет героев. Несчастен народ, который нуждается в героях. Ну а народ, который отступается от своих героев?

Герцен спас честь русской демократии, поддержав восставших поляков. Короленко минимум трижды спас честь русской интеллигенции — выйдя из Академии в знак протеста против правительственного произвола и дважды вступившись за невинных людей на позорно сфабрикованных процессах. Уж если кто и заслужил звание совести нации, так это Владимир Галактионович, которого, к слову, даже в школьную программу не ввели, — видно, без совести было спокойней.

Думаю, в любом религиозном государстве Короленко

был бы святым трех религий. Он-то как раз и есть тот праведник, без которого не стоит ни село, ни страна.

Сейчас обычным стало искать в прошлом обидное и разделяющее. Наверное, разумнее, да и просто справедливее искать объединяющее. Когда до этого наконец дойдет, надеюсь, не забудется святое имя русского писателя Короленко.

* * *

Повезло — съездил в Данию.

А вернулся домой — в газетах опять яростная полемика: какая республика больше дает в общий котел и какая оттуда больше тащит.

Важный вопрос, считать все надо, в хозяйстве без этого нельзя. Но ярость-то зачем?

Следим, как на общей кухне, кому что досталось. Жалуемся, скандалим, требуем справедливости, отталкиваем чужую руку от своего сухаря. И за всем этим как-то забывается, что вот уже и делить нам почти нечего, что все роемся в одной и той же нищенской суме.

А в датских витринах колбасы тридцати сортов. И никто не требует закрыть тайные распределители. И никто не интересуется, кто у них кого кормит: Ютландия Зеландию или Зеландия Ютландию. И все улыбки и вежливости.

А у нас, глядишь, скоро и молодежно-целлюлозной колбасы по два двадцать не останется. Какой справедливости будем требовать тогда?

* * *

Как беда не приходит одна, так и национализм недолго остается одиноким. Ненависть, как городской пожар, перекидывается с народа на народ, пока не выгорит дотла все обжитое пространство.

Стоит объявить всего один народ худшим из всех, и готово — побежал огонек по шнуру...

Ведь если есть худшая нация, то есть и вторая от конца, и пятая, и десятая. А какой народ захочет быть предпоследним? Или затерянным в середине списка? Или даже вторым? Все равно ведь останется неискоренимое ощущение неполноценности, обворованности, несправедливости. Горе не только в том, что другой заведомо выше, но и в подлости наследственного права: не один ты, но и дети твои, и внуки, и правнуки никогда не станут вровень с нацией-хозяином, как бы трудолюбивы, честны и человечны они ни были.

Государства, основанные на сословных или национальных привилегиях, всегда гибли: в самой их основе заложена неизбежность развала. В нашей стране, где народов и народ-

ностей больше сотни, национализм — все равно, что факельный танец в пороховом складе.

Из былых времен пришел к нам иронический титул: “умный еврей при губернаторе”. Сколько этой фразе — два века, три? И ведь держится, существует. Видимо, потому, что и сегодня существуют при губернаторах умные евреи.

Как возникла эта формула, догадаться легко: чей-то острый язык дал веселое и точное наименование реально существовавшему амплуа. Всегда была такая должность и едва ли не всегда будет. Во всяком случае, пока есть “губернаторы”, без “умных евреев” им не обойтись.

Ведь губернаторы, как и министры, как и сами цари, только казались всевластными. На самом же деле все они были люди зависимые. Слишком многим должны.

Ведь сколько в губернии, в ведомстве, в державе знатных, богатых, заслуженных! И каждому нужно место и чин. И детей их надо пристраивать. И своих детей грех обездоливать. И родственников. И женину семью. И любовниц обижать не принято. А еще и коллеги кругом: им не удружишь, так ведь и они в ответ не удружат. Словом, тьма-тьмущая персонажей, которых приходится иметь в виду.

Поскольку административно-командная система благодарила, вся эта блатная шатия из века в век занимала сладкие должности и посты. Занимать-то занимала, а как несласлужбу? Тут остается только вздохнуть: как умела, так и несласл. От каждого по способностям. Хотя порой и среди блатных не дураки попадались. Правда, не часто.

Однако ведь и работать кому-то надо! Губернатор это как еще понимал — ведь губерния на плечах! Вот и требовался правителю толковый работник, чтобы было на кого опереться, кто мог бы изо дня в день тащить текучку, пока губернатор занимается неизбежным представительством, кто досконально знал бы дело и не отвлекался на светские обязанности, на приемы и балы.

“Умным евреем” мог работать человек любой национальности — хоть немец, хоть армянин, хоть украинец, хоть русский. Какие знающие, работающие, хитрющие “евреи” были у Петра — Франц Лефорт и Александр Меншиков. Какой воз тащили в упряжке с талантливейшим из русских царей, и еще неизвестно, кто больше напрягался. При Александре I “евреем” работал Сперанский, при Николае I — Бенкендорф, при другом Николае — Столыпин. Нет, не национальность решала.

Но одно качество для “умного еврея” было обязательным: худородство. Знатность категорически не годилась!

Почему? Чего уж понятней — чтобы не претендовал, ни-

когда и ни при каких условиях. Чтобы знал свое место и не мечтал о чужом. Чтобы целиком и полностью зависел от хозяина, как раб, которого после смерти господина с ним вместе кладут в могилу.

Повторяю, национальность умника определяющего значения не имела. И все же не зря в поговорку вошло именно такое словосочетание. Потому что лучше было, чтобы еврей. Кто знает, как дальше сложится — в любом случае с евреем спокойней.

Когда об этом забывают, может получиться нехорошо.

Сталин, самый осмотрительный из тиранов, не забывал никогда.

Если судить по публикациям последних лет, одной из самых значительных фигур в отечественной истории был и поныне здравствующий Каганович. Вроде бы болтался на третьих ролях, а сколько всего успел! И Москву разрушил, и сельское хозяйство развалил, и храм Христа Спасителя, хоть и чужими руками, но загубил наверняка он. Какими только мрачными делами не дирижировал тайно из своего третьего ряда!

Премьер-палач Молотов, предатель Ворошилов, услужливо сдававший органам не только сослуживцев, но и личных друзей, Жданов, Маленков едва различимы в сиянии его преступлений. Даже Ежов, упырь-рекордсмен всех времен и народов, проклинаясь не в пример реже: куда уж Николаю Ивановичу до Лазаря Моисеевича! По неподтвержденным, но соблазнительным данным, самим Сталиным вертел. Вот кто серый кардинал террора, подлинный вдохновитель и организатор всех наших бед!

У Сталина в преисподней хватает оснований усмехаться — есть кому постоять за его посмертную репутацию.

Вот ведь хитроумный диктатор: евреев не любил, властью обладал неограниченной, а знал, что без Кагановича нельзя.

Брежнев не был столь дальновиден, и плоды его бестолковости расхлебываются до сих пор.

Взять хотя бы преступную и постыдную афганскую войну. Сперва робко, потом все громче и громче вопрошаем: кто загнал страну в это кровавое болото, кто ответит за бессмысленную гибель десятков тысяч наших ребят и сотен тысяч афганских крестьян? Не слышно ответа. И нет под рукой подходящего Кагановича, на которого так славно можно было бы списать все костыли и протезы, все похоронки, все цинковые гробы.

Когда рабочие Варшавы вышли на улицы, протестуя против произвола Гомулки, он обвинил в демонстрациях и митингах евреев, подговоривших польский народ, и с помощью этого пируэта удержался у власти. Увы, затем он совершил губительную глупость — выслал практически всех

евреев из страны. Когда через десятилетие возник новый кризис, пришлось стрелять в рабочих, брать на себя ответственность за эту бойню, выметаться из руководящего кабинета и вписываться в историю страны кроваво-грязной строкой.

Загодя надо заботиться об "умном еврее", загодя! В каждом органе власти непременно должен быть свой Каганович.

Если бы у чиновников была совесть, они бы давно скинулись по целковому и на собранные миллионы воздвигли давно заслуженный памятник неизвестному кагановичу, который при всех катаклизмах из эпохи в эпоху исправно спасает их от ответственности перед собственным народом.

* * *

Мне всегда казалось, что знаменитый скульптор Сарра Лебедева — еврейка. Очень уж характерное "анекдотное" имя. А недавно прочел у Анатолия Мариенгофа, ее многолетнего друга:

"Бабушка у Лебедевой донского казачьего рода, не знала грамоты и была яркой антисемиткой, а отец тонким интеллигентом. Вот он, в назидание своей мамаше, и назвал дочку Саррой".

Вот ведь какая история...

И ведь не мог не знать, что любимому ребенку потом не раз затруднит жизнь еврейское имя, что и на ее русскую голову падет тень злобы и вражды. И все же пошел на это, надо думать, не только в назидание мамаше, но и в знак солидарности с гонимыми.

Народ, который так ненавидит национальную нетерпимость, никогда не погибнет: его защитит не оружие, а любовь человечества. Уверен — если русскому народу когда-нибудь придется трудно, в еврейских, татарских, грузинских семьях станут массово рождаться Вани и Дуняши...

* * *

Ну а сам-то я кто?

Нового не придумаю, остается только повторить не мною написанные слова.

Я — русский. По рождению, по языку, по культуре, по литературным пристрастиям, по друзьям, по любви, по впаивности в родную землю, по всему, что создает человеческую душу. Но пока на земле остается хоть один антисемит — я еврей.

Впервые, если не ошибаюсь, написал подобные слова великий польский поэт Юлиан Тувим. Я прочел их у замечательного русского писателя Ильи Эренбурга. Низкий поклон им обоим.

* * *

Когда после Сумгаита в Закавказье ввели войска, моя давняя знакомая, замечательная писательница с женским взрывным характером и мужской требовательностью к собственному ремеслу, возмутилась: опять, в который раз досаду, неприязнь, а то и ненависть с обеих сторон примут на себя ярославские и курские мальчишки в шинелях.

Я сказал, что тут уж никуда не денешься, обязанности "старшего брата" — не допускать же резню.

Она бросила в сердцах:

— Нет уж, хватит! Не хочу быть старшим братом! Пусть сами разбираются в своих делах...

Но не женское раздражение движет полками — курносые солдатики остались там, где костер национальной вражды никак не выгорит дотла, потому что с разных сторон летят в него то сухое полено, то мазутная тряпка, то свернутая жгутом газета, полная обидных, несправедливых к соседу слов.

Но вот новый взрыв, по другую сторону самого большого в мире озера, взрыв, внезапной жестокостью затмивший все, случившееся прежде, трагедия турок-месхетинцев и — не рисковать же детьми — второе изгнание. Куда теперь? Где примут беженца?

Теперь — в Центральную Россию.

Климат не тот, условия не те, природа не та, но хоть живы будут.

Конечно, любой другой народ — и украинцы, и казахи, и белорусы, и те же узбеки в районах, тронутых националистическим безумием, — с охотой дал бы кров и хлеб пострадавшим. Но случайно ли дважды беженцам первыми вспомнились русские?

И случайно ли во многих случаях, когда небольшие национальные образования считают себя обиженными, их жители требуют вплоть до кардинального решения вопроса передать их в Российскую Федерацию?

В последние годы в связи с обострением национальных отношений и особой болезненностью связанных с ними тем, звание старшего брата разными способами осмеивается и отвергается. И сам старший брат в лице своей совестливой интеллигенции охотно ниспровергает или вышучивает сам себя: мол, никакой он не старший, как все, так и он, все одного возраста. Так рекордсмен мира по штанге на встрече с болельщиками скромно уверяет, что ничего особенного в его рекордах нет, в принципе, так может каждый, надо только регулярно ходить в спортзал и слушаться тренера.

Увы, даже президент имеет право подать в отставку, но вот старший брат — нет. Вовсе не обязательно он самый богатый, или умный, или образованный, или лучший. Он про-

сто старший, так получилось. И за все неполадки в доме ругают именно его. И требуют с него. И винят его. Самый виноватый из братьев. Отнюдь не сладкая должность, но — пожизненная. Ни средним, ни младшим, как ни старайся, не стать. И никакие словесные игры тут ничего не изменят.

* * *

Всерьез разобраться в клубке наших национальных проблем невозможно, если не определить реальное положение среди ста с лишним народов самого из них многочисленного — русского.

Здесь опять возникает терминологическая проблема. В последнее время, чтобы никого не ущемить неосторожным словом, малые народы переименовали в малочисленные, а русский — в многочисленный. Вот и я употребил этот дипломатичный термин. Но уж больно искусственно он пока что звучит. Не плодим ли мы во имя благородной идеи равенства некое лингвистическое лицемерие? Насколько я понимаю, пяти североамериканским озерам титул Великих никаких привилегий не дает, а Тихий океан мы тоже называем Великим вовсе не для того, чтобы унизить Атлантический и Северный Ледовитый. И от того, что в Совете Безопасности постоянно заседают пять великих держав, ни Швейцария, ни Дания материального ущерба не несут. Может, пусть уж за русским народом, как и за американским, или китайским, или индийским, остается его привычное определение?

Понять роль и проблемы великого народа надо по многим причинам, в частности и по той, что в эпоху гласности рывком вышло на поверхность и довольно быстро наращивает мускулы такое ранее официально не замечавшееся явление, как русофобия.

Говорить о русофобии очень непросто, тем более что о ней сейчас вовсю звонят мифотворцы из "Молодой гвардии", "Нашего современника" и родственных им контор. Разумеется, и причины мгновенно найдены: всемирный заговор, козни понятно чьи, везде одни масоны. Но анализировать эту версию вряд ли есть смысл: в наше время коварный зарубеж, включая всемогущий Уолл-стрит и хитроумный Тель-Авив, слишком явно демонстрирует откровенную симпатию ко всему российскому, от государственных лидеров до авангардной живописи. Как раз за бугром отношение к России, еще недавно в лучшем случае враждебно-настороженное, резко повернуло в сторону любви. Увы, русофобия, как и большинство наших напастей, беда доморощенная.

Хотелось бы сказать, что ее нет, что это, мол, корыстная выдумка национал-коммерсантов. Увы — есть. Выражается она по-разному — и в речах на митингах, и в лозунгах на демонстрациях, и в газетных статьях, и в надписях на заборах. А главное, в той растущей центробежности, в том отталкива-

нии от центра, которое все заметнее. А что такое центр? Этот эвфемизм слишком легко расширявается...

Неприязнь к малому (простите — малочисленному) народу всегда считалась проявлением непорядочности, попросту подлостью. Неприязнь к великому народу столь решительно осуждать не принято. Видимо, тут сказывается инстинктивное человеческое благородство: так при уличной драке толпа сразу же принимает сторону малыша против верзилы, даже не пытаясь разобраться, кто из них начал и кто виноват по существу.

Ущемление малого народа у всякого честного человека вызывает однозначную реакцию — защищать. Ущемление великого народа... Да полно, актуальна ли тема? Кто стремится и, тем более, кто способен ущемить великий народ?

Никто не способен. Никто и не ущемляет.

Но "народ" — одно из тех масштабных понятий, что сплошь и рядом мешают нам понимать человеческую суть вещей. Да, великий народ вполне защищен своим величием. Но для миллионов русских людей, как живущих в пределах своего исторического гнезда, так и волей собственной, чужой или случая заброшенных далеко от Нечерноземья, это величие выглядит достаточно абстрактно. Ни метра жилья, ни килограмма мяса оно не дает, а в иноязычной среде никак не охраняет — там они мигранты, инородцы, пришлые, чужаки, нацмены. А всякий представитель меньшинства, будь он нивх или русский, нуждается в понимании и защите.

Русские люди, разбросанные по огромной стране, существуют, как все вокруг, иногда чуть лучше, иногда чуть хуже. Никаких преимуществ запись в паспорте им не дает. Кто-то добирается до кабинета и персональной "Волги", кто-то встречает старость в бараке, в общежитии, в конуре, сварганенной наспех из того, что оказалось под рукой. Живут, как умеют, как позволяют обстоятельства. В подавляющем своем большинстве они ни у кого в долг не брали, кормятся только трудом — но именно им предъявляют нынче к оплате давно просроченные имперские, сталинские, брежневские векселя.

История страны, занимающей шестую часть суши, сложна: есть страницы славные, есть бесславные, есть и просто позорные. Держава складывалась веками, и ведущим методом расширения империи было, увы, не добровольное присоединение. Честная переоценка истории необходима — отношения народов нельзя строить на лжи. Но сегодня главную роль в этой деятельности играют, к сожалению, не историки. И пресловутая "ярость масс" то и дело направляется не на тех, кто виновен, а на тех, кто доступен. С царских воевод или сталинских прокуроров не спросишь — и счета швыряют на стол их потомкам и соплеменникам, не утруждая себя доказательствами наследования ответственности.

В чем же виноваты представители великой нации, мирно живущие среди наций малых?

Попробую спокойно проанализировать наиболее распространенные обвинения.

Оккупанты — это главная вина. Давно или недавно русские расселились на землях, принадлежащих разным народам, и стали там многочисленным меньшинством, а где-то уже и большинством. Культура, язык, традиции, просто быт прежних хозяев существенно страдают, накапливается вполне понятное раздражение, даже озлобленность.

Но может ли за оккупацию отвечать народ, сам живущий в оккупации, народ, который за сотни лет своей истории насчитает всего несколько временных клочков даже относительной демократии? Еще сто тридцать лет назад в России было официальное, законом оформленное рабство (основные территориальные приобретения были сделаны царями именно при крепостничестве). Еще тридцать лет назад крестьяне не имели паспортов — то же рабство, только лицемерное. Какое предствление о справедливости позволяет возлагать на раба провинности рабовладельца?

Целыми семьями, а то и целыми селами помещики переселяли крестьян на новые места. Хотели те на чужбину? Да кто их спрашивал! В более близкие к нам времена несчастное Нечерноземье давилось и ломалось, пожалуй, посильней, чем иная окраина. И не корысть гнала крестьян из ограбленных деревень на любые стройки, куда вербуют.

Да, сегодня русские в Советском Союзе где только не живут. Но вина их в том не больше, чем вина немцев, разбросанных нынче по Средней Азии, татар, депортированных из Крыма, украинцев, решением сверху переселенных туда после войны, эстонцев, укоренившихся в Абхазии, евреев и армян, рассеянных и по всей стране, и по всей земле.

У миграции множество причин, и большинство из них не заслуживает даже малого укора. Кстати, в разные времена многие правители европейских и не европейских стран настоятельно приглашали, а то и силой завозили чужаков по той простой причине, что каждый толковый иноземец — это новые ремесла и знания, новые руки и мозги. Конечно же, массовая ведомственная миграция, разрушающая сложившийся быт, оттесняющая коренную культуру, в том числе и культуру труда, воспринимается крайне болезненно. И все-таки, прежде чем требовать жесткой или мягкой депортации мигрантов, не худо бы спокойно поглядеть, что, кроме чужого языка и шокирующих манер, принесли с собой хоть и званые, но нелюбимые гости. "Почему мы должны строить для них дома?" — возмущенно спросила меня приятельница из красивого прибалтийского города. Но парадокс был в том, что дома строили именно "они" — как раз для этого завезенные лимитчики. Потому и вербовали их в соседней рос-

сийской области, что местные жители на низкооплачиваемую, грязную, непрестижную работу не шли.

Впрочем, грех корить за это прибалтов — а кто лучше? И в Москве, и в Ленинграде, и в Киеве возводят жилье те же лимитчики, экономические крепостные, которых заманивают будущей пропиской и норовят в последний момент под любым предлогом ее не дать.

Бесправная, беспощадно эксплуатируемая "лимит" — позор нашей эпохи и нашей системы. Но это проблема экономическая. Честно ли превращать ее в национальную?

Еще одно серьезное обвинение — русификация. Была она? Да, конечно, была! Все империи старались в той или иной степени переварить проглоченные куски, и Российская не отставала. Но имперские интересы всегда были делом чиновничества. Народ же жил по законам человеческого — присматривались, ссорились, учились друг у друга, дружились, рождались. И чем теснее сплетались судьбы народов и людей, тем решительней русские интеллигенты, рабочие и хлебопашцы защищали друзей и соседей от русского же чиновника.

Говорят, что русских на чужие земли влечет выгода, лезут туда, где лучше с колбасой, без сожаления бросая обнищавшую родину. Не патриоты! Вместо того чтобы поднимать свою Псковщину или Смоленщину, тянутся к относительно благополучным магазинам Прибалтики.

Да, Таллинн сытнее Пскова. Но как объяснить, что русских переселенцев куда больше, чем в уютной Эстонии, в краях не столь благодатных — в Якутии и Эвенкии, на Колыме и на Печоре, на Чукотке, Камчатке, в то жаркой, то бурной казахской степи? Сейчас малые народы по страничке собирают свою историю, осмысливают пришедшие из старины традиции. Но ведь и у великих народов свои традиции, хорошие ли, плохие, но глубоко впечатанные в национальный характер. У русского человека понятие родины не такое, как у литовца или кабардинца. Недаром публицистам пришлось вводить в обиход дополнительный термин — "малая родина". Еще сотни лет назад тех же псковских, смоленских или рязанских крестьян переселяли, продавали, "сажали" на земли, бесконечно далекие от "малой родины". Хотят ли ехать, никто не спрашивал. И выжить можно было лишь в одном случае: если к навязанной земле отнестись, как к родной. И не случайно чуть не во всем мире слово "Сибирь" произносили со страхом — место заключения и ссылки, а в очень популярной некогда песне Лещенко "Чубчик" с вызовом пелось: "А я Сибири, Сибири не боюсь, Сибирь ведь тоже русская земля"...

Одно из самых серьезных обвинений "старшему брату" — языковая экспансия, утеснение национальных языков. Это не история, это и сегодня болит. В большинстве респуб-

лик, союзных и автономных, резко сократилось число национальных школ, национальные литературы теряют базу, миллионы людей у себя на родине становятся чем-то вроде эмигрантов: их язык, традиция, культура теряют цену, родной дом становится как бы гостиницей, да еще не сразу и разберешь, кто в ней гость.

Любое административное насилие над языком — преступление, тут двух мнений быть не может. И аппаратное насаждение русскоязычия, естественно, не могло не вызвать ничего, кроме отвращения, в том числе и у русской интеллигенции. Но сложность проблемы в том, что языковая экспансия бывает по меньшей мере двух родов.

Есть экспансия имперская, порой наглая; порой лицемерная, но в любом случае имеющая целью насильственную ассимиляцию. И есть иная, за которую не отвечают ни цари, ни Сталин, ни Суслов. За эту экспансию русского языка целиком и полностью отвечают Пушкин и Блок, Толстой и Достоевский, Чехов и Булгаков, Есенин и Пастернак. Распространение по миру великих культур и великих языков — процесс объективный и неизбежный. Ладно, пусть русификация на совести чиновников, сапогом внедрявших свой язык в чужую почву. Ну а, например, в восьмисотмиллионной Индии шестнадцать великих языков, шестьдесят четыре больших и несчетное количество малых. А страна, вот уже сорок лет свободная, до сих пор объясняется на языке бывших колонизаторов — английском. Почему? Да, наверное, как раз потому, что в ней шестнадцать великих языков и шестьдесят четыре больших. Ведь ежедневно и ежечасно надо как-то понимать друг друга, иначе и в промышленности, и в торговле, и вообще в жизни неминуем развал. А почему английский, почему, например, не хинди, не урду, не бенгали? Тут, видимо, срабатывает целесообразность. Во-первых, те языки еще надо учить, а этим хоть как-то, но владеет вся страна. А во-вторых, у английского шире сфера применения в мире: с ним можно прожить не только в Бенгалии или Пенджабе, но и в США, в Японии, в Швеции, даже у нас можно. Очень может статься, что любой из шестнадцати великих индийских богаче английского, но — так сложилось...

Обязан ли русский народ делить с чиновниками вину за имперскую экспансию? Если он за что и должен отвечать, так это за Толстого и Есенина.

Между тем прежнее расплывчатое понятие "начальство" сегодня все чаще заменяется терминами более направленными: центр, Москва, а то и просто русские — русские навязали, русские принесли. Это вызывает раздраженное противодействие, не лишенное обоснованности: ведь аппарат многонационален, а точнее — вненационален. Вот и на последнем Съезде народных депутатов один из них возмущенно заявил, что русский народ не обязан отвечать за преступле-

ния грузин Джугашвили и Берии, армянина Микояна, еврея Кагановича. Все сказанное верно. Верно — но до чего же мы докатились! Ладно, за этих русские не отвечают. А за Молотова, Жданова, Ежова, Шверника, Шкирятова, Абакумова, Брежнева, Суслова, Устинова, Романова, Медунова, Чурбанова? За них, что, должны отвечать?

Во все времена у всех разумных народов палачей и стукачей справедливо считали выродками — они вне нации. И Гитлер не немец, и Сталин не грузин, и Ежов не русский. Вот Сахаров — он русский.

У всякого народа, как у всякого человека, есть свои недостатки. Но многовековая тяжелая история выработала у русских немало замечательных качеств: отзывчивость, надежность и вообще глубокую порядочность в личных отношениях — при официальном самовластии, холуйстве и лицемерии без этой порядочности нация просто не смогла бы выжить. В условиях, когда законы были или уродливы, или подлы, или постоянно нарушались, громадное значение приобретала совесть. Не случайно именно в России о почитаемом человеке до сих пор никогда не скажут — живет по закону; нет, ему дадут иную, высочайшую характеристику — живет по совести!

И уж совсем поразительное явление — русская интеллигенция. Едва приобретя крохотную, ненадежную, ничем не охраняемую и притом лишь чисто нравственную независимость от режима, она встала против своего же чиновника в защиту утесняемого инородца. Попробуйте назвать хоть один малый народ, в поддержку которого не выступил русский интеллигент, пусть даже в одиночку. Попробуйте назвать страну, где бы к своим националистам относились с таким безразличным презрением, как в России.

Мне кажется, долг чести интеллигента любой национальности отстаивать интересы русского меньшинства везде, где они ущемляются, так же открыто и непримиримо, как боролись за интересы меньшинств в России Герцен, Короленко, Паустовский и Сахаров.

...

Всю страну обошли мутные кадры залежавшейся кинохроники: взрыв храма Христа Спасителя. И миллионы людей у экранов замирали от горечи, тошнотливого ужаса и стыдного любопытства — так вот как все произошло... А потом вопросы и вопросы: почему, зачем, как стал возможен этот варварский акт?

Между тем современникам взрыва акт этот варварским не казался, его встретили скорей с оптимизмом — вот и еще одна площадка освободилась под стройки солнечного будущего, да и опiums для народа в стране поубавится. В ту пору

в Москве хватало ученых и художников с мировыми именами, но их протестующие голоса в истории не зафиксированы; тревожились, да и то умеренно, лишь о росписях Врубеля.

Как стало известно из недавних публикаций, под ту же секиру прогресса едва не угодил и собор Василия Блаженного. В послевоенные годы “выдающиеся” русские архитекторы и градостроители вполне конструктивно обсуждали “интересный и смелый” проект превращения Красной площади в проспект: храм Покрова, как, впрочем, и Исторический музей, предполагалось убрать, чтобы не мешали танковым колоннам и демонстрациям трудящихся.

Будем справедливы к равнодушным свидетелям взрыва близ Москвы-реки — для этого безразличия были некоторые резоны. К тому моменту за церковь накопилось порядочно нравственных грехов — слишком долго и безропотно служила она мирской власти, режиму жестокому, корыстному, да еще и бездарному. Против крепостничества не восстала, казни не остановила, войнам не противилась, а среди русских литераторов для публичного поношения выбрала не Булгарина, не Греча, не Суворина — выбрала, к сожалению, Льва Николаевича Толстого. Не случайно наша классика от Пушкина до Есенина не раз весьма критически отзывалась о духовном департаменте державы. И трудно не согласиться с суждением Александра Исаевича Солженицына из письма патриарху Пимену: “Изучение русской истории последних веков убеждает, что вся она потекла бы несравненно человечнее и взаимосогласнее, если бы Церковь не отреклась от своей самостоятельности...”

Да и сам храм у реки вызывал нарекания. Деньги на него собирал народ, а вот проект утверждал царь, и выбрал не лучший, вернее, лучший для себя, наиболее полно выражавший не духовную, а государственную идею. Кстати, для огромного сооружения тоже освобождали площадку: снесли церковь, меньшую по размерам, но, как говорят знатоки, куда более ценную исторически и художественно.

Словом, у недалеких наших предков были основания не ужасаться гибели самой крупной из московских церквей.

Ужасаемся мы, крепкие задним умом, уже знающие, чем оборачивается в будущем разрушение храма.

Не случайно сегодня даже самые закоренелые атеисты практически едины в защите достоинства всех существующих религий. Хороши храмы или не слишком — пусть стоят! Пусть подновляется кладка, освежаются выцветшие краски, заменяется прохудившаяся кровля — пусть живут своей жизнью пристанища всех без изъятия верований. А если что уж вконец обветшает, пусть тихо умирает естественной смертью, без палаческой помощи тротила и бикфордова шнура.

Мне кажется, нечто подобное наивному бесчинству тридцатых годов надвигается на нашу страну и сейчас.

Слова "интернационализм", "дружба народов" стали только что не ругательствами, без издевки их редко кто рискнет произнести. Порой кажется — доломать бы скорей эту дружбу, а уж все прочее, от колготок до колбас, появится само собой...

Что говорить — тоталитарная власть десятилетиями похабила все, к чему ни прикасалась. Даже дружба народов именовалась "сталинской" в честь лицемера и палача. Что только ни оправдывалось этой "дружбой", — разорение России, смертный голод на Украине и в Молдавии, массовая депортация литовцев, латышей и эстонцев в таежно-снежные края, подлая высылка "на вечное поселение" народов Кавказа, немцев и крымских татар, безграмотное и хамское вмешательство ждановых и сусловых в жизнь национальных культур — все это было, и все это не забудется. Но так ли мы боимся, чтобы сжигать дом, в котором переночевали бандиты?

Миллионы людей погибли за химеру прежде, чем большинство народов поняло, что альтернатива единству не рознь, а смерть. И проблемы планеты решают объединенные нации. Национальные культуры — лучшее, что создано человечеством на земле. Но лучшее, что создано национальными культурами, — осознание необходимости человеческого братства.

Братство народов тоже храм. Он строился не полвека, а много веков, строился на народные деньги и, к сожалению, на народных костях. У нас он сейчас в опасности: уже поставлен вокруг заляпанный краской временный забор, заложена взрывчатка, протянуты те самые шнуры, и азартные изрывники уже чиркают веселыми спичками...

Неужели лишь на развалинах собственных жилищ, среди разора и крови предстоит нам еще раз узнать, чем платит неразумный человек за разрушение храма? Злоба, как камень, брошенный в небо, всегда возвращается к тому, кто ее породил. Тот, кто прицелится в соседа, выстрелит в собственного ребенка.

Вячеслав Костиков

ЗАГАДКА "КУРСКОГО СОЛОВЬЯ"

В этом году в издательстве "Международные отношения" выходит книга Вячеслава Костикова "Не будем проклинать изгнание" — волнующий и честный рассказ о путях и судьбах русской эмиграции, о борьбе русского зарубежья за сохранение национальной культуры и достоинства.

Автор книги более 12 лет прожил в Париже, работая в Секретариате ЮНЕСКО. На протяжении всех этих лет он собирал материалы о жизни русских людей, волею судьбы оказавшихся за пределами Родины. Его перу принадлежат несколько повестей и романов, в том числе пока еще не изданный роман о жизни интеллигенции "Диссонанс Сирина". Читателям Вячеслав Костиков более известен как публицист (он лауреат премии "Огонька" по разделу публицистики за 1989 год).

Книга "Не будем проклинать изгнание", впитавшая в себя большой документальный материал, написана в форме увлекательных эссе. Мы предлагаем читателям одну из глав, посвященную удивительной и вместе с тем трагичной судьбе знаменитой русской певицы Надежды Васильевны Плевицкой, оказавшейся, как и многие деятели русской культуры, в эмиграции. В дореволюционной России ее называли "курский соловей". Так, в частности, звал ее император Николай II, высоко ценивший ее пение.

Сентябрь один из самых благодатных месяцев во Франции. Уже спала августовская жара. Но дни, вечера и даже ночи еще теплы, без той изнуряющей духоты, которая обрушивается на города к закату лета. До октябрьских дождей еще далеко, но воздух уже дышит ночными туманами, запахами поздних трав и первых пожухлых в предчувствии близкой осени листьев.

В один из тихих позднесентябрьских дней из ворот каменной тюрьмы города Ренна, построенной еще во времена Наполеона III, двое служащих, одетых в серые просторные рубахи — так что их с большим трудом можно было отличить от заключенных этого почтенного, более похожего на крепость, нежели на тюрьму, заведения, выкатили двухколесную повозку, на которой веревками крест накрест был укреплен простой, из некрашенных досок, гроб. Повернув направо, вдоль высокой из почерневшего ракушечника сте-

ны, повозка, не спеша, вздрагивая на булыжной мостовой, двинулась по направлению к городскому кладбищу. Помимо служащих, кативших повозку, за печальной процессией шла лишь надзирательница — таков был обычай недавней старины: в случае смерти заключенного надзирателю надлежало провожать его до последнего земного порога — до могилы.

Теперь город разросся, и городская тюрьма и кладбище неподалеку находятся чуть ли не в центре Ренна. Но до и в первые годы после войны Ренн, хотя и числился среди крупных городов Франции, представлял собой довольно тихий провинциальный городок. Тюрьма и кладбище располагались почти на окраине.

Кладбищенский служащий, от нечего делать выглянувший посмотреть на печальную процессию, пошел было вслед за ней, но потом раздумал и, сказав, где хоронить, поплелся назад к своей дежурной сторожке у кладбищенских ворот. На своем веку он повидал множество похорон — и пышных, по высшему разряду, с дубовыми гробами, с десятками венков, с толпой почетных провожающих, и скорбно убогих, нищенских.

В нынешней похоронной процессии, если так можно было назвать это унылое шествие из трех человек, его удивило разве что отсутствие священника. Впрочем, наступили времена, когда стало не до обычаев, а тем более не до ритуалов. Конечно, новую войну никак невозможно было сравнить с Великой войной 1914 года, недаром же нынешнюю называли в газетах "странной". Теперь военные действия и вовсе прекратились. Жизнь медленно и сонно влачила свои дни под оккупацией. Шел сентябрь 1940 года.

В этот день, 24 сентября, у северной стены кладбища, входящей по иронической воле случая на улицу Свободы, в общей могиле была захоронена умершая тремя днями ранее заключенная под номером 9202. Никто из хоронивших не знал ни ее имени, ни тем более не ведал о ее судьбе. Лишь провожавшая арестантский гроб надзирательница слышала, что умершая женщина — русская и что некогда она была артисткой. Звали ее Надежда Винникова.

Среди эмигрантских судеб есть такие, которые, казалось, испробовали на себе все удары и разочарования жизни на чужбине, все взлеты и падения, все ее надежды и утраты, всю ее преданность и предательство. Одной из таких жизней, оказавшейся волею судьбы (и волею истории тоже) как бы на перекрестке эмигрантских дорог, является жизнь Надежды Васильевны Винниковой, больше известной, впрочем, под фамилией Плевицкая.

Когда-то ее имя ставили рядом с именами великих русских певцов Шаляпина и Собинова. Ее слава, по крайней ме-

ре в России, была почти безгранична. Ее голосом наслаждались и великие князья и простые рабочие, она приводила в восторг русских интеллигентов и "господ офицеров". Ее слушал Николай II и, как гласит легенда, уже при жизни окружавшая эту знаменитую исполнительницу русских песен и романсов, именно он после концерта в Царском Селе назвал ее "курским соловьем". С тех пор это прозвище летело за ней повсюду, куда бы ни забрасывала ее судьба. Осталось оно за ней и в эмиграции, где Плевичка продолжала петь для русских изгнанников, и слезы на глазах публики во время ее концертов были не только проявлением восторга, но, может быть, в большей степени слезами тоски по утраченному отечеству.

Надежда Васильевна Винникова родилась 17 сентября 1884 года в деревне Винниково Курской губернии. У родителей уже было трое дочерей, названных добрыми крестьянскими именами Дуня, Настя, Маша. В день рождения нашей героини по православному календарю отмечали мучениц Веру, Надежду, Любовь и Софию.

Жизнь была трудной. В деревне всегда много работы — с утра до заката — особенно в летний сезон. Родители и старшие дети — в поле, младшие пасли коров, стерегли гусей, драли крапиву под заборами для запаривания свиньям, бегали в лес по ягоды. Веры было много — об этом прилежно заботился сельский дьячок, а вот была ли надежда на лучшую жизнь? Новорожденную окрестили Надеждой.

Впрочем, так девочку никто и не звал. В деревнях приняты были короткие имена, а более того — прозвища. Надежду все окликали Дежкой. И никто не предполагал, что судьба отмерит этой простой, с грубоватым крестьянским лицом девушке такую судьбу, в которой достанет места не только любви, вере, надежде, но и страданию, терпению, отчаянию — в сущности, всему, что ниспослал человеку наш изломанный, трудный век.

Жизнь Дежки складывалась обыкновенно, как у тысяч ее сверстниц, родившихся в крестьянских семьях. Работа от зари до зари, простой крестьянский быт и столь же простые сельские радости: народные песни по вечерам, хороводы и гулянья под гармошку в дни редких праздников. И, конечно, церковь — первое приобщение к таинству духа и через нее же — к красоте. Ибо путешествия, особенно для крестьянских детей, были не в обычаях тех лет. Редко кому, разве что зажиточным крестьянам, прирабатывавшим лишнюю копейчку торговлишкой, удавалось выбраться за пределы волости, побывать в городах. Церковь в те годы для подавляющего большинства деревенских жителей была и музеем, и школой пения, и школой жизни, основанной на десяти заповедях.

Дежка бегала в деревенскую церковь не только потому, что ее влек блеск крашенного "под золото" иконостаса, таинственное мерцание масляных лампад перед ликами святых и пророков; более всего ее привлекало пение. Подпевая церковному хору, она впервые, даже без удивления — настолько это казалось ей естественным — поняла, как просто входят в нее звуки, как легко ей следовать за мелодией, услышанной впервые.

Голосистая девчонка подружилась с дочкой сельского дьячка, бывала у него в доме. Здесь она понемногу научилась обращаться с деньгами. В сельском быту дореволюционной России умели дорожить копеечкой. Каждый рубль давался с огромным трудом. Домашней казной ведал старший в семье, карманных денег в заводе не было. Разве что на праздники, когда в церковь идешь, дадут копеечку, чтобы подать на паперти нищему или калеке. Семья дьячка не ходила в богатых, и попадая, стараясь свести концы с концами, чтобы быть не хуже других, пекла на продажу пироги с капустой: благо железнодорожная станция была неподалеку. Дежка вместе с дочкой дьячка бегала к поезду продавать нехитрую снедь. К концу продажи у нее оставалось несколько копеек "комиссионных". Так что первые ленты для косы маленькая Надя купила у заезжего коробейника на собственные заработанные деньги.

Много лет спустя, когда жизнь знаменитой русской певицы будет занимать и волновать тысячи ее почитателей, Надежда Васильевна, обладавшая, судя по всему, великолепной памятью, в красочных деталях и подробностях опишет свою детскую пору, первые радости и первые смутения перед жизнью в двух книгах своих воспоминаний*.

Пока же ей нужно было научиться хотя бы началам грамоты. Два с половиной класса церковно-приходской школы — вот все ее университеты. В этом отношении ее судьба схожа с судьбой Максима Горького, Федора Шаляпина и многих других русских самородков, для которых настоящей школой стала жизнь, встречи с людьми.

Школьные годы Дежки были прерваны ранней смертью отца. Он страдал болезнью глаз — следствие давнего ранения на войне, и девочка больше помнила его тяжкие вздохи с печки, нежели отеческие ласки. Семья лишилась хоть и слабых, но все же мужских рук.

Работать приходится больше и больше, ведь старшие сестры разлетаются из семейного гнезда одна за другой. Анастасия выходит замуж и уезжает в Киев, Дуняша, чтобы помочь семье деньгами, устраивается в красивую мастерскую в Курске. Оставшаяся вдовой мать по вечерам долго

* Плевицкая Н. Дежкин карагод. Таир, Париж—Берлин. 1925; Мой путь с песней. Таир, Париж. 1930.

кладет поклоны иконе Николая Угодника, крестьянского заступника, моля о милости и облегчении судьбы.

Может быть, он услышал вдовью молитву Акулины и посвоему понял ее, но только в возрасте 15 лет Дежка заявляет матери о желании уйти в монастырь. Вероятно, во время поездки к сестре Анастасии в Киев воображение впечатлительной девочки поразило богатое убранство киевских монастырей, наряды городских прихожан, толпы верующих, великолепие церковной службы. Акулина была бы и не против: монастырская жизнь хоть и не из веселых, а все легче, чем крестьянская доля. Уж если гнуть спину, так лучше богу и святым, чем сорнякам в поле... Но где же взять денег на вступительный взнос? Впрочем, до пострижения в монахини нужно пройти трехлетний срок послушничества. За это время можно и скопить требуемую сумму. К тому же, как выяснилось, Троицкий девичий монастырь в Курске — не из самых богатых обителей, готов принять плату и натурой. И Акулина возит в Курск то мешок пшеницы, то гусей, то, если случится добрый опорос, поросенка.

Изнутри монастырская жизнь предстает, однако, совсем не в том великолепии и благодати, как видится непосвященным прихожанам. Молодая послушница с удивлением обнаруживает — и здесь гнездятся все те же людские слабости и пороки, что и в миру: жадность, гневливость, лень. Девушку, наделенную живым воображением, наблюдательным глазом, все больше привлекает настоящая жизнь, которая начинается сразу же за стенами монастыря.

Собственно, в Курске Дежка впервые сталкивается с городским бытом и нравами. Особенно нравятся ей городские ярмарки и базары, где монашенки продают писанки собственного изготовления и вербные метелочки. А ярмарочные торговцы, комедианты, балаганщики! От их словечек девичьи щеки загораются стыдливым румянцем. Сблaзн бежать от постных монастырских щей и молитв велик. Но как сказать об этом матери, не жалевшей ради дочери трудовых копеек? Да и куда идти? Что она умеет? В монастыре, по крайней мере, ее ценят и прощают маленючие прегрешения за ее пение. Голос молоденькой послушницы обращает на себя внимание. Когда хорош хор, щедрее и прихожане. Мать-настоятельница ждет, когда минет третий год послушничества и Надежду можно будет постричь в монахини. А пока можно и закрыть глаза на своевольный нрав голосистой девушки. Пусть покапризничает, а вот отстригут косу... тогда можно и на хвост наступить.

XX век входит в Надину жизнь звоном монастырских колоколов. Впрочем, она, как большинство живущих в Троицком монастыре послушниц и монахинь, едва ли заметила это событие — начало нового века. В столицах Европы спорили и гадали о том, что принесет грядущее столетие, газеты

писали, что это будет век научных открытий, век торжества разума и расцвета промышленности. Но Надежда Винникова не читала газет, а в монастырской библиотеке имелись книги только о житиях святых и подвигах апостолов. Жизнь внутри монастырских стен текла неспешно, никак не смыкаясь с поступью нового века. Скуку дней разнообразили разве что праздники, когда монахиням и послушницам позволялось отлучиться на несколько дней навестить родных.

Ждала праздников и Надя: сестра Дуняша, жившая с семейством в Курске, обещала взять ее погостить. Все-таки развлечение. Кончился казавшийся бесконечно долгим пост, наступили светлые пасхальные дни. На Пасху на Георгиевской площади в Курске по обыкновению разбивал свой огромный шатер цирк, в те годы — одно из любимых и, главное, доступных народных развлечений. Хаживала в цирк и Дуняша с детьми. Теперь же она терзалась сомнениями: можно ли младшей сестрице, будущей монахине, в цирк? Нет ли тут чего греховного? Во-первых, клоунские шутки, во-вторых, акробаты в ярких трико. Мало ли что может произойти в цирке! Но оставить дома Дежку было немыслимо. Да она, с ее характером, и не осталась бы! И все-таки, если бы Дуняша знала, к каким последствиям приведет знакомство Дежки с цирком, она и сама бы не пошла, и детей бы с младшей сестрицей оставила бы дома. Но кто же знал?

Кто мог подумать, что цирк настолько поразит воображение монастырской послушницы, что она, преодолев страх и стыд, скрыв свои намерения от Дуняши, побежит на следующий день... наниматься в акробаты. И происходит невообразимое. Ее принимают!

Причиной были крайне затруднительные обстоятельства, в которых оказался директор бродячего цирка: незадолго перед этим из труппы ушло сразу несколько человек. Стройную девушку, скрывающую, не трудно догадаться, свое послушничество, принимают после простенькой пробы. Легка, подвижна, прекрасный голос, живые глаза... В затруднительный момент можно ли требовать большего. Остальному научат. Без лишних вопросов и, уж разумеется, без всяких формальностей ее принимают ученицей. Так будущая знаменитая певица едва не стала цирковой гимнасткой.

Помешало вмешательство матери. Узнав от старшей дочери о безобразиях Дежки, Акулина примчалась в Курск — благо цирк еще стоял на площади — и со скандалом увела дочь. О возвращении в монастырь, понятно, не было и речи. Бесовское искушение послушницы сделалось известным в городе. Да и сама Дежка теперь с ужасом вспоминала, как чуть не погубила жизнь в монашестве. Цирк, хотя она и провела в нем всего несколько дней, открыл ей совсем иной мир. Акулина, увозя дочь в деревню, в родную избу, в сущности, понимала, что Дежку в деревне не удержать: отведав-

ший меду не позарится на постный деревенский кисель. Осенью, после окончания полевых работ, Акулина, поплакав и, как всегда, испросив благословения Николая Чудотворца, отпустила дочь в Киев. Акулинина сестра Аксинья давно собиралась туда на богомолье, поклониться святым монахам, жившим в подземельях Киево-Печерской Лавры. С ней и пошла Дежка.

В ту пору в Киеве большим успехом пользовался женский хор под управлением Александра Липкина. Имелась при хоре и танцевальная группа. Той осенью концерты давались в городском саду на открытой эстраде. Репертуар был самым благонамеренным: военные марши в исполнении оркестра, русские хороводы и пляски, украинский гопак. И, конечно, русские и украинские песни в исполнении хора. Нужно ли говорить, что после первого же концерта Наде захотелось повторить свою курскую попытку. Тем более что теперь она не одна и ей не так страшно, как при разговоре с директором цирка. Теперь заговорщиц двое — Надя и ее новая подруга, соседская городская девушка. У обеих превосходные голоса. Кого избрать? У одной из пришедших, с виду совсем деревенской девушки, поистине великолепный голос. Но она не знает даже нот, не говоря уже об умении читать партитуры. Да и в грамоте, судя по всему, не много преуспела. Но голос — настоящее сокровище. Разве что рискнуть? Тем более что музыкальная память и слух у девушки выше всяких похвал. Наигранную на пианино мелодию она повторила, ни разу не сфальшивив.

В сущности, с этого дня и началась жизнь профессиональной певицы Надежды Винниковой. Да и ее новое, сценическое имя — Плевницкая, вскоре загремевшее по всей России, — было уже за ближайшим поворотом судьбы. Вскоре хор распался, и Надя, уже познавшая соблазны разъездной концертной жизни, с поклонниками, мимолетными романами, прибывается к балетной труппе Штейна, выступавшей в киевском концертном зале "Шато-де-флёр". Здесь она и познакомилась со своим первым мужем Эдмоном Плевницким.

Концертная жизнь дореволюционной России, находившаяся по большей части в руках частных антрепренеров, описана в многочисленных мемуарах. В сущности, это была жизнь бродячая, с частой сменой мест, с неустроенностью провинциальных гостиниц, с неизбежными "покровителями", со столь же восторженной, сколь и малокультурной провинциальной публикой. Для многих актеров, актрис, певцов она кончалась трагически: в пьянстве, болезнях, нищете. Труппы частенько распадались, заработки были непостоянными, нервы на пределе — дадут или не дадут ангажемент, получишь или не получишь хорошую роль. Многое зависело от отношений с антрепренером, а они не всегда скла-

дывались без моральных утрат и издержек. Плевицкая, оказавшаяся в водовороте концертной жизни начала века, многое повидала за те несколько лет, пока вначале с хором, потом с балетной труппой верстала дороги юга России.

Всегда и при всех, часто самых невероятных, обстоятельствах ее спасал огромный певческий талант. Он открывал для нее сердца и души совсем незнакомых людей, становившихся ее почитателями и заступниками. Мы уже упоминали о том, что Дежка не была красавицей. У нее было простое крестьянское лицо, тяжеловатое и широкоскулое; вероятно, у предков ее имелась весомая капля татарской крови. Привлекательными были глаза, по воспоминаниям знавших певицу — на редкость живые и выразительные. Но все сходилось в одном: как только Надежда Васильевна начинала петь, она точно бы преображалась, непригожесть таяла, уступая место одухотворенности большого, дарованного богом, таланта. А талант Плевицкой покорял сразу, при первом прослушивании, на первом же концерте. И это при том, что она нигде и никогда не училась пению. Если не считать наивных уроков регентши монастырского хора.

Самородный талант привел Плевицкую в Петербург. На первых порах она выступала в труппе Минкевича. Ничем особенным труппа не блистала и выступала, главным образом, по загородным ресторанам. Но приезд в Петербург впервые дал возможность молодой певице познакомиться с настоящей культурой. Надежда Васильевна ходит в театры, слушает настоящих певцов, старательно учится. У нее появляется соблазн стать оперной певицей. Голос для этого есть. И все-таки ее природный дар с особенной силой проявлялся в русских народных и цыганских песнях и романсах. За ними вставала вся огромная песенная культура народа.

Руководитель труппы Минкевич, сам бывший оперный певец, хорошо понимал это. Понимал он и то, что для оперы нужен не только особый певческий дар, но и особая культура. И он настоятельно советует Плевицкой сохранить амплу исполнительницы народных песен. Надежда Васильевна следует этому мудрому совету. Слава молодой певицы ширится. Но успех пока не выходит за стены небольших концертных залов и известных ресторанов. Она поет в знаменитом московском "Яре", в Ялте, куда на лето съезжалась московская и петербургская знать, в Нижнем Новгороде, в известном ресторане Наумова. Осенью 1909 года Плевицкая подписывает с Наумовым контракт на концерты во время знаменитой Нижегородской ярмарки. Здесь ее впервые услышал знаменитый русский тенор Леонид Собинов, певший в тот сезон в Нижегородской опере. Он и вывел ее на большую сцену, пригласив участвовать в благотворитель-

ном. концерте наряду с известнейшими русскими артистами.

Той же осенью 1909 года, приехав из Нижнего Новгорода в Москву, Надежда Плевицкая пела уже не в "Яре" у купца Судакова, а в Большом зале Московской консерватории, где ей аплодировали не подгулявшие купцы, а московская аристократия.

Особенность дарования Надежды Плевицкой состояла в том, что она умела пленять и сердца простых людей, и души приобщенных к самой высокой культуре. Успех сопутствовал ей повсюду и вскоре привел ее в Царское Село.

Император слушал Плевицкую с глубоким вниманием, в глазах его блеснули слезы. Как и большинство русских той поры, Николай II любил и знал народную песню. После концерта он подошел к певице:

— Спасибо вам, Надежда Васильевна, — сказал он своим тихим грудным голосом. — Слушал вас с большим удовольствием. Мне говорили, что вы никогда не учились петь. И не учитесь. Оставайтесь такой, какая вы есть. Много я слышал ученых соловьев, но они пели для уха. Вы же, наш курский соловей, поете для сердца.

Встреча с императором и сказанные в ее адрес лестные слова впоследствии, в годы эмиграции, сослужили Плевицкой хорошую службу: об отзыве Николая II знал едва ли не каждый русский офицер, и военная эмиграция воспринимала певицу как символ великой, овечной легенды, уходящей в прошлое императорской России. Тем более спасительным императорское благоволение оказалось для певицы, когда в стане белых армий Юга России ей пришлось замаливать "грехи" недолгого увлечения "красными": концерты летом 1918 года в Курске перед бойцами Красной Армии, хвалебные рецензии в "Известиях Курского Совета", гастроли в занятой большевиками Одессе, недолгую любовь к "товарищу Шульге", погубившему, как свидетельствуют эмигрантские летописцы, не одну сотню белогвардейских душ. Это было грозное и страшное время, когда судьба в кровавом неистовстве бросала людей из лагеря в лагерь, из крайности в крайность. И люди казались песчинкой в этом грозном урагане России. Судьба Надежды Плевицкой на редкость причудливо переплелась с разорванной судьбой страны, мечущейся между двумя родными берегами — белым и красным, левым и правым.

Но помимо исторических в судьбе Надежды Плевицкой были и еще роковые вехи, правда, совсем уже иного свойства. Этими "вехами" были мужские сердца. По своему характеру Надежда Васильевна, похоже, была человеком влюбчивым, и любовь после песни занимала в ее жизни главное место. Вероятно, здесь сказывался и некий, не самого благого свойства, опыт и привычки, обретенные в началь-

ный период артистической карьеры: нравы дореволюционной "гастрольной" России едва ли можно было назвать образцовыми. Но нужно принять во внимание и другое обстоятельство — то, что, оставшись рано без отца, без поддержки, Плевицкая, естественно, тянулась к опоре, к сильной мужской руке.

Со временем, когда пришла слава, Плевицкая уже не могла обходиться без блестящего общества, преимущественно офицерского, к которому, похоже, чувствовала особенную привязанность.

Первая мировая война застает певицу в Швейцарии, где она отдыхала с В.А.Шангиным, поручиком кирасирского Ее Величества полка. Чтобы не разлучаться с возлюбленным, Плевицкая едет вслед за ним на фронт, добившись разрешения работать сиделкой в дивизионном лазарете. В январе 1915 года в тяжелых боях за Восточную Пруссию Шангин пал смертью храбрых.

Ее третьим мужем стал Юрий Левицкий, сын командира 73-й пехотной дивизии, в которой служил некогда и В.Шангин. А в июне 1921 года уже в изгнании, на пыльном, с каменистыми холмами Галлипольском полуострове, где стояли временным лагерем выбитые из Крыма части армии Врангеля, состоялось еще одно — на этот раз тайное — обручение Плевицкой с 27-летним генерал-майором Николаем Владимировичем Скоблиным, командиром одной из известнейших в белой армии корниловской дивизии. К этому времени самой Надежде Васильевне шел уже 37-й год. Эта встреча оказалась роковой в судьбе "курского соловья". Любовь к Скоблину в конце концов и привела ее на скамью подсудимых в парижском Дворце правосудия, а затем к безымянной могиле в городе Ренне.

* * *

Жизнь на чужбине с самого начала обернулась непредвиденными осложнениями. Еще недавно, облегчая собственные трудности на германском фронте, благодаря жертвам русской армии, французское правительство отнюдь не спешило с бескорыстной помощью недавним союзникам. Французские уполномоченные по связи с остатками армии Врангеля всеми силами стремились к тому, чтобы распылить русские части по изолированным лагерям: слитые в единый кулак отдельные части белой армии могли бы стать внушительной политической силой. Французы же предпочитали вести переговоры с представителями белого командования без всяких условий, как с армией, потерпевшей поражение.

А Врангеля это не устраивало. Он понимал, что для сохранения политического веса на переговорах необходимы

сплоченность, дисциплина, моральное единение. Но ни политических, ни материальных аргументов для противодействия плану французов у Врангеля неоставало. Выведенные им из России русские части были разбросаны по нескольким военным лагерям: в Чаталджи, Галлиполи, на Лемносе. Боевые корабли с экипажами были уведены под андреевским флагом в Бизерту, французскую военно-морскую базу на севере Туниса. Самым крупным лагерем оказался галлиполийский. Несмотря на то что в залог под материальное обеспечение русских частей были взяты корабли Черноморской эскадры, представлявшие большую ценность, питание в лагерях было более чем скудным. По причине постоянного недоедания в лагере свирепствовали болезни. Кроме того, никто не предполагал, что здесь, на юге Черного моря, на Галлипольском полуострове, зима окажется столь суровой. Жить же приходилось в неотапливаемых военных палатках, мало приспособленных для длительного квартирования. Обезоруженная и униженная армия жила памятью недавних военных походов, боевого товарищества, надеждами на скорое падение большевиков и возвращение в Россию.

В галлиполийском лагере жизнь текла медленно, уныло. После военных занятий единственным развлечением была полковая самодеятельность. Многие офицеры баловались стихами. Жили слухами...

Станный, как показалось многим офицерам, брак между популярной певицей и боевым командиром, бывшим на десять лет моложе ее, приняли как один из капризов неприкаянного лагерного быта. Однако к Плевицкой относились благожелательно, с дворянской снисходительностью. Тем более что певица не скупилась на концерты. Многие из галлиполийцев здесь услышали ее впервые.

К закату лета 1921 года галлиполийскому сидению, пагубно влиявшему на моральное состояние белой армии, приходит конец. Переговоры Врангеля с правительством Сербии и Болгарии увенчались успехом. Русских согласились принять. Наступала осень. По ночам выпадал снег. Дувшие со стороны Турции ветры рвали палатки. Продовольствия почти не оставалось. Последней из опустылевшего лагеря уходила корниловская дивизия. 27 ноября тяжелый, неповоротливый турецкий пароход "Ак-Дениз" принял на борт остатки недавно грозной военной силы.

Хотя части корниловской дивизии в Болгарии были расквартированы в казармах болгарской гвардии в селе Горно-Паничерово, жизнь стала все больше походить на

* Флагман Черноморской эскадры линкор "Император Александр III", позднее переименованный в "Генерал Алексеев", считался вершиной мирового судостроения, был символом экономического и научного могущества России.

гражданскую. Довольствие по-прежнему было скудным, и, чтобы прокормить себя (кроме того, многие офицеры имели семьи), приходилось осваивать гражданские профессии. Соглашались на любую работу. Военной дисциплины, собственно, уже не было. Летние болгарские казармы тоже были временным пристанищем, последним армейским общежитием. Это понимали все. Отсюда дороги уводили кого куда. Бывшие офицеры и солдаты превращались в рабочих, многие уехали на шахты в Перник.

Чтобы сохранить хотя бы формальную связь с разбредавшими по всей Европе русскими офицерами, генерал Врангель 1 сентября 1924 года объявил о преобразовании армии в Русский общевоинский союз (РОВС). Членство в РОВСе было добровольным. Но вошедшие в Союз брали на себя обязательство подчиняться воинской дисциплине. Впрочем, понятие воинской дисциплины было условным. Тем более что никакого материального довольствия членство в РОВСе не гарантировало: в гражданской жизни каждый был предоставлен самому себе — устраивались кто как мог.

Начиная с 1923 года генерал Скоблин из материальных соображений, с согласия начальства, начинает сопровождать свою жену в зарубежных гастролях. Помимо русских народных песен в репертуаре Плевицкой теперь известная всей эмиграции песня "Занесло тебя снегом, Россия". После того как Плевицкая вывела ее в свет, она стала как бы народной песней эмиграции. Ее пели с неизменной слезой чуть ли не на каждой эмигрантской вечеринке, в каждом русском кабаке.

Занесло тебя снегом, Россия,
Запуржило седою пургой,
И холодные ветры степные
Панихиды поют над тобой.

В 1926 году Сергей Рахманинов, ценивший пение Плевицкой и хорошо знавший ее, переложил для оркестра и хора несколько народных песен из ее репертуара. А годом раньше, в 1925 году, в Берлине вышла автобиографическая книга Плевицкой "Дежкин карагод", которую по ее устным рассказам литературно обработал эмигрантский писатель Иван Лукаш. Предисловие к книге написал Алексей Ремизов. Все расходы по изданию взял на себя Марк Яковлевич Эйтингтон, известный в эмиграции богатый, меценат и покровитель Плевицкой.

* * *

Среди белого офицерства, ушедшего вместе с армией Врангеля в изгнание, далеко не все были единомышленны в

оценке событий, происходивших в Советской России, — по крайней мере на начальном этапе, когда демократические идеалы революции еще не были извращены сталинизмом. Бывшие генералы и офицеры, для которых интересы армии и русской воинской славы были превыше всего, с интересом наблюдали за возрождением и быстрым ростом новой армии. Собственно, они на себе почувствовали ее боеспособность. Знали они и о том, что многие бывшие царские офицеры перешли на службу к новой власти и участвуют в военном строительстве. Из 1400 генералов и офицеров царского Генерального штаба 13 полных генералов, 30 генерал-лейтенантов, 113 генерал-майоров и 127 штабс- и обер-офицеров пошли на службу в Красную Армию^{*}. Сведения о красном терроре в первые годы революции военных трогали значительно меньше, чем эмигрантскую интеллигенцию. Генералы и офицеры бывшей Добровольческой армии прекрасно были осведомлены о том, что террор не был исключительной чертой большевистской власти, белый террор мало чем отличался по сути. И их соотношение и взаимные жертвы может уточнить лишь серьезный исторический анализ. Кроме того, начавшийся в 1921 году нэп вселил как в гражданскую, так и в военную эмиграцию надежды на мирную и экономически здоровую эволюцию большевизма. Движение “сменовеховства” и признание новой власти затрагивают не только эмигрантскую интеллигенцию, но и военные круги. В 1922 году группа офицеров бывшего Генерального штаба основывает журнал “Война и мир”, придерживавшийся “сменовеховской” идеологии. Редактором журнала стал генерал-лейтенант М.Тимонов. Затем его редактировал бывший профессор Николаевской академии генерал-лейтенант А.Кельчевский. К группе редакторов и сотрудников журнала примыкали генералы Е.Достовалов, В.Борисов, А.Носков и другие.

В 1924 году, в разгар нэпа, многие старшие офицеры и генералы выехали в Советскую Россию. Отъезд этот произвел большое впечатление на белую эмиграцию. Уехавшие генералы были широко известны в военных кругах. А.Кельчевский в 1919—1920 годах служил начальником штаба Донской армии, Е.Достовалов был начальником штаба 1-го корпуса генерала Кутепова. Оставшимся в эмиграции руководителям РОВСа пришлось немало потрудиться, чтобы по возможности дискредитировать в глазах эмигрантского офицерства этих боевых командиров и снизить впечатление от их отъезда. Усиленно распространялись слухи о том, что движение “сменовеховства” дирижуется рукой ОГПУ. Раздавались

^{*} Данные приводятся по книге Б.Прянишникова “Незримая паутина”. Изд. автора. Париж. 1979 г.

предостережения, что советская разведка ведет активную работу среди эмиграции, вербуя своих агентов справа и слева.

Нужно сказать, что распространяемые высшими чинами РОВСа такого рода слухи воспринимались в эмигрантской среде с немалой долей доверия. Одной из причин тому было бедственное материальное положение большинства эмигрантских семей. Многие из бывших офицеров годами не могли найти работу, перебиваясь на скудные благотворительные пожертвования. В стесненных материальных условиях, потеряв веру в своих вождей, заведших их на чужбину, не трудно было склониться на любое предложение, откуда бы оно ни исходило.

Сам бывший главнокомандующий белыми армиями Юга России генерал Врангель, удостоверившись в беспочвенности надежд на реванш в борьбе с Красной Армией, все больше отходил от политической деятельности. Его знаменитый приказ № 82, запрещавший офицерам участвовать в политических организациях, в сущности, был завуалированным призывом к бывшим сподвижникам перейти к нормальной гражданской жизни и расстаться с иллюзиями нового похода в Россию. Практически делами РОВСа стал заниматься генерал Александр Павлович Кутепов, а после его таинственного похищения в 1930 году — генерал Е.К.Миллер.

С судьбой генерала Евгения Карловича Миллера, точнее сказать с историей его таинственного исчезновения в 1937 году, и связан трагический конец знаменитой русской певицы Надежды Плевицкой. Роковую роль в этой запутанной истории сыграл ее муж генерал Н.В.Скоблин.

• • •

Ко времени таинственного исчезновения из Парижа в 1937 году Евгению Карловичу Миллеру исполнилось 70 лет. Однако в этом почтенном возрасте он сохранял облик крепкого, кражистого мужчины, не обремененного сколько-нибудь серьезными недугами. Одна из его последних фото-

* История исчезновения генерала Кутепова — одна из самых запутанных тайн XX века. Покров секретности был слегка приподнят лишь в 1965 году на излете первой поры гласности. В газете "Красная звезда" от 22 сентября 1965 года генерал-полковник запаса Н.Шиманов писал: "...комиссар государственной безопасности 2-го ранга С.В.Пузицкий... участвовал не только в поимке бандита Савинкова и разгроме контрреволюционной монархической организации "Трест", но и блестяще провел "операцию по аресту Кутепова и ряда других белогвардейских организаторов". С тех пор никаких дополнительных свидетельств о судьбе генерала Кутепова в советской официальной печати не появлялось.

В эмиграции существует глубокое убеждение, что генерала Кутепова похитили агенты ОГПУ. Имеется обильная и достаточно документированная литература по этому вопросу. Однако официальное расследование, предпринятое французской полицией под давлением общественности, прямых улик не дало.

графий являет нам человека, наделенного несомненными чертами мужественной красоты. Несмотря на фамилию и отчество, свидетельствующие о немецких предках, у генерала вполне русское лицо, я бы сказал даже — лицо русского интеллигента. Разве что в густых бровях и во взгляде проглядывает некоторая суровость, говорящая о причастности к воинскому ордену. У него высокий лоб, крупный мясистый нос, вполне достойная по возрасту шевелюра. Усы и борода с заметными, но не чрезмерными следами седины делают его несколько похожим на портреты императора Николая II. Одевался он просто, скорее во вкусе штатских, нежели военных лиц: темный двубортный пиджак, скромный галстук. У генерала лицо умного и несколько усталого человека.

В начале века он в течение нескольких лет занимал пост русского военного атташе в Бельгии и Голландии, затем служил на том же поприще в Италии. Эти военно-дипломатические обязанности, вероятно, сказались на его манерах и облике. Он, скорее, походил на дипломата, нежели на военного службиста. Впрочем, выправки и стати даже в семьдесят лет Евгению Карловичу было не занимать. Сказывалась школа. Помимо кадетского корпуса он окончил Николаевское кавалерийское училище, а службу начинал в лейб-гвардии гусарском Его Величества полку. Позднее он прошел и через Николаевскую академию Генерального штаба. Первую мировую войну Е.К.Миллер начал начальником штаба 5-й армии под командованием генерала Плеве. Армия покрыла себя славою в Галицийском сражении, нанеся австрийцам тяжелое поражение. Стратегический дар Миллера проявился и в Лодзинском сражении против немцев. Произведенный в чин генерал-лейтенанта Миллер встретил 1917 год в должности командира 26-го армейского корпуса 9-й армии генерала Лечицкого. Осенью 1917 года Е.К.Миллера, опытного военного дипломата, назначают представителем Ставки Верховного Главнокомандующего при Итальянской Главной квартире. Весть об Октябрьском перевороте застала его в Италии.

Советской власти генерал Миллер не принял и при первой же возможности включился в активную борьбу против нее. В годы интервенции он занимал должность военного губернатора Северных областей при "правительстве Чайковского", а с января 1919 года становится "министром иностранных дел" при том же правительстве. В феврале и "северное правительство", и остатки белой армии были выбиты из Архангельска частями Красной Армии при помощи восстановивших рабочих и матросов.

В эмиграции генерал Миллер постоянно находится в поле зрения вождей белых армий, изгнанных из Советской России, и политического руководства эмиграции. В апреле 1922 года генерал Врангель назначает его начальником свое-

го штаба, а с середины следующего года Миллер фактически ведал всеми денежными средствами, переданными Врангелем в распоряжение великого князя Николая Николаевича.

В 1928 году неожиданно, без видимых признаков заболевания, умирает генерал Врангель. В ряде эмигрантских источников имеются свидетельства того, что авторитетный в эмигрантских кругах вождь белого движения умер от преднамеренно привитой скоротечной чахотки. Проверить эти сведения едва ли возможно. Во всяком случае, по свидетельствам лиц, близко знавших генерала, и по последним сохранившимся фотографиям Врангель незадолго до смерти выглядел вполне крепким человеком и не жаловался на слабое здоровье.

Смерть Врангеля стала важным этапом в жизни военной эмиграции. Личный авторитет Петра Николаевича, честность, воинские достоинства признавались всеми без исключения слоями русской эмиграции. Его смерть открыла длительный, по сути дела, затянувшийся до самого начала второй мировой войны кризис преемственности в Русском общевойсковом союзе — период внутренних распрей и борьбы за влияние между его ближайшими сподвижниками.

В последние годы жизни Врангель смотрел на свое положение одного из эмигрантских вождей с присущей ему иронией и скепсисом. Перспектив у белого движения в свете растущих сил и организованности Красной Армии, о формировании которой он был прекрасно осведомлен, Врангель не видел и в 1926 году расформировал свой штаб, находившийся в Сербии, в Сремских Карловцах. Оставаясь официально вождем белого движения, он, по сути дела, сложил с себя эти бессмысленные, с его точки зрения, обязанности. Переехав из Югославии в Бельгию, бывший правитель Юга России поступил на службу горным инженером и, в сущности, стал гражданским лицом, лишь изредка наезжая в Париж по делам созданного им Русского общевойскового союза.

Деятельности боевых организаций РОВСа, возглавляемых генералом Кутеповым, и засылке террористов в Россию он не сочувствовал, полагая эти действия малоэффективными, бесполезными и даже вредными. На почве этих разногласий отношения Врангеля со своим будущим преемником были натянутыми и даже неприязненными.

По поводу террористической и подрывной деятельности в России, направляемой генералом Кутеповым, Врангель писал своему другу генералу И.Г.Барбовичу:

"Разгром ряда организаций в России и появившиеся на страницах зарубежной русской печати разоблачения известного провокатора Опперпута-Страуница-Касаткина вскры-

вают в полной мере весь крах трехлетней работы А.П.Кутепова”.

В другом письме тому же адресату барон Врангель высказывается еще резче:

“...С А.П. Кутеповым я говорил совершенно откровенно, высказав ему мнение, что он преувеличил свои силы, взялся за дело, к которому не подготовлен, и указал, что нравственный долг его после обнаружившегося краха его трехлетней работы от этого дела отойти. Однако едва ли он это сделает. Ведь это было бы открытое признание своей несостоятельности. Для того чтобы на это решиться, надо быть человеком исключительной честности и гражданского мужества”.

К сожалению, генерал Кутепов не послушал умного совета Врангеля, и его тайная деятельность в рамках РОВСа приобрела еще более опасный и провокационный характер, террористические склонности Кутепова привели к ненужным и неоправданным жертвам со стороны офицеров-эмигрантов, питавшихся иллюзорными надеждами. Все это в конечном счете оказалось на руку Сталину, который использовал террористическую деятельность правого крыла РОВСа для нагнетания в стране атмосферы шпиономании, для оправдания собственного террора против честных советских людей.

В действительности “подвиги” засылаемых в Россию боевиков не имели того эффекта, на который были рассчитаны. В июне 1927 года тройка Ларионова, Мономахова и Соловьева бросила гранату в лекционном зале Центрального партклуба на Мойке в Ленинграде. В клубе в это время шло собрание философской секции на тему “Американский неореализм”. Присутствовали преподаватели Зиновьевского университета, слушатели Института красной профессуры, было много беспартийных. Никого из видных деятелей партии и государства в зале не было. Тем не менее террористы решили действовать. В результате взрыва ручной гранаты было ранено 26 ни в чем не повинных людей, из них 14 — тяжело. Террористам удалось скрыться и уйти через финляндскую границу.

Неудачной оказалась и попытка боевиков Кутепова устроить в 1928 году покушение на Бухарина или Крыленко. Строго говоря, и попытки не было, ибо, убедившись, что все видные деятели государства и партии тщательно охраняются, они от своих намерений отказались. Не удалось им проникнуть и на Белорусский вокзал во время приезда Максима Горького в Москву, где они надеялись подстеречь Бухарина (Бухарин действительно находился среди встре-

* Речь в письме идет о катастрофических последствиях для боевых организаций Кутепова в Советской России успешно проведенной чекистами операции “Трест”.

чавших). Охрана вокзала была строгой, и на перрон проходили только по пропускам.

Большинство боевых групп, проникавших на территорию СССР (тройки и пятерки), обезвреживались ОГПУ. В сентябре 1927 года над взятыми в плен боевиками генерала Кутепова был устроен показательный суд. Один из участников боевой тройки — мичман императорского флота Николай Строевой, не раз ходивший с секретными миссиями в СССР, на суде сам говорил о бесцельности террора: "Считаю эти акты, направленные против отдельных лиц, не достигающими цели и даже, наоборот, вредящими, потому что каждое террористическое действие вызывает известные репрессии властей, и эти репрессии плохо влияют на население. Следовательно, террористические акты терроризируют не власть, а население, т.е. результат получается обратный тому, какого мы хотим..."

Ликвидация одной за другой нескольких засланных Кутеповым боевых групп, фактически смертников, со всей очевидностью свидетельствовала о провале попыток достичь целей белого движения средствами террора. То, что не удалось армиям, едва ли было под силу нескольким экзальтированным и попавшим под влияние монархических зарубежных организаций молодым людям.

Трудно поверить, чтобы такой опытный в делах контрразведки человек, как генерал Кутепов, не понимал тщетности попыток изменить средствами террора ход событий в СССР. Тем более что и здравомыслящие деятели РОВСа и политические лидеры эмиграции предупреждали, в том числе и в эмигрантской прессе, об опасности и вредности террора. Говорил об этом Кутепову и генерал Врангель. Думаю, имеется достаточно оснований говорить о том, что сам Кутепов понимал бессмысленность террора против окрепшей власти. Террор поддерживался из соображений, весьма далеких от целей подавляющего числа эмигрантов. Для Кутепова и генералов из правого крыла РОВСа организация террористических акций на территории РСФСР была, в сущности, единственной возможностью поддерживать иллюзию своей необходимости. Для того чтобы держать в подчинении членов РОВСа, нужна была видимость активной деятельности, видимость результатов. Террор был одним из способов борьбы за власть в РОВСе. Вся идеология РОВСа зиждлась на прославлении "смельчаков", уходивших "на подвиг в Россию". Это была идеология отчаяния.

Кутепов понимал, что взрыв гранаты на Мойке, раздутый до размеров подвига правой эмигрантской прессой, как бы придавал "юридическую силу" его роли одного из лидеров русского зарубежья. Без этого офицерского "фольклора"

* Прянишников Б. "Незримая паутина". С. 121.

Кутепов превратился бы в рядового эмигрантского сыщика, каких были тысячи. Выбор был — либо остаться на посту руководителя РОВСа со всеми вытекавшими из этого положения материальными и престижными последствиями, либо сделаться, подобно сотням полковников и генералов, шофером такси, брадобреем, рабочим или даже священником.

В 1927 году, после провала сразу нескольких посланных в Россию боевых групп, Кутепов и в самом деле помышлял о том, чтобы поступить рабочим в столярную мастерскую (для работы инженером, как Врангель, у него не имелось необходимого образования). Однако в конце концов он выбрал другой путь, всячески поддерживая идею террора. Идея эта, то затухая, то возгораясь под влиянием происходящих в России событий (насиленная коллективизация крестьян вызвала новую вспышку антибольшевистских настроений), просуществовала до середины тридцатых годов.

Весь 1930 год в среде эмиграции не смолкали толки и пересуды об исчезновении Кутепова. Эмигрантские газеты с возмущением писали о "разбое ОГПУ", пытались привлечь французское общественное мнение к этому делу. И действительно, по поводу слухов о похищении генерала делались запросы в парламенте. Обе крупнейшие ежедневные газеты русской эмиграции в Париже — "Последние новости" и "Возрождение" ежедневно помещали репортажи о ходе расследования, печатали свидетельства очевидцев. "Возрождение", отражавшая мнения правого крыла эмиграции, требовала, чтобы французские власти произвели обыски в советском посольстве на улице Гренель. В первые недели скандала эмоции достигли такого накала, что на собраниях РОВСа сторонники решительных действий призывали громить советские официальные учреждения во Франции. В Национальном собрании депутаты правых партий требовали разрыва дипломатических отношений с СССР. Газета "Эко де Пари", обращаясь к тогдашнему премьеру, писала, что интересы и честь страны требуют от Тардье, чтобы он порвал с Советами.

Власти проявляли сдержанность. Прямых улик против советских сотрудников во Франции проведенное расследование не выявило. Полиция оказалась в тупике. Умеренные французские комментаторы ставили под сомнение саму идею причастности советской разведки к похищению Кутепова. Советская Россия, полагали они, настолько заинтересована в сохранении дипломатических отношений с Францией, что едва ли пойдет на столь рискованный шаг, как похищение человека с территории суверенного государства. Вокруг имени Кутепова разгорались самые невероятные

слухи, выдвигались самые нелепые версии. Один из "следов" вел в Берлин, другие — в Южную Америку.

Русские газетчики осаждали господина Фо-Па-Биде, комиссара по особым делам префектуры полиции, требуя дополнительных сведений. Комиссар предпочитал отмалчиваться. 25 лет спустя после событий 1930 года эмигрантский писатель и журналист Андрей Седых, бывший в период исчезновения Кутепова репортером в парижских "Последних новостях", писал в нью-йоркском "Новом русском слове": "Я убежден, что Фо-Па-Биде знал с самого начала все имена похитителей и имена тех, кто несет ответственность за это преступление. Один из них, принимавший участие в похищении, сейчас мирно живет в Соединенных Штатах под чужим именем".

Пытался вести собственное следствие и В.Л.Бурцев, считавший себя крупнейшим знатоком в делах советской разведки и ее борьбы против эмиграции. Обретший громкую славу разоблачением Азефа, оказавшегося агентом царской охраны в среде социалистов-революционеров, он пользовался в эмиграции большим авторитетом. Будучи убежденным противником большевизма, В.Л.Бурцев верил в существование "московского следа". Однако даже чутье прирожденного следователя не помогло ему раскрыть правду. Версии, высказываемые Бурцевым, отвергались самой же эмигрантской прессой.

В чем сходились все — и левые и правые — это в понимании того, что подобная акция не могла быть проведена без помощи "изнутри". Кто бы ни был исполнителем или "заказчиком" этой акции, непосредственно к похищению были причастны люди из Русского общевоинского союза. Взаимным обвинениям и подозрениям не было числа. Газета "Возрождение" называла среди соучастников полковника Дьяконова и генерала Карганова. Возмущенные чины РОВСа подали на газету в суд и выиграли процесс. На проверку оказалось, что у газеты нет никаких документов, а лишь "свидетельства", не поддающиеся проверке.

Все эти дни, когда длилось следствие, Лидию Давыдовну Кутепову, жену исчезнувшего генерала, посещала Надежда Плевицкая. Сочувствовала, успокаивала, расспрашивала о ходе расследования. Эмиграция восхищалась отзывчивостью прославленной певицы к чужому горю. Вспоминали и о том, что исчезнувший генерал был посаженным отцом на свадьбе Плевицкой и генерала Скоблина. Никто не мог предположить, что у чуткости Надежды Васильевны могли быть и иные мотивы.

В обстановке тревог и подозрений, вызванных исчезновением генерала Кутепова, вступал в должность руководителя

РОВСа генерал Миллер. Не блестящим оказалось и финансовое положение Союза, особенно после банкротства шведского спичечного короля Ивара Крегера, на счетах которого держались деньги Русского общевойскового союза. Шведский спичечный магнат оказался ловким международным аферистом. После раскрытия колоссального мошенничества 12 марта 1932 года он застрелился в своей роскошной парижской квартире. Многие русские эмигранты, доверившиеся Крегеру, были разорены. Но большее всего крах спичечного короля ударил по РОВСу: организация русских военных потеряла семь миллионов франков, в сущности, все свои средства. Этот удар был посильнее исчезновения генерала Кутепова.

Серия скандалов отрицательно сказалась и на отношениях к РОВСу со стороны французских властей и иностранных генеральных штабов. Не было денег, не было энтузиазма, не было поддержки. В этих условиях генерал Миллер вынужден был думать не столько о боевой деятельности, сколько о предотвращении полного развала организации. Активисты РОВСа между тем по-прежнему требовали новых, бессмысленных в глазах Миллера, "подвигов". Вся энергия генерала уходила теперь на то, чтобы лавировать между теми, кто звал в бой, и теми, кто склонялся к роспуску РОВСа. Решительности Миллеру не прибавляло и то, что в отличие от прежних вождей белого движения Врангеля и Кутепова он был мало известен офицерским массам южных армий, которые в эмиграции составляли большинство. Напомним, что борьбу с красными генерал Миллер вел на северном фронте в районе Архангельска.

Так или иначе, после исчезновения генерала Кутепова активная антисоветская политика РОВСа фактически была сведена на нет. Прежде всего прекратилась засылка боевиков в Россию. Деятельность РОВСа все больше сводилась к сбору разведывательных данных, к поддержанию видимости существования. Внутри РОВСа пыльным цветом расцвели интриги, борьба за влияние. В сущности, в рамках РОВСа теперь оформилось как бы несколько центров тяготения, во главе каждого из которых стоял тот или иной претендент на лидерство. Миллеру то и дело приходилось подавлять "бунты" то одного, то другого генерала.

Внешне жизнь членов РОВСа шла так же, как и жизнь большинства русских эмигрантов. Львиную долю времени занимали заботы о добывании хлеба насущного, тем более что экономическая обстановка во Франции в начале тридцатых годов сложилась крайне неблагоприятной. Безработица была велика даже среди французов. Русские соглашались на любую работу. Многие из военных помоложе вынуждены были завербоваться во французские колониальные войска. Оставшиеся во Франции с помощью своих скудных средств

старались сохранить подобие общественной активности. В заводе были "полковые" собрания с буфетом, совместные праздники, юбилеи "великих дат" белого движения, поминовения погибших или умерших вождей. Подобно гражданской эмиграции, члены РОВСа организовывали вечера отдыха, лекции с преобладанием "военно-патриотической" тематики. Но на фоне культурной жизни эмигрантской интеллигенции все это выглядело уныло: эмигрантская молодежь сторонилась РОВСа, и собрания организации все больше напоминали встречи "ветеранов".

Во всех культурных мероприятиях и интригах военной эмиграции активное участие принимала чета Плевницкая—Скоблин. С генералом Миллером за фасадом внешней любезности у Плевницкой отношения были натянутыми. Миллер не мог простить ей, что за глаза она называла его пустшкой и вела вместе с мужем интригу среди знакомых генералов и полковников за смещение его с поста руководителя РОВСа. "Курский соловей" всячески поддерживала амбиции собственного мужа. В среде активистов, к которым принадлежала и чета Плевницкая—Скоблин, генерала Миллера обвиняли в бездеятельности. Миллер и сам чувствовал, как вокруг него разливается пустота, как все меньше оставалось в окружении верных и надежных людей. Глава РОВСа мучительно пытался понять причины отчуждения. В сущности, причина была во врожденных особенностях РОВСа. Союз был создан для сохранения боевого духа и боеспособности своих членов. Но чем дальше шли годы, тем очевидней становилось, что ни боевой дух, ни тем более боеспособность никому и ни для чего не потребуются. Идея белого похода в Россию отмерла уже в первые годы эмиграции. Мощь Красной Армии выросла настолько, что о реванше мечтать было нелепо.

В период насильственной коллективизации появились некоторые надежды на новые крестьянские восстания, которым могла бы потребоваться помощь. Но аппарат контроля и подавления, созданный к этому времени Сталиным, был настолько силен и устрашающ, что разрозненные всплески недовольства жестоко подавлялись в самом зародыше. Не дал результатов и индивидуальный террор.

В то время как эмигрантская интеллигенция, уже давно понявшая тщетность надежд на "военное решение", занялась просветительской работой, проблемами преемственности культуры, осуществляла большую воспитательную миссию, военные, в сущности, оставались не у дел. Вырванные из привычной среды, в эмиграции они оказались совершенно дезориентированными. У большинства офицеров не было ни навыков гражданской службы, ни вкуса к культурной работе. Привыкшие к строгой военной дисциплине, к регламенту, они труднее всего приживались в эмиграции. За-

граничные свободы и вольности им были не нужны. Не случайно, что именно в среде военных шире всего были распространены пьянство, драки, сведение мелких счетов. Их военные знания были неприменимы ни во французской, ни в русской среде. В отличие от культурных организаций эмиграции, которые оставили после себя заметный след, РОВС, кроме нескольких кровавых дел и серии скандалов и интриг, не приобрел для будущего ничего. И в этом была трагедия русской военной эмиграции.

На фоне этого внутреннего распада весть об исчезновении генерала Миллера 22 сентября 1937 года казалась невероятной, лишенной всякой логики и смысла. Зачем, почему, кому понадобился этот переступивший порог семидесятилетия и фактически бездействовавший глава РОВСа? — вопрошала эмиграция.

Если в версии о причастности советской контрразведки к исчезновению генерала Кутепова была определенная логика: пусть и в ограниченном числе, боевики РОВСа все-таки засылались в Советскую Россию, и борьба с ними была частью борьбы по обеспечению безопасности — то при генерале Миллере военная работа в РОВСе была фактически свернута. Отвернулись от РОВСа и прежние покровители, иностранные разведки, поняв, очевидно, что ставка на организацию, не имеющую сколько-нибудь серьезной базы внутри страны, не оправданна. Кому же потребовался престарелый российский генерал, к тому же еще и сторонник умеренности и осмотрительности?

Чем больше вчитываешься и вдумываешься в обстоятельства похищения генерала, тем больше осознаешь, что понять истинные причины этой политической загадки невозможно без того, чтобы расположить это событие в цепи других событий той поры.

Хочу оговориться: документы, факты, свидетельства, которыми обладает автор, не дают полного основания для безапелляционных выводов. Опыт исторических исследований призывает к большой осторожности в оценках. Не единожды время поправляло торопливых судей, показывая, что у истории часто имеется и второе, а иногда и третье "дно". Многие из архивов, которые могли бы уточнить оценки, до сих пор закрыты. Кроме того, история, особенно тайная история, нередко становилась объектом столь тонкой фальсификации, что бывает трудно отличить действительный документ от подделки, реальное событие от событий, семена которых были преднамеренно посеяны профессионалами дезинформации.

Когда современная история становится ареной борьбы за власть и могущество, она оставляет в наследство будущим историкам столько "ловушек" и "волчьих" ям, что даже в самый тщательный исторический анализ могут проникнуть зерна вольного или невольного лукавства. История русской

эмиграции, особенно когда она входила в соприкосновение с историей Советской России, полна таких скрытых пластов, где неправда соседствует с правдой и где ее величество ложь нередко выглядит реальнее правды.

Исходя из такого понимания, мы ни в коей мере не имеем намерения вынести окончательный вердикт. Наша задача много скромнее: рассказать читателям о том, как запутанные и противоречивые события, кульминацией которых в 1937 году было исчезновение генерала Миллера, воспринимались и интерпретировались русской эмиграцией. Тем более что она, эмиграция, отчасти вольно, а отчасти в силу манипуляции секретных служб была тесно вовлечена в эти бесовские игры.

Одним из белых пятен истории является эпизод посещения маршалом Тухачевским Западной Европы и Англии — поездок, которые стали как бы преддверием к расправе Сталина над ним. Имеются свидетельства того, что активным участником заманивания советского маршала в расставленную для него ловушку был генерал Николай Владимирович Скоблин, один из ведущих главарей РОВСа, муж "курского соловья" Надежды Васильевны Плевицкой.

Одной из версий "дела Тухачевского" является утверждение, что операция была задумана в окружении Гитлера с целью нанести удар по руководящему ядру Красной Армии и что подозрительность Сталина была умело использована контрразведкой Гитлера.

Некоторые "технические детали" этой операции уже сделались достоянием гласности: в апреле 1937 года в подвальном помещении гестапо на Принц-Альбертштрассе в Берлине под руководством генерала СС Германа Беренса была оборудована секретная лаборатория для подготовки и изготовления фальшивой переписки Тухачевского с немецкими военными якобы с целью заговора против Сталина. Были сфабрикованы письма, документы, расписки в получении денег от немецкой разведки за представленные ей разведданные. Фальшивые документы несли на себе все необходимые в таких случаях "стигматы веры": печати, пометки, росписи, грифы и штампы. Подделали даже пометки на полях немецких генералов фон Зекта, Гаммерштейна и руководителя абвера, германской военной разведки, адмирала Канариса.

О существовании папки с компрометирующими Тухачевского документами через президента Чехословакии Эдуарда Бенеша, оказавшегося невольным соучастником этой сложной игры, стало известно Сталину.

Между тем в обширной эмигрантской литературе, среди которой имеются целые поля исследований по "делу Тухачевского", есть свидетельства того, что инициатива компрометации вождей Красной Армии и маршала Тухачевского исходила не от германской контрразведки, а от самого Ста-

лина и что Гитлер лишь с готовностью воспользовался подброшенной ему идеей. Таким образом, на самом вершине тайной политики интересы Гитлера и Сталина, во всяком случае в деле маршала Тухачевского, сомкнулись. Сталину важно было избавиться от сильного и популярного соперника, Гитлеру — от блестящей плеяды молодых советских полководцев. Интересы двух диктаторов переплелись. В проигрыше оказался Советский Союз, лишившийся накануне войны своих лучших военачальников.

В исследованиях эмигрантских историков прямо указывается на посредничество в этом сговоре Николая Владимировича Скоблина, бывшего по ряду свидетельств двойным агентом и работавшего одновременно и на гестапо и на НКВД. Именно через него до Гитлера была доведена первичная информация НКВД о якобы готовящемся заговоре генералов против Сталина. Гитлер “понял” намек и после недолгих колебаний дал распоряжение вступить в игру.

Оценивая эти свидетельства, вместе с тем нужно помнить, что во время суда над Надеждой Плевицкой, обвиненной в соучастии в похищении генерала Миллера (подробнее об этом мы расскажем ниже), так и не было предоставлено ни одного документального свидетельства, которое подтверждало бы сотрудничество генерала Скоблина с советской разведкой. Обвинения носили исключительно косвенный характер. При отсутствии доступа к советским и германским архивам секретных служб нет возможности с полной уверенностью сказать, кто был объектом манипуляции, с чьей стороны, кто на кого работал. Задача нашего рассказа состоит не в том, чтобы доискаться до истины, а в том, чтобы рассказать об одной из драматических страниц жизни русской эмиграции.

Что касается косвенных доказательств причастности четы Скоблин—Плевицкая к “делу Тухачевского” и к исчезновению генерала Миллера, то в эмиграции им несть числа. Наиболее достоверными, на наш взгляд, являются свидетельства Вальтера Кривицкого, бывшего резидента советской разведки, оставшегося на Западе еще до начала войны и выпустившего там целый ряд книг. Наиболее известная из них — “Я был агентом Сталина”. Она неоднократно переиздавалась в Западной Европе и часто цитируется западными исследователями.

Равным образом весьма трудно определить, насколько реальны, а насколько вымышлены встречи маршала Тухачевского с представителями эмигрантских кругов во время его поездки в Англию на похороны короля Георга V. Слухов в эмигрантской среде об этих “контактах” ходило много. Но нельзя не признать, что эти слухи, расплывавшиеся по эми-

* Krivitsky V.G. Agent de Staline. Paris, 1940.

грации, были крайне выгодны Сталину: они как бы подтверждали версию о предательстве маршала и о его связях с иностранными "шпионами". Не исключено, что эта волна слухов умело стимулировалась НКВД.

Сталин "имел зуб" на Тухачевского с давних пор, еще со времен гражданской войны, когда их точки зрения на военные операции на польском фронте кардинально разошлись. Сталин в то время был политическим комиссаром армии, ведшей наступление на Львов. В 1923 году в РСФСР были изданы доклады Тухачевского с анализом окончившегося крупной военной неудачей похода на Польшу. Доклады эти читались Тухачевским в военной академии. Он сравнивал действия Сталина подо Львовом с бездействием генерала Ранненкамппа во время разгрома армии Самсонова в Восточной Пруссии в августе 1914 года. Сталин, так пекшийся о чистоте и героичности своей биографии — биографии неизменного победителя и провидца, — не мог простить Тухачевскому этих откровений. Популярность Тухачевского в Красной Армии лишь раздражала Сталина. Не исключено, что начавшие распространяться в эмиграции слухи о Тухачевском как о возможном "освободителе" от сталинского ига были подброшены агентами Сталина в эмигрантской среде.

Но нельзя не иметь в виду, что распространению этих слухов способствовали и объективные обстоятельства. Как только в эмигрантской прессе замелькало имя Тухачевского, здесь сразу же вспомнили, что герой гражданской войны, укротитель восстания в Кронштадте и "антоновщины" начал свою военную карьеру подпоручиком лейб-гвардии Семеновского полка. Многие "семеновцы", оказавшиеся в изгнании, склонны были видеть в красном маршале человека своей среды и переносили в его думы свои собственные помыслы.

Фактом является то, что Тухачевский действительно оставался на несколько дней в Париже, этом центре русской эмиграции, по пути на похороны Георга V и по возвращении из Англии. Поль Пайоль, работавший в то время в германском отделе французской контрразведки при Генеральном штабе французской армии, писал в своих воспоминаниях о том, что приглашения на прием в советское посольство в честь Тухачевского получили несколько французских "друзей" маршала, бывших вместе с ним в германском плену в 1915—1916 годах. Среди присутствовавших на приеме на улице Гренель был и полковник Робьен, один из ответственных сотрудников германского отдела французской контрразведки, брат бывшего посла Франции в России. Полковник Робьен имел беседу с Тухачевским, в ходе которой маршал интересовался делами русской эмиграции, в

* P. Paillole. Services spéciaux 1935—1945. Ed. Robert Laffont, Paris.

частности ее связями с германскими спецслужбами. По свидетельству полковника Робьена, в разговоре было упомянуто и имя генерала Скоблина в связи с его контактами с германской разведкой.

Однако воспоминания Поля Пайоля были опубликованы лишь после второй мировой войны и никак не могли служить источником слухов по поводу возможных контактов Тухачевского с эмиграцией. Можно ли верить брату Николая Скоблина Сергею, который в подтверждение слухов рассказывал о слышанном им разговоре между Скоблиным и Плевицкой. В разговоре упоминалось о тайной встрече, якобы имевшей место между Тухачевским и генералом Скоблиным на частной квартире на авеню Сегюр. Действительно ли эта встреча состоялась — неизвестно. Однако сама вероятность ее — сомнительна. Ведь Тухачевский не мог не знать о том, что эмигрантские круги были наводнены всякого рода агентами, в том числе агентами советской разведки. И вряд ли опытный военачальник, знакомый с методами контрразведки, пошел бы на это, рискуя нарваться на провокатора.

Напротив, если принять за версию, что Скоблин работал на сталинский НКВД, то слухи об этой тайной встрече становятся более понятными: распространение слухов о мифической встрече было способом компрометации маршала, подготовкой к будущему обвинению в связях с иностранными шпионами. Такой версии придерживается, в частности, и Вальтер Кривицкий. В своих воспоминаниях он пишет: "...таким образом, Скоблин был центральной фигурой в заговоре ГПУ против Тухачевского и других высших руководителей Красной Армии. В этой трагической макиавеллиевской манипуляции он играл тройную роль: в качестве приближенного к кругу Гучкова он был германским агентом; в лице советника генерала Миллера он контролировал монархическое крыло эмиграции; и все это в полном согласии со своим третьим и главным работодателем — ГПУ".

Понимание причин похищения генерала Миллера, какой бы из заинтересованных сторон эта акция ни была осуществлена, затрудняется необыкновенной запутанностью политической обстановки в Западной Европе в этот период. Запутаннейший клубок интересов, интриг, тайной деятельности разведок сплелся вокруг гражданской войны в Испании.

Советские читатели, как правило, знают лишь о героических страницах этой эпопеи. Наше восприятие гражданской войны в Испании формировалось под влиянием репортажей Михаила Кольцова, книг Ильи Эренбурга, романов Эрнеста Хемингуэя. В работах этих авторов ярко передан дух и горячая, романтическая атмосфера тех дней. Огромное эмо-

* M.Grey. Le general meurt à minuit. Ed. Plon. Paris, 1981, p. 203.

циональное воздействие на советского человека оказал прием испанских беженцев, и особенно детей испанских антифранкистов в Советском Союзе.

Менее известны дальнейшие судьбы этих детей и самих испанских патриотов, выехавших в СССР. Многие из этих судеб сложились неоднозначно. Сталинский репрессивный режим простер свои черные крыла и над "испанской колонией" в Советской России. Мало известны и тайные страницы испанской войны. Иностранные разведки всех европейских стран пристально следили за развитием событий в Испании. И ряды как франкистов, так и республиканцев были наводнены "добровольцами" от спецслужб. Поля и небеса Испании стали испытательным полигоном для новейших образцов оружия. Вспомним, что испанский город Гернику, трагедию которого запечатлел в своем всемирно известном полотне Пабло Пикассо, бомбили немецкие "хейнкели" новейшего образца.

Испанские страницы помимо свидетельств мужества, героизма, интернационального братства содержат и черные строки, вписанные подручными Сталина. Многие патриоты, глотавшие пыль испанских дорог и пороховую гарь сражений, возвращаясь в Москву, попадали в застенки и гибли не от пуль фалангистов, а от выстрелов в затылок в подвалах НКВД. Такова была судьба и Михаила Кольцова.

Известный советский писатель Валентин Петрович Катаев рассказывал автору этих строк, что такая же судьба грозила и Илье Эренбургу. В то время как Эренбург находился в Испании, ведя репортажи из лагеря республиканцев, у него неожиданно отбирают дачу в Переделкине. Когда у Александра Фадеева поинтересовались, чем это вызвано, глава Союза писателей цинично прокомментировал: по возвращении из Испании она ему больше не понадобится.

Удивляться, впрочем, нечему. События в Испании шли бок о бок с трагическими событиями в Москве. Гражданская война между республиканцами и фалангистами вспыхнула в июле 1936 года. А в августе этого же года в Москве Сталин добивает последних из "славной когорты": начинается суд над Зиновьевым и Каменевым. В качестве вины им вменяется, в частности, намерение ликвидировать "величайшего гения всех времен и народов" Иосифа Виссарионовича Сталина. Уже по заведенному ритуалу "врагов народа" обвиняют в связях с империалистами, иностранными шпионами и вредителями. В стране нагнетается атмосфера заговоров и шпиономании. Для оправдания террора нужно время от времени "предъявлять" врагов, и их ищут повсюду — в том числе и в Испании, и в среде русской эмиграции.

Есть и еще одна мало исследованная причина пристального внимания Сталина и НКВД к "испанцам". Дело в том, что интернационалистские чувства были не единственным

побуждением советских патриотов, просившихся в Испанию. Имеются свидетельства и того, что многие ехали под пули франкистов, фактически спасаясь от удавки НКВД. Бежали под пули фалангистов от душной атмосферы всеобщей подозрительности, шельмования, от опасности быть увезенным в одну из ночей в "воронке" и не вернуться. Героическая смерть в рядах республиканцев была предпочтительнее анонимной смерти в сталинском ГУЛАГе. Но и здесь советских патриотов настигала железная хватка ежовских исполнителей.

Подозрительность Сталина в отношении республиканцев имела свои политические основания. Дело в том, что в рядах бойцов интернациональных бригад собралось много революционеров-интернационалистов. В Испанию стекались оказавшиеся за рубежом троцкисты, анархисты.

Озабоченный исключительно укреплением своей власти и уничтожением своих врагов, Сталин думает не столько о помощи республиканцам, сколько о выявлении троцкистов в рядах испанских добровольцев. Деятельность НКВД в Испании главным образом и ориентировалась на эту "сверхзадачу". Террор, развязанный Сталиным против своих противников в Москве, продолжался и в Испании.

Одной из баз, с которой действовали сталинские "опричники" в Испании, становится Париж, где наличие большой и разнородной русской эмиграции служило прекрасной почвой для создания сети секретных агентов. Немало их оказалось и в верхушке РОВСа, который, по мнению ряда исследователей, фактически контролировался НКВД.

В советской печати уже появлялись свидетельства о деятельности НКВД в среде русской эмиграции^{*}. В частности, упоминалось имя Сергея Эфрона, мужа известной русской поэтессы Марины Цветаевой. Активный деятель "возвращенческого движения", Сергей Эфрон в период испанской войны был причастен к переправке секретных сотрудников НКВД в Испанию. Дело в том, что патриотически настроенный "Союз возвращения на родину" давал бойцов и для интернациональных бригад республиканцев. Многие эмигранты, мечтавшие вернуться в Россию, смотрели на участие в испанской войне на стороне республиканцев, поддерживаемых Советским правительством, как на своего рода "выкуп", дающий право получить билет в Москву. Советские официальные органы в Париже, не давая официальных заверений, тем не менее стимулировали подобные настроения.

Были среди эмигрантов и такие, которые предпочитали занять в испанской войне правый фланг. Испанская война

* М.Геллер, А.Некрич. Утопия у власти. Оверсиз Пабליкейшнз, Лондон, 1982. С. 331—335.

• Новый мир. 1989. № 3. С. 214—215.

стала для эмиграции как бы еще одним рубежом размежевания.

Участие русских белых офицеров (надо подчеркнуть — очень ограниченное) на стороне фалангистов, на наш взгляд, имело больше психологические, нежели политические мотивировки. В отличие от идей Гитлера, подучивших достаточную известность благодаря книге "Майн кампф", идеология франкизма, по сути дела, не была широко известна в Европе. И уж менее всего о ней знали в среде русской эмиграции. Офицерская эмиграция, в значительной части своей настроенная монархически, не питала больших симпатий к диктаторским наклонностям Франко. На поля воюющей Испании влекло другое.

Стремившиеся попасть в Испанию были боевыми офицерами, прошедшие фронтами первой мировой и гражданской войн в России. Война была их профессией, в сущности, образом жизни. Большинство добровольцев белой армии Врангеля, за исключением узкого круга артиллерийских и морских офицеров, не имели специальности, которую можно было бы в эмиграции приспособить к гражданскому быту.

Сводки с фронтов гражданской войны в Испании, которыми с лета 1936 года запестрела французская пресса, представляли учащенно биться многие эмигрантские сердца. Слишком много было в душе воспоминаний о полях гражданской войны в России, чтобы воспринимать вести из Испании с холодным отстранением. Часть офицеров увидела в испанской войне возможность вновь обрести привычный жизненный уклад, войти в привычную среду, где они были бы: не изгоями, не статистами в генеральской игре Русского общевоинского союза, а активными участниками.

Разумеется, в среде эмигрантов и руководителей РОВСа были и такие, которые увидели в фашизме новую форму борьбы с ненавистным им большевизмом. Число их, впрочем, было незначительным, даже и в генеральских кругах РОВСа. Правое крыло эмиграции, несмотря на неприятие большевизма, довольно быстро разобралось в политических намерениях германского фашизма. Гитлера менее всего интересовало искоренение идеологии сталинизма, в которой он не мог не увидеть целого ряда коренных, родственных свойств. Гитлер мечтал о "жизненном пространстве" для "великой Германии" и дешевой рабочей силе, приводимой в движение славянской кровью. Отношение эмиграции, даже ее крайне правого крыла, к Гитлеру было более чем сдержанным.

Большая часть эмиграции, особенно после нападения гитлеровской Германии на СССР, сердцем и душой встала на сторону России.

Однако в 1936 году, за три года до начала мировой войны,

обстановка в Европе для русских эмигрантов еще не представлялась столь очевидной, как в 1941-м. Но уже и в это время генерал Миллер, учитывая ряд факторов — и то, что Франция была союзницей России в первой мировой войне, и то, что французское правительство предоставило эмигрантам убежище, — был настроен скорее профранцузски. Впрочем, имелось и обстоятельство, затрудняющее "взаимопонимание" эмиграции, особенно ее правого крыла, с французскими властями. Обстоятельством этим было отчетливо наметившееся с середины 30-х годов внешнеполитическое сближение Франции и СССР. По инициативе министра иностранных дел Франции Луи Барту Лига Наций предложила Советскому Союзу вступить в эту организацию. С октября 1934 года СССР становится постоянным членом Лиги Наций^{*}. Это явилось как бы формальным концом международной изоляции Советской России, начавшейся после октября 1917 года.

Деятельность Луи Барту, открывавшая перспективы создания системы коллективной безопасности в Европе, явно не совпадала с планами фашистской Германии. 9 октября 1934 года Луи Барту был убит в Марселе хорватскими фашистами. Его преемником стал небезызвестный Пьер Лаваль, сторонник "умиротворения" фашистской Германии, будущий премьер и глава коллаборационистского правительства "Виши". (Казнен в 1945 году.) По иронии судьбы, поскольку механизм советско-французского политического сотрудничества, запущенный при Луи Барту, продолжал функционировать, подпись Лавала стоит и под советско-французским договором о взаимопомощи от 2 мая 1935 года.

Договор этот, хотя в нем и не содержалось никаких пунктов, касающихся деятельности русской эмиграции во Франции, тем не менее ставил неформальные ограничительные рамки для политической антисоветской деятельности. Эмиграция это хорошо понимала. Более того, заключение франко-советского договора послужило для некоторых лидеров РОВСа поводом к поиску контактов с Германией. Однако это заигрывание очевидных результатов не принесло.

Гитлер с самого начала скептически относился к русской эмиграции. Для него славянин оставался славянином, русский — русским, независимо от того, каким иконам они поклонялись: сталинским или православным. Гонения на русских эмигрантов в Париже после его оккупации, повальные

* В.П.Смирнов. Новейшая история Франции. Высшая школа. М., 1979. С. 126—127.

** Членство это, к сожалению, продолжалось недолго. В 1939 году, после начала "финской кампании", Советский Союз был исключен из этой международной организации.

аресты эмигрантов без всяких политических различий — достаточное тому подтверждение.

Обстановка гражданской войны в Испании, предчувствие общеевропейских военных катаклизмов обострили борьбу за влияние на эмиграцию, и прежде всего в РОВСе. Но про-французские, прогерманские или профранкистские симпатии чаще всего служили лишь идеологическим прикрытием для борьбы личных интересов и амбиций.

В 1935 году на этой почве в РОВСе обозначились серьезные трещины, грозившие полным развалом. 23 февраля в Париже произошло событие, получившее на страницах эмигрантской прессы название "бунта маршалов". Причиной бунта послужила пассивность генерала Миллера. Во главе бескровного путча стояли тринадцать старших чинов РОВСа, в том числе генералы Туркул, Фон и известный уже нам Скоблин, муж Надежды Плевицкой. В предъявленном Миллеру ультиматуме генералы, возмущенные бездеятельностью РОВСа и его главы, требовали превращения Русского общевоинского союза в политический центр зарубежья. Как выяснилось из более поздних источников, ставших известными эмиграции уже после войны, генерал Николай Скоблин играл в этом заговоре двойную роль. Он был составителем ультиматума и он же докладывал Миллеру о всех шагах заговорщиков. Теперь, когда все более проясняется связь генерала Скоблина с НКВД, можно сказать, что роль его была тройной.

Миллер, находившийся, как мы уже упоминали выше, в определенной изоляции, оценил "лояльность" генерала Скоблина достаточно высоко. "Бунт маршалов", фактически спровоцированный Скоблиным, еще более повысил к нему доверие престарелого главы РОВСа. В мае 1935 года Миллер поручает ему руководство так называемой "внутренней линией", фактически контрразведкой РОВСа. Одной из задач "внутренней линии" было следить за "большевистской агентурой" в эмиграции и препятствовать ее проникновению в РОВС. Теперь во главе этой тайной организации в рамках Русского общевоинского союза встал генерал Скоблин.

В августе 1936 года произошел еще один неприятный для главы РОВСа инцидент: 3 августа в Париже в Галлиполийском собрании состоялась встреча "дроздовцев", главным образом офицерского состава бывшей дроздовской дивизии. Миллера снова обвинили в бездеятельности. Собрание "дроздовцев" постановило выйти из РОВСа. Однако Миллер этой "коллективной отставки" не принял, и конфликт удалось погасить. Тем не менее сведения о скандале просочились в печать. Вес и влияние РОВСа в эмигрантской среде продолжали падать.

Двамя неделями ранее, в июле 1936 года, другой "мятежный генерал" А.В.Туркул созвал учредительное собрание Русского национального союза участников войны. В своей программе новый союз призывал к активизации борьбы против Советской власти и клеймил Миллера за разложение РОВСа.

Газета "Последние новости", издаваемая в Париже П.Милюковым и весьма скептически относившаяся к деятельности РОВСа, а тем более к его антисоветским активистам, не без иронии писала: "Неожиданно в июле перешли в нападение "активисты". Генерала Миллера, видно, было решено побить собственным его оружием. Генерал А.В.Туркул, мечтающий занять место генерала Миллера, произвел нападение врасплох".

Надо сказать, что личность генерала А.В.Туркула была небезызвестна и французской контрразведке. Парижские власти весьма косо смотрели на его военно-политическую активность, особенно в период франко-советского сближения. Частые поездки Туркула в Берлин, его речи на собраниях пронацистской группировки "Русское национал-социалистическое движение" не оставляли сомнения в его симпатиях. Однако прямых доказательств связи Туркула с немецкими спецслужбами не доставало, и французское министерство внутренних дел генерала не трогало. Лишь позднее выяснилось, что "немецкие вкусы" Туркула служили маской. В действительности же генерал поддерживал агентурные связи с японским военным атташе в Берлине генералом Осима.

Таким образом, русская военная эмиграция накануне второй мировой войны буквально разрывалась от противоречий, разобраться в которых трудно до сих пор. Но бесспорен факт, что те или иные подразделения РОВСа использовались разведками всех европейских стран, начиная с советской и кончая бельгийской. Миллеру, начинавшему свою карьеру на военно-дипломатическом поприще, приходилось использовать все свое политическое мастерство и опыт, чтобы удерживать Союз от распада. Начавшаяся в 1936 году испанская война, давшая выход энергии "активистов", несколько приглушила внутренние противоречия. Престарелый генерал и дипломат остался у руля тонущего корабля. Но, как оказалось, ненадолго.

Миллер не являлся сторонником отправки русских добровольцев в Испанию, придерживаясь мнения, что в роковые моменты эмиграции, гражданской и военной, следует держаться в стороне от большой драки. Но открыто сопротивляться давлению "активистов" он не мог. Приходилось лавировать, хитрить, тянуть время. Тем не менее его вынуди-

ли провести консультации с высшими чинами РОВСа по этому вопросу. Была установлена связь и с франкистскими представителями. В штабе Франко предложение о посылке белых добровольцев восприняли без энтузиазма. Тем более что представители РОВСа не могли назвать даже примерное число возможных волонтеров. Имелись и политические сложности.

Общественное мнение Франции оказалось на стороне республиканцев. В Париже собирали деньги на покупку снаряжения для республиканцев. В рядах интернациональных бригад сражались многие французы. В Париже, Марселе, Лионе проходили массовые митинги в поддержку республиканцев. Активную антифранкистскую позицию заняла французская интеллигенция.

Правительство Леона Блюма, поддерживая морально республиканцев, тем не менее от непосредственной помощи уклонялось, объявив о политике невмешательства. Тем не менее благодаря активной гражданской позиции виднейших представителей интеллигенции — Р.Роллана, Ф.Жолио-Кюри, А.Мальро и многих других во Франции для республиканцев было собрано более 100 млн. франков. В Испанию уехали 8,5 тысячи французских добровольцев, вставших в ряды интернациональных бригад. Три тысячи из них погибли в боях. В такой моральной обстановке руководству РОВСа было бы нелегко открыто объявить о посылке русских офицеров на помощь Франко. Это значило бы окончательно погубить себя в глазах французского общественного мнения, которое и без того скептически смотрело на деятельность правой русской эмиграции. Таким образом, действовать приходилось тайно.

И вновь активную роль в этом деле играет генерал Скоблин. На правах бывшего командира одной из корниловских дивизий он контролировал недавних своих подчиненных, офицеров-корниловцев. Как только стала проясняться возможность посылки добровольцев в армию Франко, Скоблин тотчас же предложил свои услуги — "дать своих корниловцев". Что из этого получилось, мы увидим чуть ниже. Пока же несколько слов скажем об отношениях генерала Скоблина с корниловцами.

Корниловская дивизия в белой армии всегда была на виду. В ее "послужном списке" — тяжелейшие бои гражданской войны. В том числе — на Перекопе. С этой дивизией, а точнее сказать, со 2-м корниловским полком тесно связана судьба и генерала Скоблина, и его будущей жены Надежды Плевацкой. В Крыму, в период боев за Перекоп, во время небольшой передышки Плевацкая дает концерт корниловцам. Она чуть было не погибла во время неожиданно начав-

* В.П.Смирнов. Новейшая история Франции. С. 152—154.

шегося артиллерийского обстрела со стороны красных. Спас ее генерал Пашкевич, временно заменявший больного брюшным тифом Скоблина. На некоторое время Плевицкая становится "походной женой" Пашкевича и следует в обозе 2-го корниловского полка. 15 июня 1920 года Пашкевич был смертельно ранен. Через год, в июне 1921 года, она выходит замуж за Скоблина. У корниловцев появляется "мать-командирша". Время от времени, чтобы скрасить унылую скуку полковой жизни в палаточном городке, она поет для офицеров и солдат душещипательные русские песни и романсы.

Пела Плевицкая для бывших галлиполийцев и в Париже на сцене Дома артиста, основанного известным русским тенором Дмитрием Смирновым. Однако эмигрантские концерты, к тому же по большей части благотворительные, ее не удовлетворяют. Вместе с мужем, генералом Скоблиным, она уезжает в длительное турне по Америке: поет в Нью-Йорке, Детройте, Филадельфии. И всюду ее сопровождает Скоблин, ставший, по сути дела, ее импресарио.

Однако в Нью-Йорке произошел скандал. В январе 1926 года эмигрантская просоветская газета "Русский голос" поместила объявление о концерте "рабоче-крестьянской певицы" Н.В.Плевицкой, приглашая сочувствующих Советской власти эмигрантов на концерт. В журнале "Новое русское слово" появилась возмущенная статья "Глупость или измена". Плевицкой пришлось оправдываться: "Я артистка и пою для всех", — объясняла она журналистам. Скандал, разумеется, был пустяковым, но эмиграция жила такого рода скандалами и за неимением возможности участвовать в большой политике подолгу смаковала нюансы скандальной хроники.

Весть о конфузе супружеской пары Скоблин—Плевицкая докатилась до Европы. Эмигрантские круги Парижа были тоже возмущены. 9 февраля 1927 года Врангель, недовольный постоянными отъездами генерала Скоблина с женой-певицей, подписывает приказ об освобождении Скоблина от командования корниловцами. Репутация супружеской четы в Париже оказалась сильно подмоченной. Лишь через год, уже после смерти Врангеля, благодаря хлопотам посаженного отца четы генерала Кутепова, ставшего председателем РОВСа, великий князь Николай Николаевич подписал приказ о возвращении Скоблина в должность. Пришлось, замаливая "грешок", потрудиться и Плевицкой. Она дала в Париже несколько бесплатных концертов для Общества галлиполийцев.

После похищения генерала Кутепова Скоблин и Плевицкая начинают усиленно ухаживать за новым главой РОВСа генералом Миллером. Они имели все возможности хорошо принять и угостить дорогого гостя. Еще в 1930 году Скоблин покупает в городке Озуар-ля-Ферьер дом № 345 на авеню Маршаль Петэн. Для большинства эмигрантов цена показа-

лась бы огромной — 82 тысячи франков. Однако все понимали, что деньги дала Плевицкая. О ее дореволюционных доходах среди эмигрантов ходили легенды. И действительно, в первые годы эмиграции она появляется в обществе в бесценных мехах, в бриллиантах. Позднее, когда эмиграция "порастряслась" и на фоне всеобщей скудости шиковать стало неприличным, Плевицкая, любившая роскошь, стала более сдержанной.

И тем не менее жизнь генерала и певицы (Скоблин, кстати, не получал никакого жалованья, ибо почти все время находился в разъездах с женой) была по эмигрантским меркам обставлена весьма зажиточно: собственный дом, автомобиль, прислуга, путешествия, банкеты... Щедро жертвовала Плевицкая и на церковь. Большую сумму она дала на строительство Свято-Троицкой церкви в Озуаре. Кстати, настоятелем прихода, где поселились супруги, был отец Александр (Чекан), в прошлом офицер-артиллерист, женатый на дочери генерала Миллера. Отец Александр стал духовником Плевицкой. Так эмигрантская жизнь плела свои причудливые узоры.

Генерал Миллер, ставший в 1930 году руководителем РОВСа, часто гостил в Озуаре. Со временем он так привязался к Плевицкой и Скоблину, что считал их чуть ли не родственниками. Дружба с Миллером открывала Скоблину доступ ко всем секретам Русского общевоинского союза. По поручению Миллера Скоблин совершает инспекционные поездки по группам РОВСа в другие страны Западной Европы.

К 1936 году Скоблин оказывается не только одним из самых влиятельных лиц в РОВСе, но и доверенным лицом генерала Миллера. Собственно, Скоблин координирует всю работу по отправке белых добровольцев в Испанию. Генерал Миллер, вынужденный согласиться на эту акцию, от ее реализации самоустранился. Его беспокоят не только возможные политические осложнения с французскими властями, но и материальные издержки. Эмиссары генерала Франко, дав в конце концов принципиальное согласие принять добровольцев, субсидировать это предприятие отказались.

Разочаровывало добровольцев из РОВСа и то обстоятельство, что офицеры принимались на службу к Франко с понижением в чинах. Только в конце декабря 1936 года Миллер наконец получил официальное извещение о том, что Франко дал принципиальное согласие принять белых офицеров. 25 декабря Миллер издает циркуляр № 845 о порядке приема добровольцев в Испанский иностранный легион. Каждый отъезжающий в Испанию должен был иметь подписанный Миллером "сертификат благонадежности".

Отправкой первой группы ведал капитан Петр Савин, один из активистов "внутренней линии", человек, близкий генералу Скоблину.

Однако с первых же шагов добровольцы столкнулись с непредвиденными трудностями. В обычное время переход франко-испанской границы никаких трудностей не представлял. В приграничных городках и поселках без всякого труда можно было найти за умеренную плату проводника, который указывал верную тропу. Однако в связи с тем, что из Франции к Франко устремились члены секретной, хорошо законспирированной профашистской организации "Кагуль", французская пограничная служба усилила наблюдение. Русские об этом и не подозревали. Неприятный сюрприз ждал добровольцев в Биарице. Испанский консул сообщил здесь Савину, приехавшему несколькими часами раньше добровольцев, что переход границы в районе Биарица может привести к скандалу. Пришлось на ходу менять планы. Офицеры, не сходя с поезда, проехали до местечка Сен-Жан де Люз. Здесь проживал директор консервной фабрики, сочувствовавший франкизму. С ним через испанского консула русские и вступили в сговор. Получив от Савина телеграмму "Восемь ящиков консервов получены", что свидетельствовало о количестве прибывших, он зарезервировал для добровольцев места в местной гостинице. Директор консервной фабрики, местный житель и знаток окрестностей, сам же и переводил офицеров через пограничную речушку Бидосс, на другой стороне которой располагался испанский городок Ирун. Здесь добровольцы попадали в руки франкистского полковника Тронкозо, который, проверив их "верительные грамоты", переправлял дальше, в глубь страны. На фронт добровольцы следовали через Памплону.

Проработка маршрута и подготовка переправки свидетельствовали о том, что испанская сторона рассчитывала на прием значительного контингента русских добровольцев. Однако широко задуманная затея обернулась конфузом. Во-первых, активисты РОВСа переоценили пыл русских сражаться на стороне генерала Франко. В среде русской эмиграции преобладали другие настроения. Сторонников республиканцев среди эмигрантов оказалось несравнимо больше. Они и создавали соответствующий психологический климат. Во-вторых, делам РОВСа основательно навредила сама эмигрантская пресса.

Нужно сказать, что эмиграция приняла войну между республиканцами и франкистами очень близко к сердцу. И эмиграция, и ее политические лидеры понимали, что эта война, как и всякая катастрофа, несет в себе элементы судьбы. Никто не знал, чем окончится война, но все понимали, что она является преддверием еще более крупной катастрофы. И как всегда, в обстановке неизвестности, тревог, опасностей, в эмиграции всколыхнулись неясные надежды. Русская пресса широко освещала гражданскую войну в Испании, видя в ней как бы продолжение собственной национальной трагедии.

Две крупнейшие ежедневные газеты "Последние новости" и "Возрождение" имели в Испании собственных корреспондентов. Более мелкие издания всеми правдами и неправдами ухитрялись получать из Испании информацию по иным каналам.

Шум поднялся, когда в журнале "Часовой" стали появляться сообщения об участии русских добровольцев в боях на стороне Франко. Патетические корреспонденции, прославлявшие "подвиги" белых героев, привлекли в конце концов внимание французских властей. Проведенное расследование подтвердило, что речь идет о нелегальном переходе эмигрантами государственной границы. Генерал Миллер принужден был оправдываться. Пограничные отряды жандармерии тем временем усилили наблюдение за границей. И первая же после разразившегося скандала группа была задержана в Сен-Жан де Люз. После этого инцидента отправка добровольцев РОВСа в Испанию была прекращена. Всего успело уйти к Франко пять групп общим числом 28 человек.

Об участии белых офицеров в испанской войне писали в 1936 году и советские газеты, используя попавшие в руки чекистов в Испании бумаги белого генерала Фока, одного из соперников Миллера по РОВСу. Генерал Фок уехал к Франко без ведома Миллера и, будучи опытным артиллеристом, получил в командование артбатарею. В одном из боев франкисты были разбиты. В руки республиканцев попали трофеи, и среди них чемодан с личными вещами генерала Фока, который был доставлен в Москву. Советская пропаганда широко использовала попавшие в ее руки документы для разоблачения действий эмиграции и нагнетания ненависти к "белогвардейским шпионам и предателям". Что касается судьбы генерала Фока, то он погиб в одном из боев буквально несколько недель спустя.

Неудачная эпопея с переправкой добровольцев в Испанию еще более ослабила авторитет генерала Миллера в эмигрантских кругах. Соперники по РОВСу открыто обвиняли его в некомпетентности. В сущности, престарелый генерал утратил контроль и над РОВСом, и над "внутренней линией", которая встала в открытую оппозицию. Особую активность в дискредитации Миллера проявляли Скоблин и Плевацкая, которые еще несколько лет назад столь трогательно заботились о генерале.

Совершая летом 1937 года поездку по местным отделениям РОВСа, Миллер лично имел возможность убедиться в том, что созданный Врангелем Союз вышел у него из-под контроля и фактически перестал существовать как целостная военная организация.

Тем более удивительным было неожиданное и загадочное исчезновение генерала 22 сентября 1937 года. Какую

цель преследовали лица, устроившие его похищение? Какие силы стояли за этой акцией? Все эти вопросы свалились на голову эмигрантов, когда на следующий день русские и французские газеты вышли с огромными заголовками, возмущавшими об этом происшествии. Страсти закипели еще сильнее, когда сделалось известным, что вслед за исчезновением Миллера пропал и генерал Скоблин. А 27 сентября 1937 года полицейский комиссар Рош арестовал Надежду Плевицкую. Изумлению в стане эмиграции не было границ. Имя певицы было известно каждой эмигрантской семье. Скандал разрастался.

Дело о похищении генерала Миллера, следствие и суд над Плевицкой в мельчайших подробностях освещались французской и эмигрантской прессой. Это был один из значительнейших процессов если не века, то десятилетия. Интерес читателей, безусловно, подогревался причастностью к делу знаменитой певицы, которую в свое время слушал сам российский император Николай II.

О похищении генерала Миллера и в 1937-м, и в последующие годы были написаны сотни статей. Так что восстановить ход следствия и суда не представляет особых трудов. "Дело Плевицкой" занимает несколько десятков томов, и вдаваться во все его детали пятьдесят с лишним лет спустя едва ли целесообразно. В 1980 году известная эмигрантская журналистка Марина Грей, дочь генерала Деникина, имеющая значительные связи в эмигрантской среде, провела дополнительный опрос многих свидетелей и участников процесса. На основе собственного расследования и ранее известных данных она опубликовала своего рода роман-исследование*, который является дополнительным документальным источником для понимания этого запутанного дела.

Судьба Надежды Плевицкой и дело о похищении генерала Миллера могли бы, вероятно, послужить канвой для замечательнейшего фильма о русской эмиграции. Но мы ограничимся лишь теми сведениями, которые касаются не столько "детективной" стороны дела, сколько тех его аспектов, которые дают возможность лучше понять жизнь эмиграции.

* * *

Жизнь Надежды Васильевны Плевицкой на чужбине, видевшаяся со стороны скудного эмигрантского подворья усыпанной розами, на самом деле не была столь блистательной и безоблачной, как могло показаться завистливому глазу.

* M. Grey. Le general meurt à minuit. Ed. Plon, Paris, 1981.

Все, разумеется, воспринимается в сравнении, и сравнения эти для самой Надежды Васильевны не были утешительными.

В России до революции она была одной из самых высокооплачиваемых певиц. В 1910 году ей платили за концерт гонорар в 300 золотых рублей, что по тем временам было огромной суммой. Рубль в тот период, напомним читателям, был конвертируемой международной валютой и имел на биржах европейских столиц чрезвычайно высокую котировку. Кроме того, Надежда Васильевна не принадлежала к тому типу беспечных актрис, которые по пустякам проматывают огромные деньги и умирают в нищете. В ней чувствовалась прижимистая крестьянская жилка. Не рискуя вкладывать деньги в акции и ценные бумаги, подверженные превратностям конъюнктуры, она предпочитала более надежные средства: вкладывала деньги в недвижимость. У нее было несколько прекрасных квартир, в том числе в престижном районе Петербурга, она купила большой клин земли в благодатнейшем районе русского черноземья под Курском, в тех местах, где родилась и выросла. В ее владении были лес и луга. С учетом особенностей экономического развития России "периода империализма" лучшее вложение капитала придумать было трудно, особенно для человека неискушенного. В своем имении под Курском новоявленная помещица из крестьян отстраивает великолепный дом. Лес для строительства привозят из Ярославля. Ну и, разумеется (какая состоятельная женщина откажет себе в приятных пустяках?), — бриллианты, рубины, сапфиры, меха.

Когда в феврале 1912 года она в сопровождении своего первого мужа Эдмона Плевницкого появляется в казино Монте-Карло, ее принимают в мире большой игры как "миллионщицу" и возможную легкую жертву. Однако у "курского соловья" хватает здравого смысла не подвергать свое финансовое благополучие испытаниям судьбы. Лишь один раз она позволит увлечь себя риском попытать счастья в рулетке. И выигрывает! Оставив королевские чаевые крупные и при слуге казино, она уходит, чтобы никогда не вернуться в этот зыбкий мир случая. Она предпочитает более надежный источник доходов — свой голос. Вплоть до самого начала войны 1914 года одни гастролеры следуют за другими. Города России сменяются городами Европы и Америки. Имя Плевницкой котируется на мировой концертной бирже наряду с именами Карузо, Айседоры Дункан, Шаляпина. Три импресарио — Резников, Афанасьев, Шнейдер — едва справляются с организацией турне и концертов...

Революция лишает ее и поместья, и квартир, и счетов в банках. Начинается новая полоса жизни. Но, несмотря на странный одесский эпизод жизни, связанный с именами матроса Шульги и комиссара Домбровского, осуществляв-

ших в городе "красный террор", ее имя остается легендой и в эмиграции...

Объясняя в декабре 1938 года в ходе суда свою близость с красными комиссарами, певица скажет, что она была вынуждена поддерживать с ними "добрые отношения", чтобы спасти мужа (напомним, что в этот период Плевицкая была замужем за капитаном Левицким). Загадочный этот эпизод из жизни "курского соловья" был неизвестен эмигрантской массе и всплыл лишь во время следствия по делу о похищении Миллера.

...Ее песни по-прежнему вызывают восторг слушателей. Увы, это уже не те концерты, которые гремели по России. Певице, привыкшей к роскошным залам Петербурга, Москвы, Парижа и Нью-Йорка, приходится довольствоваться, по крайней мере в течение первых двух лет эмиграции, наспех сколоченной из досок эстрадой, в палаточных городках эмигрантских военных поселений или скромными залами европейских провинциальных городков. С 1922 года положение несколько улучшается, но концерты, которые певица дает в Варшаве, Белграде, Брюсселе, Берлине, уже не те, что в былые времена. Причин неожиданного упадка ее славы несколько. Ее аудитория, представлявшая до революции "всю Россию", теперь ограничена эмигрантской средой. А многим из этих людей, особенно в первые годы территориальной разбросанности и неустроенности, было не до концертов. К тому же для эмигрантского скудного кошелька билеты на концерты малодоступны. Тем не менее другой публики у Плевицкой, по сути дела, нет. Ее репертуар — русские песни — был хорош для организации нескольких "экзотических" концертов, но широкой концертной аудитории не собирает. То, что удалось Федору Шаляпину — преодолеть комплекс эмигрантского артиста и сделаться мировой величиной с мировым репертуаром, — Плевицкой не удалось.

До революции ее успех на Западе был в значительной степени обусловлен громкой славой в России. Теперь же она была лишь отзвуком былого, эмигрантской певицей с русско-эмигрантским репертуаром. Ее мировая слава, не успев окрепнуть, быстро увядала. Плевицкая с недоумением обнаруживает, что для Запада она неинтересна. Изданная в 1924 году книга ее воспоминаний расходуется лишь в трех тысячах экземпляров.

Доходов едва хватает на то, чтобы вести подобие светской жизни. Она по-прежнему появляется в мехах, в бриллиантах, в ее распоряжении автомобиль. Однако финансовые трудности все больше дают о себе знать. Плевицкая вынуждена отказаться от лишней прислуги. Жившие в ее доме и помогавшие по хозяйству родственники вспоминали впоследствии, что случались дни, когда в доме не оставалось провизии. По свидетельству Тамары Воробьевой, двоюрод-

ной сестры Плевицкой, служившей в середине 30-х годов кухаркой в доме Скоблиных, перед второй мировой войной концерты Плевицкой уже не приносили доходов. Плевицкая не могла даже расплачиваться с прислугой, и в 1937 году Тамара Воробьева уезжает из дома в Озуаре в Париж и устраивается работать на автозаправочную станцию ночным дежурным. Чета Плевицкая—Скоблин испытывает трудности по уплате взносов за купленный в рассрочку дом в Озуаре.

Во время суда над Плевицкой в качестве одного из документов фигурировала экспертиза финансового ревизора господина А.Фурнье, где говорилось о том, что в 1935 году супруги уплатили лишь за три месяца, в 1936-м — за пять и в 1937-м — за четыре.

Несмотря на эти обстоятельства, в кругах эмиграции начиная с середины тридцатых годов ходят упорные слухи, что Скоблин и Плевицкая живут не по средствам и что якобы источником их дополнительных доходов являются "деньги Москвы". Во время суда, отвечая на вопрос мэтра Рибэ — адвоката гражданских истцов (ими были жена и сын похищенного генерала) об источниках своих дополнительных доходов, Плевицкая ссылалась на бескорыстную помощь своего давнего друга Марка Эйтингтона, богатого врача-психиатра, жившего в Палестине.

Сомнения в "праведности" доходов Скоблина и Плевицкой были достаточно широко распространены и в офицерской среде эмиграции, в том числе среди корниловцев.

Осенью 1937 года Скоблин и Плевицкая довольно часто бывали в Париже, приезжая из Озуара на автомашине. Концертов у Надежды Васильевны в последнее время почти не было. эмиграция совсем обеднела, петь приходилось все больше на благотворительных вечерах в пользу больных и стареющих белых воинов. Вечеров этих Надежда Васильевна не любила. Молодежь слушать ее не приходила, а однообразные комплименты постаревших полковников и генералов все чаще вызывали чувство горечи. Она знала, что даже в полковой среде ее и Скоблина недолюбливают за скупость и за слухи, которые шлейфом тянутся за ними еще со времен ее "одесских гастролей". Поездки в Париж доставляли все меньше и меньше удовольствия. Круг почитателей "курского соловья" сужался. К тому же она заметно подурнела. В 1937 году в свои 53 года, несмотря на дорогие туалеты с претензией на роскошь, на меха и драгоценности; она выглядела отцветшей уставшей женщиной. Мешал и властный характер, и прежние привычки к поклонению. Надежда Васильевна все чаще бывала раздражительна и резка. Ссорилась с родственниками, со знакомыми. Ее мучила ревность к мужу, бывшему десятью годами моложе ее. В эмиграции судачили по поводу ее семейного тиранства и язвительно именovali Скоблина "генералом Плевицким". Надежда Васильевна на

склоне лет сделалась болезненно недоверчивой и не любила отпускать мужа в Париж одного. Но и совместные поездки в Париж, некогда доставлявшие ей большое удовольствие, в последние годы приобрели горьковатый привкус.

Тем более что в офицерской среде, где они чаще всего вращались, на супружескую пару с некоторых пор поглядывали с любопытствующей подозрительностью. Разумеется, прямых улик против мужа не было, суд офицерской чести полностью отвел от него гнусные подозрения, но душок оставался. К тому же о скандальной истории писали эмигрантские газеты, следовательно, о подозрениях, хотя и развеянных заступничеством генералов, знали все.

Замятый скандал был связан с именем полковника Бориса Марковича Федосенко, служившего прежде в корниловском полку. Это был тип эмигрантского неудачника, месяцами слонявшегося без работы и перебивавшегося случайными заработками, неприкаянного и озлобленного на весь мир. В порыве отчаяния, страдая от безденежья, он через одного из своих приятелей нащупал связь с агентурой НКВД в русском зарубежье, потом раскаялся и обо всем рассказал французскому комиссару Фо-Па-Биде, известному тем, что вел следствие по делу о похищении генерала Кутепова в 1930 году. Повинился он и генералу Говорову, председателю Союза первопоходчиков. Несмотря на раскаяние, полковник Федосенко был исключен и из Союза первопоходчиков, затем приказом генерала Скоблина и из корниловского полка. Имя полковника было скомпрометировано в эмигрантских кругах. Он жил изгоем, заливая горькую судьбу водкой в дешевых русских кабаках Парижа. Его рассказам мало кто верил.

А между тем рассказывал он о событиях странных, беспокоящих. Например, о том, что в апреле 1932 года посылал комиссару полиции Елисейского дворца анонимное письмо с предупреждением о готовящемся покушении на президента республики Думера. Полиция тогда не придавала значения анонимке, сочтя ее за бред сумасшедшего. А 6 мая 1932 года Думер был убит выстрелом эмигрантского монархиста, бывшего офицера П.Горгулова. И всякий раз в бредовых этих разговорах всплывало имя генерала Скоблина. Собеседники слушали, но не придавали особого значения словам Федосенко: мало ли среди бывших офицеров свихнувшихся. Намеки Федосенко на то, что в убийстве французского президента Думера замешано НКВД, пытавшееся таким образом посорить Францию с русской эмиграцией, вызывали только усмешку.

Бывший полковник корниловского полка между тем оказался на редкость настойчивым. Не добившись "сатисфакции" в среде бывших однополчан, не найдя сочувствия у генерала Миллера, он обратился к журналистам. Поздней

осенью 1934 года он встретился с сотрудником правой эмигрантской газеты "Возрождение" Н.Н.Алексеевым и, поведав ему свою историю, передал в качестве "документального доказательства" рапорт в тридцать машинописных листов. Копию рапорта полковник передал и начальнику 1-го отдела РОВСа генералу Эрдели. Эрдели вынужден был начать неофициальное расследование дела Скоблина.

Тем временем в парижской газете "Возрождение" появилась статья, подписанная псевдонимом Али-Баба, основанная на сведениях, предоставленных полковником Федосенко. Хотя имя Скоблина в статье не называлось, военная эмиграция, хорошо знавшая все детали жизни Скоблина и Плевицкой, безошибочно расшифровала, кто имеется в виду под генералом XX.

В среде военных статья Н.Алексеева вызвала шок и возмущение. Под удар была поставлена честь РОВСа, по сути дела, само его существование, ибо из статьи следовало, что Русский общевоинский союз полностью контролируется советской агентурой. Спасая честь мундира, руководство РОВСа постыжало с опровержениями. Генерал Эрдели, ранее по рапорту полковника Федосенко давший ход расследованию, в письме в редакцию опроверг даже сам факт знакомства с полковником.

"...Полковник X ко мне не являлся, никакого прошения мне не подавал и никаких данных мне не сообщал... Всю ответственность за провокационные инсинуации по адресу одного из старых членов РОВСа, первопоходчика генерала XX, приведенные в статье "Отклики", возлагаю на ее автора и его осведомителя, полковника X".

Под давлением верхушки РОВСа от собственной публикации поспешила отмежеваться и редколлегия "Возрождения". Газета теперь одно за другим печатала письма "сослуживцев" в защиту Скоблина.

К отбеливанию Скоблина подключилась и собственная пресса РОВСа — софийский "Вестник общества галлиполийцев", журнал "Часовой".

Тем не менее круги от публикации в "Возрождении" широко пошли по эмиграции. Репутация мужа Плевицкой, несмотря на заступничество однополчан, была сильно подмочена. Далеко не все офицерство эмиграции склонно было так легко поверить опровержениям подначальных генерала. Скоблин вынужден был прибегнуть к традиционному в офицерской среде способу защиты достоинства — к суду чести. Суд чести под председательством генерала Н.Н.Стогова признал возведенные Федосенко обвинения против генерал-майора Скоблина необоснованными и ничем не подтвержденными.

* Возрождение. 1935. 26 января.

Генерал Миллер в письме от 10 июля 1935 года поздравляет Скоблина и Плевицкую по случаю окончания этого неприятного для них дела.

Впрочем, в эмиграции имелось и иное мнение; что вся эта история — результат борьбы за влияние в РОВСе различных группировок военной эмиграции.

* * *

Надежду Васильевну мучили головные боли. В феврале 1935 года она с мужем попала в автомобильную аварию: в Венсенском лесу, в сущности, в черте Парижа, на выезде из города на них наскочил грузовик. К счастью, ни певица, ни генерал серьезных ранений не получили. У Плевицкой были легкое сотрясение и незначительные ушибы. У генерала обнаружили трещины в правой лопатке и ключице. Лечились супруги в русской клинике Б.Жирмудского под наблюдением профессора И.П.Алексинского.

В эмиграции, переживавшей времена “тощих коров”, стоимость лечения вызвала малоприятный шумок. Двухнедельный курс обошелся в 8000 франков. Обратило на себя внимание и то, что, едва выписавшись из больницы, супруги приобрели новый автомобиль — роскошь, которую могли себе позволить в эмиграции лишь единицы. Заметим, что даже оба руководителя РОВСа, генералы Кутепов и Миллер, не имели собственных машин — при необходимости их обслуживали на добровольных началах русские шоферы такси из офицеров.

Ссадины и синяки от столкновения с грузовиком давно исчезли, а вот головные боли остались. В последнее время певицу мучили еще и неприятные сновидения. Елена Фурнье, дальняя родственница Плевицкой, гостившая у нее в Озуаре в 1937 году, вспоминала много позднее о странных “провидческих” снах Надежды Васильевны — ей снилась тюрьма и могила под тюремной стеной. Ее ночи были беспокойны.

Дурно спала она и в ту роковую ночь с 22 на 23 сентября 1937 года.

Ей вообще плохо спалось в Париже. Ночи казались душными, хотя стояли последние, совсем уже не жаркие дни сентября. На улицах пахло сырой листвой. Все тротуары на авеню Гюго были усыпаны порывевшей листвой платанов. Листва охапками лежала по обочинам брусчатой мостовой. На углах улиц появились жаровни, и горьковатый запах жареных каштанов заползал через ставни, навевал горькие предчувствия. Генерал Скоблин в последние дни был мало-разговорчив, замкнут и почти не отвечал на участившиеся в последние годы вспышки раздражительности.

Надежда Васильевна завидовала ему — его молодости (сравнительной, разумеется), его здоровью, крепкому (“солдатскому”, как он шутил иногда) сну.

Вот и теперь она первой услышала стук в дверь, позвала мужа. Тот нехотя поднялся, подошел к двери, спросил. Голос зовущего показался знакомым. Это был полковник Мальцев, один из сослуживцев Скоблина по РОВСу. Она услышала его взволнованный шепот.

— Хорошо... Я сейчас спущусь. Подождите меня внизу, — отозвался муж. — Я быстро. Только переоденусь.

— Что случилось, Николай? — обеспокоенно спросила Плевицкая.

Оказалось, что ее мужа срочно просят приехать в штаб-квартиру РОВСа. Внизу ждет такси.

Скоблин между тем не спешил. Долго выбирал в платяном шкафу костюм, не торопясь повязывал галстук, точно бы оставляя себе время подумать. Ее удивило, что муж, уходя, захватил пальто. Ночи еще стояли теплые. К тому же он сам сказал, что за ним пришло такси.

Он ушел не попрощавшись, его шаги неспешно проскрипели по деревянной лестнице отеля "Пакс". Надежда Васильевна в этот момент еще не знала, что муж, генерал Скоблин, уходит из ее жизни навсегда.

Тягостное волнение овладевает ею. О снe не может быть и речи. Включив ночник, она надевает халат, садится на постели. За закрытыми ставнями отеля притаилась беспокойная ночь. Прожив в Париже почти 15 лет, она так и не привыкла к этому городу. Он не стал ей родным. Голоса на улице по-прежнему звучали чуждо, незнакомо. Не выучилась Плевицкая и французскому языку: знала лишь несколько необходимых фраз. Вся ее жизнь проходила в запутанном лабиринте "русского Парижа". Модистки, у которых она шила платья, дамские мастера, кондитерские, куда она любила зайти выпить чашку кофе, маникюрши, церковь, прачечная, ювелир, реставратор-меховщик, банкир — все были русскими. Да и сама Надежда Васильевна, когда через несколько дней французские и эмигрантские газеты запестрели ее фотографиями, являла собой женщину, на внешность которой Париж так и не наложил свой отпечаток: ее вполне можно было принять за русскую провинциальную даму.

...Ее мечтой было вернуться домой в Россию. Несколько раз она принималась хлопотать через друзей, через высокопоставленных советских, с которыми время от времени в Париже скрещивались ее пути. Однажды ее просьба дошла до самого Дзержинского — просителем выступал один из ее прежних импресарио, сумевший приноровиться к новой власти, — но разрешения не вышло. Она догадывалась отчего. Оттого, что ее судьба оказалась связанной с генералом Скоблиным, с его особой ролью в русской эмиграции. Пришлось примириться...

Надежда Васильевна не помнила, сколько времени про-

сидела, опустив голову, с этими невеселыми думами. Все еще стояла ночь. Она взглянула на часы. Прошел всего час, а казалось — вечность.

Она почти не удивилась, когда в дверь снова постучали. Вестник всегда лучше неизвестности.

Вернулся полковник Мальцев.

— Генерал Скоблин? Но ведь он ушел вместе с вами... Нет, он не возвращался... Что-нибудь случилось? Где мой муж?

Мальцев сомневался. Стоит ли говорить? Но в глазах Плевицкой было столько страха, столько мольбы, что он сжалился.

— Дело в том, Надежда Васильевна, что исчез генерал Миллер. Извините, меня ждут...

На следующий день об этой новости знал и кричал весь эмигрантский Париж. Еще через день о ней заговорили французские газеты. Начало разворачиваться одно из самых запутанных дел предвоенной истории — дело о похищении генерала Миллера и исчезновении генерала Скоблина.

Через два дня, 25 сентября 1937 года, после длительного допроса комиссаром Рошем Плевицкую арестовывают. Ей предъявлено обвинение в соучастии в насильственном похищении генерала Миллера. Все последующие дни и ночи до начала суда Надежда Васильевна провела в камере небольшой парижской тюрьмы Птит-Рокет, неподалеку от кладбища Пер-Лашез.

Следствие и последовавший за ним суд выявили мельчайшие подробности этого запутанного, так и не приведшего к полной разгадке дела. О деталях рокового дня 22 сентября 1937 года и последующих неделях с нервным упоением писала вся эмигрантская пресса. Известны по часам и даже минутам все передвижения Плевицкой до и после исчезновения генералов Миллера и Скоблина.

К материалам следствия приобщены многочисленные свидетельства очевидцев. Но целый ряд существенных обстоятельств, связанных с похищением Миллера, стал известен много позднее. И хотя они не могут сколько-нибудь решительно изменить главной версии французского следствия, тем не менее вносят в него немаловажные нюансы.

Одним из таких "нюансов" был таинственный визит в Париж заместителя начальника Иностранного отдела НКВД Шпигельгласса. О нем рассказывает в своих воспоминаниях резидент советской контрразведки в Западной Европе Вальтер Кривицкий.

Приезд в Париж одного из шефов НКВД имеет свою ма-

ленькую предысторию, начавшуюся в 1936 году, когда Кривицкий, выдавая себя за состоятельного австрийского антиквара, временно проживал в Гааге.

Зимой 1936 года его посетил связной, передавший приказ из Москвы. В приказе говорилось:

"Отберите из ваших людей двух человек, способных сыграть роль немецких офицеров. Они должны обладать достаточно представительной наружностью, чтобы сойти за военных атташе, должны изъясняться, как военные, и быть исключительно надежными и смелыми. Отправьте их ко мне в срочном порядке. Это чрезвычайно важно. Через несколько дней надеюсь увидеться с вами в Париже".

Послание было подписано начальником ИНО НКВД Слуцким.

Вскоре и сам Слуцкий пожаловал в Париж и обедал с Вальтером Кривицким в ресторане около оперного театра. Как военный разведчик, Кривицкий вовсе не был в восторге от просьбы передать двух агентов, работавших в Германии, в распоряжение другого отдела НКВД. Однако Слуцкий дал понять, что приказ исходит от самого Ежова.

В.Кривицкий вспоминал впоследствии, что оба агента — "немца" были вызваны в Париж. Однако по какой-то причине их услуги не понадобились. Дело, в котором предполагалось их использовать, было перенесено на более поздний срок. Так вот: "немцы" снова всплыли в связи с делом о похищении генерала Миллера.

Когда замначальника ИНО НКВД Шпигельгласс прибыл в Париж в начале июля 1937 года, то есть за три месяца до исчезновения генерала Миллера, первое, что он потребовал — чтобы В.Кривицкий передал ему этих двух "немцев". Затем, вспоминает Кривицкий, Шпигельгласс стал делиться беспокойными московскими новостями, и прежде всего — по делу Тухачевского. Говорил о многочисленных арестах среди высшего командного состава Красной Армии. Комдив В.Г.Кривицкий слушал и наматывал на ус. Он знал многое из того, о чем не пожелал сказать ему Шпигельгласс. О том, например, что после убийства Тухачевского Сталин начал расправляться и с советской агентурой за границей.

• • •

В злополучный для себя день Евгений Карлович Миллер появился на улице Колизе, где размещалась штаб-квартира РОВСа, около одиннадцати. Вид у него был крайне озабоченный, что мало согласовывалось с обычно спокойным, сдержанным характером генерала. Штаб-квартира, конечно,

звучит слишком напыщенно. Улица, где она располагалась, отнюдь не слыла фешенебельной — прокопченные угольным смрадом дома, узкие тротуарчики, крохотные магазинчики и лавки мелких торговцев. Да и само управление РОВСа, занимавшее комнаты на третьем этаже унылого здания над гаражом Кригера, выглядело более чем скромным. Финансовый крах спичечного короля, в акции которого были вложены почти все средства Русского общевосточного союза, стал чувствительным ударом по организации. Управление РОВСа размещалось в квартире Сергея Николаевича Третьякова, внука московского купца Сергея Михайловича Третьякова — одного из основателей знаменитой картинной галереи в Москве.

Судьба внука интересна не только сама по себе, но и потому еще, что следствие по делу генерала Миллера нащупало некую таинственную связь потомка русского купца-мецената с установкой подслушивающего устройства, которое было обнаружено в помещениях РОВСа, в том числе в кабинете генерала Миллера.

До революции С.Н.Третьяков слыл состоятельным человеком. Его хорошо знали в московских биржевых кругах. Он был первым председателем Всероссийского объединения льняных фабрикантов. Деловые качества Сергея Николаевича были замечены и оценены правительством Николая II. Во время первой мировой войны он ведал поставками снаряжения для армии по линии московского Военно-промышленного комитета. Оценила его и новая власть. При правительстве А.Ф.Керенского он занимал пост председателя Высшего экономического совещания.

Октябрьская революция в прах разбила бывшего биржевого дельца и фабриканта. В 1918 году побывал он, как водилось, и в тюрьме. Потом его видели в Харькове. Некоторое время, пока шла гражданская война, он еще питал кое-какие надежды на возможность поправить свои дела. Надежды эти привели его в Сибирь, где в правительстве Колчака он занимал пост министра торговли и промышленности. После ареста и расстрела адмирала Третьяков окончательно убедился, что у белого движения перспектив нет, и, не дожидаясь, как некоторые, последнего гудка, уехал в Париж. Началась жизнь в эмиграции. В первые годы ему помогала коммерческая сметка, врожденное купеческое умение рисковать, "вдарить шапкой об пол". Французские коммерческие круги, не понимая истинного состояния российских дел, еще верили слову русского делового человека. Третьякову удалось получить солидные кредиты.

Не устоял перед его чарами и один из богатейших до революции людей России Рябушинский, сумевший вовремя вывезти свои капиталы за границу. Пользуясь тем, что Рябушинский разделял надежды на скорый крах большевиков, он

ухитрился продать ему свою Костромскую льномануфактуру. Сделка была подписана в Лондоне и принесла С.Н.Третьякову сто тысяч долларов. Для другого человека этой суммы при разумном расходовании хватило бы на весь остаток жизни. Но не таков был Сергей Николаевич. Через несколько лет парижской жизни, достаточно бурной, надо признать, он остался на мели. После дорогих лож в "Опера", ночных кутежей в "Максими", роскошной квартиры пришлось перебраться в дешевый гостиничный номер, отправив на работу жену и с горестной усмешкой наблюдать, как любимая дочь мастерит на дому дешевые женские шляпки. Началась обычная эмигрантская кутерьма. Сам Сергей Николаевич подвизался теперь коммивояжером по делам журнала "Иллюстрированная Россия". Единственным достоинством нового поприща было то, что ежедневно приходилось встречать десятки людей, заводить новые знакомства. Опыта в этом деле Третьякову было не занимать. В этот период его часто видели в самых дешевых и сомнительных заведениях "русского Парижа". Рассказывают, что однажды он пытался укоротить свои униженные дни, приняв большую дозу веронала. И если бы не дочь, вовремя вызвавшая врача, Сергей Николаевич, скорее всего, ушел бы из жизни.

Его "возрождение" началось после встречи с давним, еще по Омску, знакомым инженером Окорочковым, служившим при Колчаке в Министерстве торговли. Приятели разговорились, вспомнили былое. После одной из очередных встреч Окорочков признался своему приятелю, что "работает на большевиков".

Встреча эта еще раз решительно изменила жизнь бывшего льняного фабриканта. Он бросил пить, перестал шататься по ночным заведениям. У него снова появились деньги, и вскоре он стал обладателем сразу трех квартир в доме № 30 на улице Колизе. Когда генерал Миллер оказался в стесненных материальных обстоятельствах и принужден был подыскивать для РОВСа более скромное помещение, Третьяков предложил ему одну из своих квартир на очень льготных условиях — "во имя общего дела". Миллер согласился. Впоследствии "устроилось" так, что в одной из квартир Третьякова оказалось и управление 1-го отдела РОВСа во главе с генералом Витковским.

История с подслушивающими устройствами выплыла на свет лишь в 1942 году, во время оккупации Парижа немцами. Незнакомно по какой причине, но фашистская комендатура заинтересовалась личностью скромного квартиросдатчика С.Н.Третьякова. На квартире был произведен обыск. Немецкие офицеры обыскивали и помещения РОВСа, которые сдавал организации внаем Третьяков. В нескольких комнатах обнаружили микрофоны, в том числе и в бывшем кабинете генерала Миллера. Провода от микрофонов вели в личную

квартиру Третьякова. Микрофоны нашли и в помещении Торгово-промышленного союза, одной из влиятельных эмигрантских организаций. Услужливый Третьяков сдавал квартиру и им.

Таким образом, все действия и все слова генерала Миллера через Третьякова были известны тем, кто оплачивал его расходы...

Конец С.Н.Третьякова печален. Его арестовали и отправили в Германию. В июне 1944 года он был расстрелян в лагере Ораенбурга, неподалеку от Берлина.

Но вернемся ко дню исчезновения Миллера.

В начале первого Миллер попросил к себе в кабинет генерала Кусонского.

— Мне сейчас нужно будет уйти, — обратился он к своему сотруднику. — Но я рассчитываю вернуться в Управление... У меня вечером встреча с северянами.

Миллер помедлил, точно не зная еще, следует ли говорить с подчиненным о волновавшем его все утро вопросе.

— В сущности, я иду на свидание... на завтрак... Не считайте меня за сумасшедшего, Павел Алексеевич, но я хотел бы оставить записку... маленькая, так сказать, предосторожность. Записку прошу не вскрывать... То есть вскрыть нужно, но только в случае непредвиденного.

С этими словами генерал Миллер протянул Кусонскому конверт.

Слова начальника, судя по всему, не слишком обеспокоили генерала. Он кивнул в знак согласия и занялся делами. Часа через три он отправился домой и до самого вечера так и не удосужился полюбопытствовать, вернулся ли Миллер в Управление.

Тем временем близился вечер. На собрание Общества северян, офицеров, участвовавших вместе с Миллером в войне в районе Архангельска, генерал не явился. Учитывая обычную пунктуальность Миллера, это показалось странным. Офицеры позвонили генералу домой. Но и дома его не оказалось. Обычно обедавший и ужинавший в кругу семьи, Миллер в этот день домой не заходил и, главное, никак не известил жену о задержке. Только когда адмирал Кедров, один из ближайших сотрудников Миллера, забил тревогу, Кусонский, вызванный в РОВС, вспомнил о записке.

Записка гласила:

"У меня сегодня в 12.30 дня randevu с генералом Скоблиным на углу рю Жасмен и рю Раффе, и он должен вести меня на свидание с немецким офицером, военным агентом в Прибалтийских странах — полковником Штротманом, и с господином Вернером, состоящим здесь при посольстве. Оба хорошо говорят по-русски. Свидание устроено по ини-

циативе Скоблина. Может быть, это ловушка, на всякий случай оставляю эту записку. Генерал Е.Миллер. 22 сентября 1937 года".

В этой истории много неясного и даже нелепого. Исчезновение семь лет назад Кутепова могло бы, казалось, кое-чему научить генералов. Однако в эти роковые часы они делают ошибку за ошибкой. Вместо того чтобы немедленно оповестить французскую полицию, тратят драгоценное время на поиски Скоблина. Находят его в гостинице "Пакс", привозят в штаб-квартиру РОВСа и здесь уличают его во лжи: Скоблин, не знавший о записке Миллера, отрицает факт свидания с ним. Потом крайне нерасчетливо генералы предъявляют ему записку и предлагают вместе ехать в полицию. Скоблин, внешне спокойный, соглашается. Однако, воспользовавшись минутной невнимательностью генералов, сбегает по лестнице вниз и исчезает. Как оказывается, навсегда.

Последним в Париже его видела жена корниловского капитана Мария Кривошеева, державшая вместе с мужем крошечный книжный магазинчик "Кама" в предместье Парижа Нейи. Скоблин занял у нее двести франков, поцеловал на прощание руку и исчез.

Последующие поиски, предпринятые французской полицией и обескураженными сотрудниками РОВСа, никаких результатов не дали. Не увенчались успехом и попытки найти след "немецких офицеров" Штрмана и Вернера, о которых упоминалось в записке Миллера. В это время их уже не было во Франции.

* * *

На следующий день ранним утром два полицейских инспектора приехали в гостиницу "Пакс". Испуганная исчезновением мужа, растерянная, Плевицкая едва могла говорить. По-французски, как мы уже упоминали, она изъяснялась с величайшим трудом, а от волнения и вовсе лишилась речи. Французам пришлось прибегнуть к услугам переводчика.

Из слов левницы сплетался причудливый и не лишенный странностей рисунок передвижений супружеской пары в тот роковой для генерала Миллера день. Позднее, когда Плевицкая будет влачить свои последние дни в тюрьме, ей захочется "исповедаться", и при посредничестве русского священника ей будет устроено последнее свидание с инспектором полиции. Но история, которую позднее расскажет ему Плевицкая в тюрьме, во многом будет отличаться от материалов первых допросов — свидетельство того, что Плевиц-

кая была совсем не так "проста" и "убита горем", как об этом писали газетные репортеры.

Путь Плевичкой и Скоблина в тот день "пролегал" так, чтобы обеспечить ее мужу максимально надежное алиби. Знала ли "курский соловей", что в их передвижениях в тот день была эта заданность? Или "визиты" и ей самой казались естественными и случайными? Они были в гараже, где стояла их автомашина, потом завтракали в русском ресторане "У Сердечного". Причем все служащие ресторана, от швейцара до посудомойки, хорошо знавшие своих постоянных клиентов, отметили, что генерал и его жена, очевидно, торопились, ибо сели не за столик, как обыкновенно, а закусывали у стойки бара.

Затем Плевичка посетила модный магазин "Каролина", хозяин которого Эпштейн часто отпускал ей товары в кредит. Проведя в магазине более полутора часов, она заказала модного товара почти на 3 тысячи, оставив в задаток 900 франков. Тут, в магазине, собственно, и обозначилась первая странность, первая трещина в алиби, которое строил своими передвижениями Скоблин. Надежда Васильевна сказала обслуживавшему ее хозяину, что муж, генерал Скоблин, ожидает ее на улице в автомобиле. Обычно он заходил вместе с ней и хорошо знал как хозяина, так и модисток. Однако, когда Эпштейн хотел пригласить Скоблина, Плевичка запротестовала, сказав, что "заскочила лишь на минутку". Пробыла же, как мы отметили, более полутора часов. Просил ли ее муж совершить ради него эту маленькую хитрость? Что касается Скоблина, то он действительно появился в магазине в 13.35 с видом "заждавшегося мужа". Однако жены он уже не застал: Надежда Васильевна ушла пятью минутами ранее. Супруги странным образом "разминулись". Как видим, в распорядке дня генерала Скоблина появился пробо́л в один час сорок минут. Супруги встретились на Северном вокзале, откуда должны были провожать в Брюссель приезжавшую на юбилей корниловского полка дочь генерала Корнилова Наталью Лавровну. Поезд отходил в 14.15.

В день исчезновения мужа Надежда Васильевна мечется по городу, заходит то к одним, то к другим знакомым. Она говорила на суде, что ее передвижения были продиктованы стремлением отыскать мужа. И это всем кажется естественным. И лишь много лет спустя обнаружится, что далеко не все свидания и этого, и следующего дня были столь невинны, как могло показаться сочувствующим людям.

Почти сорок лет спустя после тех трагических событий известный эмигрантский писатель и публицист Андрей Седых, автор многочисленных воспоминаний, поведает на страницах "Нового русского слова", журнала, выходящего в Нью-Йорке, историю, рассказанную ему Леонидом Райгородским, близко знавшим Плевичку и Скоблина. Л.Райго-

родский был женат на сестре того самого миллионера М.Я.Эйтингтона, который оказывал Плевицкой покровительство и покрывал часть расходов супружеской четы. Во время "дела Миллера" Андрей Седых, будучи молодым репортером, работал в газете "Последние новости". Именно в те дни Райгородский, сопровождавший Плевицкую в ее метаниях по городу, поведал Седых странную историю о встрече Надежды Васильевны с двумя неизвестными возле церкви Отей в Париже. Это было 24 сентября 1937 года, на следующий день после того, как стало известно об исчезновении Миллера. Беседа велась по-русски. Всего разговора Райгородский, сидевший в машине, не расслышал, но в конце уловил сказанные одним из мужчин несколько фраз: "Не волнуйтесь, Надежда Васильевна. Все будет хорошо. А Россия вам этого не забудет".

Это свидание, услышанные слова так испугали Райгородского, что он поостерегся сообщить о случившемся французской полиции, боясь быть втянутым в какую-нибудь неприятную историю. Рассказав о ней своему приятелю Андрею Седых, он взял с него честное слово сохранить это в тайне. О тайной встрече Плевицкой с двумя русскими (А.Седых предполагает, что это были советские агенты) стало известно лишь в 1976 году.

Позднее стали известны и другие факты, свидетельствовавшие о том, что похищение генерала Миллера было, вероятно, задумано как часть более широкой операции НКВД.

Есть основания предполагать, что генерал Скоблин пытался заманить в ловушку Антона Ивановича Деникина, фигуру куда более знаменитую, чем генерал Миллер. И это косвенно показывает, что НКВД была нужна шумная история с целью продемонстрировать наличие широкого белого гвардейского заговора против Сталина. Имеются свидетельские показания подполковника Трошина и штабс-капитана Григуля (доверенные лица Скоблина в РОВСе) о поездке Скоблина в день исчезновения Миллера к генералу Деникину.

Деникин жил в Севре, ближайшем предместье Парижа. Формальным поводом для визита к Деникину, который в эмиграции сторонился политики и вел довольно замкнутый образ жизни, было желание Скоблина выразить ему благодарность за участие в банкете в связи с юбилеем корниловского полка. Однако это был лишь повод. Скоблин мог поблагодарить Деникина и письмом, что он неоднократно и делал в отношении других известных лиц эмиграции.

Штабс-капитан Григуль вспоминает, что Скоблин приехал уговаривать Антона Ивановича Деникина поехать с ним на автомашине в Брюссель, якобы для встречи с жившими там корниловцами. Деникин уклонился от приглашения и вообще был крайне удивлен этой идеей: в Бельгии прожи-

вало очень мало русских эмигрантов. Большинство из них работало на шахтах, никакого участия в политической жизни эмиграции не принимало. Настораживает успешность и настойчивость, с которыми Скоблин обхаживал известного генерала. Возникает подозрение, что Деникина собирались вывезти из Франции в рамках той же самой операции, жертвой которой стал Миллер.

Во время суда над Плевицкой выявились факты, подтверждающие недобрую волю Скоблина. Оказалось, что Скоблин и ранее предлагал бывшему вождю белого движения Юга России поездку в Брюссель.

— Почему вы отказались? — спросил Деникина председатель суда Дельрог.

— Я подозревал Скоблина в сочувствии большевизму с 1927 года, — отвечал генерал.

— Вы опасались Скоблина или Плевицкой?

— Не доверял обоим.

Слова белого генерала были лишь отражением его подозрений. Более убедительно прозвучали в ходе судебного разбирательства показания Г.З.Беседовского, советника советского посольства, оставшегося на Западе в 1929 году. Он заявил, что в советском посольстве знали, что о деятельности белой эмиграции во Франции им становится известно через "генерала, женатого на певице".

14 октября 1937 года Надежда Васильевна Плевицкая в последний раз посетила свой дом в Озуар-ля-Ферьер, где провела столько лет вместе со Скоблиным. Поездка, в сущности, была подневольной. Судебный следователь хотел получить более точные данные о том, насколько расходы супругов превышали их доходы. По словам Плевицкой, в доме имелась расходная книга. За ней и поехали.

За три недели в тюрьме Надежда Васильевна заметно похудела и казалась совершенно безучастной ко всему. После исчезновения мужа, которого она любила страстно, мир и жизнь утратили для нее всякий смысл. "Милый Коля" не возвращался, и надежды увидеть его вновь таяли день ото дня.

Пройдя через засыпанный осенними листьями сад, Плевицкая села в кресло и молча наблюдала за действиями следователей, ведущих обыск. О ее ноги терлись оставшиеся без призора кошки, прежние ее любимицы.

Анализ расходной книги показывал, что Скоблин и Плевицкая жили значительно выше средств начиная с 1931 года.

Однако расходная книга оказалась не единственной добычей следователя. В доме в Озуаре изъяли значительное число писем и документов, свидетельствовавших о теневой стороне жизни генерала Скоблина. Здесь были и списки соединений Красной Армии, и доклады о деятельности русских эмигрантских организаций, и оценки работы агентов

НКВД в эмигрантской среде Парижа. Все говорило о том, что Скоблина интересовали данные агентурного характера. Однако каких бы то ни было улик, явно изобличающих его в работе именно на НКВД, при обыске не обнаружилось. Все обвинение, таким образом, строилось на косвенных уликах. Придя к неопровержимому выводу о причастности Скоблина к похищению генерала Миллера, следствие оказалось бессильным доказать, что это похищение было "заказано" НКВД. Даже во время суда всплывали другие, самые фантастические варианты похищения Миллера. Выдвигалась, например, версия, что генерала похитил не Скоблин, а агенты НКВД в Испании или испанские фашисты, недовольные тем, что Миллер препятствовал вербовке добровольцев в Испанию среди белых офицеров.

Именно эту последнюю версию подхватила и советская пресса. "Правда" со ссылкой на мнения французской левой газеты "Попюлер" писала:

"...похищение генерала Миллера было проведено с целью поставить во главе белой эмиграции более подходящего для Гитлера человека... Миллер не проявлял того рвения и горячности в отношении службы Гитлеру и генералу Франко, которых хотели бы от него некоторые из главарей РОВСа..."

Однако, изучив многочисленные факты, французское следствие отклонило "франкистский след" и сконцентрировало усилия на поисках в другом направлении. В своем конфиденциальном докладе министру внутренних дел секретарь следственной комиссии П.Тастевен писал в декабре 1937 года:

"Не подлежит сомнению то, что около генерала Миллера должны были находиться крупные агенты ГПУ. Ничего не доказывает, что Скоблин был единственным и даже самым важным. Миллер находился в сети, составленной большевиками. Бесспорно, что его похищение является делом рук ГПУ, которое благодаря большому количеству своих агентов, введенных в РОВС и в ближайшее окружение его председателя, не имело особых трудностей для завлечения в ловушку..."

В те дни по Парижу благодаря неустанной активности журналистов ходило множество слухов об организации похищения Миллера. Особенное любопытство вызывало "путешествие" фургона, принадлежавшего советскому посольству (он был зарегистрирован под номером 235 X СД), из Парижа в ближайший к столице морской порт Гавр, где в то время стоял под погрузкой советский пароход "Мария Ульянова". Газеты в мельчайших подробностях описыва-

* Правда. 1937. 25 сентября.

** Прянишников Б. Незримая паутина. С. 307.

ли, как из фургона выносили деревянный ящик размером 1 метр 60 сантиметров и как с большой поспешностью вносили его на пароход. Подозрения вызвало несколько обстоятельств. То, что ящик загружали советские матросы, тогда как обыкновенно погрузку вели французские докеры. Груз, внесенный на пароход, значился как дипломатический и вследствие этого таможенными чиновниками не досматривался. Ящик тащили на пароход четыре человека, что свидетельствовало о его тяжести.

Обо всем этом французские "компетентные власти" узнали от комиссара Шовино, своего агента, работавшего в порту. Подозрительным казался поспешный отход "Марии Ульяновой". Французским пограничным властям было известно, с какой тщательностью и дотошностью обычно проверялись документы пассажиров, имевших билеты на пароход. На этот раз было сделано странное исключение: пассажиров, а их было 130 человек, пригласили на борт без всяких паспортных формальностей. Корабельный посредник Оливье Колен, ведавший с французской стороны погрузкой, давая показания, отмечал необыкновенную поспешность, с которой пароход вдруг стал готовиться к отплытию. В ходе следствия всплыло и такое обстоятельство: пароход доставил в Гавр груз бараньих кож стоимостью 9 миллионов франков. Однако ушел он, не успев разгрузить 600 тюков. На суде фигурировала непонятная телеграмма, полученная капитаном "Марии Ульяновой": "Телеграфируйте причину опоздания. Грузятся ли аэропланы?"

Никаких аэропланов на пароход не грузилось и грузиться не могло.

Поток всех этих странных и противоречивых сведений, то подтверждавшихся, то опровергавшихся властями, довел французскую общественность до кипения. Газеты требовали, чтобы глава правительства потребовал немедленного возвращения "Марии Ульяновой" в Гавр, и даже предлагали послать в погоню миноносцев. Но, похоже, у французского правительства были иные сведения. Погоня не состоялась. "Мария Ульянова" спокойно ушла в Ленинград. Увезенные ею неразгруженные тюки с кожей позднее доставили другим советским пароходом. Исследователи "гаврского следа" высказывали предположение, что на "Марию Ульянову" был погружен другой конфиденциальный груз, вероятно, даже имевший отношение к деятельности НКВД на территории Франции, но не к делу генерала Миллера. Тайна парохода "Мария Ульянова" не раскрыта до сих пор.

...

Процесс по делу Плевницкой длился семь дней. Бесконечной вереницей шли свидетели: французы и русские, генера-

лы и ночные сторожа, сотрудники французского министерства внутренних дел и белые штабс-капитаны, надевшие на суд свои единственные приличные костюмы. В центре внимания многочисленной публики находились две женщины — несчастная жена генерала Миллера и Надежда Васильевна Плевицкая, некогда знаменитый "курский соловей". Участие Скоблина в похищении главы Русского общевойскового союза было доказано без особых сложностей. Оставленная Миллером записка изобличала мужа Плевицкой. Подавляющее большинство свидетелей так или иначе подтвердили причастность Скоблина к похищению своего начальника. Алиби, построенное Скоблиным, рухнуло. Но самого генерала на скамье подсудимых не было. Его судили заочно. След его простыл. За его отсутствием судили Плевицкую. Предстояло ответить на главный вопрос: выгораживала ли Плевицкая своего мужа исключительно из любви к нему, или она знала о тайной стороне его жизни и была, таким образом, соучастницей преступления.

Большинство свидетелей утверждали: да, знала, да, соучастница.

Генерал Шатилов, один из руководителей "внутренней линии", соперник Миллера по РОВСу и, пожалуй, самый осведомленный человек эмиграции, на вопрос председателя суда Дельрога отвечал, что Плевицкая знала все и что оба они, и муж и жена, были агентами НКВД.

В ходе следствия всплыли совершенно не известные ранее факты из жизни знаменитой певицы, в частности то, что она состояла в секретной шифрованной переписке с рядом крупнейших деятелей "внутренней линии" РОВСа. Изъятые во время обыска на ее вилле в Озуаре документы говорили о ее основательной вовлеченности во внутренние интриги Русского общевойскового союза.

Речь прокурора была безжалостной по отношению к Плевицкой. Нет, мы не знаем, чьим агентом был генерал Скоблин — советским или немецким. Нет, мы не знаем, кто руководил преступными действиями Скоблина — НКВД, гестапо или он преследовал личные цели борьбы за власть в РОВСе. Но генерал Миллер похищен, и причастие Скоблина и Плевицкой к этому преступлению доказано и не вызывает сомнений. В этом деле нет смягчающих обстоятельств.

Прокурор потребовал для обвиняемой бессрочной каторги.

Защитники не смогли поколебать собранных следствием доказательств. Не слишком разжалобило присяжных и последнее короткое слово Плевицкой, где она говорила о своей любви к мужу и взывала к Богу.

На девятый день, в 4 часа 15 минут, председатель суда ставит перед присяжными вопрос: была ли Плевицкая жерт-

вой или сообщницей. Заседатели удаляются в совещательную комнату. В зале воцаряется тягостная тишина.

Без десяти минут шесть председатель суда Дельрог объявляет вердикт: двадцать лет каторжных работ. Плевицкая застывает в ужасе. Из уст "курского соловья" не вылетело ни одного звука. Ее тяжелое, серое лицо кажется неживым.

* * *

Прошло три года. С весны 1939-го Плевицкая отбывала наказание в Реннской каторжной тюрьме. Привыкшую к поездкам, визитам и обществу, ее более всего мучило одиночество. Посетителей почти не было. Изредка ее посещал русский священник. Все просьбы перевести ее в парижскую тюрьму Петит-Рокет, где она дожидалась суда, отклонялись. Отклонены были и апелляция на решение суда, и просьбы о помиловании. В Париже продолжали хлопоты адвокаты, друзья ходили на прием к министру юстиции. Тот пообещал назначить комиссию. Но и комиссия отказала в просьбе о пересмотре дела. Не дало результата и вмешательство Луи Сафрана, генерального секретаря Всемирного союза правозащитников, известнейшего во Франции адвоката.

Нельзя сказать, чтобы жизнь в каторжной тюрьме была слишком уж тягостной для Надежды Васильевны. Тюремные власти, следившие, как и вся Франция, за громким процессом, испытывали к своей знаменитой узнице некое подобие снисходительности. Казалось забавным, что под их стражей находится знаменитая певица, некогда певшая для великих князей и даже для самого русского царя. Друзья из Парижа привозили сигареты, фрукты, в питании она не знала стеснений. Но все это были крохи по сравнению с той жизнью, к которой она привыкла. Единственной отрадой было участие в церковном хоре при тюремной часовне. Ее ценили за голос и сетовали, что мадам Плевицкая не знает по-французски. Надежда Васильевна не переставала надеяться на пересмотр дела. Ей казалось, что вот-вот выявится какое-то новое обстоятельство и друзьям, остававшимся на воле, удастся вызволить ее.

Обстоятельства меж тем торопили. В тюрьме у нее заметно ухудшилось здоровье. Она очень постарела. Время от времени ей вспоминались слова И.Л.Френкеля, одного из адвокатов: для пересмотра дела, внушал он, нужны дополнительные факты, не фигурировавшие на процессе, нужна, уточнил он, какая-нибудь "сенсация". Тогда всплеском дела заинтересуются газеты, объяснял адвокат, тогда можно будет снова обратиться к министру юстиции. Но что же можно сказать нового?

В мае 1940 года Надежда Васильевна после долгой беседы с приехавшим из Парижа священником упросила его

наведаться в "Сюртэ насьональ", полицию, ведавшую вопросами национальной безопасности, и передать, что у нее имеется важное сообщение, имеющее политический характер.

Духовник исполнил просьбу. 10 мая 1940 года комиссар Белен, уже имевший отношение к следствию по делу Скоблина и Плевичкой, в сопровождении переводчика и полицейского инспектора выехал поездом в Ренн.

Разговор получился долгим. Томившаяся от одиночества Плевичкая была рада случаю "выговориться". В сущности, она заново пересказала комиссару всю свою жизнь. Комиссар явно томился от скуки: большая часть рассказанного, кроме частных деталей и малозначащих подробностей, была ему известна по материалам следствия и суда. И только под конец он заинтересовался. Плевичкая принялась рассказывать о последней, "роковой" ночи, которую она провела вместе со Скоблиным под одной крышей в отеле "Пакс". Она поведала о том, что "Коленька" в эту ночь пребывал в сильнейшем возбуждении: то засыпал, то просыпался. Вдруг начал плакать и, когда она его успокоила, рассказал ей следующую историю. Он говорил об обстоятельствах похищения Миллера:

"Мы выехали в Сен-Клу, где у нас было назначено свидание. Миллер сидел в машине без явных признаков беспокойства. Когда вошли в условленную виллу, навстречу нам вышли трое. Все хорошо говорили по-немецки и по-русски. Меня попросили остаться в вестибюле, а сами вместе с генералом Миллером удалились в соседнюю комнату и плотно закрыли за собой дверь. Прошло минут десять, прежде чем мне предложили войти. Я огляделся, но Миллера не увидел.

— Где генерал? — спросил я. Мне указали на соседнюю комнату. Я толкнул дверь и оказался в небольшом салоне. Возле стены на диване лежал руководитель Русского общевойскового союза.

— Мы сделали ему укол, — спокойно по-французски сказал один из вошедших вслед за Скоблиным.

Вот и все, что я знаю о последних минутах жизни генерала Миллера", — завершила свой рассказ Плевичкая.

Комиссар Белен верил и не верил. Сведения, разумеется, представляли интерес, тем более что в материалах следствия имелись — комиссар это хорошо помнил — данные о странной поездке самой Плевичкой в парижское предместье Сен-Клу на следующий день после исчезновения генерала Миллера. Тогда она объяснила этот вояж поисками пропавшего мужа. Следствие не придало этой поездке внимания. Все это следовало теперь проверить и перепроверить...

Но сделать комиссару Белену ничего не удалось. История распорядилась так, что в тот самый день, когда он в по-

следний раз говорил в Ренне с Плевицкой, части немецкого вермахта начали наступление во Франции...

Осенью этого же года Плевицкая умерла в центральной каторжной тюрьме города Ренна. Газеты, некогда обильно писавшие о суде над знаменитой певицей, дали о ее смерти несколько скупых строк.

...

Тайное рано или поздно становится явным. Когда эта книга уже была готова к печати, в советских источниках появились сведения, позволяющие расставить если еще и не окончательные, то, по крайней мере, достаточно четкие акценты в этой запутанной истории. Советский еженедельник^{*} со ссылкой на документы, предоставленные Комитетом государственной безопасности, приоткрыл завесу над некоторыми тайнами из жизни генерала Н.В.Скоблина и его жены Н.В.Плевицкой. Выше мы писали о том, что французское следствие собрало массу свидетельств причастности Скоблина и Плевицкой к похищению руководителя РОВСа генерала Миллера. Однако прямых доказательств того, что они работали на советскую разведку, суд получить не смог. Надежда Васильевна осуждена не как агент разведки, а как участник похищения.

В архивах КГБ хранятся три объемистых досье, содержащие документальные свидетельства того, что бывший белый генерал, герой корниловского полка, а затем один из видных деятелей военного крыла русской эмиграции Н.В.Скоблин и его жена Н.В.Плевицкая были завербованы ОГПУ в 1930 году. Руководителем операции по привлечению знаменитой супружеской пары к сотрудничеству с советскими разведорганами был заместитель начальника Иностранного отдела ОГПУ Сергей Шпигельглас. Непосредственно вербовкой занимался бывший белый офицер, сослуживец Н.В.Скоблина П.Г.Ковальский, значившийся в секретной картотеке ОГПУ под кодовым названием агент ЕЖ-10.

Штабс-капитан Петр Ковальский познакомился со Скоблиным в 1917 году при формировании Отдельного ударного отряда Восьмой армии, затем они вместе служили в корниловском ударном полку.

Вместе с остатками отступающей Добровольческой армии П.Г.Ковальский оказался на территории Польши и был интернирован. Работал в Лодзи ночным сторожем, потом в строительной конторе техником. На советскую разведку начал работать в 1921 году. В Россию вернулся в 1924 году. В своей автобиографии он писал: "...от бессознательного монархиста под влиянием исторического хода событий, окупнув-

^{*} Неделя. 1989. № 48, 49.

шись во всю грязь белого движения всех оттенков, перешел на платформу Советской власти и отдал себя всецело в распоряжение ее передового авангарда — органов ГПУ".

Этот представитель "передового авангарда" и был направлен в Париж с целью вербовки генерала Н.В.Скоблина.

Надо сказать, что, привыкшая жить достаточно широко, по эмигрантским меркам, и столкнувшись с серьезной проблемой денег, супружеская чета не заставила себя долго упрашивать.

10 сентября 1930 года генерал Н.В.Скоблин с полного согласия своей супруги Н.В.Плевицкой подписал заявление в адрес ЦИК СССР.

"12 лет нахождения в активной борьбе против Советской власти показали мне печальную ошибочность моих убеждений.

Осознав эту крупную ошибку и раскаиваясь в своих проступках против трудящихся СССР, прошу о персональной амнистии и даровании мне прав гражданина СССР.

Одновременно с сим даю обещание не выступать как активно, так и пассивно против Советской власти и ее органов, всецело способствовать строительству Советского Союза и о всех действиях, направленных к подрыву мощи Советского Союза, которые мне будут известны, сообщать соответствующим правительственным органам".

В этом деле не обошлось и без лукавства, ибо Н.В.Скоблин получил от своего бывшего сослуживца П.Г.Ковальского уверения, что он будет числиться на службе в Генштабе, а не в ГПУ, что для боевого офицера имело немаловажное значение.

А через несколько дней на заявлении генерала была поставлена резолюция начальника Иностранного отдела ОГПУ: "Заведите на Скоблина агентурное личное и рабочее дело под псевдонимом Фермер-ЕЖ/13". Так закончил свой путь боевой генерал Н.В.Скоблин.

Надежда Васильевна Плевицкая, согласившаяся вместе с мужем на "сотрудничество", получила агентурную кличку Фермера.

За ценные услуги генералу положили ежемесячное вознаграждение в 200 американских долларов, сумма по тем временам немалая, так что подозрения добровольных следопытов эмиграции и сослуживцев генерала в том, что тот живет не по средствам, были небезосновательными. ЕЖ/13 начал действовать, подробнейшие данные о деятельности РОВСа потекли в Москву...

На фотографии, которой "Неделя" проиллюстрировала свой рассказ об успешной операции советских органов, изображена молодая женщина с застенчивой улыбкой. Это Надежда Васильевна Плевицкая, сфотографированная за много лет до того, как она стала Фермершей.

Из множества примеров мы знаем, как многое в жизни относительно. Блистательный успех П.Г.Ковальского при вербовке четы Скоблин—Плевицкая обернулся гибелью женщины. В трагическую минуту жизни она оказалась брошенной на произвол судьбы. "Героическая страница" из жизни ОГПУ завершилась катастрофой для одной из самых замечательных певиц, которые рождались на русской земле. От "курского соловья" нам осталось несколько записей ее песен, которые снова начинают возвращаться в нашу разрушенную память.

СВИДЕТЕЛЬСКИЕ ПОКАЗАНИЯ

Александр
Горбовский

ПРОРОКИ И ПРОЗОРЛИВЦЫ В ОТЕЧЕСТВЕ СВОЕМ

Последнее время особое внимание в нашей стране привлекают разного рода явления и факты, относимые к разряду аномальных. (Не исключено, впрочем, что иной раз они представляются нам аномальными в силу лишь нашего малого знакомства, а то и вовсе незнания их.) Сейчас этот информационный вакуум довольно активно восполняют публикации многих массовых изданий — назовем хотя бы журналы "Наука и жизнь", "Наука и религия", "Смена", газеты "Комсомольская правда", "Московский комсомолец".

Отдельные аспекты этих явлений соприкасаются, а то и непосредственно входят в круг проблем, интересующих издания МАДПР.

Речь идет, к примеру, о попытках использовать паранормальные способности для совершения преступлений. А что знаем мы о преступлениях или просто поступках, когда воля человека оказывалась подчиненной чьей-то чужой воле, причем сам человек, совершавший такого рода действия, мог даже не догадываться об этом? Некоторые считают, что в этой области, в сфере паранормального, встречаются ситуации, где оказываются как бы размытыми, нечеткими грани между нравственным и безнравственным, добром и злом. Так ли это?

Как бы то ни было, чем более доступной оказывается информация

о подобных явлениях, тем очевиднее становится скрытое или явное их присутствие в нашей повседневной жизни. Это уже поняли, в частности, криминалисты, которые к раскрытию преступлений подчас подключают и феномен ясновидения.

Мы предлагаем журнальный вариант очерка писателя, кандидата исторических наук Александра Горбовского. Его книга "Колдуны, целители и пророки" выходит в издательстве "Мысль" в 1991 году.

1. Ясновидящие находят преступников

В одном из тихих переулков в самом центре Москвы стоит неприметный особняк. Те, кому поручено было обеспечить его неприметность, постарались, чтобы у входа в дом не было никакой вывески, никакого обозначения. Именно они позаботились также и о том, чтобы окна всех трех его этажей были полузадернуты одинаковыми кремовыми занавесками. Так что, руководствуясь одним этим признаком, можно без труда отличить это, весьма заурядное, здание от соседних.

После того как вы rozpoзнали это здание, вы можете войти в него, потянув на себя массивную дверь, задернутую, очевидно, также для неприметности, тканью того же цвета, что и занавески. Первый, кого увидите вы, зайдя внутрь, будет молодой человек с погонами старшины. Если окажется, что у него есть пропуск на вас, вы сможете пройти дальше, на второй этаж, в кабинет полковника У. Здесь кроме самого полковника и двух его коллег собрались трое штатских — мужчина средних лет и две женщины.

— Милые дамы, — произнес полковник, вынимая из папки несколько фотографий, — позвольте мне для краткости назвать вас так, и вы, — он назвал имя и отчество штатского, — мы встречаемся с вами в этих стенах не первый раз. И должен сказать от себя и от руководства, что мы весьма признательны вам за ту помощь, которую время от времени вы оказываете нашему ведомству. Как вы понимаете, мы стараемся обращаться к вам только тогда, когда вопрос представляет особую важность и когда все другие наши возможности уже исчерпаны. Этими обстоятельствами вызвана наша встреча и на сей раз. Не буду загромождать вас деталями, тем более что в данном случае у меня их нет. Единственное, чем мы располагаем, это фотография, которую я хотел бы показать вам.

Одна из женщин взяла фото, другая не глядя положила его перед собой изображением вниз. Мужчина не взял, сделав рукой отвергающий жест.

— Как видите, — продолжал полковник, — перед вами клише для печатания денег. Они были обнаружены случайно. Это единственная нить, единственный след, который мы имеем. Я знаю, обычно вы не задаете вопросов, но если бы вы их и задали, повторяю, сегодня я едва ли мог сказать вам больше того, что сказал.

— Вижу берег, — произнес мужчина.

— Зима, — вставила одна из женщин.

Мужчина кивнул. Сквозь черты его благородного лица взираала, казалось, и на этот кабинет, и на полковника целая вереница его аристократических предков, таких же, как и он в эту минуту, знающих и видящих нечто, недоступное другим.

Теперь заговорили, уточняя друг друга, женщины. Потом опять мужчина. Вставала картина, все больше обрастая деталями.

— Зимний вечер. Нет, скорее, ночь. Но не поздно еще... Да, еще не ночь, но темно, темнеет рано. Уже луна... Не вижу луны... Я вроде вижу, но не ясно. Вижу, скорее, свет на снегу. Кажется, лунный... да, именно на снегу... Берег пустынный. Дом на косогоре... высоком... Ничего рядом нет, только дом. Дом вижу четко. Деревянный, деревенский, четыре окна. Света в окнах нет... Да, света нет. Забор. Скорее, штакетник, видно, новый. Или покрашенный недавно. Цвета не вижу, темно. Но покрашен недавно...

Это походило на замедленную съемку. Потом они видели, как из дома вышли двое, мужчина и женщина. Тогда же само собой стало уточняться время: между одиннадцатью и двенадцатью ночи. Мужчина и женщина несли тяжелую сумку. С трудом несли. Дошли до берега, пошли вдоль него, перебрались на лед. Лед не крепкий. Трещит под ногами. В одном месте лед разбит, вода. Бросают туда содержимое сумки. Всплеск. Темная вода. Неглубоко. Идут обратно.

Как выяснилось позднее, все обстояло именно так. Когда ассигнаций было изготовлено достаточно, "на три жизни", преступники не поддались искушению многих фальшивомонетчиков продолжать свое занятие, пока их не поймают. Летом, когда река обмелела, проступило дно, и ребятишки нашли сумку с клише. Они притащили их домой для своих детских нужд, но вскоре тяжелые свинцовые пластины оказались в сейфе следователей уголовного розыска, не имевших ни малейшего понятия, где и кого искать. И вот когда тщетно были испытаны все другие пути и подходы, пригласили этих троих в неприметный особняк, где им уже случилось бывать по другим аналогичным поводам.

Как и прежде, никто, кроме нескольких человек, уже работорговавших с ними, не знал, ни кто эти люди, ни зачем они были приглашены в кабинет полковника. Даже следователям, непосредственно занимавшимся этим делом, не было сказа-

но, откуда и каким путем была получена та подробнейшая информация, которая и позволила напрямую выйти на преступников.

Те, кто почти год назад бросили сумку с клише под лед в темную студеную воду, сами, как оказалось, жили за сотни километров от того места. Собравшиеся в кабинете полковника назвали сначала регион — Сибирь, а потом и город, где жили эти двое, — Иркутск.

— Пошла картинка, пошла, пошла. Вижу дом, старый, с колоннами и чугунным балконом. Рядом какая-то фабрика. Забор. Вход на фабрику. Ворота.

“Картинка пошла” у одной из женщин. Когда она замолчала, сразу же заговорила другая.

— Дом вижу. Серый или грязно-желтый, старый, ремонта давно не было. Лестница. Перила оторваны. Второй этаж...

Место, где жили преступники, и даже описание их внешности оказались столь точными, что оперативникам, без труда установившим, где расположен описанный дом, оставалось только подняться на второй этаж и позвонить в нужную дверь.

Это дело — далеко не единственное из тех, что были раскрыты исключительно с помощью людей, наделенных редким и необъяснимым даром “прямого знания”, или инсайта.

Другой случай.

Когда оперативные работники и следователь приехали на место убийства, оказалось, что делать им там практически нечего. Убийцу никто не видел, он не оставил ни отпечатков пальцев, ни других следов, которые могли бы вести к нему. Среди немногих предметов, приобщенных к делу, оказался листок бумаги с несколькими словами. Очевидно, обрывок письма. Кому принадлежит написанное — установить не удалось. Маловероятно, но был шанс, что этот клочок бумаги выпал из кармана убийцы. Правда, и в этом случае он никуда не вел. ...Но не в руках ясновидящего.

Сначала “пошла картинка”, на которой ясновидящие “обнаружили” этого человека. Дали его словесный портрет. Потом смогли описать квартиру, дом, улицу, где он жил. И наконец, был назван город за тысячи километров от места преступления.

Информация, полученная следователями, помогла им собрать улики, и убийца, который был совершенно уверен, что никто никогда не найдет его, предстал перед судом...

К Лидии К., наделенной даром такого “прямого знания”, обратились следователи из Смоленска. Пропали две женщины, бухгалтер и кассирша. Пропали после того, как получили в банке значительную сумму наличными, предназначенную для выдачи зарплаты. Стали ли они добычей преступников

или сами отправились в бега — ни по одной из версий у следствия не было ни малейшей зацепки.

— Я попросила показать мне их фото, — рассказывает Лидия К. — Ну что ж... С первого взгляда видно, что и той и другой нет в живых. Сомнения даже нет. Нужно было найти, где похоронены они или зарыты. Я посмотрела по карте Смоленска. Там их не было. Тогда мне принесли очень подробную карту окрестностей города. Здесь я “увидела” их. Обозначила место, на берегу реки. Сказала, что зарыты они неглубоко, примерно на полметра. Поисковая группа отправилась на место, которое я указала, и сразу же нашла их. Зарыты они были действительно неглубоко, как я сказала. Кто это сделал? Я “видела” это, о человеке и описала его. Дала словесный портрет, как говорят в таких случаях. Это человек, сказала я, который обладает властью, ездит на машине, я описала ее. Очень искушен в делах закона и права. Он был близок с одной из убитых. С ней и вошел в сговор, чтобы совершить преступление. Но вместо того чтобы убить одну, он убил и ту и другую. Так он собирался сделать с самого начала, это не было импульсивным поступком. Потом мне позвонили из Смоленска. Убийца был арестован. То, что показал он, подтвердило мои слова. Человеком этим оказался прокурор города.

Лидия К. не единственная, кто может сказать, взглянув на фото, жив человек или нет. Другие ясновидящие тоже могут делать это, хотя затрудняются объяснить, как приходит к ним это знание. Ощущение неуловимой перемены, которая происходит с портретом; имеет одну особенность. Лидия К. рассказала об этом. Как-то в Москве пропал военный летчик. Его отец и родные обратились к ней на следующий день после того, как он исчез. Она взглянула на фото. “Он жив”, — сказала она и добавила, что с ним что-то случилось, все тело как будто в ссадинах или в ранах. Она указала даже, где нужно искать его — в небольшом лесу, возле Белой Дачи. Милиция и родные отправились туда. Можно представить себе отчаяние и ужас отца, когда его сына действительно нашли там, но убитым.

— Я всегда принимаю такие вещи очень близко к сердцу и переживала вместе с отцом, — продолжает Лидия К. — Но к этому у меня примешалось еще и, я бы сказала, профессиональное: почему я так ошиблась? Я снова смотрела на портрет и видела, что человек, который на нем, жив. Правда, я заметила, что фото какое-то как бы гаснущее. Я наблюдала несколько дней и видела, как нечто, что я ощущала на нем, как бы меркнет. На третий день оно померкло почти совершенно, но еще было там. И полностью погасло на девятый день. Потом я много раз сверяла это с другими фотографиями. С фотографиями других людей. Это подтверждалось. Три дня и девять дней после смерти. Но — только у тех, кто

умер насильственной смертью, кто был убит. У тех, кто просто скончался, этого не было. Их фотографии меркнут сразу. Я не знаю, не берусь судить, почему это так. Но так происходит.

2. "Прямое знание", или инсайт

"Прямое знание", инсайт, имеет в России как бы две школы, два русла: христианскую традицию и дохристианскую языческую практику, шаманство. При этом шаманская и христианская школы имеют порой столь много общего, что невольно наводят на мысль о неких общих истоках.

Одно из частных проявлений "прямого знания" — дистанционное восприятие — то, что происходило в кабинете полковника У. Способность эта, которую сегодня пытаются обнаружить у разных людей и поставить на службу государству, — качество, нередко бывшее свойственным как шаманам, так и святым. И сегодня у шаманов фраза "он видит на тридцать верст" означает, что тот, к кому она относится, обладает шаманским даром. Характерна и ритуальная фраза, которую произносит эскимос, желающий, чтобы шаман принял его в ученики: "Я пришел к тебе потому, что хочу видеть".

Если обратиться к христианской традиции, то летописи и монастырские записи сохранили немало свидетельств этого дара. Одна из таких записей повествует: преподобный Сергей Радонежский сидел за трапезой с братией. Вдруг, как рассказывали присутствовавшие при том, он встал из-за стола, отвесил поклон в сторону и произнес:

— Радуйся и ты, пастыре Христова стада, и благословение Господне да будет с тобою.

Сидевшие с ним спросили недоумевая:

— С кем ты говоришь, отче?

— Сейчас против нашего монастыря в восьми верстах остановился епископ Пермский Стефан, едущий в Москву, — ответил отец Сергей. — Он сотворил поклон Святой Троице и сказал: "Мир тебе, духовный брат". Вот я и ответил ему.

Несколько монахов, встав из-за стола, поспешили к тому месту и действительно догнали Святителя Стефана, который уже продолжал путь. Он подтвердил сказанное, слово в слово.

Подобных свидетельств, дошедших до нас, было бы, несомненно, значительно больше, если бы носители этого дара не старались скрывать его. Во всяком случае, так поступа-

ли духовидцы, пребывавшие в русле основных мировых религий.

Лишь после смерти Серафима Саровского*, когда на столе его рядом с пачкой нераспечатанных писем нашли стопку готовых, написанных на них ответов, известно стало об этом его даре. Рассказы тех, кто обращался к нему со своими бедами, сохранили немало свидетельств такого "прямого знания".

Как-то пришел к нему один из окрестных крестьян:

— Батюшка, у меня лошадь украли, и я теперь без нее совсем нищий, а ты, говорят, угадываешь.

Отец Серафим, рассказывал потом крестьянин, взял его за голову, приложил к своей и сказал:

— Огради себя молчанием и поспеши теперь в село, и когда будешь подходить к нему, то свороти с дороги вправо и пройди задами четыре дома, там ты увидишь калиточку, войди в нее, отвяжи свою лошадь от колоды и выведи молча.

Крестьянин тут же поспешил отправиться в путь и действительно нашел свою лошадь точно там, где сказал ему отец Серафим.

В сообщениях о "прямом знании" просматривается некая закономерность: чаще других такому прозрению открываются события, окрашенные эмоционально, связанные с чьим-то несчастьем, а то и гибелью, катастрофой.

Странно, дерзко повел себя Василий Блаженный** на пиру у царя Ивана Грозного — трижды выплеснул на пол поднесенную ему от царя чашу. А на окрик разгневанного царя ответил, казалось бы, и вовсе бессмыслицей:

— Я тушу пожар в Новгороде.

О том, что речи юродивого имели пророческий смысл, было известно. Тотчас же в Новгород был отправлен гонец. Вернувшись через несколько дней — столько занял путь туда и обратно, — он подтвердил: именно в тот день и час там вспыхнул великий пожар, уничтоживший чуть ли не полгорода.

Этот факт невольно приводит на память подобный эпизод, связанный с именем Сведенборга***. Среди других свидетельств, рассказывающих об этом, — письмо Иммануила Канта Шарлотте фон Кноблох. "...В субботу часа в четыре после полудня Сведенборг прибыл в Готенбург из Англии. Уильям Кастел пригласил его в свой дом вместе с другими гостями, которых набралось пятнадцать человек. Около шести часов Сведенборг вышел и вернулся в общество блед-

* Серафим Саровский (1760 — 1833) — святой православной церкви, монах Саровской пустыни (Тамбовская губ.).

** Василий Блаженный — юродивый, пророк и чудотворец, был канонизирован после смерти. Склеп его находится в Покровском соборе (собор Василия Блаженного) на Красной площади в Москве.

*** Эмануэль Сведенборг (1688 — 1772) — шведский ученый и философ.

ный и встревоженный. Он сказал, что в Стокгольме в районе Зюденмальм вспыхнул сильный пожар, который быстро распространяется. (Готенбург расположен на расстоянии пятидесяти немецких миль, или около трехсот английских миль, от Стокгольма.) Сведенборг не находил покоя и часто выходил. Он сказал, что дом одного из его друзей, которого он назвал, сгорел дотла и что его собственный дом в опасности. В восемь часов, вернувшись в очередной раз, он радостно воскликнул: "Слава Богу! Огонь удалось потушить за три подъезда до моего дома!"

Рассказ об этом вызвал большой переполох во всем городе, но больше всего в компании, в которой он был. В тот же вечер об этом сообщили губернатору. Утром в воскресенье Сведенборг был приглашен к губернатору, который расспрашивал его об этом несчастье. Сведенборг подробно описал пожар, сказал, как он начался, как был погашен и сколь долго продолжался. Через несколько дней в город прибыли нарочный из Стокгольма и королевский курьер, присутствовавшие при пожаре. То, что рассказали они, по времени и по деталям полностью совпало с рассказом Сведенборга.

В другом случае в 1762 году, будучи в Амстердаме, Сведенборг во время разговора вдруг изменился в лице и не мог продолжать беседу. Придя в себя, на расспросы присутствовавших он сказал:

— В этот самый час умер русский император Петр III.

И действительно, спустя какое-то время газеты подтвердили это. Убийство императора произошло именно в тот самый день и час.

Можно предположить, что люди вообще наделены потенциальной способностью к "прямому знанию", к восприятию событий и объектов, находящихся за пределами известных нам органов чувств. Именно это имел в виду Парацельс*, когда писал: "Человек обладает силой, позволяющей ему видеть своих друзей и обстоятельства, в которых они оказались, несмотря на то что люди, о которых идет речь, могут в это время находиться за тысячи миль".

Свойство это может проявляться как качество, сопутствующее вершинам духовного совершенства. Но в то же время известно достаточно и других фактов, когда носителем этого дара оказывался человек, вовсе не наделенный какими-то особыми совершенствами. У некоторых же качество это вообще может проявиться только раз в жизни и затем исчезнуть. Некоторые группы, практикующие "прямое знание", и те, кто их изучает, входят в Союз научных и инженерных обществ СССР. Одна из них, московская группа, ко-

* Парацельс (1493 — 1541) — врач и ученый, оставивший заметный след в истории науки.

тору возглавляет кандидат психологических наук Инга П., состоит всего из трех человек.

К помощи этой группы время от времени прибегают люди, попавшие в затруднительное положение, испытывающие тревогу у своих близких. Недавно сюда в отчаянии и горе обратились родители семнадцатилетней девушки — она исчезла из дома. Ни слова, ни записки, была — и нет.

— Первое, что нужно было узнать, — говорит Светлана Ч., член этой группы, — жива ли она. Инга у нас за такие дела берется не всегда. Она говорит, что ей бывает очень тяжело, когда она узнает, что произошло что-то плохое и это нужно сказать человеку. Но раз люди обратились к нам, помочь нужно. У меня сразу пошла информация — жива. Хотя с тех пор, как пропала, десять дней прошло. Меня спрашивают иногда, что служит вам ключом, какая-то личная вещь человека, имя? Нет, ни то ни другое. Имени ее я не знала, не знаю до сих пор и не спрашивала. Фотографию только потом принесли мне ее мать, бабушка и следователь, которые пришли ко мне. Сначала же связались со мной и спросили о ее судьбе по телефону. Мать позвонила. И тогда же, сразу я смогла сказать им, что она жива.

— Я позвонил Светлане Ч. примерно через час после этого, — подключается к разговору другой член группы, Виктор Б. — Что она почувствовала, она мне говорить не стала, но я сразу сказал тоже — жива. И сразу в сознании всплыло — телефонные звонки, звонящий телефон. Я сразу заинтересовался, были ли какие-то звонки после ее исчезновения. "Да, — ответили мне ее близкие, — были телефонные звонки, но на другом конце провода молчание, никто не отвечал". И тогда же, когда пришел образ телефонных звонков, пошла картинка. Я увидел ее, эту девушку. Идет по улице, я вижу, идет в обнимку с каким-то парнем. Его тоже четко видел. Из тех, кого зовут "красавчиками". Я видел, как они поднимались в какую-то квартиру, она на кухне готовит обед. Словом, с ней все в порядке. Я так и сказал ее близким. И еще одно — ощущение временной протяженности. Я почувствовал, через два месяца она появится. Я сказал, ждите ее или вести от нее через этот срок.

— У меня родилось то же ощущение, — продолжает Светлана Ч., — два месяца. Как приходит это — объяснить трудно. Обычно, когда мы работаем вместе, мы, как бы проверяя друг друга, говорим: "вижу то-то, чувствую то-то". Так было и сейчас. И вот прошло два месяца, мне звонит бабушка этой девушки: "Я звоню, мол, для того, чтобы вам сказать, что вы были правы: два месяца прошло. Вчера мы получили от нее первую весточку — письмо. Она возвращается".

— Скажите, — спросил я Ингу П., — приходилось ли вам говорить людям жестокие вещи?

— Да. Я всегда делаю это, когда считаю, что обязана это

сделать. Например, когда приходится сказать женщине, что этот мужчина никогда не будет вам ни другом, ни мужем. "Никогда" — большая ответственность произнести это слово. Или мужчине сказать, что эта женщина никогда не будет ему подругой. Когда говоришь, всегда есть ощущение абсолютно твердой уверенности, что это так. Если возможно, стараешься смягчить эту правду. Всякий раз это зависит от обстоятельств. Если чувствуешь, что человеку нужно сказать так, чтобы как отрезало — так и говоришь. Перед тем как сказать, мгновенно чувствуешь, как нужно сделать это.

Это "мгновенно чувствуешь" передает стиль ощущения сенситива, но совершенно непонятно для человека, не имеющего опыта "прямого знания". Чтобы прикоснуться, приобщиться к этому знанию, сенситиву не нужно бывает порой даже особого настроения. Как-то муж Светланы Ч., разговаривая из дома по телефону, стал просить собеседника передать сочувствие какому-то третьему лицу.

— Что случилось? — спросила Светлана.

— У его коллеги машину угнали, — ответил муж, продолжая разговор.

— "Жигули", темно-синие, вдоль кузова нестандартный металлический молдинг. — Так "увидела" или "мгновенно почувствовала" она.

Собеседник мужа не знал, как выглядит машина, но, уточнив, он подтвердил — машина была именно такой.

— Пусть ищут на Рублевском шоссе. — И снова Светлана Ч. не знала, не могла бы объяснить, откуда она знает это и почему уверена в этом.

Когда потерпевший стал просить милицию, которая вела розыски машины, поискать на Рублевском шоссе, его с большой подозрительностью стали расспрашивать, откуда ему известно, где может оказаться его машина. Когда же на другой день ее нашли именно там — на обочине Рублевского шоссе, подозрения возросли еще больше: не находится ли владелец в сговоре с угонщиками, рассчитывая на страховку?

Все попытки растолковать следователю, что существует такое явление, как ясновидение, вызывали у него лишь язвительную усмешку.

В другом случае, чтобы убедить следователя, что он и правда обладает таким даром, ясновидящий стал перечислять все, что находится у того в карманах, включая огрызок карандаша, причем назвал даже полустершуюся фабричную надпись, которая была на этом карандаше.

Впрочем, скепсис следователей, как и любого человека, который не сталкивался с этим феноменом, можно понять.

Какое-то время назад к одному московскому сенситиву, просившему не упоминать его имени, как я полагаю, не только из скромности, пришли люди, назвавшиеся сотруд-

никами уголовного розыска. Они принесли три фотографии: молодого человека, его жены и ребенка. Все трое пропали. В субботу они отправились на машине на прогулку в лес и не вернулись. Выяснилось это только в понедельник, когда молодого человека не оказалось на его рабочем месте. По тревоге были подняты все службы, что делается в подобной ситуации только в исключительных случаях. Но данный случай был именно исключительным, хотя сенситиву об этом и не было сказано. Его спросили об одном: "Жив ли — и где?"

Тот ответил только на первый вопрос: пропавший жив и телесных повреждений у него нет. Указать хотя бы в общих чертах место его нахождения он не мог. Сказал только, что видит его вне Москвы, в доме, окруженном лесом. С ним два человека. Но это не его жена и ребенок.

3. Россия — страна пророков

Если существует способность пророчества, то во всех ли людях, более или менее, разумеется, или в самых редких случаях, из множества миллионов людей в одном каком-нибудь экземпляре?

Ф.М.Достоевский

Рассказывая о времени, когда он жил в Новгороде, Горький приводил случай с хорошим своим знакомцем, Пименом Власевым. "Как-то в субботу помылись с ним в бане, — вспоминал Горький, — и пошли в трактир пить чай. Вдруг Пимен, глядя на меня милыми глазами, говорит:

— Постой-ка?

Рука его, державшая блюдечко чая, задрожала, он поставил блюдечко на стол и, к чему-то прислушиваясь, перекрестился.

— Что ты, Пимен?

— А видишь, мил друг, сей минут Божья думка души моей коснулась, скоро, значит, Господь позовет меня на его работу...

— Полно-ка, ты такой здоровяга!

— Молчок! — сказал он важно и радостно. — Не говори — знаю!

В четверг его убила лошадь".

Факт, приводимый Горьким, не единичен. Нередко неведомым чувством люди узнают вдруг о приближении своей смерти и обычно не ошибаются. О дне своего ухода знал, на-

пример, Достоевский. Не обмануло предчувствие и Григория Сковорода*. Он был совершенно здоров, когда, придя в слободу Ивановку, объявил всем о приближающейся своей кончине, сам вырыл себе могилу, вернулся в свою комнатку, переменял белье, положил под голову свои сочинения и умер. Знал свой день и час и В.Н.Татищев**. Также будучи совершенно здоров, он принял причастие Святых Тайн и велел рыть себе могилу.

Летописи упоминают о некоторых из русских князей, которым такое дано было, — как бы заглянув в будущее, узнать о своем последнем дне.

Знание дня своей кончины, знание будущего к одним может прийти внезапно и, казалось бы, без усилий с их стороны, к другим — в итоге многолетней духовной практики. О таких писал в свое время Григорий Богослов***. "...Владычественный их ум от Духа принимает такие образы, по коим они соприсутствовали будущему, как настоящему".

Соприсутствовали будущему, как настоящему...

Свидетельства о пророчествах и предзнаниях рассеяны по страницам истории.

Царь Василий III решил насильно постричь в монахини свою супругу Соломонию, чтобы взять в жены Елену Глинскую. При этом он запросил, как полагалось в то время, благословения на новый брак патриархов Константинопольского, Александрийского и Иерусалимского. Все трое ответили царю единодушным отказом. Патриарх же Иерусалимский, Марк, пояснил, как открылось это отцам церкви: "Если дерзнешь вступить в законопреступное супружество, то будешь иметь сына, который удивит мир своей лютостью". Василий III поступил вопреки этому пророчеству. Сын, родившийся от этого брака, действительно удивил мир своею лютостью и вошел в историю под именем Ивана Грозного.

Под знаком пророчества оказался и наследник царя-изверга. Взойти на трон после Ивана Грозного должен был старший его сын Иоанн. Когда Василий Блаженный умирал, царь вместе с обоими сыновьями и дочерью Анастасией пришел проститься и просить его молиться за них. И здесь, на смертном одре, блаженный обратился вдруг к младшему сыну царя, Федору, и в присутствии всех предрек, что вовсе не старшему, не Иоанну, а ему, младшему, предстоит принять царство. Как известно, так и случилось — хотя тогда еще ничто не предвещало, что царь в припадке гнева убьет

* Сковорода Г.С. (1722 — 1794) — украинский философ и поэт.

** Татищев В.Н. (1686 — 1750) — известный русский историк, государственный деятель, автор "Истории Российской с самых древнейших времен".

*** Григорий Богослов (Григорий Назианзин) (330—360) — греческий церковный деятель и мыслитель.

своего старшего сына, и когда опустеет трон, на него взойдет младший, Федор.

Что касается самого Ивана Грозного, то в последний год своей жизни он повелел привезти в Москву из Архангельска и его окрестностей тамошних баб-колдуний. Двенадцать ведьм поместили под замок, поставив надежный караул. Б.Я.Бельский, один из самых доверенных людей царя, каждый день посещал их, передавая потом, что говорили они Ивану Грозному. Но вот однажды в один голос колдунии объявили, что царь-де умрет 18 марта. Можно представить себе, как должны были не понравиться такие речи царю. И действительно, "за такое вранье" он повелел 18-го же марта сжечь их живьем.

Однако, когда рано утром того дня Бельский с сопровождающими явился, чтобы исполнить волю царя, ведьмы подняли крик: день, мол, только начался, неведомо еще, как завершится он, и неизвестно, соврали ли они.

По свидетельству современников, ничто в тот день не предвещало несчастья. Царь чувствовал себя хорошо, был даже весел — пел за обедом. Но потом, сев играть в шахматы, вдруг покачнулся и схватился за грудь. Через несколько минут он потерял сознание и скончался. Так завершился этот день, 18 марта. Пророчество, запрошенное самим царем, осуществилось.

Не таится ли уже в самой попытке узнать будущее нечто от вызова судьбе?

Как-то, когда Пушкину поставлено было в упрек, что он слишком верит разным приметам, он ответил:

— Быть таким суеверным заставил меня один случай. Раз пошел я с Никитой Всеволожским ходить по Невскому проспекту. Из проказ зашли к кофейной гадальщице. Мы просили ее нам погадать и, не говоря о прошедшем, сказать будущее. "Вы, — сказала она мне, — на этих днях встретитесь с вашим давнишним знакомым, который вам будет предлагать хорошее по службе место; потом, в скором времени, получите через письмо неожиданные деньги; третье, я должна вам сказать, что вы кончите вашу жизнь неестественной смертью". Без сомнения, я забыл в тот же день и о гадании, и о гадальщице. Но спустя недели две после этого предсказания и опять на Невском проспекте я действительно встретился с моим давнишним приятелем, который служил в Варшаве при Великом Князе Константине Павловиче и перешел служить в Петербург; он мне предлагал и советовал занять его место в Варшаве, уверяя меня, что Цесаревич этого желает. Вот первый раз после гадания, когда я вспомнил о гадальщице. Через несколько дней после встречи с знакомым я в самом деле получил с почты письмо с деньгами — и мог ли я ожидать их? Эти деньги прислал мой лицейский товарищ, с которым мы, бывши еще учениками, играли в

карты, и я обыграл его: он, получив после умершего отца наследство, прислал мне долг, которого я не только не ожидал, но и забыл об нем. Теперь надобно сбываться третьему предсказанию, и я в этом совершенно уверен”.

Третье пророчество было подтверждено поэту гадалкой — немкой Александрой Кирхгоф, и звучало так: “Может быть, ты проживешь долго, но на 37-м году берегись белого человека, белой лошади или белой головы”.

Ожидание, что и это пророчество исполнится, и желание все-таки избежать предсказанного не оставляли Пушкина все те двадцать лет, которые оставалось ему прожить.

Но все эти усилия избежать предсказанного оказались тщетны. Когда поэту шел тридцать седьмой год, на жизненном пути его появился Дантес — “белый человек” (он носил белый мундир), с “белой головой” (был белокур). Это и был его убийца. Пуля из дульного пистолета, смерть от “белого человека” на тридцать седьмом году жизни были предсказаны за два десятилетия до того зимнего утра, когда в заснеженной пригороде Петербурга прозвучал роковой выстрел.

Не его ли, не этот ли выстрел услышала фрау Кирхгоф, когда девятнадцатилетнему юноше предсказала ужасный его конец? Что за голос шепнул ей это в ту минуту, какой знак получила она? Мне трудно сказать, какое начало проявляется здесь с большей силой — этот ли взгляд прорицателя, проникающий сквозь годы и десятилетия, или сама неодолимость, неизбежность предсказанного. В те дни, когда русская армия, разбившая Наполеона, вступила в столицу Франции, нескольким офицерам пришла мысль посетить знаменитую в то время гадалку — мадам Ленорман. И одному из них свое предсказание она облекла в единственную, но зловеющую фразу:

— Вы будете повешены.

Сергей Муравьев-Апостол, которому были обращены эти слова, не мог не улыбнуться:

— Возможно, вы принимаете меня за англичанина, — заметил он. — Я русский, и у нас отменена смертная казнь.

Перспектива быть повешенным никак не могла иметь отношение к нему — офицеру, представителю древнего аристократического рода.

Прошло четырнадцать лет, и именно он, Муравьев-Апостол, облаченный в балахон смертника, оказался стоящим под виселицей рядом с четырьмя другими участниками неудачного восстания против царя.

Столь же невероятно прозвучало предсказание, которое привелось услышать одному из ближайших соратников Ленина Николаю Бухарину. Он не поверил сказанному, как Муравьев-Апостол не мог поверить словам мадам Ленорман.

Когда летом 1918 года Н.И.Бухарину довелось быть в

Берлине по делам Брестского мира, кто-то рассказал ему о гадалке, жившей на окраине города. Вместе с приятелем, другим революционером-большевиком, он решил посетить ее. То, что услышал он там, не могло не поразить одного из тогдашних руководителей России, "любимца партии", как называл его Ленин.

— Вы будете казнены в своей стране.

Это настолько не вязалось с реальностью, что Бухарин переспросил:

— Вы считаете, что Советская власть падет?

— При какой власти погибнете, сказать не могу, но обязательно в России.

Как известно, через двадцать лет пророчество это сбылось. Сталин казнил Бухарина. Как и в других случаях, само событие в тот момент, когда было оно предсказано, не проявляло себя ни малейшим признаком, симптомом или хотя бы намеком.

История России, в которой постоянно присутствуют предсказания, пророчества, предзнание будущего, не могла не воздействовать на формирование национального сознания народа.

Я не встречал еще ни одной семьи, где, если речь заходила о предсказаниях, не привели бы тут же одного-двух эпизодов из собственной жизни или жизни своих близких. Иногда это случаи удивительных предчувствий, сбывшихся примет или вещих снов. Нередко — случаи прямых предсказаний, сделанных людьми, наделенными даром видения будущего, или профессиональными гадалщиками.

Те, кто приходят к ним, — люди, оказавшиеся в стрессовой, кризисной ситуации. Существует много рассказов о таких предсказаниях, когда события следовали одно за другим, как бы исполняя каждое слово прорицателя. Среди этих историй мне запомнился почему-то эпизод, поведенный одной доброй знакомой, которую я хорошо знаю.

— Пришла я, — рассказывала она. — Передо мной еще человека два было. Пока ждали — молчали, не говорили между собой. Каждый о своем думал, с чем пришел. Захожу, вижу — тетка как тетка. Ничего особенного. На меня и не смотрит. Книжки какие-то перед ней, бумажки. Свеча горит. На кофе она гадала, на гуще, — это я еще раньше знала. Спросила только имя и когда родилась. Я сказала. Она помолчала немного и говорит: "Мужа твоего, мол, зовут так-то". Правильно сказала. Ну, я думаю, что такого — догадалась. Потом опять молчит. Говорит: "Только вот что с ним, я не пойму. Среди живых его нет. Это точно. И среди мертвых я его тоже не вижу". Как дошло до меня это, так нехорошо стало мне, так страшно! Вскочила я от нее. Не помню уж, как домой добралась.

Дело в том, что ее муж в это время покончил с собой. По

канонам православия, за таких не только нельзя молиться, даже хоронить их полагалось за оградой кладбища, у перекрестка дорог, в стороне от места, где похоронены остальные христиане. Потому-то и не увидела его прорицательница, что нет ни среди живых, ни среди мертвых.

4. Тропой эксперимента с завязанными глазами

Чтобы очевидней представить себе отличие работ советских исследователей в области предвидения, нужно, видимо, сказать хотя бы вкратце о том, что делается в этой области на Западе.

Такие опыты проводились, в частности, в Дюкском университете (США). Специальное устройство выбрасывало по принципу случайности одну за другой карты Зенера*. Участнику эксперимента предстояло каждый раз угадывать, какая карта выпадет. Многочисленные эксперименты подтвердили — феномен предзнания существует. Могут ли факты такого опережающего знания быть объяснены случайностью, совпадением? Для серии опытов, состоявших из 90 000 таких попыток, вероятность того, что полученные результаты случайны, выразилась ничтожно малой величиной 10^{-12} .

В других опытах был использован генератор случайных чисел — устройство, состоящее из небольшого количества радиоактивного вещества и счетчика Гейгера. Счетчик регистрирует эмиссию свободных электронов, частота появления которых произвольна. Когда это происходит, генератор замыкает электрическую цепь. В этих опытах генератор с такой же произвольной последовательностью включал одну из четырех разноцветных лампочек, установленных перед участником. Задача заключалась в том, чтобы предсказать, какая из ламп вспыхнет следующей.

И в этих экспериментах феномен предзнания получил подтверждение: число правильных предсказаний также значительно превысило цифру, которая статистически могла бы быть объяснена случайностью.

Возможно, ясновидческая способность человека — свойство, восходящее к животному его предку. Если так, то логично задаться вопросом, присуща ли эта способность жи-

* Карты Зенера — пять карт с изображением простейших геометрических фигур: квадрата, круга, креста, звезды и двух волнистых линий. Используются в психологических опытах.

вотному миру вообще. Несколько мышей из вольера уносили на другой этаж, в отдаленное крыло здания и там подносили их к змее. Мыши начинали в панике метаться по клетке. В ту же секунду приходили в возбуждение и начинали беспорядочно бегать в вольере оставшиеся мыши из этой группы. При этом какие бы то ни было из известных нам каналов связи были исключены.

С той же целью — узнать, действительно ли животным присущ некий механизм, позволяющий им получать информацию о происходящем на расстоянии, — была проведена еще одна серия опытов. Из группы мышей брали по несколько особей и помещали их на расстоянии, исключавшем всякую передачу информации. Этим мышам не давали ни есть, ни пить и следили, станет ли то, что происходит с ними, известно оставшимся, то есть не повлияет ли это каким-то образом на их поведение. Такое влияние было четко подмечено и на этот раз. Оставшиеся, словно опасаясь такой же участи, начинали проявлять повышенную прожорливость — пытаться наестся и напиться впрок.

Еще в древности было замечено, что крысы, живущие в корабельных трюмах, иногда вдруг спешно покидают корабль, стоящий в порту и готовый к отплытию. Если при этом не оказывалось сходней, крысы бросались в воду и добирались до берега вплавь. Между этим странным поведением крыс и последующей участью корабля оказывалась определенная связь. Корабль этот обычно садился на рифы, попадал в шторм и погибал в том же рейсе. Примета эта хорошо известна морякам и передается из поколения в поколение.

О ней знали военные моряки в годы второй мировой войны. В то время большие морские караваны совершали регулярные рейсы через Северное море между Мурманском и портами Великобритании. Корабли эти везли в Советский Союз продовольствие и оружие по ленд-лизу. Их опасный путь был отмечен гибельными встречами с немецкими подводными лодками и самолетами, так что далеко не всем удавалось благополучно достичь порта назначения.

С некоторых пор, однако, морское начальство в Мурманске стало замечать, что во время стоянки моряки всеми силами стараются перевестись с какого-то корабля на любой другой, даже и хуже защищенный и менее быстроходный.

Было проведено негласное расследование. Оказалось, корабль, с которого многие старались перебраться, был именно тот, с которого во время стоянки бежали на берег крысы. Моряки утверждали, приводя при этом примеры, что именно те суда, с которых бежали крысы, попадали под особенно убийственный огонь немцев или гибли в море.

Другая ситуация, в которой животные также неведомым образом узнают о приближающейся опасности, — это такие

внезапные и непредсказуемые события, как землетрясения. Сейсмологи, работающие в разных странах мира, были поражены, когда разрушительное землетрясение 1975 года оказалось заранее известно китайцам. Их предупредили об этом не сложнейшие сейсмические приборы, не математические расчеты, а поведение домашних животных и массовое появление змей. Обычно они спят в норах в это время года, но накануне подземного удара множество их появилось на поверхности, прямо на снегу.

В свое время советские газеты весьма скупо сообщали о гибельном землетрясении 1948 года, разрушившем столицу Туркмении Ашхабад. Но еще тогда ученым удалось записать некоторые свидетельства, имеющие отношение к нашей теме. Оказывается, накануне катастрофы к секретарю городского комитета партии пришли старики туркмены и объявили ему, что с часу на час начнется землетрясение. Когда он спросил, откуда им это известно, если об этом не знает ни один ученый, не знает Академия наук, они ответили:

— Змеи и ящерицы вышли из нор.

Окажись начальство способным поверить, что другим существам может быть открыто будущее, неведомое человеку, и прими оно должные меры — возможно, жертв от землетрясения 1948 года оказалось бы куда меньше. Приближение беды чувствовали и другие животные. По рассказам пастухов, овцы, накануне оказавшиеся в эпицентре будущего землетрясения, не паслись, не щипали траву, а только тревожно сбивались в кучи.

О том, что у животных это было не просто смутное беспокойство, а предчувствие опасности вполне конкретной, говорит поведение собак буквально за несколько минут до страшных первых толчков. Некоторые из фактов приводит доктор геолого-минералогических наук А. Никонов в одной из своих публикаций. "Известно, — пишет он, — несколько случаев не просто беспокойного поведения собак перед землетрясениями, но их направленных действий по спасению хозяев. Ашхабадец-офицер, владелец овчарки, в ночь с 5 на 6 сентября 1948 года был разбужен своей собакой. За несколько минут до трагического толчка овчарка открыла дверь в комнату и стащила со спящего одеяло. Хозяин не прореагировал. Тогда пес вскочил на кровать, стал выть и кусать ноги хозяина, потом бросился к двери. Хозяин вышел за ним, и за его спиной стал разваливаться дом".

И еще один похожий подробный рассказ исходит от жительницы Ашхабада. Шпиц разбудил хозяйку за час до катастрофы, кидался к забору, скулил, лизал лицо, пытался стащить с кровати. Когда хозяйка открыла ему калитку, шпиц бросился на улицу, но тут же вернулся, чтобы схватить хозяйку за халат и потащить в сторону от дома. Женщина вышла на тротуар, и в это время дрогнула земля.

Способностью предвидеть будущее, судя по всему, наделены и птицы. Факт, свидетельствующий об этом, приводил еще Чарльз Дарвин. Путешествуя в 1835 году на корабле "Бигль" у берегов Южной Америки, он наблюдал, как часа за два до чилийского землетрясения птицы большими стаями поднимались в воздух и улетали от побережья в глубь материка. О беспокойстве птиц перед землетрясением свидетельствуют очевидцы катастроф в Алма-Ате и в Ташкенте.

Судя по всему, некоторые домашние животные также чувствуют и приближение любого несчастья, которое должно в ближайшее время постигнуть дом и семью, в которой они живут. Многочисленны рассказы о собаках, воющих в доме, когда вскоре кто-то должен умереть в нем. В России это явление стало верной народной приметой.

Говоря об исследованиях в области ясновидения, проводящихся в СССР, нельзя еще раз не вспомнить группу при Союзе научных и инженерных обществ, о которой я уже говорил.

На мысль, что членение времени выражает лишь наше субъективное его восприятие, наводят и некоторые другие эксперименты.

Помню первые опыты в этой области, которые начинал известный гипнотизер Владимир Райков. Погружая пациента в состояние глубокого гипноза, он внушал ему другую индивидуальность, чаще всего Репина.

Девушка-студентка, которая в состоянии гипноза воплотилась в этот образ, начинала говорить о себе только в мужском роде, мыслить и воспринимать окружающее исключительно в рамках этого образа и того времени. Я поднес к ней зеркало и спросил, кого она там видит. Некоторое время она с недоумением разглядывала свое изображение, после чего ответила, пожав плечами:

— Не знаю. Девушка какая-то.

— Разве вы не узнали ее? — продолжал допытываться я. — Неужели вы ее никогда не видели?

— Никогда, — ответила она совершенно равнодушно и незаинтересованно. — Не знаю я ее и никогда не видел.

— Какой сейчас год?

— 1902.

— Где вы находитесь?

— Как где? Я — в своей студии. А вот что вы здесь делаете, непонятно.

"Маэстро" настолько начал тяготиться моими расспросами, что пришлось Райкову вмешаться:

— Господин Репин, — заметил он мягко, — это репортер из "Петербургских Ведомостей". Позвольте ему задать вам еще несколько вопросов?

"Господин Репин", хмуря выщипанные бровки, явно неохотно согласился.

— Разрешите спросить вас, как добрались вы сюда в студию из дома?

— Почему вы спрашиваете? Естественно, в пролетке, как всегда.

— А может, на автомобиле, на такси или на автобусе?

— Я не понимаю вас.

— Вы знаете, что такое самолет? Спутник?

— Я решительно не понимаю, о чем вы говорите. — Было очевидно, что "господин Репин" искренне раздосадован бессмыслицей произносимых мною слов и не намерен более продолжать беседу.

Столь же глубоко погружение в иную эпоху и полное отключение от реальностей своего времени наблюдал у испытуемых и другой врач — гипнотизер Борис Васильевич Богомыслов. Правда, обстоятельства экспериментов у него несколько отличались. Он "переселял" испытуемого в личность, связанную с ним генетически, — в отца, деда и т.д.

Когда сегодняшний юноша становился таким образом собственным прадедом и оказывался по времени где-то в начале века, вся информация о сегодняшних событиях и обстоятельствах оказывалась также совершенно стерта. Предметы бытовой техники и современной цивилизации, окружающие его повседневно, в этом его состоянии представлялись ему совершенно непонятными, незнакомыми и вызвали настороженное любопытство. Когда гипнотизер подвел его к окну и показал движущийся автомобиль, тот сначала испуганно отшатнулся, потом долго изумленно смотрел на него и на вопрос, как он думает, что это, ответил: "Какой-то зверь".

Как и в опытах Райкова, в этих экспериментах человек, перенесенный в прошлое, не знал ни понятия, ни самого слова "самолет". Когда же гипнотизер попытался мысленно внушить ему этот образ (прием, обычно срабатывающий безотказно), тот на вопрос, что представляется ему, что он видит, ответил:

— Летящую ворону.

Но если человек оказывается столь полно "отключен" от эпохи, которую он как бы покинул, логично предположить, что сознание его в той же мере подключается ко времени, в которое он "пришел". Подтвердить это предположение могло только одно: испытуемый в этом состоянии должен был сообщить нечто, что не могло бы быть ему известно в состоянии вне гипноза.

Богомыслов поставил такой опыт.

Юноше было внушено, что он — его собственный отец. В этом состоянии, отвечая на вопросы, он стал подробно рассказывать о времени, когда учился в военном училище. Он называл фамилии преподавателей, своих командиров, тех, что стояли над ними. Рассказал даже о своей любовной ис-

тории, которая произошла с ним тогда, задолго до его женитьбы и рождения сына. Говоря об этом, он заметно волновался; когда же его спросили, почему они все-таки расстались, отказался отвечать даже в гипнозе:

— Это касается только нас!

Если сын и знал, в общих чертах, о том, что когда-то отец его был в военном училище, маловероятно, чтобы ему оказались известны все мелкие детали, с этим связанные, включая даже расположение учебных зданий (об этом он тоже говорил, находясь в гипнозе, и то, как это было описано им, подтвердилось). И наконец, представляется совершенно маловероятным, чтобы отец стал делиться с юношей-сыном обстоятельствами своей личной жизни до женитьбы.

Этот и ряд подобных экспериментов убедительно показали: человек, погруженный в прошлое в образе конкретного, жившего тогда человека, способен узнавать о вещах и обстоятельствах, относящихся к тому времени, о которых до этого он не мог знать.

Для объяснения этого Богомыслов выдвинул гипотезу о генетической памяти. Жизненный опыт, память предшествующих поколений наследуется и, возможно, скрыто присутствует в нас. Эту память можно активизировать и перевести в сознание, когда человек в состоянии гипноза идентифицирует себя с той или иной личностью из числа своих предков. Эта способность проникать в прошлое оказывается, однако, все более размытой, чем дальше от поколения к поколению удаляемся мы. Так, во всяком случае, показали эксперименты.

В истории науки нередки случаи, когда экспериментатору, сделавшему открытие, не удается найти полное ему объяснение. Однако в отличие от большинства экспериментаторов, которые редко склонны признавать это, Богомыслов сам не удовлетворен своей версией. Дело в том, что другие данные, полученные им, никак не ложатся в предложенную им схему наследственной генетической памяти.

— Молодому человеку, — рассказывает он, — в глубоком гипнозе было внушено, что он — отец своего отца, то есть дед, погибший на фронте во время второй мировой войны. В этом состоянии он подробно рассказывал, как их готовили: научили стрелять из винтовки и на этом вся военная подготовка была закончена. Потом говорил, что сейчас, осенью 1941 года, он в составе 67-го стрелкового полка вместе с другими солдатами занимает оборону под Москвой. "Письма домой пишешь?" — спросил я его. "Я же неграмотный", — он даже как бы удивился, что я не знаю этого. "Так попросил бы кого-нибудь". — "Есть тут у нас один "писарь", так к нему такая очередь!" Я попытался далее день за днем с его слов "проследить", что было с ним. Я говорил ему: "Сейчас 30 сентября", "5 октября", "15-е". Всякий раз

он говорил, что с ним: отступают, под артобстрелом, заняли оборону. Когда дошли до 20 октября, он не мог отвечать на вопросы, только тяжело и прерывисто дышал. Я понял, что с дедом испытуемого что-то произошло именно в этот день, и поспешил вывести молодого человека из гипноза. На запрос, что направил я в Архив Советской Армии, был получен ответ, что рядовой такой-то служил в 67-м стрелковом полку, воевал под Москвой, где и был тяжело ранен 20 октября 1941 года. Пропал без вести и, очевидно, погиб он позже, в 1942 году. Близкие, когда я связался с ними, подтвердили, что он был неграмотен и ни одного письма от него они не получили. Не знали они и о его ранении и тем более, когда это случилось. Я не говорю уже о том, что не знали и не могли знать они, в каком полку служил он. Даже если бы он и написал им, то номер части, где служил, он не мог бы указать, так как это было разглашение военной тайны и военная цензура не пропустила бы этого. Соответственно и внук его ничего этого не знал и никак не мог знать. Но все это открылось, стало вдруг известно ему почти через полвека, когда он оказался "перенесен" во время и в образ своего деда.

Но вот важно: все, что произошло с дедом этого юноши, солдатом, погибшим на войне, случилось уже после рождения его сына, отца того молодого человека, который принимал участие в эксперименте. Следовательно, информация эта никак не могла быть передана ему на геномном уровне, как предполагал исследователь изначально.

К счастью, когда нет теории, практика во многих случаях обходится без нее. Если бы это было не так, мы, очевидно, до сих пор не могли бы пользоваться, скажем, электричеством только потому, что теории, которая объясняла, что это такое, нет.

Так было и в этом случае. Несмотря на отсутствие объяснения, Богомыслов продолжил свои опыты. Только ли из прошлого возможно получать информацию таким образом?

Поместив испытуемого в гипноз, он не меняя на этот раз его личности, оставляя его тем, кто он есть, студентом технического института, Богомыслов "перенес" его в будущее, в год 2000-й. И тот стал отвечать ему на вопросы оттуда, из этого будущего. События, которые для нас еще не произошли, находятся в будущем, для него были уже в минувшем, и он говорил о них в прошедшем времени.

Так еще раз мы встречаемся с ситуацией, когда одно и то же событие по одному отсчету находится в будущем, по другому — в прошлом.

Какой же увидел испытуемый свою жизнь из грядущего 2000 года? Он сказал, что живет в Калининграде (сейчас в Москве), что отец его (ныне здравствующий) умер "еще в девяносто третьем году", что он имеет двоих детей, назвал их имена и даты, когда они родились (сейчас он не женат).

— Достоверность информации, которую испытуемый получает из прошлого, мы проверили, — говорит Богомыслов. — Она подтвердилась. Чтобы проверить ту, что получена из будущего, надо ждать. Поживем — увидим.

5. Заглянуть за завесу времени. Три пути

Чтобы выйти на информацию, которая исходит из будущего, существуют определенные методы и приемы. При всем их многообразии они, как представляется мне, довольно четко разделяются на три направления, три пути:

1. Восприятие будущего в форме озарения, вспышки.
2. Использование разного рода искусственных приемов, чтобы достичь "измененных состояний сознания".
3. Путь косвенного приема информации из будущего (предзнаменования, приметы, гадание).

1. Путь озарения. В разных культурах существуют различные приемы, при помощи которых можно якобы выявлять людей, наделенных даром "прямого знания". Такие приемы есть и у сибирских шаманов, но держатся ими в тайне. Считается, что ребенок или подросток, проходящий такую проверку, не всегда может остаться в живых. Нужно ли посторонним или властям знать, что с ним случилось?

О том, что может представлять собой такая проверка, можно догадаться по принципу аналогии, по практике, которая существует у других народов. Этнографы давно заметили общность магических приемов, связывающих между собой территории, отстоящие порой на тысячи миль.

У некоторых племен Гвинеи и сейчас, когда рождается мальчик, женщины по одним им известным приметам определяют его предрасположенность к тому, чтобы стать вудуном. Как только такой мальчик начинает ходить, родители передают его на воспитание местному колдуну, чтобы определить, действительно ли он наделен способностью видеть, колдун кладет перед ребенком девять одинаковых рисовых хлебцев. Он должен выбрать один из них и съесть. Но это нечто большее, чем хлебцы, — это жребий, судьба: восемь хлебцев из девяти отравлены.

Существует мало свидетельств, как приходит к человеку этот дар. Известно только, что совершается это так же внезапно и независимо от желания или добродетелей человека, как благодать Господня, которая снизошла некогда на евангельского Савла, сделав его Павлом. Путь, каким может исходить этот дар на человека, наверное, так же неповторим, как сам человек и его судьба.

Мало о ком из носителей этого дара мы знаем или сможем узнать, как пришла к ним эта способность, что чувство-

вали они при этом. О Василии Блаженном, о котором я уже говорил, нам известен лишь эпизод, когда дар этот впервые проявился в нем. В детстве родители отдали его подмастерьем к сапожнику. Однажды в мастерскую пришел купец заказать себе новые сапоги и очень заботился, чтобы вышли они и красивы, и прочны. Когда же купец ушел, Василий сначала рассмеялся, а потом прослезился. Хозяин стал допытываться, чему смеялся он и о чем плакал. Василий долго не хотел говорить, потом сказал, что не надо было бы купцу так пекся о сапогах, которых и не носить, — они ему не понадобятся. И правда, купец так и не пришел за заказом. Через несколько дней он неожиданно умер.

Говоря о неповторимости того, как дар "прямого знания" нисходит на человека, я основывался на своем опыте встреч и разговоров с носителями этого дара.

Вот один из них, капитан, командир истребителя.

— Вы вот все об "умном" спрашиваете, — так иронично реагирует он на мои вопросы. — А я человек простой, у меня одна извилина в голове, да и та от фуражки. Что я делаю, чтобы видеть? Отключаю сознание. Перевожу его "на ноль". Научился я этому очень просто. Это у вас, на гражданке, всякие там свободы: хочу — прихожу на какие-то там занятия, собрания, хочу — нет. А в армии приказ есть приказ. Сиди и слушай. Сидел я, сидел на этих занятиях, собраниях, инструктажах разных и понял — сил моих больше нет! Информации никакой. Пустые слова бьют в одну точку: тук-тук, тук-тук. А ты сиди и слушай. Дураком стать можно. Сначала я научился не слушать, о своем думать. Прошло время, оказалось, я обо всем уже передумал. Тогда-то я и начал просто отключать сознание, ставить его "на ноль". Со стороны ты вроде бы там сидишь. Глаза открыты, на лице внимание. А тебя там нет. Тебя вообще нет. Нигде!

Начальник ленинградского военного госпиталя, проверявший его на всевозможных приборах, которыми оборудован госпиталь, говорил мне:

— Когда я увидел у капитана это первый раз, я не поверил своим глазам. Все девятнадцать каналов энцефалографа молчат. Никаких кривых, затуханий или всплесков. Ничего. Все самописцы рисуют одно — плато. Для нас, врачей, такая картина означает одно: мозг не функционирует, мозг мертв. Когда я вижу такое при реанимации, я говорю сестре, чтобы она выключала аппаратуру.

С тех пор как капитан обнаружил в себе дар видеть, он стал продельывать это перед каждым полетом, как бы прокручивая мысленно отснятую пленку, чтобы знать, что может ожидать его в воздухе.

— Для меня это не любопытство, не поиск каких-то научных истин. Мой единственный стимул — выживание. Я хочу летать и хочу жить. Недавно перед вылетом я "отключился",

как обычно, и увидел, как мой напарник, не набрав высоту, резко выходит снизу мне под брюхо. Между нами какие-то метры! А вы можете представить себе, что такое метры в воздухе, да еще при скорости? Вылетая, я уже знал, что делать, когда это произойдет: штурвал на себя и влево. Это действие я заложил в сознание на уровне автоматического, мышечного усилия, оно было со мной с первой секунды полета. Все шло нормально, пока за спиной я не услышал страшный крик: "Командир!" Если бы я стал оглядываться назад, выяснять, что случилось, в чем дело, мы бы не говорили с вами сейчас. Буквально на первой же ноте этого крика я рванул штурвал на себя. Ушел вверх. Второй пилот, это он кричал, говорил потом, что, когда самолет напарника внезапно вынырнул под нами, он увидел в иллюминатор его так близко, что успел рассмотреть даже заклепки на обшивке.

В этом состоянии, когда сознание находится "на нуле", ощущение времени, говорит он, совершенно другое, отличное от обычного. Однажды в какой-то из рек, расположенных там, где он служил, затонула какая-то важная аппаратура, и командование попросило его мысленно "поискать". Он сделал это и "нашел" искомое. Однако то ли площадь поисков оказалась велика, то ли течение слишком быстрое, но это заняло у него намного больше времени, чем он ожидал. Ему казалось, он находился в состоянии "на нуле" несколько минут. Оказалось — около двух часов.

Когда капитан выключает сознание, не исключено, что в эти минуты его восприятие как бы выпадает из потока времени. Озарение, "прямое знание", инсайт — это состояния, пребывая в которых сенситив получает нужную информацию, как мы видели, иногда мгновенно. При этом он оказывается способен перевести сознание в это состояние усилием воли, не прибегая к каким-то внешним искусственным средствам.

II. Мир "измененных состояний сознания". С целью достичь таких состояний, открывающих путь к "прямому знанию", издавна прибегали к психодислептическим снадобьям и средствам. Такая практика известна среди ведунгов Азии, Африки, Европы. Русские ведьмы хранят секрет такого состава, тайна которого восходит, возможно, к языческим, дохристианским временам. На Американском континенте задолго до прихода европейцев умели изготавливать настой из различных растений или из особого вида грибов.

С той же целью дельфийский оракул вдыхал дурманящие пары, исходившие из расщелины скалы. В Индонезии и сегодня прорицатель, чтобы прийти в нужное состояние, вдыхает дым ладана.

Несколько видов "пророческого экстаза" известно было еще в Древнем Шумере. Прорицатель, прошедший опреде-

ленную практику, способен входить в такое состояние от воздействия определенной музыки. Пророк израильский Елисей (850—800 гг. до н.э.), желая пророчествовать, сказал: "Теперь позовите мне гуслиста. И когда гуслист играл на гуслях, рука Господня коснулась Елисея" (Четвертая Книга Царств, 3, 15).

У сибирских шаманов сегодня этой цели служит танец, сопровождаемый ритмичными, все учащающимися ударами бубна.

В античном мире для предзнания будущего нередко использовали рабов, вводя их в "измененные состояния сознания". Современники обвиняли Апулея в том, что он специально держал для этой цели мальчика-раба, которого приводил в состояние транса и, задавая ему вопросы, заставлял предсказать будущее.

Судя по некоторым приемам, такая практика, сохранившаяся с древнейших времен, известна и сегодня. В конце прошлого века на юге Российской империи и на Украине был хорошо известен некий Стефан Самбур. Некоторые называли его медиумом и гипнотизером, другие — колдуном и чернокнижником.

В одном доме у прислуги оказался украден отрез материи. Когда пригласили Самбура, чтобы он узнал, кто украл, тот сказал, что ему необходим ребенок 10—12 лет. Прислуга привела со двора девочку-подростка. "Он посадил ее на стул подле стола, — написал свидетель-современник, — поставил перед ней стакан с водой и, приказав ей глядеть в воду и передавать вслух все ею видимое, взял ее руки в свои. Подле двери была пострадавшая прислуга и я. Девочка побледнела, минут через пять начала говорить, что видит туман, клубы дыма, потом увидела кухню со всей ее обстановкой. Самбур приказал ей сесть возле стола и сторожить вора. И вот девочка увидела на табурете свою маленькую фигуру. "Я одна на кухне. Сажу на табурете подле стола", — сказала она. И затем она видит, как отворяется дверь, ясно видит в лицо вора, видит, как совершается кража, — все до мельчайшей подробности! Ее рассказ слушала пострадавшая прислуга и я. И все, что она рассказала, оказалось правдой".

То, что описано здесь, представляет собой, по сути, ту же практику, которой пользовались во времена Апулея.

Психика и мышление человека в "измененных состояниях сознания" претерпевают сложные перепады. Термин "измененные состояния", которым пользуются исследователи, имеет в виду не описать, а только обозначить глубинное отличие этого состояния от обычного. Войдя в транс, прорицатель на какое-то время полностью утрачивает контакт с физической действительностью, его окружающей, и входит в соприкосновение с началом, которое некоторые из них обозначают как реальность высшего плана. Это то, что иног-

да обозначается как "Хроника Акаши", "Летопись мира". Применительно к современной терминологии под этим можно было понимать нечто вроде особого "информационного поля", что, понятно, совершенно не одно и то же.

Важной чертой этой иной реальности (или, упрощенно, "поля") является отсутствие в ней времени. Все события прошлого, будущего и настоящего предстают там пребывающими в некоем постоянном "сейчас", не расчленяемые иллюзией последовательности, то есть временем.

- О возможности восприятия событий из некой точки, где отсутствовало бы время, писал Августин Блаженный. Оттуда события, которые могут казаться принадлежащими прошлому или будущему, предстают лежащими как бы в бесперывном настоящем.

Интересно, что современная физика постулирует существование во Вселенной таких зон, где нет ни времени, ни пространства, расположенных за пределами светового конуса. Именно из этих зон события, происходящие в прошлом или будущем, воспринимались бы как сосуществующие, одновременные — то есть так, как это присуще реальности высшего плана.

К "измененным состояниям сознания", дающим выход к реальности высшего плана, можно, полагаю, отнести и некоторые формы творческих состояний. Только этим можно объяснить, пусть редкие, но неопровержимые случаи, когда художнику, творцу, писателю приоткрывалось вдруг то или иное событие, лежащее в будущем.

Классический пример — рассказ Эдгара По "Повесть о приключениях Артура Гордона Пима", опубликованный в 1838 году. В нем говорится, как четверо спасшихся от кораблекрушения много дней бедствовали в открытом море. Доведенные до отчаяния жаждой и голодом, трое убивают и съедают четвертого. Эдгару По угодно было дать этому четвертому имя Ричард Паркер.

Прошло почти пятьдесят лет. В 1884 году потерпел крушение и затонул корабль "Магнетт". Четверо спасшихся, как и герои Эдгара По, оказались в одной шлюпке. После многих дней безнадежных скитаний по безбрежному морю, обезумев от голода и жажды, они убивают и съедают четвертого. Имя этого четвертого оказалось Ричард Паркер.

Никакой интуицией, никакой случайностью невозможно объяснить столь полное совпадение. Тем более что факт этот не единственный.

В 1898 году в издательстве "Мэнсфилд" был опубликован роман М. Робертсона "Тщетность", не привлечший, впрочем, внимания современников. Интерес, любопыт-

ство, недоумение по поводу этого произведения проявились позднее, после трагической гибели "Титаника" в 1912 году. Дело было не только в том, что в романе речь шла тоже о кораблекрушении. Почему из множества имен, которые автор мог бы дать своему кораблю, он выбрал именно "Титаник"? В романе, как позднее в реальности, корабль и люди на нем гибнут от столкновения с айсбергом. При этом у литературного "Титаника" число винтов, скорость и даже максимальная вместимость оказались те же, что потом у его реального собрата. Как и рассказ Эдгара По, случай этот не поддается объяснению с позиций линейной логики.

Целый ряд подобных же прорывов в будущее, прозрений находим мы и у русских писателей и поэтов.

Как и в обыденной жизни, прозрения эти чаще всего касаются событий гибельных, катастрофических. Не этим ли предчувствием грядущих событий можно объяснить странные прозрения русских писателей, относящиеся к русской революции? За сто лет до революции и того, что последовало за ней, Михаил Лермонтов написал пророческие строки:

Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь;
Когда детей, когда невинных жен
Низвергнутый не защитит закон.

Повторяю, это писалось за сто лет до "черного года", до свержения и убийства последнего российского императора вместе с его детьми и семьей, до массовых казней и лагерей. "И пища многих будет смерть и кровь".

Вспомним пророческие строки Достоевского из "Дневника писателя" за 1877 год: "Предвидится страшная, колоссальная стихийная революция, которая потрясет все царства мира изменением лика мира всего. Но для этого потребуются сто миллионов голов. Весь мир будет залит реками крови". И еще (там же): "Бунт начнется с атеизма, с грабежа всех богатств. Начнут низлагать религию, разрушать храмы и превращать их в стойла, залиют мир кровью, а потом сами испугаются..." Неудивительно, что последующие семьдесят лет к этим строкам новые властители России предпочитали не обращаться и не вспоминать их.

Все эти годы под таким же забвением и запретом находилась и пророческая антиутопия А.А.Богданова "Красная звезда", в которой еще в 1904 году он предугадал не только черты надвигающегося тоталитарного государства, но даже его символику, вынесенную в заглавие романа.

Среди таких пророчеств и неслучайных совпадений есть

моменты, когда не знаешь — плакать или смеяться. За полвека до большевистской революции сатирик Салтыков-Щедрин написал повесть "История одного города", где под "городом Глуповом" не одно поколение русских читателей узнавало страну, в которой они жили. Губарнатор-тиран, повествует Салтыков-Щедрин, едва приняв власть над несчастным городом, отменил все праздники, оставив только два. Один отмечался весной, другой — осенью. Именно так в первые же годы поступили большевики, отменив в стране все традиционные и религиозные даты, введя вместо них два праздника. При этом один отмечался весной (1 мая), другой — осенью (7 ноября). Совпадения не кончатся на этом. У Щедрина весенний праздник "служит приготовлением к предстоящим бедствиям". У большевиков 1 Мая всегда был "днем смотра боевых сил пролетариата" и сопровождался призывами к усилению классовых битв и к свержению капитализма. Иначе говоря, ориентирован на бедствия грядущие. Что касается осеннего праздника, то, по Щедрину, он посвящен "воспоминаниям о бедствиях уже испытанных". И словно нарочно или в насмешку, 7 ноября — праздник, установленный большевиками, — был посвящен ими памяти своей революции и всего, что с ней было связано.

Столь потрясающих художественных прозрений и последующей реальности слишком много, чтобы все их можно было бы объяснить простым совпадением.

Кроме творчества к "измененным состояниям сознания" можно отнести, очевидно, и некоторые фазы сна. Как и в реальности высшего плана, о которой говорят мистики, сцены и люди, которых мы видим во сне, пребывают как бы вне времени. В некоем неразрывном "сейчас" соседствуют персонажи живые и умершие, знакомые и неизвестные. Наше ночное сознание заполнено образами как бы плывущими, переходящими, замещающими один другой. Характерно, что, пребывая в состоянии сна, мы даже не замечаем этих несоответствий логике и повседневному опыту. Только вернувшись в наше бодрствующее, дневное сознание, мы воспринимаем все это как несуразность.

Главное же, что всегда вызывало интерес к снам, это вера в пророческий смысл, присутствующий в них.

Исторические источники приводят многочисленные примеры снов, предрекших события, которые действительно произошли позднее. О таких фактах в своих "Жизнеописаниях" рассказывает Плутарх. О "вещах снах" повествует Светоний и другие древние авторы.

Снам и пророческому их смыслу особое значение издав-

на придавалось в России. В биографиях и воспоминаниях о русских исторических деятелях нередко содержатся упоминания о таких снах. Подобный случай, связанный с пророческим вещим сном, имел место в жизни Ломоносова. Об этом сохранился рассказ его современника и друга, академика Штолина: "На возвратном пути морем в отечество из Германии единожды приснилось ему, что видит выброшенного, по разбитии корабля, отца своего на необитаемый остров в Ледяном море, к которому в молодости своей бывал некогда с ним принесен бурею. Сия мечта впечатлелась в его мыслях. Прибыв в Петербург, первое его попечение было навеститься от Архангелогородцев и Холмогорцев об отце своем. Нашел там родного своего брата и услышал от него, что отец их того же года, по первом вскрытии вод, отправился по обыкновению своему в море на рыбный промысел; что минуло уже тому четыре месяца, и ни он, никто другой из его артели, поехавших с ним, еще не воротились. Сказанный сон и братние слова наполнили его крайним беспокойством. Принял намерение проситься в отпуск, ехать искать отца на тот самый остров, который видел во сне, чтоб похоронить его с достодолжною честью, если подлинно найдет там тело его. Но обстоятельства не позволили ему произвести намерения своего в действо. Принужден был послать брата своего, дав ему на дорогу денег, в Холмогоры с письмом к тамошней артели рыбаков, усильно их в оном прося, чтобы при первом выезде на промысел заехали к острову, коего положение и вид берегов точно и подробно им описал; обыскали бы по всем местам, и если найдут тело отца его, так бы предали земле. Люди сии не отреклись исполнить просьбы его, и в ту же осень нашли подлинно тело Василия Ломоносова точно на том пустом острове и погребли, возложив на могилу большой камень. Наступившею зимою был он, Ломоносов, о всем оном извещен".

Польша была частью Российской империи, когда накануне первой мировой войны рядовой Станислав Оменский был призван в армию. Потрясения последующих лет хорошо известны. Их масштабы заслонили участь рядового Оменского, одного из многих, чьи следы потерялись где-то на полях войны. И только его невеста, Мерна, не могла смириться с тем, что ее любимый пропал без вести и о нем ничего не известно. Надежда появилась у нее, когда осенью 1918 года ей приснился странный сон. Она увидела Станислава (вернее, догадалась, почувствовала, что это он), пробирающегося во мраке по какому-то длинному коридору. Вот он зажег свечу и в ее колеблющемся, неверном свете пытается разобрать завал каких-то каменных обломков и бре-

вен в конце коридора. Сон повторялся несколько раз. Один и тот же. Примерно через год сон обрел как бы продолжение. Мерна увидела замок на вершине холма. Одна из его башен была разрушена и лежала в руинах. Оттуда, из-под этих руин, до нее доносился голос Станислава, который звал ее. Она пыталась разобрать завалы камней, но ни один не могла даже сдвинуть с места. Мерна просыпалась в слезах, но сон повторялся снова и снова. Ксёндз, к которому пришла она, только покачал головой; еще одно разбитое сердце, еще одна жизнь, искалеченная войной.

И тогда Мерна решила на то, на что мог решиться только человек, любящий, как любила она. Покинув родное селение, она отправилась в путь, на поиски замка, который столько раз виделся ей во сне и с которым каким-то странным образом оказалась связана судьба ее Станислава. Это было путешествие безо всякого маршрута и плана. Она шла, куда вели ее глаза и судьба. Ей нечем было платить за ночлег, и, когда на пути не оказывалось добрых людей, она спала в стогах сена или просто в траве у дороги. У нее не было денег даже на еду, и приходилось довольствоваться скудным подаянием.

Время от времени замки попадались на ее пути. Во все времена состоятельные люди в Польше возводили замки. Это считалось нужным, чтобы утвердить свой статус и чтобы передать его детям и внукам. Но проходили годы, на место одних знатных родов приходили другие, а замки, заброшенные и забытые, оставались как напоминание о суетности богатства и славы.

25 апреля 1920 года Мерна добралась до деревни Злота на юге Польши. Да, сказали ей жители, в их краях есть замок. Его можно даже видеть с другого конца деревни. Но с самого начала войны там никто не живет, с тех пор как немецкая артиллерия обстреляла его и одна из башен обрушилась.

Едва Мерна увидела замок, ей показалось, что она видит продолжение сна, — это был тот самый замок и то самое место, которое снилось ей столько раз! Но ее уверенности оказалось мало, чтобы убедить других. Выслушав ее, люди пожимали плечами и шли дальше по своим делам. Тогда она отправилась к замку сама и стала голыми руками пытаться разобрать завалы обрушившейся башни.

— Там Станислав! Он живой, я знаю!

Видеть, как слабая девушка занята столь тяжелой, пусть и бессмысленной работой, — этого польское сердце выдержать не могло! Сначала женщины, а через час-другой и мужчины пришли ей на помощь. Только на следующий день в

глубине завала появилась щель. Но вера Мерны была вознаграждена! Оттуда, из темной глубины, доносился слабый человеческий голос.

— Это он! Станислав! Станислав!

Это был действительно он. Оборванный, заросший, проведший почти два года в обществе подвальных крыс, это был он — Станислав. Он оказался замурован в подвале замка с того несчастного дня, когда случайный снаряд, разрушив башню, завалил единственный выход. Конечно, у него не было бы ни малейшего шанса выжить, не окажись в подвале солидного запаса сыра и вина. Да еще свечей, которые он изредка зажигал.

Нужно ли говорить, что спустя несколько недель ксёндз обвенчал их. Тот самый, что скептически качал головой, когда Мерна рассказывала ему про свои сны. Поскольку случай этот касался военнослужащего, Польская армия назначила расследование, подтвердившее все, что было рассказано выше. О случае этом несколько дней писали газеты, но время и другие события вскоре оттеснили его к тому краю, где начинается зона забвения.

Как и "прямое знание", вещие сны нередко предваряют события трагические. Один из таких случаев рассказывал Плутарх. Ночью накануне убийства Юлия Цезаря его жена Кальпурния проснулась в рыданиях — ей приснилось, будто она держит в объятиях убитого мужа. Ее тревога была столь очевидной, что Цезарь собирался было отменить в тот день заседание сената. Неизвестно, как сложилась бы римская история тех лет, если бы он принял такое решение.

Предсмертный сон видел и Авраам Линкольн. Утром того дня, когда он был убит, Линкольн, недоумевая, рассказывал его своей жене. Ему снилась большая похоронная процессия, которая шествовала, занимая всю улицу. Он спросил:

— Кого хоронят?

И услышал:

— Авраама Линкольна.

Судя по всему, к нам доходит лишь малая часть информации, приходящей из будущего по дорогам сна. Дело в том, что сны вообще остаются в памяти и становятся достоянием сознания. По наблюдениям исследователей, в среднем мы помним только один сон из ста, которые видим.

То, что мы забываем сны, — не есть ли это неслучайный барьер, воздвигаемый нашим Я? Барьер, защищающий от информации, причастность к которой не несет благо? О том, сколь насыщен информационный поток, исходящий из будущего и приходящийся на какие-то фазы сна, можно судить

по результатам эксперимента. Когда исследователями было проанализировано около 600 снов, доля содержащих информацию о событиях, которые действительно произошли впоследствии, составила от 30 до 40%.

Куда чаще, однако, информация из будущего приходит во время сна в форме символов, образов, знаков, требующих понимания и расшифровки. Проникнуть в смысл этого кода — значило бы приоткрыть завесу событий, которые должны свершиться. В этом и заключалась наука толкования снов, наука, начало которой лежит у самых истоков человеческой цивилизации. Четыре тысячи лет насчитывает египетский папирус, упоминающий об искусстве толкования снов. Умение это, позволяющее предзнать будущее, ценил и царь ассирийский Ашшурбанипал. Именно ради этого собрал он и хранил в своей библиотеке тысячи глиняных табличек с обозначением скрытого смысла образов, приходящих во сне.

Не странно ли, что русская народная традиция полеты во сне, выпавший зуб и другие традиционные символы ночного сознания расшифровывает так же, как делали это те, кто заносили эти сведения на глиняные таблички Древнего Шумера? Такие сонники, истолкователи снов, были всегда чрезвычайно популярны в России.

Что касается самого символа сна и скрытого за ним смысла, то соотношение между ними не поддается объяснению с позиций логики. В какой мере это так, можно видеть на примере некоторых таких соотношений, приводимых в русском соннике 1829 года. Видеть во сне кирпичи — к слезам, капусту есть — к скуке и горести, чистить зубы — давать деньги, красавицу видеть и говорить с ней — к дурной погоде.

Сонник, изданный через год после большевистской революции, содержит ряд новых символов, привнесенных политическими переменами: видеть во сне агитатора и последовать за ним — потерять честь, к обману или несчастью; безбожие видеть, творимое в храме, — к горестному известию о лице, вами уважаемом; канонаду слышать — узнать новость, имеющую сильную гласность; эмигранта видеть — к потерянной надежде; говорить с ним — к досаде.

То, что символы сна и предзнаменование, которое несут они, не вытекают одно из другого, не связаны между собой логически, отмечал еще исследователь древнешумерских таблиц: "Ассоциации, которые связывают сон с выводимым из него предсказанием, редко бывают понятны". Тем не менее, судя по всему, такая связь, лежащая вне и превыше логики, все-таки существует. Так, в состоянии гипноза человек

не мог бы переводить самые сложные символы своего сна в понятия обыденной жизни. А он делает это, хотя совершенно не способен к этому в состоянии бодрствования.

Сибирским шаманам хорошо известно, что в состоянии сна человек способен воспринимать некую скрытую, зашифрованную информацию о будущих событиях. Сны — составная часть их повседневной практики. К такому шаману может, например, прийти человек и, чтобы узнать, каким будет предстоящее событие, может попросить его увидеть это событие во сне. Опытные шаманы умеют якобы вызывать у себя такие сны — на “заданную тему”. Непременное условие, которое должен соблюдать при этом клиент, — держать то, что сообщит ему шаман, в тайне.

Известны факты, когда исследователи, люди творческого склада, получали ответы на вопросы, которые мучили их, именно во сне. Именно во сне сделал открытие века Дмитрий Менделеев, увидев там в виде готовой, завершенной схемы свою таблицу периодической системы. А археолог Генрих Шлиман, прежде чем отправиться на Крит и открыть там древние Микены, видел целую серию повторяющихся снов, которые подтвердились при раскопках.

В числе таких открытий, сделанных во сне, случай с известным археологом Г. Гилпрехтом. Долгое время ему не удавалось прочесть разрозненный древнешумерский текст на двух обломках агата, найденных во время раскопок. Находка эта упоминалась в книге, которую он только что завершил и которую должен был отдать издателю на следующий день. Без расшифровки текст книги был бы неполон, поэтому накануне того дня он до позднего часа сидел в кабинете, тщетно перебирая различные варианты смысла. Гилпрехт не заметил, как задремал в своем кресле. Во сне, если это был сон, он увидел человека средних лет в древнешумерском жреческом одеянии, который стоял над ним. При виде его Гилпрехт удивленно встал, но не с кресла, в котором заснул, а с какой-то каменной ступени, на которой оказался сидящим во время сна.

— Иди за мной. Я помогу тебе, — произнес жрец, и то, что сказано это было по-английски, не удивило ученого во сне.

Гилпрехт помнил короткий путь по безлюдной улице, мимо нескольких массивных домов, расположенных близко друг к другу. Они вошли в один из них, казавшийся больше других, в слабо освещенный зал.

— Где мы? — спросил ученый, и провожатый ответил:

— В Ниппуре, между Тигром и Евфратом. Мы в храме Бела, отца богов.

Археолог знал об этом храме, как знал и о том, что во время раскопок не удалось найти его сокровищницу — комнату, которая всегда была при храме. Он спросил жреца об этом, и тот повел его в небольшое помещение, расположенное в дальнем конце храма. Здесь в деревянном сундуке лежало несколько кусков агата, среди которых он узнал два своих фрагмента. Жрец пояснил ему, что они — части цилиндра, пожертвованного храму правителем Куригалзу. Когда понадобилось изготовить ушные украшения для статуи бога, цилиндр распилили, один кусок раскололся. Они-то и были теми двумя фрагментами, над расшифровкой которых бился ученый, не догадывавшийся, что надпись на них — часть одного текста. По просьбе Гилпрехта жрец зачитал ему этот текст.

Проснувшись, Гилпрехт записал свой сон. Расшифровка текста, относившегося к 1300 году до н.э., коллегами ученого была признана безупречной. Как точным оказалось и месторасположение сокровищницы при храме.

Сон, как и творческие состояния, судя по всему, — лишь частные формы тех "измененных состояний сознания", о которых говорю я здесь.

III. Путь прочтения косвенных знаков. Если представить себе, что информационный поток из будущего действительно проникает во время, ему предшествующее, и присутствует там, то можно ожидать, что каким-то непрямым образом, косвенно, он должен проявлять себя. А следовательно, через эти проявления может быть воспринят.

Существует представление, бытующее с древнейших времен, будто эта информация из будущего, присутствующая в настоящем, может обнаруживать себя через нарушения случайного ряда распределения каких-то явлений. Народные приметы, приемы гадания исходят именно из этого принципа.

Такое нарушение ряда расшифровывается как "предзнаменование" — то есть исходящий из будущего и присутствующий в настоящем даже не знак, скорее, иероглиф события. При этом совершенно не обязательно, чтобы была какая-то видимая, логическая связь между масштабом и уровнем будущего события и масштабом и областью, в которой может проявиться такой знак.

В Древнем Риме, например; признаки грядущих событий и политических перемен пытались прочесть в ударе молнии, в нашествии волков в город или мышей в храм, во внезапном появлении кометы.

Многие иностранцы, приезжавшие и приезжающие в Россию, по сей день отмечают веру русских в приметы и

значения, которые они придают им. Показательно в этом смысле отношение к приметам Пушкина. Как вспоминал его современник В.И. Даль, Пушкин "говаривал о приметах, которые никогда его не обманывали, и, угадывая глубоким чувством какую-то таинственную, непостижимую для ума связь между разнородными предметами и явлениями, в коих нет, по-видимому, ничего общего, уважал тысячелетнее предание народа, доискивался в нем смыслу, будучи убежден, что смысл в нем есть и быть должен, если не всегда легко его разгадать".

Вера в приметы и знание их сослужили Пушкину службу в ситуации, которая могла бы обернуться гибелью для поэта. Известие о кончине императора Александра дошло до села Михайловского, где находился в то время Пушкин в ссылке без права выезда до 10 декабря. Решив, что в таких обстоятельствах власти едва ли обратят внимание на нарушение им запрета, Пушкин решил отправиться в Петербург повидаться наконец со старыми своими друзьями. Поскольку останавливаться в гостинице ему, ссыльному, было опасно — надлежало предъявить паспорт, то Пушкин решил остановиться у приятеля своего Рылеева.

Приказав готовить коляску и сказав слуге, чтобы собирався с ним в столицу, Пушкин отправился проститься с соседями. На пути к ним заяц перебегает ему дорогу, что считается дурным знаком. По пути обратно еще один заяц пересекает путь прямо перед конем. Встревоженный поэт возвращается домой. Здесь его застает известие, что слуга, которому сказано было готовиться к отъезду, внезапно заболел белой горячкой. Пришлось приказать ехать другому. Наконец повозка заложена, трогается от подъезда и прямо в воротах встречается со священником, который направлялся проститься с барином. По русским поверьям, неожиданная встреча со священником также предвещала несчастье.

Пушкин, который всегда прислушивался к тайным знакам судьбы, приказывает повернуть коляску и никуда не едет. Тем самым он избежал того, чтобы оказаться в доме Рылеева как раз накануне восстания декабристов против нового царя, одним из организаторов которого и был друг поэта. Восстание, как известно, кончилось поражением, Рылеев и четверо руководителей попытки были повешены, сотни других, причастных к заговору или хотя бы знавших о нем, были сосланы в Сибирь, на каторжные работы в рудники. Не отмени Пушкин в последнюю минуту своей поездки, окажись он в тот вечер в Петербурге, судя по всему, ему бы не миновать общей участи.

Позднее он сам понял это. "А вот каковы были бы по-

следствия моей поездки, — говорил он. — Я рассчитывал приехать в Петербург поздно вечером, чтобы не огласился слишком скоро мой приезд, и, следовательно, попал бы к Рылееву прямо на совещание 13 декабря. Меня приняли бы с восторгом, вероятно, я попал бы с прочими на Сенатскую площадь и не сидел бы теперь с вами, мои милые”.

Тайный язык будущих событий, язык примет, которые умел читать и которым верил поэт, спасли его от ареста, казни и тюрьмы.

Впрочем, не обязательно ждать, когда появится тот или иной знак, который нужно еще заметить и расшифровать его скрытый смысл. Приход такого знака можно вызвать искусственно. Для этого и служит гадание.

Гадающий проигрывает как бы модель будущей ситуации. Компоненты такой ситуации — ее люди, обстоятельства — представлены набором однородных предметов. Каждый из них имеет свое значение, свой смысл. Предметами этими могут быть карты, гадальные кости, камушки, фигурки. Предполагается, что при случайном их разбросе всеобщая связь явлений, существующая в мире (симпатия), нарушив хаотичность разброса, расположит их аналогично тому, как будут они расположены в той реальной ситуации, которой только предстоит свершиться и которая лежит в будущем.

Представление о такой всеобщей связи явлений и составляет суть гадания у всех народов, во всех культурах, во все времена. Таковы вкратце три пути предзнания будущего. По сути дела, три подхода к восприятию информации о событии, которого еще нет, которое существует только в будущем. Это “озарение”, выход в “измененные состояния сознания” и, наконец, гадание, чтение примет.

6. Реальность высшего плана

Способность человека вообразить себе что-то есть во многом производное от опыта его жизни. Мы можем представить себе передвижение в пространстве, потому что делаем это. Можем вообразить движение во времени, потому что все бытие наше проходит в таком движении. Куда труднее представить себе перемещение не физического тела, не предмета, а сознание. Причем в область, также не имеющую как бы физических координат, — в некое после абсолютного знания, которое мистики нередко обозначают словами **реальность высшего плана**.

Чтобы приблизить это понятие к представлениям, доступным нам, можно вообразить эту совокупность информации, как бы заполняющей все пространство нашего мира, как оно может быть заполнено магнитными или гравитационными полями, излучениями или радиоволнами. Не меньше оснований, впрочем, было бы говорить и о некоей точке, вообще лишенной объема.

При этом и то и другое определения будут истинными. Различие между ними лишь в описании, то есть в том, как мы воспринимаем эту реальность. Столь же двойственны, антиномичны и другие определения, которые могли бы быть сделаны. С одной стороны, реальность эта пронизывает наш мир, и в то же время она лежит вне его пространства. Поток времени неподвижными волнами присутствует в ней, и в то же время сама она пребывает вне времени.

Некоторые советские исследователи выдвигают в этой связи свои концепции. Картину мира, отличную от общепринятой.

Провидцы и ясновидящие упоминают о своем приближении, выходе в эту "реальность" в минуты озарения. В дни Карибского кризиса к Вольфу Мессингу пришел человек, знавший его. Вот что он рассказывает:

— Я пришел к Мессингу: "Вольф Григорьевич, слышали о блокаде Кубы? Если атомная война — это конец..." Он велел, когда войдет в состояние самокатаlepsии, дать ему карандаш и бумагу. И вот пульс почти не прощупывается, зрачки не реагируют на свет. Врач вкладывает в его крепко сжатую руку карандаш. "Мир будет" — такие слова прочитали мы. "Мое подсознание связалось с "чем-то", или с "кем-то", — объяснял Мессинг происхождение информации. — Вот что вышло..."

К сожалению, сами прорицатели, выходя на уровень высшей реальности, обычно выносят оттуда лишь ответы на те вопросы, которыми задавались они, но не восприятие самой этой реальности. Вот почему мне особенно интересен был разговор с Ингой П., с которой мы уже встречались на предшествующих страницах.

— Я работаю с пространством, которое дает информацию. Я не знаю, что это, но для меня, в моем сознании это существует как пространство. Я воспринимаю его так. Есть разные пространства. Что это за пространства и чем различаются они, это будет совершенно непонятно для того, кто сам не побывал там. Например, пространство, которое шло мне с самого начала, когда я только училась этому, приходило ко мне издалека. Оно темное и все испещрено золотистыми маленькими точками. Но оно очень далекое. Эти точ-

ки — они крупинки, они ощущаемы и статичны. Но они не образуют сети. Сети нет. Сейчас я работаю с другим, более быстрым пространством. Оно несет ощущение неизменности, неподвижности. Там ничего не происходит, ничего не меняется. И еще есть чувство его полноты. Информационная насыщенность — только один аспект этой полноты. Это пространство, в котором информация есть, была, будет. Некоторые воспринимают ее как бы вне времени. Для меня это не так. Никто не может сказать, как события в действительности сосуществуют там, в том, что я называю пространством. Когда же туда проникает человеческое сознание, ограниченное и несовершенное, то оно может считать эту информацию только дискретно, то есть привязывая ее к понятию времени. Сознание преломляет ее, пропуская через свои стереотипы и установки, превращая в суждения типа: "То-то будет и тогда-то и там-то". Но это все условно — и "то-то", и "тогда-то", и "там-то". Последовательность расположения событий там не обязательно отражает последовательность временную. Возможно, там своя, недоступная нам, логика. Сознание, проводя полученные знаки по разным своим структурам, переводит их на язык привычных наших понятий, нашей временной последовательности. Правда, действительно возможен взгляд, как бы объемлющий все, всю цепь явлений. Но он не информативен, он дает только ощущение. Это не знание, а, скорее, состояние, несущее, повторяю, не информацию, как принято понимать ее, а массу чувств.

Я спросил, в какой форме приходит информация из того, что она называет пространством.

— Это может быть все что угодно. Может быть непосредственное изображение, "картинка", может быть символика любого рода. Это не зависит от меня. Могут быть цифры, текст. Может быть код в форме орнамента. То, что мы обычно называем разумом, не знает его значения, но каким-то уровням сознания этот код доступен. Они могут переводить его в обычные понятия и слова. У меня, например, чаще всего из пространства появляются линии. Разные. Они возникают мгновенно, но этого достаточно, чтобы я знала, из какого пространства они пришли. Когда мне нужно что-то узнать, с каждой приходится "беседовать" отдельно. Беседовать, как с человеком, и в то же время — без слов. Говоря с этой, скажем, линией, я получаю о чем-то определенную информацию. Потом могу спрашивать ее же о чем-то другом, и тогда, естественно, будет совершенно отличная информация. Я сказала уже, что линии эти могут приходить из совершенно разных пространств. И висят в глубине.

Возможно, бессознательное человека пребывает в постоянном соприкосновении с реальностью высшего плана. Информация, которую вмещает повседневное наше сознание, — узкий ручеек по сравнению с теми океанами, которые омывают иные уровни и планы бытия. За единицу времени, за которую повседневное наше сознание примет, скажем, 1 бит информации, бессознательно-психический уровень воспринимает 10 000 000 таких условных битов.

Столь огромный количественный информационный разрыв неизбежно несет в себе и иные качественные параметры. И действительно, исследователи говорят о какой-то другой, отличной логике, господствующей в бессознательном. Судя по всему, эта иная логика принципиально невыразима в понятиях нашего повседневного, обыденного сознания.

Именно поэтому прорицатель или мистик, соприкоснувшись с какими-то знаками этой высшей реальности, так часто оказывается бессилем подобрать им адекватный словесный смысл. В "Цветочках св. Франциска" упоминается эпизод, когда Людовик Святой пришел повидаться с братом Эгидием. Тот выбежал из обители навстречу королю и, обнявшись с ним у ворот, долгое время простоял молча и затем расстался с ним, и король ушел, не зашедши в обитель. Брат Эгидий так объяснил это: "Едва мы обнялись с королем, как свет премудрости Божией раскрыл и явил сердце его мне, а мое ему, и, глядя так по Божьему соизволению в сердца друг друга, мы гораздо лучше и с большим утешением узнали то, что хотели сказать друг другу, чем если бы говорили наши уста; а если бы мы хотели голосом выразить то, что чувствовали в сердцах, то из-за слабости человеческой речи, которая не может ясно выразить сокровенных тайн Божиих, мы испытали бы скорее огорчение, а теперь король ушел явно утешенный".

Современное научное знание в смысле невыразимости каких-то его положений при помощи слов выходит иногда на уровень, близкий к мистическому опыту. По свидетельству Поля Дирака^{*}, квантовая теория строится из таких понятий, "которые не могут быть объяснены с помощью известных ранее понятий и даже не могут быть объяснены адекватно словам вообще".

О невыразимости, непредставимости реалий современ-

* Франциск Ассизский (1181 — 1226) — проповедник, теолог, создатель ордена францисканцев.

** Поль Дирак (р. 1902) — английский физик, создатель квантовой механики, лауреат Нобелевской премии.

ной квантовой физики на языке доступных нам понятий говорят и другие исследователи.

Как и в предзнаменованиях, и в символах сна, знак, открывшийся прорицателю, и смысл, заключенный в нем, оказываются связаны между собой не логически, не объяснимо, а каким-то иным, иррациональным образом. Понимание именно такого характера связи было известно уже древним. Как пишет исследователь Шумера, "только в исключительных случаях можно обнаружить какую-то логическую связь между предзнаменованием и предсказанием, хотя часто наблюдаются параноидальные ассоциации... Во многих случаях заметны результаты каких-то подсознательных ассоциаций".

Понятно, что человек, далекий от подобного опыта, едва приблизившись к нему, ощущает совершеннейшую его чуждость, запредельность по отношению к знакомому ему опыту жизни. Чуждость эта столь велика, что исследователю, желающему обозначить этот иной, запредельный ряд символов, порой приходится прибегать к психиатрическим терминам. Таков, в частности, смысл констатации английского этнографа В.Тэрнера, изучавшего африканский гадательный опыт. В глубине самой структуры гадания "содержатся параноидальные черты", а "значительное большинство гадальщиков, по его наблюдению, должны иметь параноидальные наклонности".

Очевидно, именно в силу невыразимости этой иной реальности в понятиях обыденной жизни прорицатель, чтобы нарисовать картину, открывшуюся ему, часто делает это не развернутым словесным описанием, а как бы через некий ключевой образ, деталь.

Так, когда царь Лидии Кир в зените своего могущества и славы спросил дельфийского оракула, что его ждет, тот ответил, что видит его варящим себе похлебку в медном котле. Медный котел, в котором царь должен будет готовить себе обед, и был той ключевой деталью, за которой стояло то, что действительно постигло Кира: военное поражение, потеря царства, плен.

То же бессилие, неадекватность слов побуждало других провидцев — русских юродивых — поступать, по сути дела, так же: они тоже пытались выразить картину будущего через некую ключевую деталь, знак.

Вот киевский юродивый Паисий бежит мимо строящегося дома с грязной рубашкой в руках. Один из рабочих-строителей крикнул ему сверху, с лесов:

— Куда, преподобный, бежишь? Подожди.

И услышал в ответ (лучше б ему не слышать):

— Некогда, душко. Рубашку надо помыть. Через полчаса пригодится.

Остальные, кто видел юродивого бегущим, промолчали. Только он, именно он, один, один из всех, окликнул его. И юродивый ответил ему. Не прошло и полчаса, как рабочий упал с лесов и разбился насмерть. К тому времени Паисий возвращался назад с выстиранной рубахой:

— Оденьте мертвеца, это я для него рубашку помыл.

Чистая рубашка, в какую обряжают покойника, и была та ключевая деталь будущего события, которое открылось Паисию.

Еще пример попытки обозначить будущее через такую деталь.

Когда князь Савва Оболенский женился на княжне Дарье Лопуховской, во время пира в доме появился известный всем ростовский юродивый Исидор. Он принес самодельную шапку, сплетенную из полевых цветов и трав, и протянул ее жениху со слезами:

— Вот тебе и архиерейская шапка!

Всех, бывших на пиру, очень позабавило это. Не прошло, однако, и года, как молодая княгиня умерла. Князь же в печали удалился в Ферапонтов монастырь и принял там пострижение, чтобы позднее, в 1481 — 1489 годах действительно стать архиепископом Ростовским.

Эту-то цепь последовавших событий, пребывавших тогда еще в лоне будущего, и пытался выразить юродивый символической архиерейской шапкой из полевых цветов.

Еще пример того, как реальность высшего плана, будучи многозначнее и шире конкретного факта, лишь приближенно, через деталь, через знак находит выражение в понятиях повседневности. Напомню эпизод, когда прорицательница, которую посетил Пушкин, сказала ему:

— Может быть, ты проживешь долго, но на тридцать седьмом году берегись белого человека, белой лошади или белой головы.

То, что в повседневной жизни могло бы иметь только один конкретный лик — “белой головы”, “белой лошади” или “белого человека”, — в сфере высшей реальности составляет, очевидно, некую единую протяженность, спектр нечленимых понятий.

С такой проблемой нечленности понятий, лежащих в высшей реальности, их плавного перехода, перетекания одно в другое встречаются и исследователи, работающие в этой области.

Отдаленное представление — в какой мере опыт высшей реальности отличен от опыта повседневной жизни — дает

отчасти гадальный ряд. Тот, кому знакома практика гадания, знает, сколь широк и многогранен спектр ее знаков. Каждому знаку соответствует целый набор смыслов, присутствующих одновременно и зависящих от расположения соседних. При этом сама последовательность их смыслов представляет собой некий ряд, где один смысл переходит в другой, как это бывает с образами во время сна, и где, как и во сне, это смещение, переход следует своей системе связей, необъяснимых с позиций логики и опыта повседневной жизни.

7. Фатум или свобода?

Итак, есть свидетельства — их достаточно много — о том, что о событии может стать известно задолго до того, когда оно произойдет. Это может означать только одно: явление или событие задолго до своего воплощения уже представляет собой некую реальность. Оно уже как бы существует, пребывая не в настоящем, а в будущем времени. Соответственно все, что происходит, не возникает, не формируется, не рождается, как представляется это нашему опыту. Пребывая в будущем, оно лишь появляется в должный момент в поле нашего восприятия.

Так, пассажир, стоящий у окна вагона, видит на обочине дерево или переезд в тот краткий миг, когда они поравнялись с ним. Но и сам этот переезд, и это дерево существовали и до того, как они были восприняты наблюдателем.

Если какие-то, пусть даже одиночные, события будущего оказалось возможно "предзнать", то это означает, что предначертана и фатальна вся совокупность таких событий — то есть само будущее.

Соответственно любой наш поступок, действие или решение, которые мы совершаем — как нам представляется, по собственному произволу, все они тоже расписаны, предначертаны, предопределены.

На мысль о неизбежности предначертанного наводит и тщетность попыток избежать того, что было предсказано.

Как-то Домициан, рассказывает Светоний, спросил астролога Асклетариона, какая участь ожидает его самого, астролога. Тот ответил, что вскоре его разорвут собаки. Император рассмеялся и приказал тотчас же убить Асклетариона. Довольный, что ему удалось изменить предначертанное судьбой, Домициан в тот же вечер за трапезой поведал друзьям о своем торжестве. Все принялись наперебой восхищаться императором, его находчивостью и смелостью.

* Домициан (51—96 гг. н.э.) — римский император с 81 г.

Только мимический актер Латин, возлежавший с остальными, не разделял общего восторга. Это заметил Домициан.

— Когда я шел сюда, — заговорил актер, заметив на себе тяжелый взгляд императора, — я проходил мимо площади, где сжигают мертвых. В это время туда принесли астролога. Его положили на костер, но сильный ветер погасил пламя. И тогда я увидел, как стая бродячих собак рвала полусожженный труп.

Столь же тщетно Пушкин всю жизнь пытался избежать предсказанной ему гибели на тридцать седьмом году жизни от "белого человека", "белой лошади" или "белой головы". О том, что, будучи человеком, наделенным мистическим чувством, он глубоко размышлял об этом, говорит его "Песнь о вещем Олеге". Речь здесь идет о реальном событии, упоминаемом в одной из русских летописей. "Волхвы предсказали князю, что ему суждено умереть от любимого коня своего, — писал летописец. — С того времени он не хотел ездить на нем. Прошло четыре года: в осень пятого вспомнил Олег о предсказании и, слыша, что конь давно умер, посмеялся над волхвами; захотел видеть его кости; стал ногою на череп и сказал: его ли мне бояться? Но в черепе таилась змея: она ужалила князя, и герой скончался".

О неотвратимости события, лежащего в будущем, свидетельствуют и некоторые из более близких нам фактов.

13 мая 1956 года в американском журнале были опубликованы слова известной тогда предсказательницы Джоан Диксон о том, что президент, который победит в 1960 году, окажется демократом и будет убит при исполнении своих обязанностей, "но не обязательно, что это случится в течение его первого срока". Мы знаем, что именно так и произошло. Участь, предсказанная Дж.Кеннеди за семь лет до выстрелов в Далласе, постигла его.

Человек, посетивший в Болгарии известную ясновидящую Вангу, рассказывал:

— За пару недель до гибели первого космонавта Юрия Гагарина Ванга сказала: "Как жаль, с Юрой произойдет несчастие". Люди из ее окружения хотели было тут же звонить в Москву, чтобы предупредить беду, но Ванга остановила их: "Бесполезно. Изменить уже ничего нельзя". Через две недели газеты принесли печальную весть: самолет, в котором летел Гагарин, разбился, и он погиб.

Понимание невозможности изменить событие, приходящее из будущего, восходит к самым истокам человеческого восприятия мира. Еще в Шумере принято было считать, что незримые "скрижали судьбы" изначально определяют участь любого явления, будь то человек, город или государ-

ство. Представление это господствовало в сознании и античного мира. "Что бы ни случилось с тобой, оно предопределено тебе от века, — писал Марк Аврелий. — И сплетение причин с самого начала связало твое существование с данным событием". Пытаться сопротивляться, противоборствовать предначертанному бессмысленно и бесполезно: "Судьбы ведут того, кто хочет, и влачат того, кто не хочет" (Сенека).

В той же мере, как сейчас, мы уверены, что программа развития организма заключена в его гене, древние не сомневались, что вся последующая участь человека, явления, города или государства предначертана и заключена в его имени. Дать имя — означало дать судьбу, изменить которую невозможно. Самое латинское слово "судьба" (*fatum*) восходит к "*farij*" — "говорить". Точно так же русское "рок" связано с глаголами "рече", "реку", "нарекать". Не случайно этот же этимологический ряд видим мы и в Древнем Шумере, где слово "судьба" было производным от "нарекать", "давать имя". В том же Древнем Шумере, где возникло представление о "скрижалях судьбы" и неизменности рока, бытовало представление о датах благоприятных и неблагоприятных, о днях, исполненных удачи или несчастья. На одной из глиняных табличек, дошедших до нас, писавший оправдывался перед царем, почему он не решился отправиться в путь, когда ему было предписано. День этот, пояснял он, был "нехорош для путешествий".

Значит ли это, что, уйдя от свершений в неудачный день и тем избежав несчастья, возможно нарушить предначертанное в "скрижалях судьбы"?

Это уже совершенно другое видение будущего. Будущее не фатально, в нем заключен как бы некий набор возможных событий. От выбора, от решения самого человека зависит, какие из них станут реальностью.

Действительно ли будущее альтернативно — то есть представляет собой веер возможных вариантов? Я спросил об этом Ингу П.

— Я думаю, то, что предназначено, особенно если это было уже воспринято из будущего, — это свершится, что бы человек ни делал, как бы ни пытался избежать этого. Могут быть варианты, но основной рисунок сохранится. Это не "несколько будущих", а, скорее, несколько, может, множество вариантов, но на одну тему. Человек волен выбрать лишь тот или другой вариант в рамках одной реальности. Такой выбор может быть сделан и случайно, когда человек сам не подозревает, что от его малозначительного, как кажется ему, поступка или слова может зависеть что-то в его судьбе.

— Что же происходит тогда, — спрашиваю я, — с тупиковыми вариантами, с теми, которые не реализовались?

— Они сворачиваются и живут независимо от нас. Живут параллельно, создавая в последующем новую, так называемую “коалицию возможностей”. Пути, которые мы не выбрали, продолжают существовать рядом с тем, по которому мы идем. Они обладают огромными потенциями, вплетаясь в нашу последующую жизнь новыми случайностями. Это как бы невидимый пласт реальности, присутствующий незримо в нашей судьбе. Незримо — для рассудочной части сознания. Когда человек принимает решение, делает выбор на уровне разума, он имеет дело с теми категориями, которые он может проанализировать, взвесить. Но в то же время некие глубинные структуры его сознания, тоже ответственные за принятие решений, учитывают и этот незримый пласт нереализованных, потенциальных вариантов его судьбы. Иными словами, включаются механизмы, которые гораздо шире известных нам логических построений и рационального.

Картина многовариантного, альтернативного будущего противоположна той модели, о которой я говорил до этого, — модели, где все фатально, предначертано, фиксировано раз и навсегда. Возможно ли примирить или хотя бы совместить эти два взгляда? Две позиции, убедительные в равной мере?

Как правило, встретив две точки зрения, которые диаметрально, мы полагаем, что если одна из них истинна, то другая — непременно ложна. Нам трудно бывает принять, что возможны и иные уровни понимания. Не “или—или”, а “и—и”, когда из двух взаимоисключающих концепций истинными могут оказаться обе. И в равной мере.

Современному знанию известны объекты, которые могут быть описаны только так — перечнем признаков, исключающих друг друга. Так, свет представляет собой одновременно и волну, и частицу. То же самое электрон. Он — частица. И в то же время волна. Хотя и в том, и в другом случае одно исключает другое.

Таким же образом, посредством констатаций, исключающих друг друга, могут быть описаны и другие элементарные частицы. Они одновременно ведут себя и как бессубстанциональные волны, и как частицы, наделенные массой. Еще пример: каждый данный момент электрон находится в определенной точке своей орбиты. И в противоположность этому в тот же каждый момент он пребывает во всех точках пути своего движения.

Явление, которое может быть описано признаками,

исключающими друг друга, называется антиномией. Принцип антиномии известен не только в науке. Для описания духовных реальностей им издревле пользовались школы индуизма, буддизма, христианства. Так, по буддийской традиции, об одном и том же предмете могут быть высказаны два противоположных суждения. При этом они не должны пониматься как противоречие.

Судя по всему, будущее тоже может быть описано только как антиномия. Одни факты и наблюдения свидетельствуют, что оно жестко фиксированно и неизменно вплоть до фатальности. Другие показывают: будущее максимально пластично, изменчиво и целиком зависит от решений и действий, предпринимаемых человеком.

То, что полнота реальности антиномична, вместить нашему сознанию, привыкшему к иному повседневному опыту, действительно трудно. Но если в какой-то мере это все-таки удастся, возможно, не лишено смысла и следующее соображение, которое я хотел бы изложить. Я имею в виду воздействие события, лежащего в будущем, на наши намерения и поступки, задолго предшествующие ему.

Иногда, казалось бы, совершенно безотчетно мы совершаем действия, которые никак не соотносятся с той реальностью, в которой это действие происходит. Но минует время, и вдруг оказывается, наш давний поступок очень четко ложится в нишу, словно ожидающую его в будущем.

Не являются ли сами наши намерения неосознанной формой предзнания, предчувствия события, которое находится в будущем? Наше прозрение в будущее и облекается в форму намерения, замысла и желания. Нам кажется, что мы стремимся к цели. В действительности же то, что кажется нам желанием, есть некий образ, который, придя из будущего, достиг, коснулся каких-то структур сознания.

Елена Светлова

СТЕКЛЯННАЯ ДОРОГА В АД

Красиво звучит, не правда ли? Похоже на броское название видеобоевика или детектива — из тех, что смотрятся или читаются запоем, разгоняя кровь и вызывая сладкое чувство страха. На самом деле это не более чем попытка достаточно точно определить суть наркомании. Попытка, сделанная наркоманом. Стеклоанная дорога — шприц, ну а что такое ад — объяснять не надо...

— Я хотела бы узнать адрес.

— Вы сами хотите обратиться?

— Да, сама. Мне 21 год.

— Что вы употребляете?

— Морфий.

— Давно?

— Три года.

— "Ломку" сами проходите?

— Периодически. Малая доза не берет. Надо все больше и больше...

— Запишите наш телефон. Вам назначат встречу.

Ей назначили встречу, но она так и не пришла. Не решилась, не поверила. Образ жизни приучил к осторожности. Ведь до сих пор контакты с врачами-наркологами не приносили ей ничего хорошего.

Евгений Алексеевич Брюн, руководитель отделения наркомании Московского НИИ психиатрии Минздрава РСФСР, рассказывает мне о том, что отношение общества, и медиков в том числе, к наркоманам выработало у последних прочный отрицательный стереотип: врач, санитар, медсестра — враг. Явный, открытый, в белом халате. И сломать этот образ, навести мостик от больного к доктору очень и очень трудно.

Мы говорим в короткие паузы между телефонными звонками. Идет "прямая линия" по проблемам наркомании, объявленная редакцией газеты "Московский комсомолец", включен диктофон. После расшифровки запись будет стерта, и голоса, усталые, взволнованные, измученные, останутся только в памяти.

- У меня друг — наркоман. Он хочет бросить.
- Сколько ему лет?
- Шестнадцать. Вы знаете, у него все время кружится голова, постоянно жалуется на слабость. Можно ему помочь?
- При одном условии: если он по-настоящему хочет бросить. Приходите вдвоем, поддержка ему сейчас необходима.
- А когда откроют этот центр?
- Молодежный анонимный кабинет уже открыт. Запишите наш телефон: 963-41-09. Вторник и четверг с 15 до 19 часов.

Молодежный анонимный кабинет (МАК) — пока всего лишь комната на первом этаже обычного многоквартирного дома. Здесь помогают анонимно и бесплатно. В журнале регистрации — только имена, причем не всегда эти имена подлинны. В МАКе так и спрашивают: "Как вас называть?"

Пожалуй, чаще, чем наркоманы, за помощью обращаются их близкие — матери, жены, иногда друзья. В этом нет ничего странного. Любая болезнь родного человека вызывает у нас беспокойство, но если кто-то ломает ногу или чувствует боль, скажем, в боку, его вряд ли придется уговаривать показаться врачу. Другое дело — наркомания или токсикомания. Установка на лечение формируется далеко не сразу, и можно сколько угодно пугать девушку, начинающую "балдеть" от укола, или подростка, вдыхающего бензин, страшными последствиями. Не поверят. Они чувствуют себя совершенно здоровыми и уверены в том, что, если захотят, смогут бросить в любой момент. Заставить лечиться их можно лишь под нажимом милиции. Но в том-то и проблема, что в данном случае шансы на избавление от болезни ничтожно малы. Как свидетельствует статистика, излечиваются от одного до трех процентов наркоманов. Причем речь идет только о ремиссии до года, а не о полном выздоровлении. Но существует в мире и другая статистика: от 60 до 80 процентов наркоманов, прошедших курс лечения добровольно, возвращаются к нормальной жизни. В нашей стране таких данных нет. По той простой причине, что до самого последнего времени у нас наркоманов лечили принудительно или добровольно-принудительно, что, впрочем, одно и то же. Не желаешь лечиться, уклоняешься — отправляйся в ЛТП. Наркоманы со стажем — как правило, судимые, причем не однажды. Всем вменялась 224-я статья УК, предусматривающая уголовную ответственность за хранение наркотиков без цели сбыта, читай — за употребление.

Не знаю, может быть, кому-то и помогла колючая проволока избавиться от наркотической зависимости, но мне такие случаи неизвестны. Напротив, первый шаг после выхода на свободу был шаг к шприцу.

Мы смотрим на них как на преступников, и часто, что скрывать, это реальность. Цены на наркотики растут, оплачивать это "удовольствие" по силам разве что миллионеру, поэтому, как говорят наркоманы, приходится "крутиться". Все так. Тем не менее врач не должен превращаться в сыщика, его дело — лечить.

"Если у вас появилась тяга к наркотикам и токсическим веществам,

если вы решили преодолеть пагубные привычки, но не можете справиться с ними сами,

если у вас есть другие личные проблемы,

если вам нужно участие, помощь, поддержка,

доверьтесь нам — мы поможем".

МАК обещает помочь психологическим советом, медицинской консультацией, просто добрым словом. Ясно, что эти меры, единственно возможные в амбулаторных условиях, подействуют лишь тогда, когда прием наркотиков связан с депрессией, неврозами, страхами. Но наивно верить, что психотерапевтические беседы вылечат того, кто прочно "сидит на игле". И ломки, которых так боятся наркоманы, сняты в амбулаторных условиях невозможно. Здесь поможет только госпитализация.

Отделение, недавно открытое на базе 19-й наркологической больницы, — своего рода логическое продолжение МАКА. Основные принципы его работы — добровольность лечения и отсутствие системы наказаний за нарушения. Вернее, одно наказание все же применяется. Это... выписка. Зачем лечить того, кто не хочет? При мне выписали пациентку, которой ночью через окно передали шприц. По правилам отделения она должна была его сдать. Но не сдала. А ведь наполненный шприц — опасность для всего отделения. Иному достаточно увидеть "машину", как сразу же возникает непреодолимое желание уколоться.

Некоторые не могут выдержать назначенный курс лечения, тем более что это длительный процесс. Одни честно предупреждают о возникшем влечении к наркотикам и просят отпустить, другие уходят "по-английски", порой через окно. Есть здесь уже и "завсегдатаи", которые лечились по два-три раза, срывались и возвращались вновь.

"Я у вас не удержусь", — сказала Катя В., когда ее положили в первый раз.

Тихий голос, медленная речь. Пуловер свободно висит на худеньких плечах. Тонкие руки со следами уколов. Вен уже нет. Она ни на что не надеется и живет сегодняшним днем. О том, что будет завтра, она старается не думать.

"...В медицинский не поступила, недобрала одного балла. Пошла работать в роддом. Санитаркой. Я человек слабый. Смотрела, как дам обезболивают, решила поискать утешения. Быстро "подсела". Очень изменилась за считанные

месяцы, но, кроме меня, никто больше не знал. Та смена была очень тяжелая. Перегрузка шла, роды за родами, ночью не прилечь. Я зашла в подсобку, чтобы сделать себе укол, иначе не доработала бы. Но меня заметили. Ночь допахала, с утра на ковер вызвали, сразу в диспансер отправили, оттуда в больницу. Это была первая школа "повышения квалификации". Из роддома меня тут же вышибли. Устроилась на кафедру в медицинский, лаборантом. Там никто ничего не знал. Но попала в больницу, в бюллетене диагноз открытым текстом: "наркомания". У них, на кафедре, глаза на лоб. Я ведь на хорошем счету была. "Вы извините, — сказали, — у нас к вам не было претензий, но, раз такое дело, вам лучше уйти по собственному желанию". Потом опять больница. Решетки на окнах, словно срок мотаешь. Да так и было, наверное..."

Больше она не стала устраиваться на работу. К чему снова обивать пороги, привыкать к новому коллективу, когда все равно "вышибут", если узнают. А узнают обязательно. Тогда еще у Кати был шанс вырваться. Работа на кафедре нравилась, относились к ней хорошо, тем более что Катя, по мнению многих, "прирожденный химик", но увы...

Трудовые сбережения, накопленные на магнитофон, быстро растаяли. Начала таскать из дома вещи. Научилась изговлять "винт" сама.

"Собой я за кайф никогда не платила. Если нечем платить, я лучше кумарить буду. Хотя желающие попользоваться мной были. Но есть такие, кто вынужден платить собой, потому что платить больше нечем... Эта бродяжья жизнь в постоянном унижении психику разрушает начисто. Мир наркоманов — очень жестокий мир. И преступный. Вообще компания нужна до тех пор, пока есть кайф. Это компания знакомых, но не друзей. Чисто деловые контакты: достать реактивы, обменять. Якобы наркоманская солидарность, взаимовыручка — это все сказочки, на самом деле жесточайший мир..."

Я потеряла социальный статус, у меня нет ни работы, ни образования. Но вместе с тем я приобрела жизненный опыт и, если б можно было вернуть эти три года, никогда бы не попробовала эту дрянь. Мне кажется, что к наркотикам обращаются люди в состоянии безысходности, если они попробуют кайф — все, они конченные. Как Герда у Андерсена... в мир иллюзий нет возврата. С чем еще сравнить? Человек потерял руку, и ему страшно думать, как жить дальше без руки.

Летом меня здесь вернули к жизни, промыли. Капельницу под ключицу поставили. Вышла и сорвалась. Реактивы на глаз всыпала... скорей бы вмазать, страшно было в неприличном состоянии. А вмазалась — ни кайфа, ни "прихода", но сразу все как на свои места встало. И все. Снова здесь. По ночам рисую. А днем тоска зеленая".

Днем в отделении тихо. Большинство пациентов сят. К вечеру палаты оживают. Вот где-то на первом, женско-этаже зазвучала флейта, на лестничном пролете собралась местная тусовка, какая-то девушка в толстом халате и в варежках прижалась к горячей батарее. Открыты двери спортзала, оборудованного отличными тренажерами, но пациенты редко сюда заходят. У многих из них задача пока другая — снять болезненную ломку, немного прийти в себя. Между мужским и женским отделением нет "границы". Разные этажи, но проход свободен. Общаются друг с другом постоянно.

Отделение рассчитано на 60 мест, но никогда еще оно не заполнялось полностью. Публика самая разнообразная, к сожалению, не всегда отвечающая ожиданиям персонала. Когда создавался МАК, а вслед за ним и этот стационар, думали, что сюда придут те, кто хочет лечиться, но не знает — где. На них-то — подростков, студентов, новичков в мире наркотиков — и рассчитывали в первую очередь. Им-то и гарантировалась анонимность. Но пошли в основном другие — которым нечего терять. Их цель — снять ломку, отсидеться в спокойном месте, спрятаться, лечь на дно. Порядки здесь вполне либеральные: можно носить свою одежду, звонить по телефону, врачи не устраивают "шмон", не кладут провинившихся в надзорную палату. Атмосфера очень благоприятная, кругом молодые лица — от медсестры до заведующего отделением. Ни криков, ни мата со стороны персонала не услышишь, как это встречается в наркологических больницах.

"Я лечился уже три раза, но по-настоящему — впервые, — сказал мне Толя М. — Раньше меня буквально закалывали, по сто кубов получал в месяц. Тебя кумарит — кладут на растяжки, начинают шпиговать сульфазиним. Кричишь — они тебя аминазином, галоперидолом. Как хотят, так и издеваются. Здесь все по-другому. Когда тебе плохо, сестра подойдет, погладит: "Потерпи, милый..." Бывает, соврешься, нахамишь, потом в глаза посмотреть стыдно".

— Когда они проходят период ломки, — говорит Дмитрий Вельтицев, старший научный сотрудник, — возникает очень сильная тяга к наркотикам. Названивают друзьям, чтобы принесли, слоняются по отделению, не зная, чем занять себя. Это очень мучительное состояние.

Работа с наркоманами — огромная нагрузка на психику врача. Буквально опускаются руки, когда все твои старания насмарку, когда твои эмоции словно разбиваются о бетонную стену, когда человек, которому ты поверил, вдруг обманывает тебя самым гнусным способом, когда твои попытки помочь вызывают лишь злобу, когда протянутая тобой рука повисает в воздухе...

Сергей К. вырос в благополучной по нынешним стандар-

там семье. Начитанный, способный, увлекается философией. До недавнего времени работал в одном известном ансамбле. Ему чуть за тридцать. Стаж употребления наркотиков — 17 лет. "Мы тебе не няньки, — сказали ему однажды музыканты, уставшие во время гастролей бегать по городу и искать для него морфий, чтобы он мог просто выйти на сцену, — вылечишься — приходи".

"...Я когда лежал первый раз в больнице, мне один старый наркоман сказал такую вещь: "Брат, ты можешь колоться каждый день, через день, раз в год — ты не будешь наркоманом, но стоит тебе почувствовать в этом деле изюминку, ты будешь колоться всегда. Опи́й тебя поймал". Я ему не верил, я думал, что старый пердун рассказывает мне страшные сказки. Ведь у меня была красивая жизнь, музыка, травка. Зависимость началась потом. Сначала так — диском-форт, затем чуть-чуть тебя подкумаривает, потом ломает и наконец так выкручивает, что жизни не рад.

Я колол в день 150 ампул морфия. Это полтора грамма. Из чистого морфия делал героин. Дай бог здоровья врачам: возили в реанимацию. К кровати привязывали, для того чтобы поставить капельницу. По две капельницы в день... Но самое страшное не физические ломки, а моральные. Ты переломался и до истерии орешь: "Дайте морфия!" Старик-опий умеет ждать. Черным был для меня день, когда мой трехлетний сын перевязал себе руку и спичкой стал вену ковырять..."

Ломку, или абстиненцию, наркоманы проходят тяжело. В этом состоянии они способны на все. Знаю человека, который дорогое золотое кольцо выменивал на стакан мака, слышала, как выносят из дома последнее, лишь бы "раскумариться".

"А что мне делать? — спрашивал симпатичный, улыбчивый парень из Прибалтики Толя В. — Приносишь ему (барыге, торговцу наркотиками. — Е.С.) горсть золота в залог. Нет, — говорит, — это я не возьму. Вдруг ворованное?" И закрывает дверь. Тогда выламываю дверь. Мне ничего не надо — ни бриллиантов, ни денег. Ничего, кроме мака. А в милицию он не пойдет".

Если нормальному человеку ежедневно давать дозы инсулина, то его организм перестанет вырабатывать собственный инсулин. То же самое с наркотиками, которые по своей природе тождественны нашим собственным медиаторам-проводникам, регуляторам многих процессов в центральной нервной системе. То есть внутренние опиаты подавляются, мозговые структуры, которые нуждаются в них, начинают "голосить" во весь голос.

— Они буквально плавают в адреналине, — говорит о своих пациентах заведующий отделением Сергей Георгиевич Копоров. — Есть классические методики вывода из

абстиненции. Они предполагают десяти-пятнадцатидневное капельное вливание. У нас с препаратами очень плохо. Лечить практически нечем. Нет даже физраствора. И вот, оказавшись в ситуации, когда нет ничего, мы все же научились достаточно быстро снимать ломку. Применяем американскую методику лечения большим дозами клофелина (советский аналог клонидина). На наркоманов этот препарат не оказывает такого действия, как на других людей, у которых несколько таблеток клофелина неминуемо вызовет катастрофическое падение давления и даже смерть.

...Валера Т. совсем не похож на наркомана. Он легко вызывает расположение. Ни худобы, ни болезненной одутловатости. Напротив, вид вполне спортивный. Модная прическа, красивая одежда, обаятельная улыбка. Это первое впечатление. Мы разговариваем не более получаса, но на лице моего собеседника явственно проступает усталость. Щеки бледнеют. Видно, что ему хочется только одного — лечь и хоть ненадолго забыться.

Наркотики попробовал в шестнадцать лет. Сразу втянулся. В течение двух лет колослся ежедневно. Однажды был задержан милицией в состоянии наркотического опьянения. За употребление получил срок, причем наказание отбывал не в зоне для наркоманов, а в обычной колонии общего режима.

“Я вернулся домой, и надо было думать, как жить дальше. Дома меня не попрекали прошлым, но и без слов было ясно, что я причинил близким. Ведь мой отец был капитаном заграничного лайнера. Ходил на огромных лайнерах. Своей судимостью я закрыл ему визу... Ему предлагали работу на небольших судах, но это нельзя было сравнить с прежним. И отец сам списался.

Потом начались страхи. Днем было еще ничего, а к вечеру меня охватывало жуткое беспокойство. Я не мог оставаться один в темной комнате. Боялся засыпать. Это был какой-то необъяснимый, нечеловеческий страх, то есть, если бы меня спросили, чего я боюсь, я не смог бы ответить. К врачам идти не хотелось, и я занялся самолечением. В итоге опять вернулся к наркотикам.

Где брал деньги? Я работал официантом в ресторане. Ресторан стоит у моря, а город наш портовый. И вот когда моряки после долгого плавания сходят на берег, первым делом они направляются в ресторан. У меня в день чаевые до ста рублей доходили. Без обсчета, только чаевые. Постойте, к чему это я говорю?.. Все деньги уходят на наркотики. У меня есть невеста. Она живет в Польше. Летом я ее навещал. И там мне было очень плохо. Вернулись страхи. Потом мне показали одно прекрасное место в Варшаве, где днем и ночью можно достать чистый героин. Я ходил туда каждый день. Потом мы поехали с моей невестой в Баварию в гости к ее бабушке. Я ничего не помню, потому что через два дня у

меня кончился героин, а в Мюнхене я не знал, где взять. Промучился несколько дней и собрался домой. Перед советской границей укололся в последний раз и выбросил шприц в окно. Приехал домой и начал умирать. Очень быстро вернулся к маковой соломке. Ел всухую по два стакана в день. Знакомые рассказали про это отделение, и вот я здесь. Я приехал, чтобы вылечиться. Мне стыдно, что я наркоман. Это когда-то, очень давно, казалось мне чем-то модным, романтичным. В самом слове словно таилась волшебная тайна. Смешно..."

Сереже К. из Подмосквья недавно исполнилось пятнадцать. Он самый юный пациент стационара. Диагноз Сережи — политоксикомания.

— Почему ты выпрыгнул из окна?

— Я ни разу в жизни так не боялся.

— А чего ты испугался?

— Крокодила. Он уже схватил меня за ногу и начал грызть. Тогда я увидел открытое окно и прыгнул.

— Хорошо, что это был второй этаж и ты отделался переломом...

Думаю, читатель уже догадался, что страшный крокодил был не более чем галлюцинацией.

— Сережа, почему ты пьешь эти таблетки и вдыхаешь всякую химию?

— Чтобы хоть на время отойти от этого мира.

— А какие у тебя проблемы?

— Никаких. Скучно.

— Но ведь есть интересные занятия.

— Я не могу без "колес".

Мы сидим в уютном кабинете психолога Юлии Гуревич. Здесь приглушенный свет льется сквозь извивы плетеного абажура. На стенах макраме и специальный экран для медитации.

Юля раскладывает на столе разноцветные прямоугольнички. Какой цвет больше нравится? Задача Сережи — выбрать из постепенно тающего "пасьянса" наиболее привлекательные для него цвета. Он выбирает яркие. Затем более сложное задание — в любой последовательности повторить названные психологом слова. Слов немного — каких-нибудь десять, но для Сережи это непосильная задача. Он в состоянии запомнить не больше половины. "Память плохая," — жалуется он, — чтобы стихотворение запомнить, целый год учить надо..."

— А теперь посмотрим, какова твоя зрительная память, — предлагает Юля. — Я назову тебе несколько понятий, а ты, не пользуясь цифрами и буквами, попробуешь сделать пометки с помощью рисунков. Эти криптограммы помогут тебе потом вспомнить названные слова.

Эта на первый взгляд увлекательная игра утомляет Сере-

жу буквально на глазах. Через полчаса он чуть не падает от усталости со стула.

Мы рассматриваем его рисунки. Они свидетельствуют о многом. Вот, скажем, понятие "голодный ребенок". Сережа нарисовал согбенную фигурку маленького старичка с протянутой шляпой. "Семья": два человечка — Сережа с братом и взрослый. Мамы на рисунке нет. Или "семейная ссора": женщина замахивается сковородкой на нетвердо стоящего на ногах мужчину...

В этих неумелых каракулях целая жизненная драма шестнадцатилетнего Сережи. Он старается казаться взрослым и уверенным в себе, но на самом деле он очень незащищенный. "Колеса" для него, в сущности, единственная форма защиты от мира, в котором он, в общем-то, никому не нужен.

Таких никому не нужных в отделении немало. Есть родители, для которых запихнуть своего ребенка на пару месяцев в стационар — просто счастье. Врачам приходится вызывать их письмами и телеграммами, когда приходит время выписки. Не выкинешь же в январский холод парня, которому мама, кроме тренировочных брюк, не оставила ничего...

Некоторые пациенты лишь здесь, в клинике, впервые встретились с человеческим отношением к себе, с интересом, вызванным пусть и профессиональными мотивами. И после выписки они не исчезают из поля зрения, наведываются то в МАК, то в стационар. Иным просто некуда деть себя.

Большинство, как правило, лишено какого-либо социального статуса. Наши "здоровые коллективы" стремятся избавиться от наркоманов. Случай с Катей — не исключение, а, скорее, правило. И после выписки они попадают в прежнюю среду, в которой буквально все напоминает о наркотиках.

— Социальная реабилитация, о которой мы так много говорим в последнее время, — замечает Дмитрий Вельтищев, — все еще миф, весьма далекий от реальности. В наших планах создание коммуны где-нибудь в сельской местности, желательно в Московской области. Это будет дом по принципу домов Монара, со своим хозяйством и укладом, где наркоманы смогут провести первые, самые трудные годы (именно годы), чтобы оборвать старые связи, лечиться, жить... Но осуществление этих планов зависит не только от нас. Мы-то готовы. Однако кроме чисто медицинских здесь есть целый комплекс финансовых, хозяйственных проблем. Нам одним их не решить. А пока собираемся создавать группы общения из числа тех, кто прошел курс лечения в МАКе или в стационаре. Члены таких групп помогут друг другу преодолеть влечение, особенно в тяжелый период, когда есть опасность срыва. Западный опыт в этом плане дает хорошие результаты.

...Красиво подведенные голубые глаза, модная стрижка,

независимость во всем облике — это Инна, двадцатишестилетняя москвичка. Колоться начала полтора года назад. "На иглу посадил" муж. Сейчас он в ЛТП для наркоманов. У Инны двое маленьких детей.

"Из-за детей и не посадили. Пожалели... Я ведь притон держала. Нет, дети ничего не знают. Они на пятидневке, так что всю неделю можно гулять. В выходные ко мне приходят поздно. С одиннадцати ночи до шести утра — самое спокойное время. Работала на заводе, уволилась. На что живу? Мать продукты подбрасывает. Кайф? Так я ж на хате, ко мне приходят, за риск имею половину. Я, когда попробовала, думала, что в любой момент брошу. А теперь... словно смерть за спиной. Очень сильная тяга. "Машину" увидишь — и с дороги идут. Одна мысль — уколиться...

Все лето я пыталась завязать. На Арбат ходила, с ребятами интересными познакомилась. Слушала музыку, стихи были... Три месяца держалась. Сама никому не звонила. Но позвонили мне. Услышала два слова: "хороший раствор", и руки затряслись. Сразу догнала свою дозу — 10 кубов. На день рождения раствор подарили — 5 кубов...

С мужем разошлись. Он ведь у меня на глазах начал колоться. Стал потихоньку воровать, сделался скрытным, подозрительным. Я тоже изменилась. Раньше была спокойная, теперь — одни нервы, дерганая. Сколько я газет еще недавно выписывала. "Смену", "Юность", "Огонек" от корки до корки читала. Теперь не до этого. Друзей растеряла. Да, компания есть, но между нами нет дружбы, нет контакта, связывает только игла. Говорим только о кайфе, разве что иногда такая же непутевая мамаша, как я, явится. Тогда треплемся о детях. Девчонки бывают совсем молодые. Шестнадцатилетние готовы за кайф продать себя. Вообще я скажу, что женщины очень жадные до кайфа, о-очень..."

За короткое время шприц с самодельной жидкостью вытеснил из жизни Инны абсолютно все. А что осталось? Пустота. Пробиваются еще из-под сонливой усталости остатки прежней веселости. И единственное, что удерживает ее на поверхности, это дети. "Хотела уже покончить с собой", — добавляет она, глядя в сторону.

Инна напомнила мне другую девушку, которую мама силой привела как-то в Молодежный анонимный кабинет. Прокру от посещения было мало. Девушка резко отвечала на вопросы врача или откровенно игнорировала обращенные к ней слова. Она не считала себя больной. Напротив, бравировала своей принадлежностью к наркоманскому сообществу. Рассказывала, как пускают шприц по кругу, как потрясающе балдеют. Уверяла, что чувствует себя прекрасно, разве что нервная стала, взрывается по пустякам, но это так, мелочь. СПИД? Она улыбнулась — какой, мол, СПИД? Сунула с ви-

дом глубокого одоления в сумку листок с адресом 19-й наркологической больницы и исчезла, кивнув на прощание...

Известно, что примерно к 25 годам у наркомана формируется установка на лечение. Это главная предпосылка успеха. Наркоман со стажем уже познал все глубины омута, его не нужно уговаривать. В то же время болезнь уже запущена, степень "втянутости" велика. Но кто же думает о смерти в восемнадцать лет?..

Андрей С. — любимец всего отделения. Чудесно играет на гитаре, поет песни собственного сочинения, пишет стихи. Мне не повезло: в тот день, когда я приехала поговорить с Андреем, он чувствовал себя плохо, ему было не до песен. Говорил с трудом, курил одну сигарету за другой. Диагноз Андрей — наркомания опийного ряда...

"Вот я смотрю в окно на людей, которые идут мимо. Мне так хочется стать простым человеком, спешить по каким-то делам, радоваться, смеяться. Я раньше и смеяться, и шутить умел. Старые друзья по школе при встрече не узнают. Они не знают, что со мной произошло.

...Когда начинал "двигаться", все казалось возвышенным. Появлялось ощущение обретения какого-то нового самовыражения. Мы курили "план", вели интересные разговоры, это совсем не выглядело грубым или низменным, как пытаются это представить другие. Потом перешел на опиум. Как-то из Душанбе привезли ханку, сварили на четверых. Первые слова мои были: "Когда все это кончится, хана дачам". В Подмоскovie мы искали места, где рос мак. Даже зимой, когда все тонуло в снегу, сухие стебли мака торчали, как солдаты. Зимняя солома была несравненно хуже, но ведь летних запасов, хоть мы и старались основательно затариться до нового урожая, хватало в лучшем случае до января. Я уже не мечтал о кайфе, кололся, чтобы только не болели ноги. Таблетки ел. Все подряд...

Потом пришло время призыва. Но я не мог идти в армию. "Закосил", как учили ребята, и меня положили на обследование в психушку. Там я уверял врачей, что просто рвусь служить, а они меня успокаивали, что надо немного подлечиться. Дошло до того, что я сам уже не знал, на каком я свете, болен или здоров. Выписался с диагнозом "психопатия". Статья 7-б. В армию не взяли, и все вернулось на свои места. Пока однажды я не понял, что армейская служба может стать моим шансом спастись. Новое обследование. Статью сняли. И пошел я служить. Определили в стройбат. Мы строили дома в Ставропольском крае. Два года в краю анаши...

Домой вернулся с благодарностями. Это помогло мне потом. Был у знакомых в Ленинграде, зашел с одним парнем к какой-то бабке выпить. Пока она ходила на кухню, парень показал мне на магнитофон: бери. Я взял, но далеко

уйти не успел. Бабка вызвала милицию. А я город плохо знаю, забежал в переулок — тупик... Потом — Кресты, камера следственного изолятора и суд. Тут-то армейские характеристики и выручили. Дали три года "химии". Я и сейчас "химик", разрешили полечиться. Надоело все!

Я ведь хотел стать актером, думал поступать в театральное училище. В свое время играл в студии при народном театре. Сейчас все забыл. Все тексты забыл.

Покончить с наркотиками сможет только тот, у кого сильная воля. Боюсь загадывать, что будет со мной...

— Когда они приходят к нам, — говорит Евгений Алексеевич Брюн, — их приходится учить самым обычным вещам. Они не умеют говорить, не умеют общаться, им нечего сказать. Мы не всегда можем рассчитывать на нормальную реакцию. Их мучают наркотические сновидения. Почти каждому снится шприц. Они плохо переносят боль и любую ситуацию дискомфорта. Для каждого из нас мучительна ситуация, когда мы не можем сделать выбор. У наркоманов это во сто крат сложнее. И потом, эта эмоциональная разболтанность, своего рода качели, когда, с одной стороны, высокий уровень агрессии, а с другой стороны — высокий уровень альтруизма. Вот эта напряженность, внутренний личностный конфликт и формируют наши взаимоотношения, которые не всегда складываются так, как бы нам этого хотелось. Когда ломка, когда тяжело физически, у наших пациентов и мысли не возникает убежать. Зато потом появляется опасность ухода. Не удается удержать — отпускаем. Потому что отрицательное действие насильного держания достаточно известно. Максимум, что они сделают, это еще раз уколются... Не всегда у нас получается. Где-то проваливаемся, конечно.

Семнадцатилетняя Валя из Подмоскovie попала в клинику довольно необычным путем. Можно сказать, что отделение стало для нее временным убежищем. Но все по порядку.

"Таблетки я начала принимать в конце пятого класса. В домашней аптечке было много успокоительных лекарств. Сначала маленькие дозы были — 5 таблеток. Очень быстро я поняла, что не могу без таблеток. Только так и можно было забыться. Школу я начала прогуливать. Утром уходила с портфелем на чердак и сидела там до вечера. Школу я ненавидела, а школа ненавидела меня. Дома тоже все было плохо. У меня есть младшая сестра, ее родители любили, а меня отец не любил. Он смеялся надо мной, говорил обидные вещи. Интересов у меня не было. Иногда под таблетками писала стихи. Мне казалось, что это хорошие стихи, но протрезвеешь и видишь: мурда одна.

Мама водила меня к психиатру, но ведь никто не догадывался, что я принимаю таблетки. Однажды мама сказала, что нам надо зайти в психиатрическую больницу, где меня посмотрит доктор. Когда я увидела длинный высокий забор, я

заплакала и стала тянуть маму в другую сторону. Но мама заставила меня открыть дверь. Со мной случилась истерика, я плакала, звала маму. Потом она протянула мне пакет с домашними тапочками, и я поняла, что мама все заранее знала. Я перестала сопротивляться. На меня надели рубашку с глубоким вырезом и серый халат без завязок. И я подумала: пусть будет, что будет... Но я не знала, что будет.

Никогда не забуду ярко освещенную палату, привинченные к полу кровати, медсестер, которые ненавидели нас, больных. В палате меня поразило одно существо, одетое в толстый халат, с ничего не выражающим лицом. Ее Вера звали... Там меня продержали три недели, а затем перевели в детское отделение, как только появилось место. Там было еще хуже. Кололи лекарства, от которых темнело в глазах, появлялись вялость и сонливость. Лечили инсулиновыми шоками. От этого у меня началась сахарная зависимость. Это ужасная вещь.

Когда вернулась домой, жить стало невыносимо. Мне постоянно давали понять, что я псих. Дотянула до восьмого класса. Дальше учиться не могла. Родители говорили, что я нахлебница и не хочу работать. А как мне было работать?

Однажды дома я нашла бумажку с телефоном общества "Анонимные алкоголики". Я позвонила туда. Со мной впервые в жизни разговаривали не снисходительно, а по-человечески. Меня консультировал американский психолог. Он мне очень помог. Спасение в духовной жизни, в совершенствовании. Пока я здесь. Не знаю, что будет дальше. Боюсь, что, если вернусь домой, все возобновится.."

Люди часто обращаются сюда, потому что у них нет выбора. У многих за спиной опыт пребывания в психбольницах, в ЛТП. Они хорошо знают, где плохо, и ищут, где хорошо. В МАКе, когда видят нерешительность больного, обычно предлагают прийти в стационар и убедиться во всем своими глазами. Как правило, после такой "экскурсии" колеблющиеся соглашаются. Но и потом они по привычке ждут подвоха. Чуть ли не каждый приносит с собой шприц, который, естественно, при поступлении отбирается. Есть и такие, которые в отделении пытаются установить порядки жесткой иерархии, демонстративно отказываются от участия в занятиях, нарушают режим, провоцируют остальных. В общем, делают все, чтобы превратить больницу в зону. А порядки, принятые в отделении, на таких больных не рассчитаны. Как же быть? Ужесточить режим или избавиться от злополучного контингента? А может быть, сказать "нет" подростку, который впервые в жизни переступил порог кабинета нарколога?

Как и в любой больнице, здесь существуют положенные для посещений часы. Но если кто придет навесить в неурочное время, ему все равно дадут возможность пообщаться. Хотя случается и такое, что эти встречи дают самый нежела-

тельный результат. Тут же всплывают старые обиды, взаимные претензии, вспыхивает ссора, и достигнутое было душевное равновесие пациента может рухнуть в одну минуту. Был случай, когда один парень бросился с кулаками на жену, которая пришла его проведать, а заодно и уведомить о том, что подала документы на развод...

Та же проблема с прогулками, своего рода увольнительными, которые возможны через месяц после поступления в стационар. Это всегда риск, потому что никто не может быть до конца уверен в том, что наркоман оправдает доверие, не уколется и не принесет "кайф" для других. Вопрос в том, какую задачу поставил перед собой человек: сделать перерыв в приеме наркотиков или научиться жить без них.

Здесь иногда выясняется, что парень или девушка, на которых все давно махнули рукой, открывают в себе неожиданные способности. Возможностей для художественного творчества в отделении немало. Как только появляется занятие, сразу происходит подвижка в состоянии больного. Так, Катя, о которой рассказывалось выше, начала рисовать. Ее картины можно увидеть и в МАКе, и в отделении.

Понятно, что пробудить интерес можно далеко не у каждого. Но по крайней мере трудотерапии, столь "успешно" применяемой в психбольницах, здесь нет. Подневольный труд не лечит...

Часто бывая в отделении, я замечала, что некоторые пациенты обращаются к врачам по имени, иногда "на ты". И дело здесь не только в молодом возрасте специалистов, а, пожалуй, в дружеском расположении, в доверии. Врачи не стремятся стать своими в мире наркоманов, не работают под них, жонглируя жаргонными словечками. Да это и не нужно. Главное — уметь влезть в шкуру другого человека, воспринять его боль, поставить себя на его место. Не обижая другого своим превосходством, но и не подыгрывая ему. Часто приходится резать по живому, а результат такой операции скажется не сразу. Скульптор, стесывая камень, видит в пока еще бесформенном граните свое творение. Не то работа человека, взявшегося лечить наркоманов. Очень легко сказать: "Из этого парня ничего не выйдет". Трудно встать с ним рядом.

Он сидел, скрючившись на стуле. Побелевшее лицо искажала боль. Он то и дело вытирал рукой испарину со лба. "Хочу завязать. Очень хочу завязать", — говорил он.

Мы молчим. За окном талый снег и запах ранней весны. Он закрывает форточку: озноб.

"Я еще в поезде три раза укололся, "машину" выкинул, — говорит он. — Когда-то мне казалось, что это пища богов. Мне очень нравилось. Сейчас ничего не берет. Мало вмажусь — ничего. Много — только спишь, и все. Жизнь по-

ломана. Жена поставила условие: "или я, или наркотики". И я выбрал наркотики".

Мы убиваем свое время в очередях. Мы любим свои маленькие радости и свои убогие блага. Мы бросаем камешек за камешком в пустоту, надеясь построить дом. Дом, в котором будет образцовый порядок.

Как-то прочитала, что большинство наших семей живет в стандартных двухкомнатных квартирах. Большая комната — всегда гостиная, а маленькая — детская. Но ведь гостей мы принимаем не так уж часто, а дети всегда в доме. Не лучше ли наоборот? Взять и отдать большую комнату детям? И пусть в ней будет свой беспорядок.

Я вышла из дверей клиники и оглянулась на окна. Яркое февральское солнце уже скрылось за высокими крышами. В темном провале окна стояла ужасно одинокая фигура. Глаза наши встретились, и человек в синей больничной куртке поверх клетчатой рубашки вдруг помахал мне рукой и улыбнулся.

Как пуста была эта улица, выходившая к шумной остановке.

Московская штаб-квартира МАДПР перевела 3 тысячи рублей на расчетный счет 142703 Люблинского отделения Промстройбанка для отделения наркологии при 19-й наркологической больнице г. Москвы.

Читайте в четвертом выпуске:

Андраш ТОТИС
Горюхи

Владимир ЛАЗАРИС
Буцкер

Борис РУДЕНКО
На бильярде играют в одиночку